

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна

**ПРЕДВЫБОРНЫЕ МЕНАСИВЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ США:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**

10.02.04 – германские языки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
А.А. Романов

Тверь – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. ФЕНОМЕН УГРОЗЫ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПОНЯТИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЙ	36
1.1. Угроза как объект междисциплинарных исследований в гуманитаристике.....	36
1.1.1. Феномен угрозы в контексте философских исследований.....	36
1.1.2. Угроза как причина эмоциональных переживаний личности в концептуальном контексте социальной психологии	42
1.1.3. О статусе угрозы в аспекте политической социологии и международных отношений.....	46
1.1.4. Угроза в сфере уголовно-правовой коммуникации	53
1.2. Менасивные высказывания как объект лингвистического описания.....	61
1.2.1. Менасив как коммуникативно-интенциональный и речеактовый тип высказываний.....	61
1.2.2. Место угрозы в общей таксономии высказываний и критерии ее делимитации.....	67
1.2.3. Структурно-организационный подход к определению статуса менасивных высказываний	77
1.2.4. Политические менасивы в формате коммуникативно- прагматических изысканий	83
1.2.5. Менасивы в рамках динамического процесса регулятивной деятельности	90
Выводы по первой главе.....	94

Глава 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	99
2.1. Глагол « <i>threaten</i> » как ядерный компонент лексико-тематического пространства угрозы	99
2.1.1. Семантика глагола « <i>threaten</i> » в зеркале лексикографических описаний.....	99
2.1.2. Семантическая характеристика глагола « <i>threaten</i> » как вершинообразующего конституента акта менасивной каузации.....	112
2.2. Вербальные репрезентанты лексико-тематического пространства угрозы в английском языке и их семантические характеристики.....	126
2.3. Частотность употребления вербальных репрезентантов лексико-тематического пространства угрозы в условиях англоязычной коммуникации.....	156
Выводы по второй главе.....	171
Глава 3. КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ ПРЕДВЫБОРНОЙ УГРОЗЫ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТА МЕНАСИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ.....	177
3.1. Вводные замечания.....	177
3.2. Когнитивные предпосылки формирования коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.....	180
3.3. Фреймовая конфигурация типовой коммуникативной ситуации угрозы: контрарные конституенты, инклюзивный механизм и лимнологическое пространство.....	195
3.4. Коммуникативный конструкт угрозы как когнитивный инструмент.....	209
3.5. Функционально-семантическая специфика коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.....	223
Выводы по третьей главе.....	235

Глава 4. МАНИФЕСТАЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУКТА ПРЕДВЫБОРНОЙ УГРОЗЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	239
4.1. Языковые формы поверхностной репрезентации предвыборной угрозы как коммуникативного конструкта	239
4.1.1. Инвариантная формула предвыборных менасивов	244
4.1.2. Специфика транспонированных и имплицитных форм предвыборных менасивов	263
4.2. Адресатная направленность предвыборных менасивов	273
4.3. Модус положительных диспозиций Я-адресата предвыборного менасива	288
4.3.1. Диспозиция Я-избирателя в точке «умиротворение»	290
4.3.2. Диспозиция Я-избирателя в точке «спокойствие»	294
4.3.3. Диспозиция Я-избирателя в точке «осознание»	297
4.4. Модус отрицательных диспозиций Я-адресата предвыборного менасива	302
4.4.1. Диспозиция Я-избирателя в точке «испуг»	304
4.4.2. Диспозиция Я-избирателя в точке «страх»	309
4.4.3. Диспозиция Я-избирателя в точке «фобия»	314
4.5. Взаиморасположение диспозиций Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы	319
Выводы по четвертой главе	330
Глава 5. ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕНАСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНО- КОНСТРУКТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ ДИСКУРСИИ	335
5.1. Глобальная стратегия менасивного воздействия	335

5.1.1. Базовая менасивная стратегия: направления прагма-эмоционального воздействия на избирателей.....	344
5.1.1.1. Менасивная тактика <i>нагнетания</i> дискомфорта эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия	347
5.1.1.2. Менасивная тактика <i>дисперсного</i> прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей	363
5.1.1.3. Менасивная тактика <i>точечных “ударов”</i> по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей	376
5.1.2. Базовая менасивная стратегия: показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов.....	397
5.1.3. Дополнительные стратегии менасивного воздействия	404
5.1.3.1. Стратегия количественного воздействия высказываний-угроз: показатель частотности и индекса менасивности американского предвыборного дискурса	404
5.1.3.2. Стратегия композиционного распределения менасивов в предвыборных выступлениях политиков	420
5.2. Стратегический репертуар менасивных тактик в вербальном поведении политических деятелей	423
Выводы по пятой главе.....	432
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	448
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	488
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	490
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	501
ПРИЛОЖЕНИЯ	502

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и посвящено интегративному описанию лингво-когнитивного механизма, который лежит в основе функционирования предвыборных дискурсивных менасивов, отражающих социально-вербальное поведение политических деятелей в условиях американского публично-информационного пространства в период с 2015 по 2020 годы. Под предвыборным менасивом (от лат.: *minatio, minationis* – «угроза») понимается комплексная естественно-языковая практика коммуникативного проявления политика-кандидата в виде вербальных образований, объединенных иллюкутивной доминантой побудить избирателей к предпочтению определенного кандидата и сопряженных с декларированием наступления негативных последствий в случае выбора другого политика.

В русле обозначенного подхода менасивы политических деятелей (также: высказывания-угрозы, высказывания со значением угрозы, менасивные дискурсивные практики или акты менасивной дискурсии) рассматриваются как вербальные разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, который являет собой продукт когнитивно-дискурсивной деятельности политика и репрезентирован в виде совокупности естественно-языковых практик английского языка.

Актуальность избранной темы объясняется попыткой решения ряда проблем общего и германского языкознания, которые связаны с усилением влияния пространства публичной дискурсии на коллективное сознание представителей электорального сообщества (Водак, 1997; 2011; Водак и др., 2009; Дейк, 2013; Ноэль-Нойман, 1996; Dijk, 1997; 1998; 2002; Fairclough, 1989; Lentner, 2000), проявляющегося в установлении доминирующих отношений между политическими субъектами коммуникативных процессов на основе властного, силового способа вербального воздействия эксплицитного или имплицитного порядка в форме менасивных высказываний-практик. Актуальность предложенного исследования также обусловлена наличием устой-

чивого интереса в области германского языкознания к изучению политического языка в целом и описанию практик «языка / дискурса власти» и «власти дискурса» (Баранов, 1990; 1997; Дейк, 1989; 2013; Демьянков, 1995; 2002; Кастельс, 2016; Ключев, 2010; Патюкова, 2009; Романов, 2002; Романов, Романова, Воеводкин, 2000; Романов, Черепанова, 1998; Русакова, 2006; Фуко, 2004; Чернявская, 2006; Якоба, 2016; Blackledge, 2005; Foucault, 2000; Kedar, 1987; Young, 2006; ср. также Базылев, 1999; Лассан, 1995; Чудинов, 2003), помещающего в фокус внимания исследователей специфику форм вербального поведения политического субъекта – лидера государства, партии или кандидата на определенный пост, который осознанно реализует различные наборы «лингвориторических средств вариативной интерпретации» (Романов, 2002: 4-5), в том числе предвыборные менасивы в момент его публичного аутопрезентирования и выстраивания отношений с массовой аудиторией.

Особо актуальной обсуждаемую проблематику делает смещение исследовательских интересов последних десятилетий с формальных (грамматических) и содержательных характеристик отдельных высказываний на действенный характер дискурсивных социальных практик (Дейк, 2013; Болдырев, Григорьева, 2020; Карасик, 2002; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; 2001; Макаров, 2003; Романов, 2016; 2002; 2020; Dijk, 2008), направленных на решение конкретных задач говорящего субъекта, а также важность описания языка с учетом его реального функционирования в обществе как средства формирования установки личности в условиях конкурирующей борьбы политических деятелей за сферу влияния в современном мире. В русле обозначенного “дискурсивного поворота” придается ещё большая значимость лингвокогнитивным исследованиям формата вербальной репрезентации действий говорящего субъекта как участника предвыборной интеракции, что порождает необходимость комплексного (интегративного) описания менасивов с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы и решения вопроса о выявлении роли языкового компонента в установлении, поддержании и измене-

нии политическими деятелями результативных социо-коммуникативных отношений с массовой аудиторией при помощи актов менасивной дискурсии, отражающих процессы влияния и управления коммуникативными технологиями «политической социализации» (Карлсон, 2002).

Заявленная проблематика оказывается также востребованной в среде политологов, политических социологов, политтехнологов и лингвистов в силу отсутствия интегративных исследований вербального поведения политических субъектов – претендентов на пост Президента США, целенаправленно использующих в публичных выступлениях предвыборные менасивы для привлечения внимания массового адресата к своей кандидатуре, имиджу, выступлению. Больше того, в настоящее время не в полной мере разработан методологический инструментарий, позволяющий описать инвентарь конкретных технологических средств и приёмов реализации предвыборных менасивов в условиях англоязычного политического дискурса, а также механизм их воздействия на представителей электорального сообщества.

Становится очевидной необходимость направить исследовательский интерес на изучение создаваемой при помощи предвыборных менасивов особой коммуникативной (дискурсивной) реальности и речевых форм социального поведения претендентов на пост Президента США, использующих дискурсивные практики-угрозы в момент реализации своих целевых актов вербального аутопрезентирования в сфере публичной политической деятельности. Выбранный ракурс исследования обуславливает актуальность с новых теоретических позиций переосмыслить и упорядочить общие сведения о вербальной угрозе, ее коммуникативно-интенциональном статусе и дискурсивной реализации в пространстве англоязычной состязательной или агональной (от греч.: *ἀγωνία* – «борьба») коммуникации, а также разработать лингвистический инструментарий в виде коммуникативного конструкта предвыборной угрозы для решения вопроса о лингвокогнитивной специфике практик менасивной дискурсии как формы вербально-социального поведения политиче-

ских деятелей и систематизации языковых структур, участвующих в формировании воздействующего потенциала высказываний-угроз.

Осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы приобретает особую значимость в силу того, что в последнее время в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы возрос интерес к проблемам «фреймирования» (Яноу, Хульст, 2011: 88) политической коммуникации, поднимающим вопросы «структурированности и динамичности смысловой реальности политической дискурсии как совокупности речевых практик» (Романов, 2002: 23), а также к «способам упорядочивания многообразных форм знания на всех уровнях проявления когнитивной способности человека» (Романова, 2009: 17) и его коммуникативной активности (Болдырев, Григорьева, 2020; Демьянков, 1989; Динсмор, 1995; Карасик, 2002; 2015; 2019; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; 2001; 2012; Манерко, 2020; Романов, 2016; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2007; 2011; 2017; Романова, 2007; Слышкин, 2004).

В этих обстоятельствах в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, «объединяющей коммуникативно-прагматический и когнитивный подходы к анализу языковых явлений» (Романов, Романова, 2009: 22), назрела необходимость «вскрыть» лингвокогнитивный механизм формирования и проявления феномена вербальной угрозы в условиях англоязычной агональной коммуникации, на основе которого осуществляется оперирование угрозой участниками такой коммуникации, а также определить, к каким ментальным структурам обращается когнитивный агент при встрече с предвыборными практиками-угрозами, как он интерпретирует, упорядочивает и осмысляет такие практики.

Степень разработанности темы исследования. Обращение к изучению феномена угрозы в его различных проявлениях – вербальных или невербальных – имеет давнюю традицию в области гуманитарного научного знания. Понятие угрозы рассматривается с позиций многочисленных научных школ и направлений в широком междисциплинарном контексте – философ-

ском, психологическом, социологическом, политическом, правовом и лингвистическом, что порождает разночтения в его толковании (Аристотель, 1983; 1983а; Делюмо, 2009; Джинджолия, 2004; Захарцев, 2015; Колин, 2014; Коллинз, 2009; Коростылев, 2004; Крашенинников, 2002; Кьеркегор, 1998; Локк, 1988; Лукьянова, 2004; Макиавелли, 2010; Платон, 1986; Риман, 1999; Рыхтик, 2003; Свендсен, 2010; Симонов, 1981; Скворцов, 1991; Смирнова, 2010; 2016; Уайтхед, 1990; Фрейд, 1989; Хабарова, 2006; Цицерон, 1962; Щепаньский, 1969; Boulding, 1963; Cohen, 1979; Gordon, Arian, 2001; Gray, McNaughton, 2000; Greenawalt, 1989; Hobbes, 1839; Milburn, Watman, 1981; Neale, Northcraft, 1991; Outten et al, 2012; Schelling, 1980; Shuy, 1996; Solan, Tiersma, 2005; 2015; Stein, 2013; Tedeschi, Schlenker, Bonoma, 1973; Yamanaka, 1995 и др.).

Несмотря на огромный интерес исследователей к феномену угрозы и наличие различных трактовок этого феномена в системе гуманитарных наук, в настоящее время оказывается не проработанной в полной мере проблема причинно-следственной связи между угрозой – вербальной или невербальной – и формируемым при ее помощи эмоциональным состоянием страха, аффекта, опасения, тревоги, боязни, беспокойства, испуга, гнева или ужаса (Аристотель, 1983; 1983а; Бакшуттов, 1996; Берковиц, 2001; Боровой, 2012; Заворуева, 2007; Изард, 1999; Ильин, 2017; Левитов, 1964; Психология, 1990; Фаизова, 2008; Blanchard R., Blanchard D., 1990; Boulby, 1973; Diener, Iran-Nejad, 1986; Giguère, Lalonde, 2009; Glasgow, Schouten, 2014; Gray, 1971; Hume, 1978; Spears, Doosje, Ellemers, 1997; Townsend et al, 2010; Warren, Ogloff, Mullen, 2013; Zomeren, Lodewijkx, 2009).

Важно отметить, что философам и психологам удалось только обозначить возможность вербальной угрозы формировать отрицательные эмоциональные состояния личности, сведя исследования к несистемному описанию таких состояний. Менасивы не являлись предметом отдельного изучения в качестве причины формирования эмоциональных переживаний, возникающих у участников типовых жизненных сценариев, по Л. Витгенштейну

(1994), в процессе их социокоммуникативного взаимодействия, осознанного выбора и принятия рациональных решений. Вероятно, этим можно объяснить сложившееся положение дел, при котором проявляется неразработанность методологического подхода в виде определенного смыслового (когнитивного) инструмента, позволяющего ученым систематизировать разрозненные представления личности об эмоциональном воздействии вербальной угрозы.

В поле зрения социологов и политологов регулярно оказываются проблемы целенаправленного использования менасивов в речах политических деятелей (Коллинз, 2009; Локк, 1988; Рыхтик, 2003; Смирнова, 2010; 2016; Boulding, 1963; Cohen, 1979; Gordon, Arian, 2001; Lytle, Kopelman, 2005; Milburn, Watman, 1981; Neale, Northcraft, 1991; Schelling, 1980; Stein, 2013; Tedeschi, Schlenker, Bonoma, 1973). Однако, затрагивая прагматический аспект вербальной угрозы и рассматривая ее как важный регулятор в установлении внутри- и межгосударственных отношений, исследователи не подтверждают свои выводы внушительной базой языкового эмпирического материала, связанного с анализом особенностей функционирования менасивов в условиях политической коммуникации. Поэтому практически незатронутым оказывается описание целенаправленного использования политиками вербальных форм высказываний-угроз для реализации задач профессиональной деятельности и привлечения внимания электората к своему имиджу и личности в пространстве агональной коммуникации, а также не поднимается проблема изучения механизма воздействия предвыборных менасивов на массового адресата.

В свою очередь, в судебно-правовой среде можно отметить повышенный интерес к вербальной угрозе как к «логико-языковому феномену» (Черданцев, 2012: 10; см. также: Рузевич, 2015; Фокин, Дворцов, 2013; Fitzgerald, 2005; Criminal Code Act, 2015; Gales, 2015). При этом исследователи не ставят своей задачей вскрыть механизм целевого использования высказываний-угроз с учетом ситуации взаимодействия собеседников. Придавая особое значение факту наличия менасивов в вербальном поведении личности и их лек-

сико-грамматическим маркерам (Фокин, Дворцов, 2013; Gales, 2015), юристы-правоведы оставляют без внимания вопрос, связанный с описанием воздействия высказываний-угроз на адресата и изучением возможностей функционирования прагматически транспонированных менасивов в условиях уголовно-правовой и политической коммуникации. Такой подход ограничивает коммуникативное пространство вербальной угрозы и затрудняет оценку высказывания как менасивного, указывая на необходимость применения лингвистической методологии для определения функционального предназначения высказываний-угроз и их содержательного объема.

В области лингвистических исследований предпринимаются многочисленные попытки проанализировать менасивы с разных теоретических позиций общего и германского языкознания, направленные на изучение их *коммуникативно-интенционального статуса* (Богданов, 1990; Вежбицка, 1985; Вендлер, 1985; Остин, 1986; Почепцов, 1981; Романов, 1988; Серль, 1986; Шелингер, 1986; Austin, 1961; 1962; 1979; Davis, 2000; Fraser, 1974; 1975; 1998; Goddard, Wierzbicka, 2014; Habermas, 1971; Leech, 1983; Rehbein, 1977; Sadock, 1974; Salgueiro, 2010; Searle, 1971; 1974; 1975; 1976; Wierzbicka, 1987; Wunderlich, 1976), *просодических и интонационных характеристик* (Бут, 2004а; Бахтин, 1986; Григорьев, Евтеев, 2017; Tompkinson, 2018; Watt, Kelly, Llamas, 2013), *способов выражения и содержательных характеристик* (Арский, 1998; Благий, 1994; Быстров, 2001; Жучков, 2010; Малинович, 1988; Мартынова, 2006; Рогожникова, 2011; Трофимова, 2008; Carter, 2010; Davis, 2000; Fraser, 1998; Gingiss, 1986; Goddard, Wierzbicka, 2014; Kent, 1967; Mutschalik, 2018; Nick, 2016).

Ученые регулярно обращаются к изучению актов менасивной дискуссии как «инструмента социального влияния» (Davis, 2000) в предвыборной коммуникации и в речах политических деятелей США (Багдасаров, Ленец, 2020; Гаус, Рябова, 2017; Громова, 2019; Иванова, 2017; Карасик, 2018; Коротаяева, Месропян, 2020; Мельник, Мисонжников, 2018; Молодыченко, 2010; Пильгун, 2016; Хлопотунов, 2018; Шейгал, 2000; Bayley, Bevitori, Zoni, 2004;

Dijk, 2009; Safwat, 2015), так как высказывания-угрозы привлекают внимание массового адресата, являясь «яркими пятнами на сером фоне» (Магсумова, 2016: 128). Отечественные и зарубежные лингвисты проанализировали языковые – лексические и синтаксические – средства поверхностной репрезентации менасивов в речах политических деятелей и доказали, что коммуникативное намерение угрозы может выражаться повествовательными, побудительными или вопросительными конструкциями английского языка. Но вместе с тем в настоящее время отсутствует целостное описание предвыборных менасивов как системы функциональных синонимов в английском языке. В этой связи оказывается неразработанной инвариантная модель (формула) функционального класса предвыборных высказываний-угроз и её возможные варианты развертывания, а также остается нерешенным вопрос о возможностях функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов в условиях англоязычного политического дискурса.

На фоне широкого интереса лингвистов к вербальным проявлениям феномена угрозы в виде отдельных менасивных высказываний, следует констатировать отсутствие работ, раскрывающих комплексное представление носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, а также исследований, посвященных установлению лимнологических (от греч. «*limes*» – граница) параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы. Ученые не поднимают вопросы отображения феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителя английского языка и описания структурной организации представлений языковой личности об этом феномене. Таким образом, лингвистам не удалось очертить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, а также описать семантическую специфику вербальных репрезентантов угрозы. Обозначенное положение дел свидетельствует о том, что вне поля зрения ученых оказывается осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы, заложенной в «ментальном пространстве / вместилище» говорящей личности

(Лакофф, Джонсон, 1987: 129; см. также Динсмор, 1995: 386; Лакофф, 1995: 147-159) в виде совокупности константных признаков и сем.

Лингвисты регулярно поднимают вопросы о функционировании (использовании) менасивов в различных сферах деятельности, в том числе в пространстве политической коммуникации (Алёшина, 2015; Ааматов, Бондаренко, Пупынина, 2019; Аамресян, 2003; Буряковская, 2018; Григорьева, 2006; Мартынова, 2006; Маслова, 2013; Мельник, Мисонжников, 2018; Рабенко, Нестерова, 2007; Седов, 2003; 2005; Стексова, 2013; Хамраева, 2019; Щербинина, 2004; Эпштейн, 2010; Chilwa, 2016; Culpeper, 2011; Kennedy, Benson, McMillan, 1980; Lockhart, 1973; Lytle, Kopelman, 2005; Muschalik, 2018; Salgueiro, 2010). Тем не менее, в настоящее время остаются неразработанными условия эффективной реализации предвыборных менасивов в агональной дискурсии. В отмеченных обстоятельствах примечательно, что при изучении менасивов, функционирующих в политической коммуникации, ученые отмечают специфичность такой коммуникации, связанную с необходимостью политика удержать власть или вести борьбу за голоса избирателей, оставляя без должного описания функционально-семантические особенности предвыборных высказываний-угроз и их статус в системе регулятивных проявлений политических субъектов.

В ряде работ ученые уделяют повышенное внимание тактике угрозы (Ланских, 2008; Очеретина, 1995; Рогожникова, 2011; Adams, 1965; Bacharach, Lawler, 1981; Castelfranchi, Guerini, 2007), рассматривая сам факт реализации менасивов как тактику вербального поведения говорящего, оказывающую определенное воздействие на собеседника на фоне других интенциональных типов высказываний. При этом представители германского языкознания не поднимают вопрос выявления механизма функционирования англоязычных менасивов в условиях публично-информационного пространства предвыборной коммуникации, на основе которого происходит оперирование феноменом вербальной угрозы политиком как автором таких высказываний и массовой аудиторией как их адресатом. Более того, ученые не ставят

своей задачей описание вербально-когнитивной основы тактико-стратегического использования высказываний-угроз политическими деятелями. Сложившееся положение дел объясняется тем, что, придавая особое значение архитектоническому оформлению высказываний-угроз в английском языке, их тематической составляющей и некоторым содержательным характеристикам (Магсумова, 2016; Рабенко, Нестерова, 2007; Carter, 2010; Nick, 2016; Salgueiro, 2010; Tompkinson, 2018), лингвисты практически нивелируют возможность различного прагматического воздействия менасивов, целенаправленно (таргетированно) реализованных политиками в условиях агональной дискурсии и обладающих различными манифестационными и функционально-семантическими особенностями.

Отсутствие в германском языкознании попыток дифференцировать воздействующий потенциал предвыборных менасивов и предложить “шкалу” для определения интенсивности их воздействия на адресата свидетельствует о неразработанности лингвистического инструментария, позволяющего систематизировать отдельные представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы. Также лингвисты не предпринимают попыток определить роль менасивных практик в плане организации информационно-коммуникативной деятельности политика и установлении отношений с массовой аудиторией. Более того, в научной практике остается нерешенным вопрос о том, каким образом представители электорального сообщества интерпретируют и оценивают предвыборные менасивы, а также с помощью какого смыслового инструмента можно исследовать прагма-эмоциональное воздействие, которое высказывания-угрозы оказывают на массового адресата.

Таким образом, несмотря на значительное количество работ, посвященных описанию манифестационных, семантических и функциональных характеристик высказываний-угроз, а также доминирующий фон лингвистического поворота к «использованию естественно-языковых практик в виде совокупности действий, а не значений» (Романов, 1982; 1988; 2016; 2020) и переосмыслению роли «человеческого фактора (говорящего субъекта, языко-

вой личности как *homo loquens*) в коммуникативно-социальной интеракции» (Романов, 2002: 22), приходится констатировать, что до настоящего времени не изучалась роль предвыборных менасивов в конструировании новых социально-коммуникативных отношений между участниками англоязычной политической дискурсии. Предложенный анализ научной литературы показывает, что остаются открытыми ключевые вопросы, связанные с изучением специфики вербального поведения политического субъекта как инициатора определенной совокупности предвыборных менасивов. Складывается впечатление, что в общем и германском языкознании отчетливо проявилась необходимость описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования в вербальном поведении политических деятелей коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и его разновидностей в виде дискурсивных практик-угроз как манипулятивно-воздействующего ресурса в условиях англоязычного пространства агональной коммуникации.

С указанных позиций предлагаемое исследование являет собой одну из первых попыток описания предвыборных актов менасивной дискурсии, которая предлагает свой собственный методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма воздействующего потенциала вербальной угрозы, что позволяет в когнитивном плане осмыслить целенаправленную реализацию политиками предвыборных менасивов, принимая во внимание языковые средства их поверхностной репрезентации, содержательный объем и прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата. Необходимость нового комплексно-интегративного подхода к анализу предвыборных менасивов определяется активным интересом представителей различных областей научного знания к феномену вербальной угрозы, а также становлением идей коммуникативного конструктивизма в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, позволяющего привлечь комплекс междисциплинарных понятий для разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и решения вопроса о функционировании его вербальных разновидно-

стей в виде дискурсивных менасивных практик в английском языке. Все это в совокупности определяет актуальное значение исследуемой проблемы.

Объектом предлагаемого исследования является политическая коммуникация кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, а в качестве **предмета** исследования выступает коммуникативный конструкт предвыборной угрозы и его вербальные разновидности в виде дискурсивных менасивных практик как воздействующий ресурс в условиях англоязычного публично-информационного пространства политической коммуникации.

Цель исследования заключается в разработке функциональной модели коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и описании лингвокогнитивного механизма её реализации в пространстве англоязычной политической коммуникации. Цель работы обусловила постановку и решение целого ряда **задач**:

– *проанализировать и обобщить* состояние данной научной проблемы в области общего и частного языкознания, *составить и обосновать* терминологический аппарат исследования, *предложить* пути анализа когнитивно-дискурсивной специфики предвыборных менасивов;

– *очертить* содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, заложенный в языковом сознании носителя языка в виде совокупности константных признаков и сем;

– *определить* коммуникативный статус предвыборных менасивов в системе регулятивных проявлений политических субъектов и *описать* функциональные условия их реализации в агональной коммуникации;

– *проанализировать* предвыборные менасивы как самостоятельный синтаксический факт, обладающий специфическим набором строевых, семантических и прагматических характеристик;

– *систематизировать* формальные способы поверхностной манифестации предвыборных менасивов в архиве регулятивных средств английского языка, *построить* их инвариантную формулу и её возможные варианты развертывания в условиях американского политического дискурса, а также

исследовав особенности функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов;

– *предложить* функционально-семантическую типологию предвыборных менасивов, *показав* их содержательную и прагматическую специфику;

– *выбрать* адекватный когнитивный инструмент, позволяющий систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы и описать механизм функционирования предвыборных менасивов в условиях публично-информационного пространства политической коммуникации;

– *разработать* инвариантный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы на основе семантических признаков и свойств вербальной угрозы, установленных в лексикографических источниках английского языка;

– *дифференцировать* воздействующий потенциал менасивов, а также *выяснить* показатель “глубины” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на массового адресата на основе разработанной шкалы коммуникативного конструкта предвыборной угрозы;

– *выявить* глобальную стратегию менасивного воздействия политика на массового адресата, используя коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как когнитивный инструмент, а также *структурировать* формирующие ее менасивные стратегии и тактики в агональной дискурсии кандидатов на пост Президента США;

– *описать* вербальную специфику тактико-стратегического функционирования англоязычных предвыборных менасивов как агитационно-воздействующего ресурса в условиях агональной дискурсии, а также *предложить* индекс менасивности публичных выступлений политиков;

– *установить* стратегический репертуар менасивных тактик в вербальном поведении политических деятелей, который является эффективным средством для формирования предпочтения тематического контента избирателями в условиях публично-информационного пространства агональной дискурсии.

Научная новизна предложенного исследования заключается в постановке и конкретном решении ранее неизученной проблемы, связанной с лингвистическим отображением феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителей английского языка и описанием механизма оперирования этим феноменом участниками американской предвыборной дискурсии. Впервые в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и коммуникативного конструктивизма осуществлена попытка определить лингвистические параметры коммуникативно-социального менасивного пространства, упорядочить представления носителей английского языка о прагма-эмоциональном воздействии предвыборных практик-угроз и описать лингвокогнитивную основу вербального поведения политических субъектов, целенаправленно использующих такие практики. Также научная новизна определяется особым комплексным подходом к анализу предвыборных менасивов с привлечением не только собственно лингвистических, но и целого ряда таких междисциплинарных понятий, как «конструкт», «эмоциональное состояние», «аффицированное состояние», «модальность» и «диспозиция».

Новаторским является исследовательское решение, на основании которого выделен и разработан особый когнитивный (смысловой) инструмент для структурирования, упорядочения и осмысления прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов на личностное Я-избирателя – *коммуникативный конструкт предвыборной угрозы* (также: *коммуникативный менасивный конструкт предвыборного дискурса*). Воплощен новый подход к описанию функционально-семантической специфики менасивных высказываний, в основе которого лежит соотношение между содержательными характеристиками вербальной угрозы и эмоциональными переживаниями участников типового фрейма предвыборной угрозы. Кроме того, впервые в научной практике лингвистического описания предложено решение проблемы тактико-стратегического использования англоязычных менасивов в вербальном поведении политиков, а также разработан инструментарий, позволяющий определить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия

предвыборных высказываний-угроз на массового адресата.

В работе представлен актуальный эмпирический материал для описания специфики функционирования предвыборных менасивов в политической коммуникации США, а также впервые в вербальном поведении политиков зафиксированы характерные для американской агональной дискурсии разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в виде менасивных высказываний и осуществлен комплексный анализ их манифестационных, семантических и коммуникативно-функциональных свойств. Впервые в когнитивной и функциональной лингвистике предложен оригинальный принцип, позволяющий вычислить индекс менасивности публичного выступления политика, использующего определенную совокупность предвыборных высказываний-угроз. Введены такие понятия как «инклюзивный механизм вербальной угрозы», «адресатная разновидность высказываний-угроз», «менасивная тактика», «менасивный удар» и «менасивная атака». В целом исследование открывает новые области научного пространства, в число которых входит проблема структурированности смысловой реальности агональной дискурсии как совокупности речевых практик и проблема стратегического функционирования менасивов в этой реальности, что позволяет использовать предложенный в работе коммуникативный конструкт предвыборной угрозы для отражения специфики форм вербального поведения говорящего субъекта в англоязычном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предложена модель изучения специфики функционирования англоязычных предвыборных менасивов в условиях политической коммуникации. Проведенное исследование существенно развивает методологию когнитивно-дискурсивного подхода и представляет собой вклад в развитие идей германского языкознания и коммуникативного конструктивизма, предлагая оригинальный смысловой инструментарий для постановки и решения вопроса о лингвокогнитивной специфике предвыборных практик-менасивов как формы вербально-социального поведения политических деятелей и систематизации языковых

структур, участвующих в формировании воздействующего потенциала таких практик. Теоретически значимым является построение и описание когнитивного феномена – коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, позволяющего отобразить границы менасивного пространства американской агональной дискурсии, а также определить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов на массового адресата и изучить тактико-стратегическое использование таких высказываний претендентами на пост Президента США. Детальное описание лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе оперирования феноменом вербальной угрозы носителями английского языка, является дополнением научного знания о вербальном поведении языковой личности и обладает теоретической значимостью для когнитивной лингвистики, антропоцентрической лингвистики и социолингвистики.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования также заключается в когнитивно-дискурсивном подходе к решению проблемы тактико-стратегического использования предвыборных менасивов в политической коммуникации и новом взгляде на изучение их функционально-семантической специфики. Значимым в теоретическом плане является описание интегральной связи между менасивами и формируемыми при их помощи эмоциональными переживаниями адресата. Полученные результаты предлагаемого исследования развивают теорию речевого воздействия и речевой деятельности, вносят определенный вклад в построение семантической теории естественного языка и позволяют углубить представление о дискурсивной специфике англоязычных предвыборных менасивов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его основных положений, выводов и разработанного лингвистического инструментария в виде коммуникативного конструкта предвыборной угрозы для решения широкого круга задач, связанных с изучением форм вербального поведения политических деятелей, целенаправленно использующих в публично-информационном пространстве высказывания-угрозы, а также

для прогнозирования прагма-эмоционального воздействия на избирателей публичных выступлений политиков, содержащих в своей структуре предвыборные менасивы. Разработанный и апробированный в ходе исследования коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может использоваться в исследованиях по проблемам германского языкознания, политической лингвистики, когнитивной лингвистики, социо- и психолингвистики.

Полученные результаты представляют определенную ценность для разработки семантико-прагматических свойств высказываний менасивной коммуникативно-интенциональной направленности на материалах других предвыборных кампаний, отдельных публичных выступлений кандидатов или политических изданий. Кроме того, использованные в ходе исследования материалы и полученные экспериментальным путем данные могут послужить основой для дальнейшего изучения особенностей функционирования дискурсивных практик-угроз в вербальном поведении носителей английского языка. Значимой является возможность применения предложенного лингвистического инструментария и методик анализа языкового материала при изучении прагма-эмоционального воздействия высказываний различных интенциональных типов, а установленное лингвокогнитивное соотношение между предвыборными менасивами и формируемыми при их помощи диспозициями эмоционального состояния *Я*-избирателя и *Я*-политика может быть использовано в работах, посвященных проблемам функциональной лингвистики, социолингвистики и психосемантики воздействующего дискурса.

Теоретические результаты и методики анализа предвыборных менасивных практик могут быть востребованы специалистами по связям с общественностью, политиками и имиджмейкерами в области профессиональной коммуникации, медийных информационных технологий, а также в различных сферах деятельности, требующих описания тактико-стратегического функционирования менасивов. Результаты исследования могут быть применены при подготовке специалистов различных профилей, связанных с массовой коммуникацией, политконсалтингом и политтехнологиями в плане по-

вышения коммуникативной компетенции и оптимизации воздействующей функции речи, а также в курсах «Лексикология», «Семантика и прагматика дискурса», «Медиалингвистика» и спецкурсах «Политическая лингвистика», «Политическая семасиология», «Политическое консультирование».

Методология и методы диссертационного исследования. Методологической основой исследования явился деятельностно-регулятивный подход к анализу речевых (диалогических) единств, разработанный в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации», в основе которого лежит регулятивная (лингвопрагматическая) модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструктов (регулятивов), предложенная профессором А.А. Романовым (1982; 1988; 2005; 2020). В качестве основного теоретико-методологического посыла выступает деятельностное понимание коммуникации, обусловившее применение синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов, использование инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики, суггестивной лингвистики и применение метода когнитивного конструирования. Избранный в работе когнитивно-дискурсивный подход коррелирует с принципом антропоцентризма и основными теоретическими положениями коммуникативного конструктивизма, согласно которым в фокусе лингвистического анализа находится языковая личность как субъект речевой деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в типовых сценариях его жизнедеятельности. Отправной посылкой исследования является представление предвыборных практик-угроз как инвариантного менасивного конструкта, маркированного определенным набором языковых средств и отражающего прагма-эмоциональное воздействие высказываний-угроз на массового адресата в агональном политическом пространстве.

Поставленные задачи и характер объекта исследования определили применение целого комплекса следующих исследовательских приемов и *методов*. Основным общенаучным методом является гипотетико-дедуктивный

метод. Для поиска и отбора материала исследования используется метод сплошной выборки. Описание семантических компонентов, формирующих содержательный объем угрозы, основано на дефиниционном анализе вербальных репрезентантов угрозы в английском языке. Выявление дифференциальных признаков менасивов и установление их места в системе различных прагматических типов высказываний потребовало применения методов оппозитивного и сопоставительного анализа, а при эксплицировании семантической структуры высказываний-угроз был задействован понятийный аппарат семантического синтаксиса. При рассмотрении коммуникативно-функциональных свойств предвыборных менасивов учитывается прагматическая ситуация и словесный контекст, воплощенный в анализ пресуппозиционных факторов, а также используется метод прагматического анализа (прагматической интерпретации). Для описания содержательной и функциональной специфики менасивов применены метод фреймового моделирования речевого общения, метод когнитивного картирования содержания предвыборных выступлений кандидатов-политиков, элементы методов контент- и интент-анализа. Также в работе нашел применение квантитативный метод, позволивший установить частотность языковых явлений.

В качестве **рабочей гипотезы** предлагаемого исследования выдвигается предположение о том, что в основе функционирования предвыборных менасивов в условиях публично-информационного пространства политической коммуникации лежит представление носителя языка как когнитивного агента о содержательном объеме вербальной угрозы и её коммуникативно-интенциональном предназначении. В публичных выступлениях участники агональной дискуссии реализуют менасивы как эффективное агитационно-воздействующее средство, которое способствует формированию эмоциональных переживаний избирателей в лимнологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, привлекая внимание электората к кандидатуре политика и возможности наступления негативных последствий в случае предпочтения иного кандидата.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области *когнитивной лингвистики* (Г.И. Богин, Н.Н. Болдырев, И. Гоффман, В.С. Григорьева, В.З. Демьянков, О.К. Ирисханова, Е.С. Кубрякова, Ж. Лакан, М. Минский, Л.А. Манерко, У. Найсер, Ж. Пиаже, К.Ф. Седов, Г.Г. Слышкин, Р. Солсо, Ч. Филлмор, У. Чейф), *прагматической лингвистики и теории речевых актов* (Дж.Л. Остин, Дж. Р. Сёрль, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.В. Богданов, З. Вендлер, Г.Г. Почепцов (мл.), И.П. Сусов, В. Fraser, G.Klaus, G.Leech, G.M. Sadock, D. Wunderlich), *функционально-семантической классификации высказываний* (Ю.Д. Апресян, М.М. Бахтин, А. Вежбицка, В.Н. Волошинов, Е.В. Падучева, Ю. Хабермас, К. Bach, R. Harnisch, J.J. Katz, W. Kummer, A. Munro, J. Rehbein, P.F. Strawson, J.O. Urmson), *теории коммуникации и дискурса* (Р. Барт, Э. Бенвенист, П. Бергман, П. Бурдьё, В.А. Буряковская, Т. Ван Дейк, П. Вацлавик, Л. Витгенштейн, Ж. Деррида, Дж. Динсмор, С.В. Иванова, В.И. Карасик, М. Кастельс, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, О.А. Леонтович, А.А. Леонтьев, Н. Луман, М.Л. Макаров, У. Матурана, О.Г. Почепцов, А.А. Романов, П. Серио, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, М. Фуко, D. Gordon, R. Harre, D. Hymes, G. Lakoff), *общего и германского языкознания* (А.М. Ааматов, И.В. Арнольд, О.Б. Ахманова, В.В. Бурлакова, И.Р. Гальперин, И.П. Иванова, Дж.Д. МакКоли, О.И. Москальская, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов, Д. Фивегер, Л.П. Чахоян, G. Helbig, W. Motsch, B. Schlieben-Lange, J. R. Thorne, R. Wagner, H. Weinrich), *коммуникативно-прагматического конструктивизма* (К.Дж. Герген / Джерджен, И.Т. Касавин, Дж. Келли, Дж. Комбс, В.Ф. Петренко, А.А. Романов, Л.А. Романова, А.М. Улановский, Дж. Фридман, Л. Хьелл, P. Bergman, E. Gendlin, G. Glaserfeld, J. Habermas, Ch. Wulf).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предвыборный политический менажив являет собой интегративно-амальгамированный феномен, который отражает в языковом сознании носителя английского языка фреймированную совокупность константных семантических признаков и свойств лингвистического объёма контрастных парамет-

ров, задающих для адресата двунаправленный вектор выбора их директивной направленности – принимать или избегать прогностическое проявление возможных дезруптивных последствий.

2. Лимнологическая семантика вербального менасива обладает гиперонимическим свойством инклюзивности, формирующим конфигурационную основу функционально-семантического представления о типовой коммуникативной ситуации угрозы или ФСП-угрозы. В качестве единицы такой ситуации выступает *менасивно-каузативный акт* или *акт менасивной каузации*, который порождает коммуникативный конструкт угрозы в процессе политической интеракции её участников. В англоязычном политическом пространстве предвыборной коммуникации акты менасивной каузации представлены конкретными дискурсивными практиками со значением угрозы, маркированными определенным набором языковых средств.

3. Коммуникативный конструкт угрозы как дихотомическая инвариантная конфигурация, вербально конгруированная со структурами сознания в ментальном пространстве человека говорящего (*homo loquens*) и когнитивного агента, является наиболее адекватным ментальным (смысловым) инструментом, который используется участниками акта менасивной каузации для представления и описания типовых фрагментов знания носителей английского языка о лимнологической семантике вербальной угрозы. Лингвокогнитивная корреляция (связь) между конкретным предвыборным актом менасивной каузации и эмоциональным состоянием адресата угрозы как объекта направленного воздействия находит своё отражение в диспозициях модальностей *Я*-политика и *Я*-избирателя.

4. Коммуникативный конструкт предвыборный угрозы может быть представлен в виде комплексного ментального образования, ядром которого является векторная градуированная ось, направленная от контрарной точки комфорта (К) к контрарной точке дискомфорта (Д) с размещением на такой оси семантических маркеров диспозиций *Я*-модальностей политика и избирателя. Элементы коммуникативного конструкта предвыборной угрозы рас-

пределены на оси по принципу усиления интенсивности эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации от точки (К) к точке (Д). Совокупность возможных диспозиций эмоционального состояния Я-политика и Я-избирателя формирует функционально-семантическое пространство предвыборных менасивных регулятивов политика.

5. В плане поверхностной манифестации реализация коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в английском языке осуществляется в виде: а) *основных* форм менасивов, соответствующих инвариантной формуле и способных отражать условно-следственную (причинно-следственную) связь между возможным санкционным воздействием и условием (причиной) его наступления; б) *транспонированных* форм менасивов, в которых значение угрозы является результатом прагматической транспозиции и наслаивается на основное значение высказывания в результате его особого использования в условиях политической коммуникации; в) *имплицитных* форм менасивов, в которых значение угрозы выражено косвенным (имплицитным) путем, а функционирование таких высказываний в качестве менасивных обусловлено наличием пресуппозиционного фактора, обеспечивающего их однозначную интерпретацию как высказываний-угроз.

6. Предвыборные менасивы представлены в вербальном поведении американских политиков разновидностями угроз-обещаний, угроз-призывов, угроз-декларативов, угроз-предупреждений, угроз-обвинений и угроз-констативов. Функционально-семантические особенности выделенных менасивных разновидностей используются в качестве критериев для макросегментации диспозиций Я-политика и Я-избирателя на векторной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В функциональном плане предвыборные менасивы опираются на конверсный характер политической интеракции и являются триггером механизма, призванного изменять диспозиции Я-избирателя в направлении дискомфорта (точка Д) с целью его каузации проголосовать за политика. Также предвыборные менасивы являются маркером диспозиции Я-политика.

7. Предвыборная реализация практик-угроз осуществляется с учетом глобальной стратегии менасивного воздействия, которая маркируется различными средствами английского языка. Глобальная стратегия менасивного воздействия включает в себя базовую и дополнительные стратегии. Прагматическая специфика базовой менасивной стратегии проявляется в последовательном (целенаправленном) использовании политиками функционально-семантических разновидностей менасивов и может быть отображена на градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Реализация базовой стратегии опирается на менасивные тактики, используемые для а) *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, б) *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей и в) формирования *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей. К числу дополнительных менасивных стратегий относятся стратегия композиционного распределения предвыборных высказываний-угроз и стратегия их количественного воздействия.

8. В процессе предвыборной коммуникации претенденты на важный политический пост реализуют в своем вербальном поведении стратегический репертуар менасивных тактик (МТ) с целью запланированного прагма-эмоционального воздействия на электорат. Для американского предвыборного дискурса 2016 года эффективным средством политической борьбы является глобальная менасивная стратегия, в основе которой заложено формирование кандидатом МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей с применением тактик дополнительных стратегий, а именно: МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз. В условиях американской предвыборной коммуникации 2020 года прагматически эффективным является сочетание МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, МТ *количественного воз-*

действия и *MT* *равномерного* распределения высказываний-угроз.

9. Менасивные тактики базовой стратегии характеризуются различной “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия (MT_{int}) на англоязычных избирателей. Показатель MT_{int} публичного выступления политика вычисляется на основе суммирования числовых показателей (отрицательных и положительных), соотносимых с диспозициями *Я*-избирателя на градуированной шкале коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Данный показатель не обусловлен прямой зависимостью от использованного политиком количества вербальных менасивов.

Интенсивность прагма-эмоционального воздействия предвыборных практик-угроз также отражена в “индексе менасивности” (*iM*), который определяется количеством слов в предвыборном выступлении политика, деленным на количество слов, с помощью которых маркируются высказывания-угрозы в его выступлении. Индекс менасивности публичного выступления политика находится в обратно пропорциональной зависимости от количества слов английского языка, использованных кандидатом для репрезентации высказываний-угроз, и не зависит от количества менасивов в вербальном поведении политика и их функционально-семантических характеристик.

10. Показатели MT_{int} и *iM* могут использоваться для обозначения интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов американского агонального дискурса на определенном этапе предвыборной кампании. Приведенные показатели служат критериальной оценкой эффективности реализации предвыборных менасивов как агитационно-воздействующего ресурса политической коммуникации, что находит свое выражение в следующих закономерностях: а) чем выше показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия, тем интенсивнее оказывается воздействие политика на избирателей при помощи предвыборных менасивов; б) чем выше индекс менасивности предвыборного дискурса, тем меньшее количество слов необходимо для поверхностной манифестации высказываний-угроз в английском языке.

Высокая степень достоверности результатов исследования обеспечивается основательной теоретико-методологической базой, объемом эмпирического материала англоязычных предвыборных менаживов в количестве 6076 единиц, полученных методом сплошной выборки из публичных выступлений претендентов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, а также комплексным применением различных методов исследования.

Апробация результатов работы осуществлялась в разных формах. Результаты исследования прошли апробацию на заседаниях межвузовского теоретического семинара кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета в 2014-2021 годах, в докладах, семинарах, форумах, коллоквиумах, круглых столах и выступлениях на конференциях различного уровня, в том числе на 51 международной («Медиалингвистика: речевая коммуникация в средствах массовой информации», г. Санкт-Петербург, 2013; 2014; «Дискурсология: язык, культура, общество», Украина, г. Луганск, 2013; 2014; «Межкультурные коммуникации: современные языковые парадигмы», Украина, г. Алушта, 2013; «Языковой дискурс в социальной практике», г. Тверь, 2013, 2018; 2019; 2020; «Когнитивные исследования на современном этапе», г. Ростов-на-Дону, 2013; «Язык и мир», Украина, г. Ялта, 2013, Россия, г. Ялта, 2015; «Континуальность и дискретность в языке и речи», г. Краснодар, 2013; «Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин», г. Белгород, 2013; «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации», г. Майкоп, 2013; «Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе», г. Орел, 2013; «Русистика XXI века: направления, идеи, проблемы», Украина, г. Донецк, 2013; «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов», г. Санкт-Петербург, 2013; «Слово в контексте времени», Беларусь, г. Минск, 2014; «Актуальные вопросы подготовки специалистов в сфере связей с общественностью и рекламы», Беларусь, г. Минск, 2014; «Медиа в современном мире. Петербургские чтения», г. Санкт-Петербург, 2014; 2016; «Межкультурные коммуникации: лингвистические реалии», г. Алушта,

2014; «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения», г. Санкт-Петербург, 2014; «Академический дискурс и дискурсный подход в преподавании иностранных языков», Беларусь, Минск, 2015; «Globe East – West European forum on discourse. Past, present and future of discourse studies», Poland, Warsaw, 2015; «Универсальное и национальное в языковой картине мира», Беларусь, г. Минск, 2015; «Межкультурные коммуникации: научные школы и современные направления лингвистических исследований», г. Симферополь, 2016; «Язык в различных сферах коммуникации», г. Чита, 2016; «Лингвистические и культурологические традиции и инновации», г. Томск, 2016; 2017; «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования», г. Белгород, 2016; 2018; «Теория речевой деятельности: вызовы современности», г. Москва, 2016; 2019; «Жизнь языка в культуре и социуме», г. Москва, 2017; 2021; «Журналистика. Словесность. Культура», Беларусь, г. Брест, 2017; «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы», г. Казань, 2018; «Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве», г. Саратов, 2018; «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи», г. Ярославль, 2019; «Настоящее и будущее стилистики», г. Москва, 2019; «Научные приоритеты в АПК: инновации, проблемы, перспективы развития», г. Тверь, 2019; «Дискурсология и медиакритика средств массовой информации», г. Белгород, 2019; 2021; «Știință, Educație, Cultură», Молдова, г. Комрат, 2020; «Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени», г. Тверь, 2020; «National Interest, National Identity and National Security», United Kingdom, London, 2020; «Человек и язык в коммуникативном пространстве», Красноярск, 2020; «Man. Society. Communication», United Kingdom, London, 2020; «Инновационные технологии в АПК: проблемы и перспективы», г. Тверь, 2021), на 8 всероссийских («Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов», г. Томск, 2013; «Культура как текст», г. Смоленск, 2014; «Значение как феномен актуального

языкового сознания носителя языка», г. Воронеж, 2016; «Русский язык и литература в мультикультурном пространстве», г. Комсомольск-на-Амуре, 2017; «Жизнь языка в культуре и социуме», г. Москва, 2018; «Общество. Образование. Диалог культур», г. Набережные Челны, 2019; «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», г. Ростов-на-Дону, 2020; «Лингвистическая лимология», г. Москва, 2021), 2 национальных («Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов», г. Тверь, 2019; 2021). Результаты работы регулярно (с 2015 по 2021 гг.) обсуждались на заседаниях межвузовского теоретического семинара «Языковое пространство личности в социальной коммуникации» при кафедре теории языка и межкультурной коммуникации Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций Тверской государственной сельскохозяйственной академии.

Основные результаты исследования отражены в 86 публикациях общим объемом 87,35 п.л., в число которых входят 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, 5 статей в международных индексируемых изданиях, включенных в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science, 5 монографий, 60 статей в сборниках научных трудов и материалах научных конференций, 1 учебное пособие. Объем личного вклада автора составляет 70,26 п.л. Результаты диссертационного исследования внедрены в ряд спецкурсов и курсов «Общая теория дискурса», «Основы теории коммуникации», «Технологические приемы лингвистической экспертизы», «Введение в языкознание», «Профессиональный иностранный язык (английский)», «Культура речи и деловое общение».

Структура и объем диссертации определяется поставленными задачами и логикой развития основной темы исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников, списка иллюстративного материала, списка сокращений и условных обозначений, а также приложения. Библиографический список научной литературы включает 485 источников на русском, английском и не-

мецком языках. Текст работы снабжен 28 схемами и 17 таблицами.

Во **введении** обосновывается выбор темы, устанавливается актуальность работы, определяются цель и задачи исследования, обосновывается научная новизна, дается характеристика методов и материала исследования, указывается теоретическая и практическая значимость работы, раскрываются основные понятия исследовательского инструментария, приводятся положения, выносимые на защиту, а также данные об их апробации и внедрении, описывается структура диссертации.

В **первой главе** «Феномен угрозы в гуманитарном дискурсе: основные подходы, понятия и предпосылки исследований» проведен подробный анализ состояния проблемы и описаны подходы к изучению феномена вербальной угрозы как объекта междисциплинарных и лингвистических исследований, представлены теоретические предпосылки для изучения коммуникативно-интенциональной специфики предвыборных менасивов, а также обозначена необходимость осмысления лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования таких высказываний в вербальном поведении политических деятелей.

Во **второй главе** «Лексико-семантические предпосылки формирования коммуникативного статуса угрозы в английском языке» описывается содержательной объем вербальной угрозы и ее семантическая специфика, заложенная в ментальном пространстве носителя языка в виде совокупности контрарных признаков и сем, формируется комплексная структура лексико-тематического пространства угрозы в английском языке.

Третья глава «Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как основа политического акта менасивной интеракции» посвящена систематизации представлений носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, а также разработке инвариантного коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и описанию специфики функционирования его вербальных разновидностей в публично-информационном пространстве политической коммуникации.

В **четвертой главе** «Манифестационная репрезентация коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в американском политическом дискурсе» описана инвариантная формула предвыборных менасивов, систематизированы языковые средства их поверхностной манифестации в английском языке, выделены функционально-семантические разновидности высказываний-угроз, а также установлено лингвокогнитивное соотношение между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей диспозиции Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

В **пятой главе** «Тактико-стратегическая реализация менасивного воздействия в коммуникативно-конструктивном пространстве предвыборной дискуссии» описана вербальная специфика стратегического функционирования предвыборных высказываний-угроз в условиях англоязычного публично-информационного пространства политической коммуникации, выделяется глобальная стратегия менасивного воздействия и формирующие ее тактики, определяется «глубина» интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей совокупности высказываний-угроз и индекс менасивности американского предвыборного дискурса.

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования и намечена перспектива дальнейшего изучения предвыборных менасивов.

Приложения содержат результаты анализа содержательных признаков и свойств английских глаголов, входящих в лексико-тематическое пространство угрозы, а также результаты изучения тактико-стратегической реализации предвыборных менасивов в публичных выступлениях кандидатов на пост Президента США в период с 2015 и 2020 годы.

Глава первая

ФЕНОМЕН УГРОЗЫ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПОНЯТИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Угроза как объект междисциплинарных исследований в гуманитаристике

В начале XXI века угроза как объект исследования приобретает особую популярность в связи с глобальными мировоззренческими, экономическими, политическими и социальными противоречиями, рядом явлений социальной жизни, напряженной геополитической обстановкой, вооруженными конфликтами, гонкой вооружений, гибридными войнами, информационным противостоянием и интенсивным использованием «глобальной информационной инфраструктуры» (Романов, Романова, 2018: 2). Феномен угрозы (также: понятие угрозы) встречается в различных областях научного знания и обладает высоким уровнем актуальности среди представителей гуманитарной науки. Чаще всего угроза рассматривается с позиций многочисленных школ и направлений в широком междисциплинарном контексте – философском, психологическом, социологическом, политологическом, правовом и лингвистическом. Повышенное внимание к феномену угрозы в его различных проявлениях – вербальных или невербальных – указывает на его многоаспектность в рамках современного научного дискурса и порождает большое количество толкований данного явления.

1.1.1. Феномен угрозы в контексте философских исследований

Интерес философов к феномену угрозы хорошо известен уже со времен античности. В эпоху античности угроза рассматривалась как своеобразный регулятор социально-политической и духовной жизни общества и как сопутствующий атрибут существования государства, который порождает страх (Аристотель, 1983; 1983а; Платон, 1986; Цицерон, 1962). В частности, Ари-

стотель пишет: «А страх мы испытываем, очевидно, потому, что нечто страшное [угрожает нам], а это, вообще говоря, зло» (Аристотель, 1983: 108). Такое понимание угрозы в античной (греческой и римской) политической философии обусловлено «специфической культурой со свойственным ей способом мышления о политике» (Канарш, 2011: 13; см. также: Лосев, 2000; Russell, 1946; Wundt, 1910). Тем не менее, сам Аристотель, рассматривая вопрос об искусстве произнесения речей, обращает внимание на коммуникативную природу угрозы и задается вопросом: «что есть приказание, мольба, рассказ, угроза, вопрос, ответ и тому подобное» (Аристотель, 1983а: 667). При этом философ не разграничивает перечисленные «[интонационные] обороты речи», считая, что «знание и незнание таких вещей не навлекает на поэтическое искусство никакого упрека, стоящего внимания» (Аристотель, 1983а: 667), и оставляет необходимость их изучения в рамках «другой науки» (Аристотель, 1983а: 667).

Обращает на себя внимание тот факт, что идея о коммуникативной природе угрозы находит свое подтверждение у Цицерона, который указывал на инструментальную функцию угрозы и противопоставлял ее обещаниям (Цицерон, 1962). Так, в одной из речей оратора можно встретить фразу: «одно они разыскивали посредством угроз, другое – посредством обещаний; одно – с помощью рабов, другое – с помощью свободных людей; одно – при посредстве друзей, другое – при посредстве недругов» (Цицерон, 1962: 69).

Феномен угрозы не остался незамеченным философами Средневековья, которые придавали ей большое значение с позиций религиозного мировоззрения и христианского вероучения (Августин, 1998; Аквинский; 2007; Тертуллиан, 1994), но не рассматривали угрозу в качестве самостоятельного объекта исследования. Для них источником угрозы вполне могло стать какое-либо событие, государство, природное явление или стихия, а также употребление высказывания. В этом плане примечательно, что в одном из своих сочинений Тертуллиан отмечал, что «слово это повелевает и убеждает, приказывает и увещевает, обязывает и угрожает» (Тертуллиан, 1994: 340).

Интерес к угрозе не ослабевает в социально-политических учениях эпохи Возрождения. В частности, у Николо Макиавелли угроза связана со страхом, а задачей угрозы является предотвращение ошибочных или нежелательных действий (Макиавелли, 2010). В ряде работ философов Нового времени прослеживается понимание угрозы как необходимого регулятора существования государства. По мнению Бенедикта Спинозы, «все то, к выполнению чего никто не может быть побужден ни наградами, ни угрозами, не относится к праву государства» (Спиноза, 1999: 262). При этом философ отмечает, что общество «должно иметь власть предписывать общий образ жизни и устанавливать законы, делая их твердыми не посредством разума, который ограничить аффекты не в состоянии, но путем угроз» (Спиноза, 1999а: 421).

Заслуживают внимания попытки философов Нового времени рассмотреть угрозу с правовой точки зрения. Так, Артур Шопенгауэр понимает под угрозой «противомотив» выполнения деяний, опасных для общества, а также он полагает, что «угроза может быть действительна, если только она исполняется в каждом случае, происходящем вопреки ей» (Шопенгауэр, 1999: 297-298).

Таким образом, в перечисленных трактовках феномен угрозы воспринимается как основа существования государства и приобретает побудительное значение для представителей общества – соблюдать принятые этим обществом законы.

Политические трактаты Нового времени фиксируют интерес к аспекту вербального проявления угрозы (или к феномену вербальной угрозы), в частности, к использованию угроз (наряду с обещаниями) как сообщений для воздействия на получателей таких сообщений с целью побуждения их выбрать того или иного претендента в орган государственной власти. Например, Джон Локк пишет о распаде системы правления и о том, что глава исполнительной власти «заранее привлекает на свою сторону выборщиков и предписывает им избрать тех, кого он посредством уговоров, угроз, обещаний или иным каким-либо способом обратил в своих сторонников, и использует выборщиков для выбора тех, кто заранее пообещал голосовать и изда-

вать законы, как им скажут» (Локк, 1988: 391). Однако автору не удалось раскрыть механизм использования уговоров, угроз и обещаний в качестве агитационного и воздействующего средства политической борьбы. В отмеченных обстоятельствах примечательна попытка Томаса Гоббса разграничить угрозы и обещания, который отождествлял обещание с добром, а угрозу со злом. По этому поводу ученый пишет: «обещание добра обязывает обещающего; а угроза, то есть обещание зла, не обязывает ее автора», ср.: “though the promise of good, bind the promiser; yet threats, that is to say, promises of evil, bind them not” (Hobbes, 1839: 457).

Период с последней четверти XIX века по 30-40-е годы XX века ознаменовал философское осознание многочисленных источников угроз, несущих опасность человеку и обществу. В свете начала яростных дискуссий о будущем цивилизации в условиях стремительного развития науки и технологии представители западной философии отмечают, что «мир сейчас стоит лицом к лицу с самодвижущейся системой, которую он не может остановить» (Уайтхед, 1990: 268), а «наш век ... настолько жесток, что наши предки не могли вообразить себе эти ужасы» (Уайтхед, 1990: 266). Поэтому под угрозы развитию цивилизации подводятся не только «возможное губительное действие машин и технических аппаратов» (Хайдеггер, 1993: 234), но и грядущие бедствия, в число которых входит, например, «утрата религиозной веры, злонамеренное использование материальной мощи, деградация, обусловленная высокой рождаемостью в среде недостаточно цивилизованной части человечества, подавление эстетического творчества (Уайтхед, 1990: 267).

В последние десятилетия угроза рассматривается в разнообразных контекстах и представляет собой отдельный предмет современных философских исследований. Важнейшее значение придается осмыслению «опасных техногенных систем и в первую очередь комплексов военной техники как источников угроз, достигающих планетарного масштаба» (Золотухин, Туливетров, 2016: 16), а также изучению угроз в глобальном контексте и угроз дальней-

шего развития цивилизации (Захарцев, 2015; Колин, 2014). С указанных позиций примечательно исследование К.К. Колина, в котором он дает системное представление глобальных угроз развитию цивилизации. Ученый предлагает рассматривать угрозы в виде трех основных кластеров (Колин, 2014: 9): кластер «Природа», включающий в себя угрозы геофизического, биосферного и космологического характера (например, истощение природных ресурсов планеты, разрушение биосферы, приближение экологической катастрофы); кластер «Общество», который содержит угрозы в социальной сфере (например, социальное расслоение общества, информационные войны, виртуализация общества, угроза новой мировой войны) и кластер «Человек», в состав которого включены угрозы для безопасности самого человека, а также угрозы с его стороны для других людей, природы и общества (например, интеллектуальная деградация личности, разрыв поколений в науке и сфере высоких технологий, биологические и психологические изменения человека).

Нельзя не заметить, что в концепции, предлагаемой К.К. Колиным, вербальные угрозы не входят в содержание какого-либо кластера, так как ученый, стремясь перечислить источники угроз, их содержание и причины возникновения, трактует угрозу как некоторую ситуацию или опасное положение дел, которое может нарушить существующий миропорядок. Однако автор не приводит оснований, почему в качестве причины наступления опасного положения дел, связанного с противоборством между странами при помощи информационных войн, не рассматриваются публично декларируемые угрозы применения реальной военной силы. В действительности, трудно представить информационную войну без такого «маркера вербальной агрессии» (Романов, Романова, Морозова, 2020: 97) как высказывание-угроза (ср. ситуации противостояния между США и Ираном, США и Сирией).

В исследованиях представителей экзистенциальной философии можно наблюдать понимание угрозы как причины возникновения страха или тревоги в русле традиций философских работ античного периода (Бакшуттов, 1996; Боровой, 2012; ср.: Аристотель, 1983: 108), а также толкование угрозы

как «чего-то такого, что способно принести человеку вред, чего он должен вследствие этого остерегаться» (Больнов, 1999). В частности, страх могут вызывать угрозы и опасности для человека как биологического организма и человека как личности (Бакшуттов, 1996: 96-98). В этом контексте примечательно исследование Е.М. Борового, посвященное попытке классифицировать уровни страха в зависимости от типа и направленности угрозы (Боровой, 2012: 42). Ученый выделяет разновидность определенных угроз, которые возникают в конкретной ситуации опасности и способствуют формированию страха, а также разновидность неопределенных (или беспредметных) угроз, формирующих у человека тревогу. Ср., также разделение уровней страха на страх-тревогу («Angst») и страх-боязнь («Furcht») у С. Кьеркегора (1998).

Представители философской мысли признают, что «чувство страха обусловлено исключительно социальными механизмами» (Боровой, 2012: 42), оно «не передаётся по наследству и возникает только в процессе социального общения, вместе со становлением сознания и речи» у человека (Боровой, 2012: 42). Безусловно, ученые задавались вопросом о том, «как именовали народы это чувство угрозы, возникающее в темной глубине души, и как они преодолевали его с помощью языка? ... и в каких формах и формулах они распознавали и изгоняли “невыразимый” и “безымянный” страх?» (Чеснокова, 2012: 208). Тем не менее, приходится констатировать, что в рамках подхода экзистенциальной философии к изучению феномена угрозы рассматриваются только случаи порождения страха или боязни, вызванные сложившейся ситуацией угрозы или «порожденные объективной угрожающей ситуацией» (Фаизова, 2008: 628).

Складывается впечатление, что в указанном философском направлении не получила своего развития разработка причинно-следственной связи между вербальной угрозой и формируемым при ее помощи страхом. В философских исследованиях укоренилось мнение о том, что угроза порождает тревогу или страх, но можно встретить и утверждение того, что «тревога и страх представляют собой угрозу для разных уровней личности» (Боровой, 2012: 43). И

как следствие – возникает движение по кругу: угроза порождает у человека страх, а страх, в свою очередь, представляет угрозу для человека.

Таким образом, можно суммировать, что, признавая коммуникативную природу угрозы и возможность ее использования в сфере политических отношений, философы обращают внимание на высказывания-угрозы в речах политических деятелей. Тем не менее, ученые не указывают, какие именно угрозы могут эффективно использоваться как агитационное и воздействующее средство политической борьбы, а какие угрозы приводят к появлению страха у адресата. Вполне очевидно, что подход философов к пониманию феномена вербальной угрозы оставляет вне поля зрения коммуникативное взаимодействие собеседников «по типовым сценариям жизни», в терминологии Л. Витгенштейна (1994), или в рамках типового фрейма угрозы, которое (взаимодействие) также может выступать как источник появления страха или тревоги.

Становится понятным, что обозначенная ситуация во многом сужает возможность комплексно-интегративного осознания понятия угрозы как коммуникативного феномена. Показательно и то, что попытка философов противопоставить угрозу обещаниям и отождествить обещание с добром, а угрозу – со злом (Цицерон, 1962: 69; Hobbes, 1839: 457) также не позволила им осознать коммуникативную природу угрозы, так как отождествление угрозы со злом не позволяет ученым описывать те ситуации, когда угроза обладает, например, консолидирующей функцией в обществе.

1.1.2. Угроза как причина эмоциональных переживаний личности в концептуальном контексте социальной психологии

Поднятую в философии проблематику причинно-следственной связи между угрозой и формируемым с ее помощью страхом поддержали психологи, существенно расширив диапазон эмоциональных переживаний личности, которые может вызывать угроза. В работах по психологии угроза рассматривается как причина возникновения различных отрицательных эмоциональных состояний – аффекта, страха или опасения (Делюмо, 2009; Изард,

1999; Римап, 1999; Свендсен, 2010; Симонов, 1981; Скворцов, 1991; Фрейд, 1989; Gray, McNaughton, 2000; Outten et al, 2012), а также психического состояния аффективного страха (Левитов, 1964), испуга (Берковиц, 2001) или даже гнева (Diener, Iran-Nejad, 1986). При этом еще Д. Юм подчеркивал, что даже ничтожно малая угроза, реальность которой едва ли можно вообразить, может вызывать страх (Hume, 1978).

В социальной психологии подробно разработан вопрос обыденного понимания угроз и описаны различные реакции на них (Giguère, Lalonde, 2009; Glasgow, Schouten, 2014; Loseman et al, 2009; Spears, Doosje, Ellemers, 1997; Townsend et al, 2010; Zomeren, Lodewijkx, 2009), а нейропсихологи изучили состояния страха и беспокойства («fear and anxiety» – Gray, McNaughton, 2000: 41), формируемые при помощи угроз («fear-inducing threats» – Warren, Ogloff, Mullen, 2013: 329). Отечественным и зарубежным психологам удалось классифицировать угрозы на действительные и воображаемые (Левитов, 1964: 134), объективные и абстрактные (Скворцов, 1991), реальные и потенциальные («actual and potential threat» – Gray, McNaughton, 2000: 41), а также на угрозы физическому состоянию организма и угрозы, ведущие к возможным психологическим потрясениям (Ефимова, Субботина, 2013: 10; ср. также Ильин, 2017).

Обширны попытки психологов различных школ и направлений понять причины страха, в число которых входят различного рода угрозы. Дж. Бουλби отмечает, что причиной страха может быть наличие чего-либо угрожающего или отсутствие того, что обеспечивает безопасность человека (Boulby, 1973). Ученый пишет, что страх может вызывать какой-либо объект – предмет, человек или явление природы, а также существуют беспредметные страхи, которые не связаны ни с чем конкретным. В свою очередь, Дж. Грэй (Gray, 1971) полагает, что страх может возникнуть, если событие не происходит в ожидаемом месте и в ожидаемое время. А в рамках социально-когнитивной теории А. Бандуры (2000) показано, что эмоциональные реакции могут возникать в результате подражания, когда человеку достаточно

видеть, чего боятся окружающие его люди (в первую очередь – родители), чтобы начать бояться того же самого.

Очевидна тенденция того, что психологи акцентируют внимание исключительно на формируемых у индивида переживаниях и состояниях, обусловленных ситуацией угрозы или «threatening situations» (Blanchard R., Blanchard D., 1990: 128). При этом бросаются в глаза несколько размытые представления психологов о феномене самой угрозы. С одной стороны, они рассматривают угрозу как причину возникновения страха, а с другой стороны, «страх является ответом организма на угрозу» (Заворуева, 2007: 102) и представляет собой «эмоцию, возникающую в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленную на источник действительной или воображаемой опасности» (Психология, 1990: 386).

Но несмотря на некоторые терминологические расхождения, психологи не оставляют без внимания коммуникативное проявление угрозы и рассматривают ее как составляющую речевой агрессии (Берковиц, 2001; Бэрн, Ричардсон, 2001; Ефимова, Субботина, 2013). В этом плане интересны наблюдения американского психолога Леонарда Берковица (2001), который обращает внимание на возрастающий уровень агрессивности современного общества в связи с новостями о сенсационных преступлениях. В качестве примера психолог упоминает тот факт, что в первые три недели после покушения на президента Джеральда Форда в его адрес пришло 320 угроз по сравнению с обычными 100 угрозами за такой же период времени. По мнению ученого, приведенный пример – показатель существования “заразности” распространения идеи насилия в обществе в той или иной форме, в том числе и в форме вербальных угроз.

Хотя психологи и призывают обратить внимание на языковые особенности высказываний-угроз, однако сами не решаются их описывать, перенося фокус своего внимания на изучение влияния определенной ситуации на агрессивное поведение человека (Берковиц, 2001). Примечательно, что психологов интересуют вербальные угрозы в ситуации домашнего насилия (Felson,

Messer, 2000; Hyde, 1997), а также менасивы, описывающие ситуацию жесткого противостояния, например, высказывания-угрозы «*I'll leave and never come back*» и «*You'll drive me to the grave*» (Риман, 1999), высказывания-угрозы «*I will kill you*» и «*You're dead*» (Warren, Ogloff, Mullen, 2013: 331).

Таким образом, психологи признают тот факт, что «любая угроза может вызвать сильное эмоциональное возбуждение и разнообразные защитные маневры» (Бандура, 2000: 92). Тем не менее, регулярно подчеркивая наличие причинно-следственной связи между угрозой – вербальной или невербальной – и формируемым при ее помощи отрицательным эмоциональным состоянием страха, аффекта, опасения, тревоги, боязни, беспокойства, испуга, гнева или ужаса, психологи не предпринимают попыток составить четкое представление о соотношении между вербальной угрозой в виде конкретного высказывания и состоянием, которое она формирует. Становится понятным, что представленный перечень эмоциональных состояний свидетельствуют об отсутствии единого мнения относительно воздействующей функции угрозы, а также о необходимости структурировать такие состояния, основываясь на интенсивности переживаний адресата (объекта) вербальной угрозы. Более того, менасивы, реализованные в условиях социально-политической жизни общества, не становятся предметом отдельного изучения в качестве причины формирования эмоциональных состояний единичного и массового адресата.

И хотя психологи обозначили возможность вербальной угрозы выступать в качестве причины наступления страха или тревоги, они оставляют без внимания когнитивные механизмы, позволяющие человеку осмыслить угрозу и ее воздействие на состояние человека. Как представляется, такое положение дел во многом обусловлено вниманием с позиций психологического подхода к изучению особенностей восприятия угроз и опасностей, которые имеют «индивидуальные, возрастные, гендерные особенности и формируются в течение жизни в зависимости от среды, которая оказала немаловажное влияние на человека» (Ефимова, Субботина, 2013: 45). Сказанное подтверждает безусловную сложность и многоаспектность междисциплинарного феномена

угрозы и указывает на его социально-психологическую детерминированность. Но, вместе с тем, анализ научных работ в концептуальном контексте социальной психологии раскрывает устойчивый интерес исследователей к описанию причинно-следственной связи между угрозой и формируемым при ее помощи эмоциональным состоянием страха, тревоги или беспокойства.

1.1.3. О статусе угрозы в контексте политической социологии и международных отношений

Неудивительно, что угроза как фактор, определяющий взаимоотношения и поведение людей, и как «инструмент влияния» (Смирнова, 2016: 20) обращает на себя пристальное внимание социологов (Коллинз, 2009; Фромм, 1994; Boulding, 1963; Cohen, 1979; Lytle, Kopelman, 2005; Milburn, Watman, 1981; Neale, Northcraft, 1991; Schelling, 1980; Stein, 2013; Tedeschi, Schlenker, Vonoma, 1973). По мнению А.Г. Смирновой, в последнее десятилетие в зарубежной и отечественной социологии феномен угрозы изучается «сквозь призму связанных с ним рисков» (Смирнова, 2016: 35; см. также: Гаврилов, 2007; Красиков, 2008; Rasmussen, 2006). В качестве теоретического основания такого подхода используются труды У. Бека (2000; 2002). При этом актуальным остается и «традиционное понимание» угрозы как намерения одного субъекта причинить вред другому субъекту, если последний не будет вести себя так, как ему предписывает угрожающий, т.е. угроза определяется «как разновидность субъект-субъектных отношений» (Смирнова, 2010: 112; подробный анализ подходов к определению понятия «угроза» с позиций социологического ракурса см.: Смирнова, 2016).

Признавая глобальный характер современных угроз, социологи отмечают, что «за многообразием интересов угрожающе возрастает реальность риска, который уже не признает социальных и национальных различий и границ» (Бек, 2000). В частности, в фокус внимания исследователей попадают террористические угрозы (Толмач, 2009; Щепланова, 2010; Sjöber, 2005; Sunstein, 2003), информационные угрозы или угрозы, исходящие от сетевого

коммуникативного пространства (Бухарин, Цыганов, 2007; Владимирова, 2011; Кастельс, 2004; Корытникова, 2010), социокультурные угрозы (Шестопал, Селезнева, 2018), угрозы социальной, национальной и культурной идентичности (Добрина, 2019; Giddens, 1990), а также угрозы здоровью, экономической безопасности и эмоциональному благополучию членов общества (Lupton, 1999). Достаточно оперативно социологи реагируют на возникновение новых угроз мировому сообществу, что подтверждается, например, их широким интересом к эпидемиологической угрозе, вызванной COVID-19 (Пандемия COVID-19, 2020; Решетников и др., 2020; McFadden et al, 2020).

Примечательна не только оперативность, но и широта охвата некоторых социологических исследований, посвященных угрозам современному обществу. Обращают на себя внимание результаты экспериментального исследования социальных тревог и опасений, проведенного в 2006 году среди жителей стран «Большой восьмерки» (или стран G8) – США, Великобритании, Канады, Франции, Германии, Италии, Японии и России – в рамках проекта «G8-Fears» исследовательского агентства «Евразийский монитор» (подробнее см.: www.eurasiamonitor.org). В качестве тестируемого набора угроз респондентам были предложены такие явления как 1) распространение терроризма, 2) утрата национальной самобытности и традиций, 3) массовая безработица и обнищание населения, 4) утрата моральных ценностей, безнравственность, 5) сбои в поставках энергоносителей, 6) ограничение демократических прав и свобод, 7) массовые эпидемии, смертельные болезни, 8) экологические катастрофы, заражение воды, воздуха, 9) межэтнические конфликты и войны, 10) военное нападение и 11) ядерная война. Изучение общественного мнения жителей стран «Большой восьмерки» позволило кураторам проекта составить «своеобразные рейтинги социальных угроз мировому сообществу» (Задорин, 2006: 16) в восприятии их гражданами перечисленных стран.

Исследователи пришли к следующему выводу: во всех странах «Большой восьмерки» внушительная часть респондентов (от 55 до 83%) сходится во мнении, что жизнь в стране становится опаснее, а в число социальных уг-

роз, чаще всего вызывающих у них серьезное беспокойство, вошли как совершенно ожидаемые угрозы – «распространение терроризма» и «массовая безработица и обнищание», так и довольно неожиданные угрозы гуманитарного (социокультурного) плана – «потеря национальной самобытности и традиций» и «утрата обществом моральных ценностей» (Задорин, 2006: 21). При этом ученый отмечает, что по состоянию на 2006 год общий уровень тревожности в странах континентальной Европы (Франция, Германия, Италия) существенно выше, чем в «атлантических» странах (США, Канада, Великобритания).

Вместе с тем проект «G8-Fears» продемонстрировал дифференциацию общественного мнения в вопросе актуальности тех или иных угроз для представителей разных стран. В частности, респонденты из США и Великобритании наиболее часто испытывают беспокойство из-за угрозы, связанной с распространением терроризма, респонденты из Германии беспокоятся по поводу угрозы, связанной с утратой национальной самобытности и традиций, а респонденты из России считают наиболее опасной угрозу, связанную с утратой моральных ценностей и безнравственностью. При этом респондентов из США и Германии меньше всего беспокоит угроза межэтнических конфликтов и войн, респонденты из Великобритании практически не обеспокоены угрозой ядерной войны, а респонденты из России – угрозой возможности военного нападения (Задорин, 2006: 16-17).

Проведенное изучение общественного мнения в рамках проекта «G8-Fears», бесспорно, вносит существенный вклад в организацию сотрудничества стран «Большой восьмерки» по предотвращению (устранению) глобальных угроз, а также в развитие внутри- и межгосударственных отношений. Однако обозначенное сотрудничество трудно представить без коммуникативного взаимодействия, составной частью которого могут быть угрозы в форме тех или иных высказываний. В этой связи справедливо отметить, что вербальные угрозы регулярно рассматриваются отечественными и зарубежными социологами как неременный атрибут переговорных процессов или

различных конфликтных ситуаций (Осеев, 2002; Щепаньский, 1969; Lytle, Kopelman, 2005; Schelling, 1980).

Как отмечает Вильям Мастенбрук, одним из первых, кто обратил внимание на роль угрозы в процессе переговоров, был французский дипломат Франсуа де Каллере, который не отрицал возможность использования угроз в переговорном процессе, однако рекомендовал участникам переговоров не употреблять угрозы в начале переговоров, ср.: «не прибегайте сразу же к помощи угроз» (цит. по: Мастенбрук, 1993: 41).

Рассматривая угрозу как составляющую переговорного процесса, социологи не обходят стороной ее вербальную репрезентацию. С указанных позиций представляет интерес работа «Friendly threats? The Linking of Threats and Promises in Negotiation» (Lytle, Kopelman, 2005), авторы которой придают особую значимость языковой форме менасивных высказываний. Ученые упоминают разновидность высказываний-угроз, которая реализуется по классической схеме логического следования «если – то» (classical «if-then» contingency format), например: «*If you don't clean your room, you can't have any dessert*»; «*If you don't lower your price on this component, we will go to another supplier*»; «*If you don't pay my invoice immediately, I will take you to court*». Тем не менее, особенности языкового оформления менасивов не становятся предметом исследования не только в отмеченной работе, но и в целом в работах социологического направления, так как социологи сразу переносят внимание на прагматическую составляющую реализации угроз в переговорах, доказывая, что в некоторых случаях угрозы могут быть эффективным средством для достижения поставленных целей в переговорном процессе.

Больше того, ученые признают, что угроза производит негативное воздействие на адресата, хотя угроза, произнесенная в ситуации положительного эмоционального стиля ведения переговоров («positive emotional style» – Lytle, Kopelman, 2005), оказывает незначительное негативное воздействие на собеседника (ср.: Hatfield, Cacioppo, Rapson, 1992). Исследователи также утверждают, что участники переговоров, которые используют угрозы наряду с

обещаниями, являются более успешными в плане достижения целей, чем участники переговоров, которые используют только угрозы (Lytle, Kopelman, 2005). Характерно, что обозначенное разграничение угроз и обещаний основано на их противопоставлении друг другу: угроза предполагает возможное наказание («specific potential penalty» – Lytle, Kopelman, 2005), а обещание – награду («specific reward» – Lytle, Kopelman, 2005; ср.: Verbrugge et al, 2004).

Интерес к аспекту вербального проявления угрозы наблюдается в исследовании А.Г. Смирновой (2016), выполненному в рамках социологии международных отношений и направленному на выявление особенностей восприятия Россией и США тех угроз, которые может представлять Иран. Для реализации поставленных целей автор делает определенную выборку из публичных выступлений Президентов России и США за периоды с 2003 по 2006 и с 2013 по 2014 годы. Из выступлений политических лидеров России и США были выбраны, главным образом, вербальные утверждения, которые посвящены угрозам, связанным с иранской ядерной программой. Например, в фокусе внимания автора находятся такие высказывания Б. Обамы, как «*The world is united in support of our determination to prevent Iran from developing a nuclear weapon*»; «*And Iran is a large country and it is a relatively wealthy country, and so we have to take seriously the possibility that they are going to try to get a nuclear weapon*»; «*But we have to not constantly assume that it's not possible for Iran, like any country, to change over time*» (Смирнова, 2016: 361-366).

На основе частотного анализа употребления отдельных слов в текстах выступлений политиков и выявления ассоциативных связей между ключевыми словами таких текстов А.Г. Смирновой удалась попытка дать оценку ядерной угрозы, исходящей от Ирана, а также описать образ Ирана как источника опасности для России и США. Однако такой подход к анализу языкового материала позволяет только примерно очертить ситуативно-тематическое пространство угрозы, оставляя вне поля зрения исследователя различные интенциональные типы высказываний – в том числе и менасивы, кото-

рые целенаправленно реализуются политическими лидерами в определенной предметно-тематической ситуации.

Наряду с социологами феномен угрозы вызывает особый интерес среди исследователей-политологов, рассматривающих влияние угроз «на всю совокупность процессов общественной жизни» (Щепаньский, 1969: 213; также см.: Вебер, 1990; Журкин, 2013; Самойлов, 2016; Mutz, 2018). Признавая угрозу в качестве непосредственной составляющей политической жизни, современные политологи увязывают проблемность угроз с национальной безопасностью и суверенитетом государств (Карпович, Манойло, 2015; Пинчук, 2011; Шегаев, 2015; Шарп, 2005; Skoll, 2010), с международной информационной безопасностью (Лопатин, 2000; Ромашкина, 2019; Смолян, 1999; Graham, 2010; Schwartau, 2000; Weiman, 2006), с «вызовами-угрозами» (Журбей, 2015: 85), обусловленными ядерной безопасностью и распространением атомных технологий, а также с экономическими интересами стран (Бек, 2000; Бочаров, 1993; Эспин, 1993). Ученые видят серьезную угрозу в конфликтах между государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям (Хантингтон, 2003), предлагая оценивать как угрозу действия государств, которые нарушают правила и нормы международного взаимодействия (McCann, 1997). Опираясь термином «угроза» как одним из «основных способов принудительной реализации властной воли» (Самойлов, 2016: 12), исследователи, тем не менее, связывают определение угрозы как феномена опасности в процессе принятия решений в политике (Gordon, Arian, 2001).

Анализ работ политологического характера дает возможность зафиксировать функцию угрозы национальной безопасности, которая консолидирует общество на противостояние различным вызовам (Рыхтик, 2003: 214). Например, в годы “холодной войны” политические лидеры США использовали тезис о существовании советской угрозы для получения поддержки населения на действия в сфере национальной безопасности, а с исчезновением советской угрозы потребовалась «корректировка концепции национальной безопасности» (Рыхтик, 2003: 214) с переносом объекта угрозы на Россию (о су-

уществовании идеи китайской угрозы см.: Mutz, 2018). Аналогичная ситуация наблюдается на фоне повышения конфликтности международных отношений в последнее десятилетие, когда особую актуальность приобретает угроза применения санкций по отношению к каким-либо политическим деятелям, организациям, странам или группам стран (Амиантова, 2017; Самойлов, 2016; Седляр, 2014; Хедайти, 2015). При этом то или иное государство может не только являться объектом санкций, но и рассматриваться в качестве источника угрозы для мирового сообщества, ср., например, мнение англоязычных СМИ о том, что на протяжении нескольких лет Россия и ее «агрессивная политика» является основной угрозой безопасности для НАТО (www.maxpark.com, www.inosmi.ru).

Таким образом, отмеченные работы не исчерпывают весь перечень угроз, находящийся в фокусе внимания политической социологии. Тем не менее, предложенный анализ научной литературы позволяет утверждать, что идея существования «потенциальных вызовов и реальных угроз» (Журбей, 2015: 104) служит важным регулятором в принятии политических решений на внутри- и межгосударственном уровне (Рыхтик, 2003; Gordon, Arian, 2001).

Признавая вербальную угрозу неотъемлемым атрибутом социально-политической жизни общества, ученые интуитивно считают угрозой те высказывания, которые описывают опасную ситуацию для какой-либо страны или мирового сообщества, а также акцентируют внимание на самом факте наличия вербальных угроз в речах политиков (Рыхтик, 2003; Смирнова, 2016). Вполне очевидно, что такое понимание феномена вербальной угрозы не позволяет вскрыть механизм функционирования менасивных высказываний в сфере международных отношений, а также оставляет вне поля зрения исследователей описание вербального поведения политических деятелей, использующих предвыборные менасивы в публичных выступлениях.

Анализ работ социологического и политологического направлений также не позволяет выявить целевые параметры использования политиками высказываний-угроз, потому что, с одной стороны, угроза понимается как

агитационно-воздействующее средство и инструмент влияния, а с другой – как причина агрессивного поведения человека, средство запугивания или источник опасности для общества. Поэтому приходится констатировать, что при возможных разночтениях феномена вербальной угрозы массовому адресату становится непонятным, где находится грань между угрозой, запугивающей представителей общественности и ведущей к конфликту, и угрозой, консолидирующей общество для решения совместных задач. Больше того, социологи и политологи не предлагают рабочих критериев для разграничения вербальных угроз, предупреждений и различных утверждений о наличии какой-либо опасной ситуации в стране или мире.

1.1.4. Угроза в сфере уголовно-правовой коммуникации

Феномен угрозы также находится в фокусе постоянного внимания в среде ученых-правоведов различных стран мира (Ганченко, 2013; Джинджолия, 2004; Коростылев, 2004; Крашенинников, 2002; Мазуков, 1997; Познышев, 2017; Рузевич, 2015; Фокин, Дворцов, 2013; Хабарова, 2006; Чечель, 1995; Alldridge, 1994; Dressler, 2015; Feinstein, 1996; Fitzgerald, 2005; Gales, 2015; LaFave, 2003). Примечательно, что до революции 1917 года в Российской высшей юридической школе читались лекции на тему «Угрозы» по курсу уголовного права (Познышев, 2017), а в современной российской юриспруденции существует целостное учение об угрозе и ее уголовно-правовом назначении (Рузевич, 2015: 644). Как отмечает О.Р. Рузевич (2015: 644), объект угрозы многопланен и определяется как «честь (Н.А. Неклюдов), свобода (И.И. Фойницкий), чувство безопасности (С.В. Познышев), неприкосновенность душевого спокойствия в области чувства безопасности (П.П. Пусторослев) или личная безопасность – совокупность общественных отношений, обеспечивающих психическую неприкосновенность личности (В.Н. Куц)».

Несмотря на многозначность трактовок угрозы, следует признать, что это понятие входит в число наиболее распространенных оценочных понятий уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и упоминается бо-

лее чем в 40 статьях (Коростылёв, 2004: 3), представляя собой, таким образом, одно из самых неоднозначных понятий юридической науки и действующего уголовного законодательства (Ганченко, 2013; Коростылёв, 2004; Фокин, Дворцов, 2013). Анализ работ отечественных юристов, затрагивающих проблематику угрозы как уголовно-правового феномена, позволяет зафиксировать различные толкования угрозы в российском праве.

В ряде работ можно встретить понимание угрозы как «психического насилия (прямого и опосредованного), реализуемого через информацию о намерении совершить в отношении потерпевшего или близких ему лиц немедленно либо в будущем общественно опасные действия» (Хабарова, 2006: 8). Высказывались утверждения о том, что угроза является собой *«выраженное словесно, письменно или другим способом намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу либо общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком; один из способов пытки»* (Джинджолия, 2004: 234; курсив – О.Н.). Угроза рассматривается также и как «способ нарушения психической неприкосновенности личности» (Крашенинников, 2002: 16), и как «воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общества в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления» (Коростылев, 2004: 6, ср.: Верченко, 2016; Гришко, 2019; Клоченко, 2019). При этом обязательными признаками угрозы являются «реальная возможность наступления вреда и психическое насилие» (Коростылев, 2004: 6).

Несмотря на внушительное количество работ, посвященных исследованию «логико-языкового феномена» угрозы (о логико-языковых феноменах в юриспруденции см.: Черданцев, 2012), ученые-правоведы отмечают принципиальные разногласия в его толковании. Проведенный в работе О.Р. Рузевич (2015: 645) анализ существующих в уголовном праве точек зрения на понятие и содержание угрозы фиксирует, что в «уголовном праве России угроза трактуется двояко: 1) как способ нарушения психической неприкосновенности личности и 2) как возможная опасность наступления преступных послед-

ствий». По мнению исследователя, разногласия в определениях возникают вследствие различных подходов к толкованию дефиниции «угроза». Одни юристы берут за основу грамматическое толкование, понимая под угрозой «запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло» (Ожегов, Шведова, 1994: 813) и «высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам» (Ожегов, Шведова, 1994: 813). В свою очередь, другие юристы используют методику расширительного толкования терминов, непосредственно закрепленных в уголовном праве, и понимают под угрозой «совокупность ее объективных проявлений и субъективных ассоциаций» (Мазуков, 1997: 8; Чечель, 1995: 14).

Не стоит думать, что угроза является размытым и неоднозначным понятием только в российской правовой системе. Неслучайно, что в юридической практике Великобритании угроза рассматривается как «запугивание» («intimidation») одного лица другим, а также как «давление» или, возможно, «интенсивное давление» на человека («pressure, or perhaps extreme pressure» – Duhaime's Law Dictionary, 2020, далее Law Dictionary, 2020), осуществляемое с целью побудить его совершить что-либо. Очевидно, такое понимание угрозы требует более конкретизированного подхода и уточнения того, что понимается под давлением и под интенсивным или чрезмерным давлением на человека.

В системе правых отношений США также можно встретить утверждение юристов о том, что угроза представляет собой «широкое и неопределенное» понятие («broad and indefinite» – Law Dictionary, 2020). В частности, угроза трактуется как декларация цели или намерения причинить вред человеку, имуществу или правам другого человека в результате совершения противоправного деяния (Law Dictionary, 2020). При этом исследователи-правоведы не исключают того, что угроза может включать в себя практически любое выражение намерения одного человека совершить некоторое действие, которое причинит вред другому лицу. Ср.: «*threat* can include almost any kind of an expression of intent by one person to do an act against another person, ordi-

narily indicating an intention to do harm» (Law Dictionary, 2020). К этому следует добавить, что в правовой сфере США значительное внимание уделяется тому факту, что угроза обычно предполагает совершение действий, которые могут повлиять на эмоциональное состояние человека, на которого она направлена, и лишить его свободы воли, ср.: «to take away from his acts the free and voluntary action which constitutes consent» (Law Dictionary, 2020).

Обозначенные трактовки угрозы в правовой системе США и Великобритании отражают повышенный интерес представителей юридической науки к эмоциональным переживаниям человека в ситуации угрозы. Сказанное подтверждается также тем, что зарубежные исследователи рассматривают испуг и причинение психологического вреда как основную цель реализации угрозы (Alldridge, 1994; Feinstein, 1996). Тем не менее, ученые предлагают учитывать и объективные проявления угрозы. В этой связи представляется интересной работа Дж. Дресслера (Dressler, 2015: 484), который проводит разграничение между страхом как субъективной эмоцией («fear is a subjective emotion») и угрозой как определенным действием, осуществляемым конкретным человеком («a threat is an objective act emanating from another person»).

Продолжая анализ различных трактовок угрозы в сфере уголовно-правовой коммуникации, важно отметить, что в правовых системах ряда стран официально закреплены определения угрозы (Коростылев, 2004: 14; Рузевич, 2015: 649). Например, согласно статье 138.2 уголовного кодекса Австралии, посвященной общим положениям об угрозах («menaces»), угроза признаётся преступным феноменом, если она а) способна заставить индивидуума действовать недобровольно («threat would be likely to cause the individual to act unwillingly» – Criminal Code Act, 2015: 327), а также, если автор угрозы будет уверен в возможности уязвить посредством этой угрозы данного индивида, и б) способна заставить лицо обычной стойкости и смелости действовать недобровольно («to cause a person of normal stability and courage to act unwillingly» – Criminal Code Act, 2015: 328).

Несмотря на различное понимание феномена угрозы, отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что угроза может быть выражена вербально и представлена в устной, письменной или электронной форме (Фокин, Дворцов, 2013: 274; Fitzgerald, 2005: 2; Criminal Code Act, 2015: 142), она может передаваться через третьих лиц или иметь невербальное проявление, например, замахиваться ножом или кулаком (Фокин, Дворцов, 2013: 274; Criminal Code Act, 2015: 142), а также угроза может содержаться в самой ситуации или исходить из нее («implied from the circumstances» – Dressler, 2015: 484). Поэтому очевидно, что независимо от вербального или невербального выражения акт угрозы приравнивается в системе правовых отношений к преступлению или деянию, которое наказуемо («threat-related language crime», по Seligson S., Seligson M., 2016: 583; «threat crime», в терминологии Tompkinson, 2018: 27; ср. также рассмотрение угрозы как разновидности речевого правонарушения – «деликта»: Радбиль, Юматов, 2015: 108), а угрожать кому-либо – значит совершать преступление (Коновалова, 2008; Лукьянова, 2004; Greenawalt, 1989: 92; Solan, Tiersma, 2005; 2015: 224; Yamanaka, 1995: 38, ср. также «threats are an especially meaningful form of speech act since they can be language crimes» – Shuy, 1996).

В этой связи необходимо зафиксировать, что проведенный анализ позволяет лишь частично выявить незначительное количество работ, посвященных изучению вербальной репрезентации угрозы как уголовно-правового феномена и описанию языковых средств, участвующих в выражении угрозы, а именно «language of threats» (Storey, 1995) или «threatening language» (Gales, 2015: 2). В этих обстоятельствах уместно упомянуть результаты зарубежных исследований, выполненных в русле интегративного подхода к языку в сфере юридического делопроизводства, в которых предпринимались попытки проанализировать языковые особенности высказываний-угроз (ср. исследования в области юрислингвистики или «forensic linguistics»: Coulthard, Grant, Kredens, 2011; Coulthard, Johnson, 2010; Olsson, 2004; Storey, 1995). При этом нельзя упускать из виду результаты тех зарубежных ученых, которые при-

шли к выводу, что чем больше деталей содержится в высказывании-угрозе, тем оно опаснее и, наоборот, чем абстрактнее угроза, тем меньшую опасность она представляет (Davis, 1997; Jenkins, 1996; Turner, Gelles, 2003).

Упомянутый выше Дж. Дресслер также не обошел вниманием вербальный аспект угроз с позиций судебного делопроизводства. Ученый отмечает, что в некоторых юрисдикциях разграничиваются провокационные (оскорбительные) и «угрожающие слова» («threatening words»), которые могут выражать агрессию (Dressler, 2015: 199). Тем не менее, признавая противоречивость правовой оценки тех или иных высказываний, в том числе высказываний-угроз, автору не удалось сформировать конкретный список «угрожающих слов» и привести примеры их использования в речи. В этой связи целесообразно указать на высказанную отечественными исследователями мысль о том, что слова, выражающие «сущность преступных последствий» (Фокин, Дворцов, 2013: 275), нередко заменяются эвфемизмами.

Более того, Дж. Дресслер отмечает, что представители судебной власти разделились по вопросу о том, могут ли лишь одни слова дать основание считать человека, использующего такие слова, агрессором («whether words alone can render a person the aggressor» – Dressler, 2015: 199), так как одни суды полагают, что слова никогда не делают говорящего агрессором, а другие суды указывают на то, что в словах может содержаться агрессия. Сам Дж. Дресслер исходит из того, что слова могут быть более подстрекательными, чем агрессивные действия («words may be even more inflammatory than aggressive actions» – Dressler, 2015: 437). С указанных позиций характерна тематическая систематизация языковых средств, использованных для поверхностной репрезентации высказываний-угроз на материале дел российской практики судопроизводства (Фокин, Дворцов, 2013: 275), в которой зафиксированы угрозы «убить» (например, «*прикончить*», «*грохнуть*»), «зарезать» (например, «*раскроить ножом живот*»), «лишить свободы» (например, «*запереть в гараже*»), а также «общие угрозы» (например, «*терроризировать*», «*будешь ходить и оглядываться*», «*получишь ломом по голове*»). Однако в

силу правового характера отмеченной работы ее авторы не рассматривают более подробно языковые средства поверхностной репрезентации угроз.

Важно не упускать из виду тот факт, что в процессе изучения вербальной репрезентации высказываний-угроз как уголовно-правового феномена ученые анализируют грамматические маркеры таких высказываний, в число которых входят различные типы предложений, а также те или иные глаголы и наречия (Gales, 2015). Например, материалом исследования Т. Гейлс выступают англоязычные менасивы, зафиксированные в судебном делопроизводстве США: «*I know I will never enjoy life*», «*You stand a 99% chance of killing your daughter if you try to out smart us*», «*It's just gonna be insanity, if I even make it through the first few days*» (Gales, 2015). Тем не менее, внимание ученого сосредоточено на непосредственной реализации угрозы как намерения причинить кому-либо вред.

Выражаясь иначе, Т. Гейлс интересуется вопросом о том, какими языковыми особенностями обладают угрозы, которые реализуются их автором, и угрозы, которые не реализуются на практике, а существуют лишь в высказывании, т.е., по нашему мнению, в предупреждениях о возможном причинении вреда кому-либо. По всей вероятности, с точки зрения юриспруденции, такой подход к анализу феномена угрозы может быть перспективным, так как он позволяет установить соотношение между произнесением менасива и совершением указанных в нем действий. Однако с позиций функционально-лингвистического и семантического подходов отмеченное исследование оставляет в стороне изучение прагматического воздействия высказываний-угроз как фактора влияния на адресата.

Показательно, что в зарубежном делопроизводстве, связанном с рассмотрением вербальных угроз, достаточно остро стоит вопрос оценки косвенных высказываний-угроз, т.е. угроз, которые не содержат в своей поверхностной манифестации эксплицитного указания автора на определенные негативные последствия для адресата, ср.: «*the problem of indirect threats is one that the courts must deal with*» (Gingiss, 1986: 155). Например, косвенная уг-

роза «*You can give me more than that*» (Gingiss, 1986: 157) представляет сложность для оценки ее интенциональной направленности представителями юриспруденции в силу отсутствия выработанной методологии оценки менаценов в правовой сфере и необходимости учитывать не только средства поверхностной репрезентации высказываний-угроз в английском языке, но и их функционально-семантические характеристики.

Справедливости ради, нужно отметить, что отечественная юриспруденция также уделяет пристальное внимание вербальной составляющей в архитектонике угрозы (Фокин, Дворцов, 2013: 253), в частности, поднимая проблему выявления статуса угроз в экспертной практике лингвистических экспертиз (Балова, Будаева, Щербань, 2015; Баранов, 2014; Бринев, 2010; Голев, 1999; Радбиль, Юматов, 2015; Третьякова, 2010). В этой связи примечательно, что в юрислингвистической практике принимаются положительные решения по делу об угрозе убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), основанные на том, что «нет необходимости устанавливать следующий факт: человек, высказывавший угрозу, имел намерение исполнить угрозу, тогда как необходимо установить факт, что у потерпевшего имелись основания воспринимать угрозу как реальную» (Бринев, 2010: 16). Тем не менее, исследователи признают, что высказывание-угроза «является общественно опасным деянием и имеет воздействие на психику потерпевшего, как и угрозы, выраженные в каких-либо действиях» (Фокин, Дворцов, 2013: 274; ср.: Alldridge, 1994; Criminal Code Act, 2015; Dressler, 2015; Feinstein, 1996; Law Dictionary, 2020).

Становится понятным, что, несмотря на имеющиеся пробелы в описании феномена угрозы и отсутствие официального определения феномена вербальной угрозы, это понятие активно используется для оценки действий представителей общества. В системе правовых отношений прочно закрепилось мнение о том, что угроза – вербальная или невербальная – является уголовно наказуемым деянием. При этом для правовой оценки вербальной угрозы юристы, как правило, анализируют эксплицитные средства ее поверх-

ностной манифестации. Одним словом, оперируя понятием угрозы, правоведы оставляют без должного внимания те вербальные угрозы, в которых указание на негативные последствия для адресата представлены имплицитным путем. Таким образом, из поля зрения исследователей выпадает целый класс имплицитных высказываний-угроз, а также остается нерешенным вопрос, связанный с описанием воздействия таких высказываний на адресата и изучением особенностей функционирования прагматически транспонированных менасивов в условиях уголовно-правовой коммуникации.

Совершенно ясно, что обозначенный подход не только ограничивает коммуникативное пространство угрозы и затрудняет оценку того или иного высказывания как угрозы, но и указывает на необходимость применения лингвистической методологии для определения функционального предназначения высказываний. Следовательно, подход правоведов к пониманию высказываний-угроз обуславливает насущную необходимость принимать во внимание не только языковые средства репрезентации таких высказываний, но и их функционально-семантические характеристики, используя методологический аппарат лингвистики, а не абстрактные представления об угрозе как о виде психического насилия, которое может быть репрезентировано вербальными и невербальными способами, например: «people will “know a threat when they hear one”» (Gingiss, 1986: 153).

1.2. Менасивные высказывания как объект лингвистического описания

1.2.1. Менасив как коммуникативно-интенциональный и речеактивный тип высказываний

Примерно с 50-х годов XX века угрозы стали регулярно упоминаться в работах по философии языка, в частности, в работах, посвященных обещаниям (Árdal, 1968; Grant, 1949; Jack, 1958; Melden, 1956; Peetz, 1977; Robins, 1976). Однако активное развитие идей перформативности и последующее становление теории речевых актов обусловили интерес к угрозе как к комму-

никативно-интенциональному (перформативному) типу высказываний. Одним из первых, кто обратил внимание на интенциональный тип угрозы (также: тип высказываний-угроз, высказываний со значением угрозы или ме-насивов) был Дж.Л. Остин, который является основоположником перформативной гипотезы высказываний (от англ. «*perform*» – «исполнять, выполнять, делать, осуществлять», сочетающегося с существительным «*action*» – «действие»). В частности, при разработке критериев перформативности высказываний его внимание привлекла манифестационная специфика англоязычных угроз и их «иллокутивная сила / *illocutionary force*» (Остин, 1986: 27; 66; Austin, 1961: 235-236; 1979: 116-118).

Идея Дж.Л. Остина о перформативных высказываниях (также: перформативах) заключается в том, что такие высказывания не описывают в своем пропозициональном компоненте некоторое действие, а, взятые в своей комплексности, представляют собой непосредственно то действие, которое имеет перформативный компонент, репрезентируемый чаще всего перформативным глаголом (Austin, 1962; см. также: Богданов, 1977; Почепцов, 1975; Романов, 1982; 2005; Романов, Романова, 2009; Searle, 1971). Произнести перформативное высказывание, значит осуществить действие, которое, по мнению Дж.Л. Остина, нельзя было осуществить, по крайней мере, с такой же точностью, как это делается в процессе говорения (Austin, 1963: 22-23).

Кроме того, согласно представлениям Дж.Л. Остина, перформативы содержат в своей поверхностной манифестации перформативные глаголы в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения, которые обозначают производимые при говорении действия (1986: 59). Другими словами, перформативы обладают свойством «аутореферентности» (Бенвенист, 1974: 308), проявляющимся в том, что «высказывание одновременно является и языковым фактом, поскольку его произносят, и фактом действительности, так как оно – осуществление действия, которое становится тождественным с высказыванием о действии» (Романов, Романова, 2009: 99). Например, к перформативам могут быть

отнесены высказывания: «*I reprimand you!*»; (Романова, 2009: 51; полужирным курсивом выделены перформативные глаголы); «*I ask you to open the window*» (Романова, 2009: 60); «*Professor, I swear, I didn't*» (Романова, 2009: 69).

Предлагая классификацию высказываний (также таксономию или типологию высказываний), в основе которой лежит принцип однозначного соответствия между коммуникативной функцией (иллокутивной силой) высказывания и перформативным глаголом (Остин, 1986: 27; 66; Austin, 1961: 235-236; 1979: 116-118), Дж.Л. Остин зафиксировал ряд глаголов, которые не используются в 1-м лице единственного числа настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения. К числу таких глаголов он отнес глагол «*threaten*», репрезентирующий иллокутивную силу угрозы (Austin, 1962: 130). Иначе говоря, ученый указал на то, что в условиях англоязычного социального взаимодействия не используются угрозы в форме «*I threaten you*», а перформативная формула угрозы не может быть поставлена в соответствие иллокутивной функции, так как угроза не имеет базисного иллокутивного показателя. Аналогично З. Вендлер утверждает, что невозможно угрожать словами «*I threaten*», так как, используя этот глагол, «я приглашаю вас не принимать во внимание мою угрозу: *я сам говорю, что это такое побуждение, которому следует сопротивляться*» (Вендлер, 1985: 247-248). Более того, экспликация иллокутивной силы угрозы при помощи глагола «*threaten*» приведет к «иллокутивному самоубийству» (Вендлер, 1985: 238).

Несмотря на интерес Дж.Л. Остина к вербальной репрезентации угроз он не включил их в свою классификацию в силу невозможности эксплицитного перформативного употребления глагола «*threaten*». Тем не менее, на основе анализа формулы *In saying x I was doing y* или *I did y* (*Говоря x, я делал y* или *я сделал y*), удобной и применимой для отбора глаголов, представляющих собой имена для иллокутивных актов, и формулы *By saying x I did y* или *I was doing y* (*С помощью высказывания x я сделал y* или *я сделал y*), удобной и применимой для отбора глаголов, являющихся именами для иллокутивных актов, Дж.Л. Остин отмечает, что глагол «*threaten*» является иллокутив-

ным глаголом или глаголом говорения (*verbum dicendi*). Примечательно, что глаголы, которые Дж.Л. Остин, «руководствуясь интуицией», отнес к классу имен иллокутивных актов (иллокутивных глаголов), «близки, по его мнению, к эксплицитным перформативным глаголам» (Остин, 1986: 106; Austin, 1962: 130). Например, он полагает, что «мы можем пользоваться» перформативом «*I threaten you with*» («Я угрожаю вам тем-то и тем-то»), но не «*I intimidate you by*» («Я запугиваю вас с помощью»), так как угроза является иллокутивным актом, а запугивание – перлокутивным актом (Остин, 1986: 101; Austin, 1962: 130). Сказанное подтверждается в его работе формулой угрозы (1) и формулой запугивания (2):

(1) «*In saying I would shoot him I was **threatening** him.* – Говоря, что я застрелю его, я ему **угрожал**» (Остин, 1986: 101);

(2) «*By saying I would shoot him I **alarmed** him.* – Сказав, что застрелю его (с помощью этих слов), я **напугал** его» (Остин, 1986: 101).

Приведенные примеры показывают, что при отсутствии канонической экспонентной перформативной лексемы «*threaten*» в высказываниях-угрозах не происходит смена свойств их перформативности (Романов, 1982; 1984а) или «аутореферентности», в терминологии Э. Бенвениста (1974: 308). Кстати сказать, идея о том, что феномен перформативности «не напрямую обусловлен языковой сущностью (в плане дихотомии язык – речь) и его нужно искать в другой сфере, скорее всего, в сфере анализа социально-коммуникативных отношений участников дискурсивной интеракции» (Романов, Романова, 2009: 80) была высказана в работах тверских исследователей теории перформативности (Романов, 1982; 1984а; Романов, Романова, 2009).

Основываясь на перформативной гипотезе Дж.Л. Остина, можно заключить, что автор высказывания-угрозы не ставит своей целью подчеркнуть с помощью иллокутивного глагола «*threaten*» свое коммуникативное намерение, а, напротив, ему важно дать собеседнику понять, что момент произнесения угрозы оказывается моментом «наступления» воздействия угрозы или моментом реализации действия (Кошмидер, 1962: 135). Становится понят-

ным, что высказывания-угрозы представляют собой особый тип перформативов, которые обладают свойством перформативности при отсутствии перформативного глагола в их манифестационной структуре, называющего действие данного речевого акта и эквивалентного воспроизведению этого действия в момент произнесения. Таким образом, Дж.Л. Остин описал характерную манифестационную особенность перформативных угроз, которая определила угрозу как особый тип перформатива и обозначила направление для последующего изучения угроз с позиций теории речевых актов.

Являясь прямым последователем идей иллокутивности и теории речевых актов, Дж.Р. Серль разделяет точку зрения Дж.Л. Остина о том, что нельзя совершить акта угрозы, сказав «*I hereby threaten*» (Searle, 1976: 6) или «*Я настоящим угрожаю*» (Серль, 1986: 177). Тем не менее, Дж.Р. Серль включает угрозу в предлагаемую им классификацию высказываний, которая «в основном лишь модифицирует классификацию Дж.Л. Остина» (Романов, 2005: 29) и вносит в нее ряд уточнений. В частности, в основе классификации Дж.Р. Серля лежит идея связать коммуникативную интенцию (иллокутивность) говорящего со значением самого высказывания и иллокутивным эффектом (иллокутивной силой), который направлен на адресата (Серль, 1986; Searle, 1971; 1974; 1975; 1976). При этом «целевое назначение того или иного прагматического типа высказываний обусловлено, по Дж.Р. Серлю, не иллокутивным глаголом, как это предлагает Дж.Л. Остин, а некоторым общим знаком, который выражает коммуникативно-функциональное использование этого типа говорящим» (Романов, 2005: 29).

Согласно типологии Дж.Р. Серля, высказывания-угрозы относятся к комиссивам (commissives) и представляют собой обязательство сделать что-либо адресату сообщения (Серль, 1986а: 163; Searle, 1976: 4). Целесообразно уточнить, что, «основываясь исключительно на выражаемых психологических состояниях (на различиях по характеру условия искренности)» (Серль, 1986: 174), ученый объединяет в единый тип высказываний под названием «комиссивы» угрозы, обещания, клятвы и ручательства, которые использу-

ются для выражения психологического состояния говорящего, обусловленного намерением что-либо сделать по отношению к адресату. Очевидно, что автор рассматривал комиссивы как тип речевых актов, объединенный иллокутивными показателями (репрезентантами), цель которых заключается в том, чтобы «возложить на говорящего обязательство (опять-таки в определенной степени) совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» (Серль, 1986: 182; ср.: «commissives then are those illocutionary acts whose point is to commit the speaker (again in varying degrees) to some future course of action» – Searle, 1976: 11).

Комиссивы у Дж. Р. Серля символически представлены следующим образом: $S \uparrow I$ (S совершает A), где символ I выражает намерения говорящего, символ \uparrow указывает на направление приспособления «реальность – слова», символы S и A обозначают соответственно говорящего и действие, а символ C в конкретном речевом акте замещается иллокутивным глаголом. Формула комиссивов (в том числе и высказываний-угроз) читается следующим образом: «говорящий S выполнит некоторое будущее действие A» (Серль, 1986: 183). Иначе говоря, в комиссивах говорящий берет обязательство совершить действия, обозначенные в пропозициональном содержании.

Следует отметить, что Дж. Р. Серль предпринимает попытку разграничить *обещания* и *угрозы* как разновидности комиссивов, предлагая для этого учитывать множество необходимых и достаточных условий их совершения (подробнее о подготовительных условиях, условиях искренности, условиях пропозиционального содержания и существенных условиях см.: Серль, 1986а: 161-169). Ученый утверждает, что коренное различие между обещаниями и угрозами заключается в том, что «обещание есть обязательство что-то сделать для вас («for you»), а не в ущерб вам («to you»), тогда как угроза есть обязательство что-то сделать в ущерб вам, а не для вас» (Серль, 1986а: 163). Ср. также: «a threat is an unwelcome promise» (Grant, 1949: 362) и «a threat may be defined as an unwelcome promise» (Peetz, 1977: 578). В этих обстоятельствах следует, однако, заметить, что более подробно Дж. Р. Серль не

рассматривает условия (критерии) отграничения угроз от других типов коммунистивов, как и не упоминает о соотношении угроз с иными типами высказываний, например, с директивами или экспрессивами.

Таким образом, интерес Дж.Л. Остина и Дж.Р. Серля к коммуникативно-интенциональному (иллокутивному) содержанию высказываний-угроз в контексте перформативной гипотезы заложил основу для дальнейшего изучения угроз и включения их в различные таксономии. В этой связи целесообразно рассмотреть коммуникативный статус угрозы в системе интенциональных типов высказываний.

1.2.2. Место угрозы в общей таксономии высказываний и критерии ее делимитации

В известных классификациях коммуникативно-прагматических типов высказываний исследователи по-разному подходят к определению содержания интенционального (иллокутивного) характера высказываний: в зависимости от критериев, положенных в основу классификации. Однако, несмотря на разнообразие предлагаемых критериев, угроза регулярно включается в опыты построения таксономий высказываний и рассматривается в качестве функционально-прагматической единицы общения.

В ряде зарубежных исследований, выполненных в русле перформативной гипотезы и посвященных речевым актам, представлено понимание угрозы как разновидности побудительного (каузативного) типа высказываний, в основе которого лежит волеизъявление говорящего лица, проявляющееся в его намерении побудить адресата совершить определенные действия под упоминанием возможного наказания (ср. побудительное значение глагола «*threaten*»: Вендлер, 1985: 246-247). В этом плане заслуживает внимание работа Дж. Сейдока, который относит угрозу к разряду побудительных предложений («*imperative sentences*») наряду с *псевдоимперативами* («*pseudo-imperatives*»), *предупреждениями* и *обещаниями* (Sadock, 1974: 142-143).

Опираясь на идеи Дж.Л. Остина, Дж. Сейдок обращает внимание на возможность перформативного использования глагола «*threaten*» в высказываниях-угрозах. При этом ученый указывает на то, что в угрозах может использоваться перформативный глагол «*warn*», приводя пример высказывания «*I warn you that if you don't marry my daughter I'll shoot*» (Sadock, 1974: 145). Кроме того, Дж. Сейдок, например, отмечает, что высказывание «*Hit me in the knee with that little hammer and I'll kick you in the chin*» может использоваться в определенных ситуациях как угроза или как предупреждение (Sadock, 1974: 143).

Обозначенная возможность употребления угрозы-предупреждения или «*threat-warning use of sentences*» (Sadock, 1974: 145) обусловила установление Дж. Сейдоком критериев для разграничения угроз и предупреждений. В частности, ученый предлагает считать, что автор угрозы намерен причинить вред адресату угрозы, к тому же автор угрозы (в отличие от автора предупреждения) контролирует последствия, если адресат откажется выполнить требуемые от него действия. Ср. также утверждение З. Вендлера о том, что в предупреждении «нет предпосылки, что человек был недружествен» (Вендлер, 1985: 246-247), а в угрозе «есть такая предпосылка» (Вендлер, 1985: 247). Примечательно, что предлагаемое Дж. Сейдоком разграничение угрозы и предупреждения в общих чертах напоминает разграничение угрозы и обещания у Дж.Р. Серля (Searle, 1976).

Побудительное (директивное) значение угрозы также фиксирует типология высказываний Й. Ребайна, в которой *угроза* наряду с *предупреждениями*, *ободрениями* и *предостережениями* относится к разновидности регулятивных побуждений (Rehbein, 1977). Согласно отмеченной типологии регулятивные побуждения характеризуются тем, что их автор в определенной стадии управляет действенным процессом слушающего. Иначе говоря, посредством языкового действия директивных побуждений, к которым относятся и угрозы в типологии Й. Ребайна, говорящий хочет принудить слушающего модифицировать текущий процесс действий, приостановить или остановить его (Rehbein, 1977: 125).

Наличие семы побудительности у высказываний со значением угрозы отмечает также А. Вежбицка, согласно которой угроза, «по-видимому, представляет собой попытку заставить кого-то сделать (или, скорее, не сделать) нечто» (1985: 268). Выстраивая классификацию речеактовых глаголов, ученый предлагает следующее, «весьма предварительное», по ее мнению, толкование английского глагола «*threaten*»: «Если ты двинешься, я выстрелю (угрожающе) = Предполагая, что ты не хочешь, чтобы я стрелял в тебя (или: что если я выстрелю в тебя, это будет для тебя плохо), желая сделать так, чтобы ты знал это заранее и не делал этого, я говорю: если ты двинешься, я выстрелю» (Вежбицка, 1985: 267). Согласно предлагаемому толкованию, глагол «*threaten*» имеет негативную оценку и содержит результативный оценочный компонент негативного характера («a final negative evaluation component» – Goddard, Wierzbicka, 2014: 168; ср.: «negative evaluation» – Traugott, 1993: 348; Verhagen, 1996: 803).

Поддерживая идею о том, что глагол «*threaten*» относится к группе глаголов, которые являются глаголами говорения, но не отмечены «остиновской меткой», то есть вообще не употребляются в 1-м лице единственного числа настоящего времени, А. Вежбицка отмечает, что присутствие или отсутствие в высказывании эксплицитного выражения перформативного глагола «несущественно с точки зрения его семантической структуры, если можно показать, что выражение этого вида составляет имплицитную, но интегральную часть высказывания (главным образом основываясь на показаниях интонации), то оно должно быть включено в семантическое представление этого высказывания» (Вежбицка, 1985: 273). Ср. толкование глагола «*угрожать*», претендующее, по мнению М.Я. Гловинской, на наиболее общий охват всех разновидностей угрозы: «X говорит У-у, что сделает Р, плохое для У-а. X говорит это для того, чтобы У боялся, что X сделает Р» (Гловинская, 1993: 187).

Обращает на себя внимание попытка К. Годдарда и А. Вежбицкой рассмотреть угрозу в соотношении с такими комиссивами как *обещания*, *предложения* и *предупреждения* (Goddard, Wierzbicka, 2014). Авторы отмеченной

работы указывают, что, во-первых, различие между угрозой и обещанием (а также клятвой, залогом, гарантией) кроется в предполагаемом будущем действии говорящего («projected future act of the speaker» – Goddard, Wierzbicka, 2014: 167). По мнению авторов, будущее действие говорящего является желательным для адресата обещания и нежелательным для адресата угрозы (также ср.: Conison, 1997; Palmer, 1986). Во-вторых, еще одно существенное отличие угрозы от обещания заключается в том, что автор угрозы «ни в коем случае не обязан выполнять угрозу» (Goddard, Wierzbicka, 2014: 167; также см.: Traugott, 1993: 348). Ср. результаты зарубежных исследований, согласно которым угрозы и обещания – это близкие речевые акты («threats and promises to be close relatives» – Salgueiro, 2010: 213), имеющие между собой больше общих черт, чем отличий и являющиеся двумя сторонами одной медали («two sides of the same coin» – Salgueiro, 2010: 214, также см.: Beller, 2002; Beller, Bender, 2004) или неделимым единством («an inseparable pair» – Salgueiro, 2010: 214).

Следуя такой логике, К. Годдард и А. Вежбицка утверждают, что угроза едва ли может рассматриваться как комиссивный тип высказываний («one can hardly regard threaten as a “commissive” speech act at all» – Goddard, Wierzbicka, 2014: 167). Кроме того, разграничивая угрозы и предупреждения, авторы упомянутой работы, полагают, что предупреждение – в отличие от угрозы – носит защитный характер и произносится из лучших побуждений («true warnings are protective and well-intentioned» – Goddard, Wierzbicka, 2014: 169). Тем не менее, ученые не рассматривают более подробно критерии разграничения угроз, обещаний и предупреждений.

В ряде известных таксономий высказываний угрозы часто относятся к комиссивному типу. Например, Д. Вундерлих предлагает классифицировать высказывания на семантико-прагматической основе и их «отношении ко всеобщим необходимым условиям речевого взаимодействия» (Wunderlich, 1976: 55-56). Лингвист подмечает определенное сходство угроз с *обещаниями* и *объявлениями*. В частности, Д. Вундерлих трактует угрозу как взятие обяза-

тельства сделать что-либо адресату, причисляя ее наряду с обещаниями и объявлениями к одному интенциональному типу комиссивов – *Kommissive* (Wunderlich, 1976: 77). Примечательно, что в типологии Д. Вундерлиха учитываются только «инициативные речевые акты, т.е. такие речевые акты, которые вводят новые условия речевого взаимодействия» (Wunderlich, 1976: 57-58; обзор таксономий см.: Романов, 2005: 23-36). Согласно такой логике, интенциональный тип высказываний-угроз является инициативным: угрозы вводят новые условия акта взаимодействия и тем самым кладут начало ряду последовательных действий. Однако в работе отмеченного характера не решается вопрос о критериях вычленения высказываний-угроз и установления их места в предлагаемой таксономии.

Не менее интересным представляется подход В.В. Богданова к классификации иллокутивных актов, согласно которому *угроза* относится к комиссивам наряду с *обязательствами, обещаниями, уверениями, гарантиями, пари, клятвами, согласиями, отказами, обетами и ручательствами* (Богданов, 1990: 54-55). Любопытна древовидная структура классификации иллокутивных актов В.В. Богданова, а также включение комиссивов, в число которых входят высказывания-угрозы, в тип адресатно-иницирующих побуждающих неинституциональных (неритуальных) иллокутивных актов. Из сказанного следует, что угрозы обладают признаками комиссивных и побуждающих (директивных) высказываний (ср.: Шелингер, 1986 и «directive-commissive acts» – Salgueiro, 2010: 214), однако В.В. Богданов не предлагает подробного описания указанных признаков высказываний-угроз.

В этом плане примечательно появление в последние десятилетия лингвистических исследований, рассматривающих угрозу как сложный директивно-комиссивный акт, между частями которого существуют «отношения прагматической связанности» (Ерофеева, 1997: 2). Следует отметить и такой подход к пониманию угрозы, согласно которому угроза являет собой разновидность директивного «слитного речевого акта» (Поспелова, 2001: 8), т.е. такого акта, который характеризуется наличием в его составе обязательного

эмоционального компонента, «сливающегося» с иллокутивным компонентом.

Рассматривая вопрос включения угрозы в те или иные таксономии, целесообразно заметить, что в некоторых из них типу высказываний-угроз не уделяется достаточного внимания. В этой связи приходится констатировать, что проблема установления статуса угрозы в таксономии высказываний наиболее полно отражает широко обсуждаемый в научной литературе вопрос о том, что следует классифицировать – речевые акты или «глаголы, которые обозначают действия, производимые при говорении» (Кобозева, 1986: 18) и используются для экспликации иллокутивной силы высказывания (Богданов, 1989; Романов, 1982; 2005; Романов, Романова, 2009). В частности, есть все основания утверждать, что те исследователи, которые, продолжая традицию Дж.Л. Остина, брали за основу типологии речевые средства, а именно, перформативные глаголы, не включали угрозы в разряд тех или иных высказываний своей типологии (ср.: Bach, 1979; 2003; Fraser, 1974; 1975). Например, Б. Фрейзер выделяет иллокутивные типы высказываний, основываясь на их репрезентации соответствующими перформативными глаголами или группами таких глаголов (Fraser, 1974; 1975). Поэтому, вполне очевидно, что в силу невозможности перформативного употребления глагола «*threaten*» высказывания-угрозы в классификации Б. Фрейзера не представлены.

Тем не менее, в своих последующих исследованиях Б. Фрейзер поднимает вопрос о соотношении *угроз* с такими типами высказываний как *обещания* и *предупреждения* (Fraser, 1976; 1998). Ученый предлагает условия (критерии) реализации высказываний-угроз, в число которых входят 1) намерение говорящего лично совершить действие (или нести ответственность за его совершение); 2) убежденность говорящего в том, что это действие приведет к неблагоприятному положению дел для адресата и 3) намерение говорящего запугать адресата (Fraser, 1998: 162). Указанные условия Б. Фрейзер использует для разграничения угроз, обещаний и предупреждений. Ученый полагает, что угрозы являют собой неблагоприятные действия («*unfavourable acts*» – Fraser, 1998:164), направленные на формирование у адресата страха, в

то время как обещание – есть обязательство совершить благоприятные для адресата действия («favourable acts» – Fraser, 1998: 164). Ср. утверждение о том, что угрозы предполагают наказание, не входящее в ожидание адресата («contingent deprivations», в терминологии Davis, 2000: 27), а обещания – ожидаемое вознаграждение («contingent improvements», в терминологии Davis, 2000: 27).

Разграничивая угрозы и предупреждения, Б. Фрейзер указывает на то, что автор предупреждения, также как и автор угрозы, упоминает неблагоприятные действия для адресата, однако автор предупреждения реализует свое высказывание в интересах адресата, информируя его до того, как произойдет негативное воздействие. Кроме того, Б. Фрейзер добавляет, что угроза и предупреждение не ориентированы ни на пользу для говорящего, ни на вред для него. При этом предупреждение реализуется в пользу слушающего, а угроза – нет. Ученый признает, что в некоторых случаях достаточно сложно разграничить угрозы и предупреждения (ср. «a warning is much closer to a threat and, on occasion, the distinction is blurred» – Fraser, 1998: 164). В частности, Б. Фрейзер указывает, что говорящий контролирует результат (последствия) угрозы, но не ясно, делает ли он это при реализации предупреждения (см. знак «?» в предлагаемой им таблице, содержащей критерии делимитации угроз, предупреждений и обещаний: Fraser, 1998: 166).

Интересна также иная точка зрения на условия реализации угроз и предупреждений, согласно которой, угрозы реализуются в пользу говорящего, а предупреждения – нет; угрозы реализуются в ущерб адресату, а предупреждения – нет (Shuy, 1996: 98). При этом автор угрозы контролирует результат, а автор предупреждения этого не делает. В свою очередь, адресат предупреждения контролирует результат, но адресат угрозы этого не делает.

Целесообразно отметить, что зарубежные исследователи, как правило, включали угрозы в какой-либо общий тип высказываний – комиссивных или побудительных, в то время как в отечественном языкознании Г.Г. Почепцов (1975; 1981) предложил классификацию, в которой угроза или предложение-

угроза относится к отдельному прагматическому типу высказываний. Ученый приводит следующие примеры англоязычных угроз: «*If you don't let go, I'll cut off you nasty, great, slimy tail!*»; «*I'd give you such a belt in a second*» (Почепцов, 1981: 274).

Лингвист строит классификацию с учетом коммуникативно-интенционального содержания высказываний, в семантической структуре которых коммуникативная интенция выражается прагматическим компонентом (Почепцов, 1981; обзор классификации см.: Романов, 2005: 35). При этом решающим признаком для отнесения высказывания к тому или иному типу является «характер прагматического компонента» (Почепцов, 1981: 271), содержание которого схематично представлено в виде сочетания «*I (hereby) + глагол*», определяющего иллокутивную силу высказывания. К тому же автор классификации учитывает и реакцию адресата на иллокутивную силу высказывания, «одним из первых предпринимая попытку в теоретическом наследии речевых актов преодолеть статическую природу речевого поведения участников коммуникативного взаимодействия» (Романов, Романова, 2009: 110).

Выделение предложений-угроз в отдельный тип высказываний позволило Г.Г. Почепцову предложить термин «менасив» для наименования такой разновидности предложений (1975). Указанный термин «менасив», а также производное от него прилагательное «менасивный» (ср. «менасивный речевой акт», «менасивное значение»), оказались достаточно востребованным в германистике и в настоящее время активно используются в работах, выполненных на материале различных языков (Бут, 2004; Быстров, 2001; Ерофеева, 1997; Мартынова, 2006; Мельник, Мисонжников, 2018; Эпштейн, 2010).

Следует отметить особый интерес Г.Г. Почепцова к сопоставительному изучению *предложений-угроз* (менасивов) и *предложений-обещаний* (промисивов). Выделяя менасивы и промисивы в отдельные типы высказываний, ученый утверждает, что они являют собой разные прагматические типы предложений. Однако Г.Г. Почепцов признает, что у менасивов много общего с промисивами, например, отнесенность к будущему и ряд особенностей роле-

вой структуры (1981: 274; 1975). При этом продуцирующий промисивы говорящий выступает во всех случаях как гарант реальности обещаемого, а, в свою очередь, автор менасивов не выступает в качестве гаранта реальности будущего события, так как «он может угрожать и событием, совершение которого от него не зависит (Почепцов, 1981: 274), например: «*He'll pay you*».

По мнению Г.Г. Почепцова, необходимым условием реализации некоторого предложения как промисива является заинтересованность адресата в осуществлении того, о чем идет речь в предложении, в то время как «адресат угрозы не заинтересован в осуществлении того, о чем идет речь в предложении» (Почепцов, 1981: 274). Из сказанного следует, что лингвист предложил описание прагматического содержания или содержания прагматического компонента высказываний-угроз, исходя из того, что «чисто синтаксическая (языковая) оформленность высказывания» или «манифестационный каркас» (Романов, Романова, 2009: 109) способны определять его прагматический (иллокутивный) тип и содержание, хотя Г.Г. Почепцов и не ставил своей задачей подвергать анализу манифестационные разновидности менасивов и подробно рассматривать их функционально-семантические характеристики.

Показательно, что в зарубежных исследованиях 70-80-х годов XX века, выполненных в рамках теории речевых актов, угроза трактуется не только как комиссивный или побудительный тип перформативных высказываний, но и рассматривается как составляющая социально-коммуникативных отношений между собеседниками. В этом плане заслуживает внимание прагматическая классификация высказываний, предложенная Ю. Хабермасом (Habermas, 1971), который включает угрозы в регулятивный тип (*Regulativa*). Автор строит классификацию не на основе коммуникативно-интенционального признака, а на основе социальных критериев, главным образом, социально-ролевого статуса коммуникантов. Поэтому наряду с *угрозой* к разряду регулятивов он относит внушительное количество интенциональных типов высказываний, в число которых входит *приказ, требование, предупреждение, запрет, разрешение, совет, признание, согласие, прощение, отказ, подтверждение,*

извинение, предположение, уступка (Habermas, 1971: 111-114; критический обзор типологии см.: Романов, Романова, 2009: 110-111).

Любопытно включение угрозы в типологию Дж. Лича (Leech, 1983), содержащую четыре класса высказываний, которые выделяются «в соответствии с тем, как они связаны с социальной целью установления и поддержания вежливости» (Leech, 1983: 104). Ученый относит *угрозу*, наряду с *обвинением, проклятием* и *выговором* к конфликтному типу, полагая, что иллокутивная цель угрозы конфликтует с социальной целью (Leech, 1983; ср.: «hostile act» – Chilwa, 2016: 323; Salgueiro, 2010: 220 и «conflictive speech act» – Muschalik, 2018).

Таким образом, анализ работ, фиксирующих место угрозы в общей таксономии высказываний и затрагивающих критерии ее делимитации, показывает, что в настоящее время в германском языкознании по-прежнему остается актуальным вопрос рассмотрения коммуникативного статуса угрозы. Наличие различных точек зрения на понимание интенциональной природы высказываний-угроз и критериев (условий) их реализации подтверждает непреходящий интерес лингвистов к проблеме соотношения угроз и обещаний, а также угроз и предупреждений, обозначенной еще в исследованиях 50-60-х годов XX века. В указанном ракурсе рассуждений следует также отметить попытки ученых дать определение угрозе через предупреждение или обещание.

Более того, на фоне отсутствия единого мнения относительно коммуникативно-интенциональной природы феномена вербальной угрозы лингвисты не поднимают вопрос включения в классификационные разработки высказываний-угроз, реализованных в условиях англоязычной социо-политической коммуникации, а также не предпринимают попыток разработать критерии эффективного использования предвыборных угроз в публичных речах политических деятелей. Поэтому становится понятным, что в области лингвистических исследований не установлен коммуникативный статус предвыборных менасивов как функционального класса синтаксических объектов в системе интенциональных типов высказываний.

1.2.3. Структурно-организационный подход к определению статуса менасивных высказываний

Несмотря на наличие “белых пятен” в понимании коммуникативно-интенциональной природы высказываний-угроз, в последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике предпринимаются многочисленные попытки проанализировать манифестационные и содержательные (тематические) характеристики менасивных высказываний.

Отечественные и зарубежные лингвисты регулярно обращаются к изучению вербальных (прямых, косвенных, окказиональных) способов выражения угрозы на материале различных языков. В этом плане примечательно значительное количество работ, посвященных описанию средств поверхностной репрезентации менасивов на материале *английского языка* британского и американского вариантов (Быстров, 2001; Жучков, 2010; Магсумова, 2016; Мартынова, 2006; Хохлова, 2004; Эпштейн, 2010; Carter, 2010; Castelfranchi, Guerini, 2007; Davis, 2000; Fraser, 1998; Gingiss, 1986; Goddard, Wierzbicka, 2014; Kent, 1967; Muschalik, 2018; Nick, 2018; Nicoloff, 1989; Tompkinson, 2018; Watt, Kelly, Llamas, 2013), а также на материале *немецкого языка* (Арский, 1998; Благий, 1994; Малинович, 1988; Мельник, Мисонжников, 2018; Трофимова, 2008). Ученые отмечают возможность использования в менасивах «оценочной лексики при характеристике партнера» (Рабенко, Нестерова, 2007: 240), «стилистически сниженной лексики» (Рогожникова, 2011: 75) или «инвективных обращений» – пейоративов (Магсумова, 2016: 126; ср.: Газизов, 2010: 8; Nick, 2018).

Феномен высказываний-угроз привлекает внимание специалистов по автоматической обработке языка, предлагающих алгоритм (программу) для распознавания угроз, советов, предупреждений и обещаний, реализованных в форме побудительного наклонения (Donaghy, 1986; Chung, Pennebaker, 2011), а также менасивы изучаются в логике (Amgoud, Prade, 2005) и в переводческом аспекте (Хамраева, 2019). Ученые регулярно проводят экспериментально-фонетические исследования просодических и интонационных харак-

теристик менасивов (Бут, 2004а; Григорьев, Евтеев, 2017; см. также упоминание об угрозе как о речевом явлении, которое связано с резко выраженной интонацией: Бахтин, 1986: 386), изучают фонетику угроз («the phonetics of threat» – Watt, Kelly, Llamas, 2013: 100) и угрожающий тон голоса или «threatening tone of voice» (Tompkinson, 2018; Watt, Kelly, Llamas, 2013).

Тем не менее, при описании особенностей поверхностной репрезентации высказываний-угроз отечественные и зарубежные лингвисты сходятся во мнении, что такие высказывания не имеют закрепленных за ним специфических средств выражения в английском языке, а их поверхностная манифестация осуществляется при помощи разнообразных синтаксических конструкций (Быстров, 2001; Магсумова, 2016; Рабенко, Нестерова, 2007; Хохлова, 2004; Carter, 2010; Fraser, 1998; Nick, 2018; Salgueiro, 2010; Tompkinson, 2018). Например, Б. Фрейзер выделяет несколько синтаксических форм, каждая из которых может использоваться для выражения угрозы в английском языке: 1) «*If you don't stop talking, I'm going to punish you*», 2) «*Stop talking or I'm going to punish you*», 3) «*Don't stop talking and I'm going to punish you*», 4) «*Unless you stop talking, I'm going to punish you*» (Fraser, 1998: 167).

Вместе с тем исследователи регулярно указывают на условный характер угрозы («conditional structure “do this or else”» – Goddard, Wierzbicka, 2014: 168), фиксируя менасивы в форме условных конструкций («if-then statements», в терминологии Davis, 2000: 26; «conventional formulae», в терминологии Salgueiro, 2010: 215; «if-clause», в терминологии Goddard, Wierzbicka, 2014: 168), например: «*If you renounce terrorism then we will agree to negotiations on autonomy*» (Davis, 2000: 26); «*Your money or your life!*» или «*You'll pay for this!*» (Salgueiro, 2010: 215); «*If you don't do it, I'll send you to your room*» (Goddard, Wierzbicka, 2014: 168), а также в форме противительных конструкций («or-construction»), например: «*Do it now or you'll be grounded for a week*» (Goddard, Wierzbicka, 2014: 168).

В данном контексте важно отметить, что лингвисты выделяют три формальные разновидности высказываний-угроз в английском языке (Gales,

2012; Greenawalt, 1989; Tompkinson, 2018; Watt, Kelly, Llamas, 2013). Первую разновидность формируют **прямые угрозы** («direct threats» или «pure threats», в терминологии Greenawalt, 1989: 89, ср. угрозы в «чистом» виде: Благий, 1994: 9), которые называют только последствия для адресата и не содержат указания на необходимость совершить какие-либо действия, чтобы избежать негативных последствий, например: «*I'll break your legs for sleeping with my girlfriend*» (Tompkinson, 2018: 37).

Вторая группа включает **прямые условные угрозы** («direct conditional threats»), как правило, реализуемые по формуле «if you don't do X, then I will do Y» (Milburn, Watman, 1981:11; ср.: Kent, 1967; Limberg, 2009; Nick, 2018), например: «*If you don't pay me the money I'm owed, I'll break your legs*» (Tompkinson, 2018: 38). Очевидно, что прямые и прямые условные угрозы содержат в поверхностной манифестации указание на негативные последствия для адресата, а прямые условные угрозы содержат еще и условие наступления таких последствий.

Кроме того, ученые регулярно фиксируют возможность функционирования высказываний-угроз без вербализации предполагаемого негативного действия. Поэтому третья группа представляет собой **косвенные угрозы** («indirect threats» – Fraser, 1998: 169; Gales, 2012; Gingiss, 1986; Storey, 1995; Yamanaka, 1995), т.е. высказывания, которые не содержат эксплицитного выражения о намерении говорящего совершить действие не в интересах адресата, однако такие высказывания могут быть оценены как угрозы в определенной ситуации социального взаимодействия (ср.: «there is no expression of intention to perform an unfavourable act, yet the utterance could plausibly be interpreted as a threat» – Tompkinson, 2018: 40), например: «*I know where you live*» (Tompkinson, 2018: 40; Watt, Kelly, Llamas, 2013: 105).

С указанных позиций примечательно мнение ученых о том, что формальные отличия между угрозами и обещаниями незначительны («the formal differences between promises and threats are minimal» – Salgueiro, 2010: 216). Однако важно понимать, что обещание должно иметь вербальную репрезен-

тацию, в то время как угрозой может быть высказывание «без вербализации предполагаемого негативного действия», ср.: «promises must be communicated, but threats and warnings need not» (Sperber, Wilson, 1986: 145).

Важно дополнить, что лингвисты поднимают вопрос употребления вопросительных предложений в значении угрозы (Хохлова, 2004; Carter, 2010; Conrad, 1983), например: «*Don't you realize I could have killed you ten times by now?*» (Carter, 2010: 57). Тем не менее, в указанных работах не анализируется механизм использования вопросительных предложений в значении угрозы, а также не рассматриваются возможности прагматической транспозиции вопросительных предложений в коммуникативно-интенциональный тип угроз (о прагматической транспозиции см.: Романов, 1988: 148-155; 2005: 115-123).

Конечно, обозначенные способы реализации менасивов не исчерпывают все возможности их поверхностной репрезентации, однако указывают на условный характер вербальной угрозы. В этом плане показательно, что отечественные и зарубежные исследователи единогласно подтверждают, что менасивы структурно состоят из двух частей (компонентов): условной части и части, где говорящим эксплицируется действие, которое он предполагает совершить в ущерб адресату. Тем самым, любая угроза предполагает наличие двух ситуаций – *причины угрозы* и *содержания угрозы* (Быстров, 2001: 14-28; Ерофеева, 1997: 5; Мельчук, 1995: 325-346; ср. также возможность соединения двух видов отношений между говорящим и слушающим по поводу одного и того же предмета в высказываниях-просьбах, в которых говорящий что-то просит, а слушающий выполняет – Романов, 2005: 46), а «непосредственной угрозе применения каких-либо штрафных мер предшествует некое условие, невыполнение которого и повлечет менасивные действия» (Бут, 2004а: 6).

Сказанное объясняет тот факт, что изучение условного характера менасивов, как правило, сводится к описанию синтаксических конструкций, выражающих условно-следственную или причинно-следственную связь между условием / причиной угрозы и возможным негативным воздействием на адресата угрозы (Быстров, 2001; Малинович, 1988), а также конструкций, со-

державших указание на причинно-следственную связь «между угрозой и категорией страха и опасения» (Благий, 1994: 7).

Повышенное внимание лингвистов к изучению лексико-грамматических средств поверхностной репрезентации высказываний-угроз позволяет им осознать необходимость различать разновидности таких высказываний. Например, в работе А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина (1992) выделяются *угрозы-предостережения*, обращенные в будущее, и *угрозы-компенсации* за уже совершенный проступок. Аналогично в работе В.И. Шаронова (1997) описаны два типа угроз, связанные с временным параметром осуществления действия-возмездия: немедленное возмездие («*Ну берегись теперь*»; «*Погоди же*» и др.) и отложенное на ближайшее будущее («*Я это / этого так не оставлю*»; «*Я приму меры*» и др.).

С указанных позиций примечательна типология угроз И.А. Мартыновой, которая, анализируя лексические средства поверхностной репрезентации высказываний-угроз в английском языке, выделяет угрозу физического ущерба, общую неконкретизированную угрозу и угрозу психологического ущерба (Мартынова, 2006: 11). Аналогично, Д.О. Жучков классифицирует потенциальные негативные для адресата последствия, включающие 1) угрозу жизни адресата, например: «*If you hold back anything, I'll kill you*»; «*If you bend the truth, or I think you are, I'll kill you*»; 2) физический ущерб адресату, например: «*I will shoot you in the spine through the back of the seat*»; 3) моральный ущерб адресату, например: «*If you go to him, you will be never welcome in this house again*»; 4) «смешанный ущерб» (т.е. потенциальный моральный и физический ущерб адресату), например: «*Bring back what belongs to me*», а также 5) ущерб собственности адресата, например: «*If you don't move it [your car] we will move it*» (Жучков, 2010: 8-9).

В свою очередь, О.В. Эпштейн, проводя компонентный содержательный анализ высказываний-угроз, реализованных в англоязычном политическом дискурсе, выделяет два класса высказываний-угроз (менасивных речевых актов): конкретизируемая угроза и неконкретизируемая угроза (ср. также

Шейгал, 2000: 298-299). К первому классу угроз она относит угрозу физической расправы, угрозу экономических санкций, угрозу политических санкций, угрозу судебного преследования, угрозу промышленной и военной мощью и приводит пример такой угрозы «*We will hunt down the criminals. We will kill them or we will capture them*» (Эпштейн, 2010: 10). К классу неконкретизируемых угроз, в котором выбор лексических единиц не позволяет определить способ нанесения адресату ущерба, автор относит общие угрозы и угрозу как символическое объявление войны, например: «*Saddam Hussein is a threat to America, and we will deal with him*» (Эпштейн, 2010: 10).

Представляется очевидным, что в основе отмеченных типологий менасивных высказываний лежит их тематическая составляющая, проявляющаяся на лексическом уровне. Поэтому вполне вероятно, что зафиксированные разновидности англоязычных менасивов могут быть дополнены или уточнены при наличии иного материала исследования в виде политического дискурса.

Таким образом, на фоне широкого интереса ученых к манифестационным и содержательным характеристикам высказываний-угроз приходится констатировать, что в настоящее время недостаточно изучены семантические свойства таких высказываний. Кроме того, лингвисты не поднимают проблему описания содержательной специфики менасивов, отражающей комплексное представление носителей языка о феномене вербальной угрозы. Сложившееся положение дел объясняется тем, что ученые направляют свой исследовательский интерес на описание тематической составляющей высказываний-угроз и различных синтаксических конструкций, выражающих условно-следственную (причинно-следственную) связь между условием (причиной) угрозы и возможным негативным воздействием на адресата.

Несмотря на то, что лингвисты обращают внимание на англоязычные высказывания-угрозы, реализованные в условиях политической коммуникации, они не предлагают целостного описания предвыборных менасивов как системы функциональных синонимов в английском языке. В этой связи оказывается неразработанной инвариантная модель (формула) функционального

класса предвыборных высказываний-угроз и её возможные варианты развертывания, а также остается нерешенным вопрос о возможностях функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов в условиях англоязычного политического дискурса. Характерно, что при таком подходе остаются без должного описания функционально-семантические особенности предвыборных высказываний-угроз, а также отсутствует типология менасивов с учетом их содержательной и прагматической специфики.

1.2.4. Политические менасивы в формате коммуникативно-прагматических изысканий

На фоне внушительного количества работ, посвященных возможностям поверхностной репрезентации менасивов в английском языке и их тематической составляющей, обращает на себя внимание широкий интерес ученых к аспекту функционирования таких высказываний в условиях политической интеракции, а также к выявлению роли угрозы в установлении коммуникативно-социальных отношений между участниками предвыборного дискурса.

Затрагивая вопрос функционирования менасивов в политическом дискурсе, важно отметить, что в отечественной и зарубежной лингвистике закрепились представления об угрозе как о феномене, который «устойчиво ассоциируется с речевой агрессией» в ситуации рассогласованного общения (Рабенко, Нестерова, 2007: 235; ср.: Алёшина, 2015; Апресян, 2003; Мартынова, 2006; Маслова, 2013; Седов, 2003; 2005; Стексова, 2013; Хамраева, 2019; Щербинина, 2004; Шейгал, 2000; Эпштейн, 2010; Culpeper, 2011), а также представляет собой «неэтикетное речевое действие, провоцирующее конфликт» (Очеретина, 1995: 51; ср.: Мельник, Мисонжников, 2018). Например, К.Ф. Седов полагает, что *угрозы* наряду с *оскорблениями* и *злопожеланиями* относятся к «ядерным видам проявления речевой агрессии» (Седов, 2005: 89). Лингвист выделяет тринадцать агрессивных субжанров (речевых актов, тактик), в число которых входит *угроза* и *универсальная тактика угрожающего молчания*, а также *инвектива* (оскорбление), *возмущение*, *обви-*

нение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, проклятье, зложелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта и констатация некомпетентности (Седов, 2003; 2005).

С указанных позиций примечательна попытка А.Н. Баранова разделить высказывания-угрозы на два типа – *угрозы-наказания* и *угрозы-предупреждения* (Баранов, 2014: 140-143). Согласно предлагаемому подходу, угрозы-наказания непосредственно переходят в конфликт, поскольку реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и наступает момент воздаяния за содеянное. В свою очередь, «угрозы-предупреждения могут привести к урегулированию конфликта» (Баранов, 2014: 143), поскольку используются в тех случаях, когда «говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц) и пытается предотвратить это» (Баранов, 2014: 141), ср. также «угрозы с оттенком предупреждения» (Благий, 1994: 10).

В ряде исследований отмечается, что высказывание-угроза, спонтанно произнесенное в конфликтной ситуации диалогического взаимодействия («unintentional», «in the heat of the moment» – Kennedy, Benson, McMillan, 1980), способствует коммуникативному рассогласованию партнеров по диалогу, а сама угроза представляет собой наименее приятное действие, которое совершается при помощи слов («threatening is among the less pleasant “things we do with words”» – Muschalik, 2018). Ученые также регулярно описывают случаи, в которых высказывания-угрозы способствуют нагнетанию эмоциональной напряженности собеседников («escalatory response» – Kennedy, Benson, McMillan, 1980) или ответной угрозе (ср. «a threat would lead to a counter-threat» – Culpeper, 2011). Кроме того, важно зафиксировать мнение о том, что высказывания-угрозы представляют собой враждебный речевой акт («hostile act» – Chilwa, 2016: 323; Salgueiro, 2010: 220).

Лингвисты также полагают, что угроза как «особый класс отрицательно-эмотивных высказываний» (Рабенко, Нестерова, 2007: 236) не характерна для ситуации официального общения и для общения с людьми более

высокого социального статуса. При этом ученые считают, что, если «адресант, обладающий более низким социальным статусом, употребляет речевые акты угрожающего характера в ситуации общения с человеком с более высоким социальным статусом, то на момент общения эти социальные различия как бы виртуально нейтрализуются, и говорящий ставит себя в равное со своим собеседником положение в аспекте социальной субординации» (Рабенко, Нестерова, 2007: 236).

В этом плане следует отметить и иную точку зрения, согласно которой «оппонент, имеющий более низкий социальный статус (например, террорист) может угрожать вышестоящему по статусу оппоненту (государству)» (Хамраева, 2019: 44). Однако, несмотря на разногласия в оценке статусных отношений между автором менасива и его адресатом, лингвисты не изучают особенности употребления вербальных форм высказываний-угроз в ситуации, когда автор угрозы обладает более низким социальным статусом, а также не анализируют интенсивность воздействия таких высказываний на адресата.

В русле сказанного становится понятным интерес исследователей к изучению высказываний-угроз как «стандартного речевого акта агрессии» (Эпштейн, 2010: 3) политического деятеля. Рассматривая угрозу как проявление вербальной агрессии, лингвисты, как правило, обращают внимание на возникновение конфликтных ситуаций в случае использования менасивов политическими деятелями (Багдасаров, Ленец, 2020; Громова, 2019; Кортаева, Месропян, 2020; Магсумова, 2016; Мельник, Мисонжников, 2018; Пильгун, 2016; Эпштейн, 2009; 2010; Culpeper, 2011; Glasgow, Schouten, 2014).

Тем не менее, ряд ученых допускает возможность функционирования менасивов как эффективного средства достижения целей говорящего, которое не нарушает согласованность коммуникативного взаимодействия партнеров по диалогу (Lockhart, 1973; Lytle, Kopelman, 2005). С указанных позиций примечательно, что сам факт реализации угрозы рассматривается как тактика вербального поведения говорящего, направленная на определенное воздействие на собеседника (Adams, 1965; Bacharach, Lawler, 1981; Castel-

franchi, Guerini, 2007), а также как «оптимальная коммуникативная тактика, выбранная говорящим для достижения цели» (Очеретина, 1995: 50; ср.: Ланских, 2008) или «тактическое средство воздействия» (Рогожникова, 2011: 70). Лингвисты также утверждают, что угроза являет собой эффективное средство «добиться желаемого положения дел» (Мельчук, 1995), которое направлено на «инициирование или торможение разных форм активности партнера по коммуникации» (Бут, 2004: 133; Рабенко, Нестерова, 2007: 238), и относят угрозу к убеждению как к форме осуществления воздействия на собеседника при помощи упоминания возможного наказания (Григорьева, 2006: 38-39).

Неудивительно, что на фоне возросшего интереса к высказываниям-угрозам как к эффективному средству достижения целей говорящего, исследователи обращают внимание на их целенаправленное использование в качестве «инструмента социального влияния» (Davis, 2000) в политической коммуникации и, в частности, в публичных выступлениях политиков (Гаус, Рябова, 2017; Молодыченко, 2010; Хамраева, 2019; Хлопотунов, 2018; Шейгал, 2000; Albertson, Gadarian, 2015; Bayley, Bevitori, Zoni, 2004; Dijk, 2009; Limberg, 2009; Nick, 2018; Safwat, 2015; Seligson S., Seligson M., 2016). Повышенный интерес современных ученых к использованию менасивов в вербальном поведении политиков вполне оправдан, ибо такие высказывания привлекают внимание аудитории, являясь «яркими пятнами на сером фоне» (Магсумова, 2016: 128), например: «*They want us divided*» (Trump, 2019); «*This disease could impact every nation and any person on the planet*» (Biden, 2020); «*We can't let Donald Trump bankrupt America the way he bankrupted his casinos*» (Clinton, 2016b).

При таком подходе ученые полагают, что использование политиком высказываний-угроз уже являет собой тактику вербального воздействия на массового адресата, и оценивают реализацию менасивов на фоне других интенциональных типов высказываний, зафиксированных в выступлении политика. Другими словами, лингвисты признают, что предвыборные менасивы обладают определённым воздействием на массового адресата и отмечают,

что «эффективность речевого воздействия заключается в апелляции к когнитивной и эмоциональной сфере реципиента» (Коротаяева, Месропян, 2020: 22).

Однако, рассматривая менасивы как инструмент воздействия на массового адресата политического дискурса и как «тактический прием манипуляции противником в ситуациях с диаметрально разными целями: борьба за власть и переговоры» (Эпштейн, 2009: 1337), лингвисты акцентируют внимание на языковых средствах их поверхностной репрезентации и тематическом содержании. Поэтому вполне очевидно, что ученые практически нивелируют возможность различного прагматического воздействия высказываний-угроз, обладающих определенными манифестационными особенностями и содержательными характеристиками, и, следовательно, не предпринимают попыток дифференцировать воздействующий потенциал тактики угрозы по признаку прагматической интенсивности или “глубины” интенсивности прагматического эффекта. В результате остается нерешенным вопрос не только о прагматической эффективности реализации высказываний-угроз в политическом дискурсе, но и не поднимается проблема описания вербально-когнитивной основы тактико-стратегического функционирования менасивов в речах политических деятелей.

Тем не менее, складывается впечатление, что к настоящему времени в общем и германском языкознании отчетливо проявилась необходимость описания интенсивности воздействия менасивов, реализованных в условиях политической коммуникации, ср. «the world of the recipient of the threats also needs to be understood» (Chung, Pennebaker, 2011: 3). В этой связи обращают на себя внимание попытки лингвистов определить «уровень угрозы» («determination of threat level» – Glasgow, Schouten, 2014: 38) и предложить прагматическую оценку высказываний-угроз, например, как *серьезных* и *реальных* («serious and real threat» – Shuy, 1993: 109; «serious threat» – Fraser, 1998: 169; Tompkinson, 2018: 26; «serious death threat» – Tompkinson, 2018: 26), а также как *абсурдных* («empty threat» – Fraser, 1998: 163). Однако, предлагаемые оценки высказываний-угроз не базируются на содержательных и коммуника-

тивно-функциональных свойств таких высказываний. Кроме того, ученые не предлагают какую-либо “шкалу мерности” для определения интенсивности воздействия менасивов на адресата.

Анализ научной литературы также показывает, что достаточно остро стоит вопрос поиска критериев для оценки интенсивности менасивных высказываний, так как, вполне очевидно, что субъективных оценок участников социально-политического взаимодействия будет недостаточно, ср. «for an act to count as a threat, it would seem to be necessary for its purpose to be to intimidate or cow the person threatened» (Salgueiro, 2010: 215). В частности, представляется недопустимой ситуация, в которой высказывание может быть оценено как угроза, даже если оно не планировалось как угроза (ср. «a curious fact about threats is that an utterance may be accurately characterized as a threat even though it was not intended as a threat» – Donaghy, 1986: 39).

Становится понятным, что ученые не сходятся во мнении по поводу прагматической эффективности реализации менасивов в политическом дискурсе. С учетом различий взглядов на понимание природы высказываний-угроз и разносистемности исследуемого языкового материала необходимо отметить *расхождение терминологического характера* при их описании, что говорит об отсутствии четко сформированной теоретической базы. Из этого следует, что высказываниями-угрозами можно считать, например:

а) «коммуникативно-прагматический класс предложений, служащий для реализации угрозы» (Благий, 1994: 3),

б) предложения-угрозы или «менасивы» (Почепцов, 1975; 1981; Мельник, Мисонжников, 2018),

в) «речевые акты угрожающего характера» или «угрожающие высказывания» (Бут, 2004; 2004а),

г) «речевые акты угрозы» или «менасивные речевые акты» (Мартынова, 2006; Хамраева, 2019; Эпштейн, 2010), а также

д) «менасивные диалогические реплики» (Быстров, 2001).

Любопытно, что и среди зарубежных исследователей нет единообраз-

ного подхода к теоретическому обоснованию разграничений в обозначении высказываний-угроз, например:

а) «act of threatening» (Salgueiro, 2010: 215),

б) «threatening utterances» (Carter, 2010: 49),

в) «threat utterances» (Tompkinson, 2018: 2),

г) «threatening communications» (Chung, Pennebaker, 2011: 3; Glasgow, Schouten, 2014: 38; Nick, 2018: 183),

д) «threatening language» (Gales, 2015: 2; Tompkinson, 2018: 23),

е) «menacing messages» (Chiluwa, 2016: 318), а также

ё) «menacing utterances» (Tompkinson, 2018: 35).

Представляется важным уточнить, что в зарубежной лингвистике достаточно редко используются термины «menacing explicit messages» (Chiluwa, 2016: 318) и «menacing utterance» (Tompkinson, 2018: 35), производные от англоязычного глагола «*to menace*» для наименования высказываний-угроз (ср. лат. *minatio, minationis* – «угроза»). В этой связи еще раз напомним, что термин «менасив» применительно к высказываниям-угрозам был предложен в отечественной лингвистике германистом Г.Г. Почепцовым. Тем не менее, в зарубежных исследованиях встречается упоминание о менасивной природе (ср.: «the menacing nature of the act of sending the testicles» – Salgueiro, 2010: 215) и менасивном воздействии высказываний-угроз (см.: «menacing effect» – Nick, 2018: 192). Поэтому термины «угроза», «высказывание-угроза», «высказывание со значением угрозы», «менасив» и «менасивное высказывание» в рамках данного исследования можно считать функциональными синонимами.

Таким образом, на фоне широкого интереса ученых к аспекту функционирования высказываний-угроз в политическом дискурсе, следует подчеркнуть, что до настоящего времени не поднималась проблема описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования (использования) менасивов в социально-политическом взаимодействии, а также условий успешной и эффективной реализации предвыборных высказываний-угроз в публичных выступлениях политиков. В отмеченных обстоятельствах

примечательно, что при изучении предвыборных менасивов, реализованных в политической коммуникации, лингвисты отмечают только специфичность такой коммуникации, связанную с необходимостью политика удержать власть или вести борьбу за голоса избирателей, оставляя вне поля зрения функционально-семантические особенности высказываний-угроз.

На основании сказанного можно со всей уверенностью полагать, что в современной лингвистике не разработан методологический аппарат, с помощью которого можно описать предвыборные менасивы как когнитивно-дискурсивный феномен, обладающий характерными манифестационными и содержательными особенностями и оказывающий определенное воздействие на адресата в условиях политической коммуникации. В этой связи приходится констатировать, что для изучения лингвокогнитивной специфики предвыборных менасивов назрела необходимость нового подхода, находящегося в русле современных лингвистических течений и интегрирующего различные аспекты анализа вне дисциплинарных барьеров.

1.2.5. Менасивы в рамках динамического процесса регулятивной деятельности

Для комплексного описания содержательного объема и коммуникативно-интенциональной специфики предвыборных менасивов перспективно и методологически целесообразно обратить внимание на феномен вербальной угрозы с позиций деятельностного подхода к анализу речевых единств, разработанного в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации» под руководством А.А. Романова (1982; 1984; 1986; 1988; 2020). В основе обозначенного подхода лежит представление о регулятивной природе речевой деятельности участников диалогического взаимодействия как об одной из разновидностей целенаправленной деятельности коммуникантов по управлению общением, сформированной системой скоординированных *регулятивных действий* или *регулятивов* (Романов, 1988: 92-103).

Регулятивная деятельность партнеров по диалогу, в трактовке А.А. Романова, осуществляется с учетом целей и коррелирующих с ними речевых стратегий (Романов, 1988: 6-8) и реализуется в процессе интеракции путем определенного воздействия партнеров друг на друга с помощью различных регулятивов как конструктивных образований, маркированных определенным архивом языковых средств и направленных на решение глобальной коммуникативной задачи говорящего (Романов, 1988; Романов, немец, 2006; Романов, Романова, 2007; 2007а).

При этом коммуникативное взаимодействие рассматривается в виде динамической модели языкового (речевого, дискурсивного) обмена, которая: а) строится на принципах функционально-семантического представления (далее ФСР), б) отражает ролевые характеристики участников речевого взаимодействия «не только в плане набора коммуникативных ролей, но и их социальной детерминированности» (Романов, 1992: 62); в) реализует коммуникативные действия как единицы «архива» дискурсивного поведения, которые связаны с определенными целями и задачами, и как «систему кодов доступа» к внутренней и внешней жизни говорящего индивида, объединенную в виде типологии регулятивов – своеобразных единиц «шифра жизнедеятельности говорящего субъекта, дающих ключ к пониманию сути проявлений как общественной, так и психической организацией языковой личности» (Романов, 1988: 103-104).

В типологии регулятивных действий, построенной в рамках деятельностной парадигмы коммуникативного процесса, менасивы или угрозы-регулятивы (также: менасивные регулятивы) занимают вполне определенное место (Романов, 1988: 51-68; 2020: 68-80). В зависимости от направленности речевого воздействия и факторов, обуславливающих прагматическое значение речевого произведения, автор предлагаемой типологии выделяет наиболее употребительные типы (подтипы и субтипы) вербального воздействия, которые обозначаются соответствующими иллокутивными или прагматическими

маркерами – конститутивными, репрезентативными, когнитивными и интерактивными показателями (Романов, 1988: 52-53; 2020: 68-80).

Согласно указанной типологии субтип *угроз* наряду с *возражениями*, *протестами* и *разъяснениями* относится к разновидности прагматического типа (фрейма) *экспозитивов*, который соотносим с конститутивной иллокутивной функцией. Важно подчеркнуть, что выделенная конститутивная функция охватывает такие речевые действия, которые используются «для фиксирования, установки некоторого положения вещей (дел) в мире» (Романов, 1988: 53), и формирует декларативно-экспрессивный иллокутивный тип (фрейм), включающий прагматический тип экспозитивов и субтип угроз.

Примечательно, что в монографическом издании «Системный анализ регулятивных средств диалогического общения» разработаны функциональные условия реализации различных типов воздействий, маркированных конститутивной, репрезентативной, когнитивной и интерактивной функциями (Романов, 1988: 55-68). Автор не обходит стороной и описание функциональных условий реализации иллокутивного потенциала угрозы, которые отличают ее от таких субтипов экспозитивов как возражения, протесты, разъяснения (Романов, 1988: 61).

В частности, ученый утверждает, что конкретизаторами функциональных условий реализации угрозы становятся следующие факторы: а) у автора угрозы «нет гарантий в реализации своих намерений в будущем, так как существует возможность угрожать событием, которое не зависит от воли адресанта и его желания», б) «отрицательное отношение адресата к содержанию обращенного к нему иницирующего действия» и в) «перспектива реализации говорящим указанного действия может стать причиной появления дискомфорта для адресата» (Романов, 1988: 61). В качестве дополнительного условия реализации иллокутивного потенциала угрозы указывается специфика его средств выражения: «иллокутивный потенциал не может быть поставлен в соответствие матричной перформативной формуле» (Романов, 1988: 62). По мнению автора, перечисленные конкретизаторы заклады-

вают основу для построения ФСП-угрозы и выступают в качестве однозначных критериев не только для отграничения высказываний-угроз от других типов экспозитивов, но и от комиссивных и директивных (побудительных) типов высказываний (подробнее о ФСП см.: Романов, 1988; 2020).

Вполне очевидно, что предлагаемая А.А. Романовым методология интегративного подхода к реализации иллюкутивного потенциала диалогических единиц позволяет рассматривать стратегическую природу функционирования регулятивов и механизм целевого (таргетированного) взаимодействия партнеров по диалогу в виде того или иного фрейма (Романов, 1988: 4), а также закладывает основу для комплексной разработки ФСП иллюкутивного потенциала каждого субтипа высказываний из типологии регулятивных действий. Однако комплекс решаемых задач позволил автору только обозначить круг проблем, связанных с функционированием регулятивов со значением угрозы и необходимостью комплексного описания ФСП-угрозы. Примечательно, что разновидность предвыборных менасивных регулятивов не рассматривалась в рамках динамического процесса регулятивной деятельности.

Тем не менее, аспект функционирования менасивов в социальной интеракции затрагивался в исследованиях ряда представителей Тверской научной школы «Динамическая модель регулятивной коммуникации». Например, Н.А. Белоус, проводя системное описание семантических и прагматических аспектов конфликтного дискурса, рассматривает угрозу «как проявление инвективного функционирования языка наряду с обидой и оскорблением» (Белоус, 2008: 4). Автору удалось описать закономерности функционирования конфликтного дискурса, однако рассмотрение высказываний-угроз исключительно в рамках конфликтного дискурса во многом сужает понимание их роли в социально-коммуникативном взаимодействии и не позволяет учесть «символические и ритуальные» угрозы, в терминологии Э. Фромма, «которые никого не страшат» (Фромм, 1994). Поэтому можно со всей уверенностью утверждать, что понимание угрозы как составляющей агрессивного вербального поведения партнеров по диалогу позволяет понять ее роль в де-

структивном аспекте, однако ограничивает изучение специфики функционирования менасивов в политической коммуникации.

В данном ракурсе рассуждений важно подчеркнуть, что В.В. Быстрову впервые в рамках динамического процесса регулятивной деятельности удалось провести функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик, доказав, что менасивы представляют собой «особый функциональный семантико-прагматический тип единиц общения» (Быстров, 2001:11), который обладает различными регулятивными функциями – согласовательной, рассогласовательной и аттрактивной. Тем не менее, лингвист ограничился описанием регулятивных функций высказываний-угроз как разновидности декларативно-экспрессивного фрейма и не затрагивал аспект функционирования предвыборных менасивов в политическом дискурсе.

Таким образом, методологический инструментарий деятельностного подхода к анализу речевых единств, разработанный в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации», позволяет провести системное описание функционально-семантических характеристик предвыборных менасивов как регулятивных дискурсивных проявлений политика, который целенаправленно использует определенный набор языковых средств для реализации запланированного прагматического воздействия на адресата в условиях политической коммуникации. Становится понятным, что изучение лингвокогнитивной специфики предвыборных менасивов требует конвергентных исследовательских приемов и обуславливает не только целесообразность деятельностного подхода, но и указывает на возможность интегративного синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов в рамках динамического процесса регулятивной деятельности.

Выводы по первой главе

Проведенный анализ литературы демонстрирует повышенный интерес представителей гуманитарной науки к междисциплинарному понятию угрозы. Многочисленные исследования, посвященные изучению этого понятия,

предлагают разнообразные подходы к его толкованию, в число которых входит понимание угрозы как причины возникновения отрицательных эмоциональных состояний личности, вида психического насилия или преступления. Также угроза рассматривается как эффективное средство в переговорном процессе и инструмент влияния в принятии политических решений. Но при всем многообразии трактовок феномен угрозы не имеет общепризнанного определения в современном научном дискурсе, а исследователям не удалось систематизировать его смыслообразующие признаки.

На фоне разрозненных представлений о содержательном объеме феномена угрозы представители научного сообщества признают его коммуникативную природу и регулярно обращают внимание на вербальное проявление угрозы в виде отдельных высказываний для решения конкретных задач говорящего в различных сферах деятельности, в том числе в пространстве политических отношений. Однако, признавая вербальную угрозу важным регулятором общественно-политической жизни, ученые не предпринимают попыток описать механизм ее функционирования в вербальном поведении носителей языка, а также установить, где находится грань между угрозой, запугивающей представителей общественности и ведущей к конфликту, и угрозой, которая консолидирует общество для решения совместных задач. Более того, исследователям не удалось составить четкое представление о соотношении между реализацией конкретного менасивного высказывания и эмоциональным состоянием, которое оно формирует у адресата.

Широкий интерес к вербальной угрозе среди представителей германского языкознания также не привел к комплексному осознанию этого понятия. Анализ основных подходов к изучению феномена вербальной угрозы показывает, что состояние проблемы характеризуют продолжающиеся споры ученых по поводу коммуникативно-интенционального статуса менасивов и их содержательного объема. При этом лингвистам не удалось систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, очертить содержательный (семантический) объем этого феномена и

прийти к единому мнению относительно лингвистических параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы.

Несмотря на то, что коммуникативно-интенциональный тип высказываний-угроз регулярно становится объектом лингвистических исследований, угроза включается в таксономию высказываний и рассматривается в качестве функционально-прагматической единицы общения, в настоящее время не установлен коммуникативный статус предвыборных менасивов. И хотя в работах отечественных и зарубежных лингвистов проанализированы формальные средства выражения менасивного значения в политическом дискурсе, а также показано, что коммуникативное намерение угрозы может выражаться в английском языке повествовательными, побудительными и вопросительными синтаксическими конструкциями, исследователям не удалось построить единую модель функционального класса предвыборных менасивов. Получается, что указанный класс языковых выражений не получил комплексного описания как система (или набор) функциональных синонимов, а также не были изучены прагматически транспонированные формы предвыборных менасивов. Также остаются неразработанными функциональные условия эффективного использования менасивных высказываний в публичных выступлениях политических деятелей.

Выяснилось, что неизученность семантических свойств высказываний-угроз явилась причиной того, что не был решен вопрос о прагматической эффективности реализации предвыборных менасивов в политическом дискурсе. В этой связи вне поля зрения ученых оказывается описание специфики тактико-стратегического функционирования менасивов в вербальном поведении политиков. Кроме того, лингвисты не предпринимают попыток изучить интенсивность воздействия предвыборных высказываний-угроз на массового адресата и дифференцировать воздействующий потенциал таких высказываний.

Проведенный анализ показывает, что на фоне “дискурсивного поворота” в лингвистике до настоящего времени не поднималась проблема опи-

сания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования (использования) предвыборных менасивов в социально-политическом взаимодействии. Также не изучалась роль вербальной угрозы как системы знаковых средств интерактивного взаимодействия в конструировании новых социально-коммуникативных отношений в дискурсивном пространстве предвыборной коммуникации. В частности, не поднимался вопрос о том, каким образом языковая личность интерпретирует и оценивает предвыборные менасивы. Более того, ученые не задавались вопросом о том, с помощью какого когнитивного (смыслового) инструмента возможно исследовать и систематизировать эмоциональное воздействие, которое вербальная угроза как регулятивное менасивное действие оказывает на адресата.

Следовательно, многочисленные попытки описать вербальную угрозу в широком междисциплинарном контексте – философском, психологическом, социологическом, политологическом, правовом и лингвистическом – не позволили предложить комплексно-интегративный подход для осознания угрозы как коммуникативного феномена и описания механизма ее функционирования в политической коммуникации. Получается, что ключевые вопросы, связанные с функционированием предвыборных менасивов в публичных выступлениях политиков, остаются открытыми и нуждаются в дополнительном исследовании.

Обозначенное состояние изученности феномена вербальной угрозы указывает на необходимость разработки методологического инструментария, позволяющего в когнитивном плане осмыслить вербальные проявления угрозы в виде целенаправленно реализуемых менасивов в определенной ситуации политического взаимодействия, принимая во внимание языковые средства их поверхностной репрезентации. На необходимость выбора нового подхода указывает и то обстоятельство, что в современной лингвистике отчетливо обозначилась тенденция, согласно которой описание вербально-социального поведения участников политического дискурса предполагает не только изучение интенциональных типов высказываний и средств их поверх-

ностной репрезентации, но и решение методологических проблем «другого – чужого сознания» (Дубровский, 2007; 2008), обозначенных еще в работах представителей философии языка – Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Дж. Мура, Дж. Остина, У. Куайна – и получивших свое дальнейшее развитие при изучении особенностей функционирования языковых конструкций, которые характеризуют формы вербального поведения *Я* индивида (Романов, 2002; 2016; 2020; Романов, Немец, 2006: 48-58; Романов, Романова, 2009: 35).

Становится понятным, что изучение лингвокогнитивной специфики предвыборных менасивов требует конвергентных исследовательских приемов и обуславливает необходимость деятельностного подхода к анализу языкового материала, позволяющего осуществить интегративный синтез когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов. Обозначенный ракурс исследования предполагает необходимость установить значение всех компонентов речевого действия и воздействия, выяснив полный набор прагматических условий (критериев) реализации предвыборных менасивов как регулятивных дискурсивных проявлений политика, направленных на оказание прагматического воздействия на адресата.

Интегративный подход к описанию вербального поведения политика, использующего предвыборные менасивы в процессе регулятивной деятельности, позволит вскрыть механизм проявления феномена вербальной угрозы в политическом дискурсе, на основе которого происходит оперирование угрозой его участниками, а также предложить когнитивный (смысловой) инструмент для толкования таких высказываний как угроз и оценки их интенсивности воздействия на адресата. Поэтому перспективно обратить внимание на феномен предвыборных менасивов с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.

Глава вторая
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА
УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Глагол «threaten» как ядерный компонент лексико-тематического пространства угрозы

2.1.1. Семантика глагола «threaten» в зеркале лексикографических описаний

Широта зафиксированной проблематики, связанной с изучением вербальных проявлений угрозы в виде отдельных высказываний, обуславливает необходимость в первоочередном порядке составить представление о содержательном (семантическом) объеме феномена вербальной угрозы, учитывая «индивидуальную когнитивную систему с ее различными уровнями информации о действительности – физической, функциональной и эмоциональной» (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 9). Поэтому в основе изучения содержательного объема вербальной угрозы лежит семантический подход к описанию лексики, при котором «сохранено деление слова на лексемы-значения» (Падучева, 2004: 14) и который позволяет установить «регулярные семантические связи между разными значениями слова» (Падучева, 2004: 14). Выбранный вектор анализа предопределяет поэтапное описание семантической специфики вербальной угрозы, заложенной в ментальном пространстве носителя языка в виде совокупности константных признаков и сем.

В этих обстоятельствах целесообразно выявить и сгруппировать те лексикографические дефиниции английского языка американского и британского вариантов, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также провести их дефиниционный анализ (подробнее о понятиях «поле» и «семантическое пространство» как определенным образом структурированной системе признаков, а также о принципах и процедурах описания семантических отношений

между словами см.: Абрамов, 1992; Прохоров, 2005; Щур, 1974; Trier, 1934). На первом этапе дефиниционного анализа целесообразно понять роль «наиболее общего и наиболее нейтрального» (Балли, 1955: 408) семантического компонента, репрезентируемого английским глаголом или лексемой-маркером «*threaten*», и попытаться раскрыть его семантические признаки и свойства, установив «связи между значениями слова» (Падучева, 2004: 19).

На втором этапе анализа оправданно определить семантическую специфику вербальных репрезентантов угрозы в английском языке, представленных в виде синонимического ряда к глаголу «*threaten*». Предлагаемый анализ дефиниций позволит «сопоставить друг с другом близкие по смыслу слова, чтобы заострить внимание на их различии» (Goddard, 1998: 150), а также точнее описать семантическую специфику глагола «*threaten*», которую удобно «выявить через его отражение в словах, близких по смыслу» (Падучева, 2004: 18; ср. также Апресян и др., 2000).

С целью проведения дефиниционного анализа лексики «*threaten*» были выбраны электронные лексикографические источники, которые отражают как британский вариант английского языка, так и американский – Cambridge Academic Content Dictionary (далее CACD), Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus (далее CALD), Cobuild Advanced English Dictionary (далее COBUILD), Longman Dictionary of Contemporary English (далее LDOCE), Oxford Advanced Learner's Dictionary (далее OALD), Oxford Advanced American Dictionary (далее OAAD) и Webster's New World College Dictionary (далее WNWCD). В указанных изданиях представлены следующие дефиниции глагола «*threaten*»:

I. Cambridge Academic Content Dictionary (CACD):

(Promise to hurt) 1. To tell someone that you will hurt or harm him or her, esp. if the person does not do something in particular. Например: «*They threatened to drop him from the team if he didn't come to practice*»; «*Don't threaten me!*». (Warn of possibility) 2. To warn of something unpleasant or unwanted. Например: «*She threatened legal action against the newspaper*»; «*Because of con-*

tinuing drought, millions are threatened with starvation».

II. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus (CALD):

1. To tell someone that you will kill or hurt them or cause problems if they do not do what you want. Например: «*They threatened the shopkeeper with a gun*»; «*They threatened to kill him unless he did as they asked*». 2. To be likely to cause harm or damage to something or someone. Например: «*Changing patterns of agriculture are threatening the countryside*». 3. If something bad threatens to happen, it is likely to happen. Например: «*Look at those clouds! There's a storm threatening*».

Ср. Cambridge Essential English Dictionary (далее CEED):

1. To tell someone that you will do something bad to them if they do not do what you want. Например: «*He threatened to call the police*».

III. Collins COBUILD Advanced English Dictionary (COBUILD):

1. If a person threatens to do something unpleasant to you, or if they threaten you, they say or imply that they will do something unpleasant to you, especially if you do not do what they want. Например: «*He said army officers had threatened to destroy the town*»; «*He tied her up and threatened her with a six-inch knife*»; «*If you threaten me or use any force, I shall inform the police*». Synonyms: *intimidate, bully, menace, terrorize*. 2. If something or someone threatens a person or thing, they are likely to harm that person or thing. Например: «*The newcomers directly threaten the livelihood of the established workers*»; «*The unity of our society is threatened by troublesome and restless minorities*»; «*30 percent of reptiles, birds, and fish are currently threatened with extinction*». Synonyms: *endanger, jeopardize, put at risk, imperil*. 3. If something unpleasant threatens to happen, it seems likely to happen. Например: «*The fighting is threatening to turn into full-scale war*»; «*Plants must be covered with a leaf-mould or similarly protected if frost threatens*». Synonyms: *be imminent, hang over, be in the air, loom*.

IV. Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDOCE):

1. To say that you will cause someone harm or trouble if they do not do what you want. Например: «*Postal workers are threatening a strike if they don't re-*

ceive a pay increase»; «He threatened to take them to court»; «Doctors are sometimes threatened with violence if they don't do what patients want»; «Then he became angry and threatened that he would go to the police». 2. To be likely to harm or destroy something. Например: «Poaching threatens the survival of the rhino»; «The incident threatens to ruin his chances in the election»; «Large areas of the jungle are now threatened with destruction». 3. To be likely to happen or be in a bad situation. Например: «Britain's fishing industry remains threatened»; «Dark clouds threatened rain».

V. Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD):

1. To say that you will cause trouble, hurt somebody, etc. if you do not get what you want. Например: «They broke my windows and threatened me»; «People have even threatened his life»; «I contacted this band and threatened legal action»; «The attacker threatened them with a gun»; «He was threatened with dismissal if he continued to turn up late for work»; «The threatened strike has been called off»; «Students are threatening legal action»; «The hijackers threatened to kill one passenger every hour if their demands were not met»; «The bank is threatening to sue him»; «They threatened that passengers would be killed»; «'I'm going to kill him!' she threatened». 2. To seem likely to happen or cause something unpleasant. Например: «A storm was threatening»; «When war threatens, people act irrationally»; «This dispute threatens to split the party»; «The clouds threatened rain»; «Many species are now threatened with extinction»; «The theatre was threatened with closure». 3. Threaten something to be a danger to something. Например: «Pollution is threatening marine life»; «They are not currently an endangered or threatened species». Synonym: *endanger, at risk*.

VI. Oxford Advanced American Dictionary (OAAD):

1. To say that you will cause trouble, hurt someone, etc. if you do not get what you want. Например: «They broke my windows and threatened me»; «The attacker threatened them with a gun»; «He was threatened with dismissal if he continued to turn up late for work»; «The threatened strike has been called off»; «The hijackers threatened to kill one passenger every hour if their demands were

not met»; «*They threatened that passengers would be killed*». 2. To seem likely to happen or cause something unpleasant. Например: «*A storm was threatening*»; «*When war threatens, people act irrationally*»; «*This dispute threatens to split the party*»; «*The clouds threatened rain*». 3. Threaten something to be a danger to something. Например: «*Pollution is threatening marine life*». Synonym: *endanger, at risk* (from / of something).

VII. Webster's New World College Dictionary (WNWCD):

1. a. To make threats against; express one's intention of hurting, punishing, etc. b. to express intention to inflict (punishment, reprisal, etc.). 2. a. To indicate the likely occurrence of (something dangerous, unpleasant, etc.). Например: «*clouds threatening snow*». b. To be a source of such danger, harm, etc. Например: «*an epidemic that threatens the city*». 3. To make threats. 4. To be an indication or source of potential danger, harm, etc.

Анализ приведенных словарных дефиниций показывает, что в числе наиболее общих синтаксических признаков глагола «*threaten*» можно назвать **реляционность** или реляционный (также релятивный) характер (Сусов, 1973), проявляющийся в определенном, постоянном числе членов оптимального окружения (ср. семантический анализ немецкого глагола «*bitten*»: Романов, 2005: 58). Количество таких валентных соединений у названной леммы равно трем: «*кто-то (что-то) угрожает кому-то (чему-то) чем-то*», например: «*The attacker threatened them with a gun*» (OALD; OAAD). В качестве неполного замещения валентных соединений глагола «*threaten*» могут выступать синтаксические конструкции, в которых остаются незаполненными валентности, например: «*кто-то угрожает кому-то*» – «*The newcomers directly threaten the livelihood of the established workers*» (COBUILD). Помимо этого, лексикографические источники фиксируют, что глагол «*threaten*» может иметь форму страдательного залога, например: «*He was threatened with dismissal if he continued to turn up late for work*» (OALD; OAAD).

Обозначенный признак реляционности влечет за собой содержательную детализацию семантических признаков глагола «*threaten*». Указанный

глагол является многозначным или полисемичным, так как лексикографические издания английского языка регулярно фиксируют от двух до четырех его значений. В частности, в объем значений глагола «*threaten*» входят значения, связанные с совершением тех или иных действий, которые причинят кому-либо моральный и / или физический вред («*to hurt or harm*», «*to cause trouble*», «*to express one's intention of hurting*»), значения, содержащие указание на возможность наступления чего-либо плохого («*to do something bad*»), неприятного («*to seem likely to happen or cause something unpleasant*», «*to do something unpleasant*») или опасного («*to be a danger to something*»), а также значения, указывающие на намерение наказать кого-либо («*to express one's intention of punishing*») или разрушить что-либо («*to destroy something*»). Также следует констатировать, что в лексикографических изданиях английского языка можно встретить толкование глагола «*threaten*», которое содержит одно значение – намерение субъекта совершить что-то плохое по отношению к объекту («*to do something bad*», CEED).

В силу того, что набор значений полисемичного слова «предстает как иерархическая система, в которой значения связаны друг с другом» (Падучева, 2004: 14), то зафиксированные в словарях значения глагола «*threaten*» являются основанием для выявления **интегративного (гиперонимического) компонента** «наступление негативных последствий», который объединяет все значения глагола (ср. принцип инвариантности как «основной принцип группировки лингвистических элементов»: Щур, 1974: 156). Важно обратить внимание на то, что глагол «*threaten*» содержит указание на негативные последствия, исходящие от одушевленного предмета (субъекта) и отражающие его целенаправленную деятельность по совершению некоторых действий, которые причинят объекту моральный и / или физический вред, например: «*They broke my windows and threatened me*»; «*He turned back to threaten the boy*» (OALD; OAAD). Кроме того, глагол «*threaten*» указывает на негативные последствия, которые содержатся в определенной ситуации (состоянии, положении дел) или порождаются неодушевленным предметом (в том числе

стихий, природным явлением), например: «*When war threatens, people act irrationally*», «*The clouds threatened rain*», «*This dispute threatens to split the party*» (OALD; OAAD); «*The fighting is threatening to turn into full-scale war*» (COBUILD).

Из сказанного следует, что значения глагола «*threaten*» можно разделить на две группы. Первая группа значений связана с возможностью целенаправленного совершения субъектом каких-либо действий, которые будут иметь негативные последствия (также: негативное воздействие) для объекта (ср. «*intentional agentive accomplishments*»: Dowty, 1979: 124 и «действия»: Булыгина, 1982; Падучева, 1996; Wierzbicka, 1980). Вторая группа значений глагола «*threaten*» отражает некоторую ситуацию (состояние, положение дел), содержащую указание на возможность наступления негативных последствий для кого-либо или чего-либо (ср. соответственно «*non-agentive accomplishments*» и «*non-intentional agentive accomplishments*»: Dowty, 1979: 124 с «происшествиями» и с «происшествиями с действующим субъектом»: Булыгина, 1982; Падучева, 1996; Wierzbicka, 1980).

Безусловно, первая группа значений лексемы «*threaten*», связанная с целенаправленной деятельностью субъекта по причинению кому-либо морального и / или физического вреда, представляет особый интерес для комплексного описания семантической специфики угрозы, заложенной в ментальном пространстве носителя английского языка. В этой связи интегративный компонент «наступление негативных последствий» требует дальнейшей конкретизации для первой группы значений глагола «*threaten*», так как, несмотря на многозначность указанного глагола, его первое значение в словарных статьях связывается именно с целенаправленной деятельностью субъекта.

В частности, лексема «*threaten*» толкуется при помощи глаголов и глагольных сочетаний «*to tell*», «*to say or imply*», «*to make threats*», «*to express one's intention*», направленных на корректировку действий или поведения каких-либо лиц («*if the person does not do something in particular*»; «*if they do not do what you want*»; «*especially if you do not do what they want*»). В таком случае

можно со всей уверенностью говорить о том, что глагол «*threaten*» выражает определенный вид целенаправленной деятельности (или целенаправленных действий) субъекта воздействия и обладает семантическими признаками **акциональности**: «кто-то делает что-то» и **целенаправленности**: «кто-то делает что-то с целью получить определенный результат».

В свою очередь, признаки акциональности и целенаправленности глагола «*threaten*» обуславливают такой семантический признак как **побудительность** (также каузативность): «кто-то делает что-то с целью получить определенный результат: побудить / каузировать кого-то совершить конкретное действие». Признак побудительности отражает ситуационные отношения между каузирующим предметом, каузируемым предметом и целью каузации, а именно: кто кому угрожает и какие действия каузирует при помощи угрозы. Так, каузирующий предмет выступает в качестве источника каузации – каузатора или субъекта каузации (также: носителя каузации), а каузируемый предмет – в роли объекта каузации.

На основании сказанного значение каузации (побудительности) глагола «*threaten*» может быть разложено следующим образом: каузатор воздействует (каузирует, чтобы иметь) на объект каузации упоминанием возможных негативных последствий с целью получить ответный акт, например: «*The hijackers threatened to kill one passenger every hour if their demands were not met*» (OALD; OAAD). При этом ответным актом будет совершение каузируемых действий объектом. Характерно, что признак каузации характеризуется строгой направленностью акта воздействия: каузатор задает направление акта каузации, что подчеркивает способность объекта к совершению каузируемого ответного акта в пользу носителя каузации.

Неотъемлемым свойством признака побудительности глагола «*threaten*» является каузация объекта к выполнению действия, которое он (объект) не желает выполнять, но совершение которого желает каузатор. Другими словами, субъект и объект каузации имеют различную оценку (отношение к) акта каузации: субъект желает выполнения определенного дейст-

вия объектом, в то время как объект не желает совершать каузируемое действие. Обозначенная семантическая особенность глагола «*threaten*» отличает его от других побудительных английских глаголов. Например, глаголы «*to advise*», «*to ask*», «*to beg*», «*to invite*», «*to recommend*», «*to request*» и «*to suggest*» обладают каузативным значением, однако они не побуждают объект совершить действия, которые он категорически не желает выполнять.

Важно обратить внимание на то, что семантический признак акциональности глагола «*threaten*» требует дальнейшей конкретизации в инструментальном плане: какое именно действие выполняет каузатор. Как уже отмечалось, лексикографические источники английского языка увязывают первое значение глагола «*threaten*» с целенаправленной деятельностью субъекта. Необходимо уточнить, что значение указанного глагола связывается с речевой деятельностью, т.е. деятельностью, связанной с процессом подготовки и производства речи в определенной ситуации социального взаимодействия. В частности, значение глагола «*threaten*» определяется при помощи лексем «*to tell*», «*to say*», «*to express one's intention*». Следует добавить, что в издании SACD, отражающем американский вариант английского языка, второе значение глагола «*threaten*» определяется через значение глагола «*to warn*», который также связан с речевой деятельностью субъекта. Кроме того, бросается в глаза, что словари SACD (американский вариант английского языка) и CEED (британский вариант английского языка) фиксируют только те значения глагола «*threaten*», которые связаны с признаком «речевая деятельность».

Проведенный анализ словарных дефиниций глагола «*threaten*» позволяет говорить о том, что как в американском, так и в британском вариантах английского языка он относится к классу глаголов речевой деятельности (*verba dicendi*) или локутивных глаголов (от лат. *locutio* – «говорение»), для которых обязательно наличие говорящего и слушающего. Следовательно, глагол «*threaten*» характеризуется семантическим признаком **локутивности**: «кто-то сообщает кому-либо что-то с целью получить определенный результат: побудить (каузировать) кого-то совершить конкретное дейст-

vue». В этой связи можно утверждать, что, обладая признаком каузативности и локутивности, глагол «*threaten*» являет собой каузацию особого рода – речевую каузацию в виде конкретного или речевого действия. Признак локутивности характеризует также сам способ воздействия субъекта на объект каузации: угрожать – побуждать кого-либо выполнить определенные действия, упоминая возможные негативные последствия, например: «*They threatened to drop him from the team if he didn't come to practice*» (CACD). При этом носитель каузации сообщает объекту о возможном наступлении негативных последствий и тем самым воздействует на него. Указание способа воздействия говорящего на слушающего (каузирует при помощи упоминания негативных действий) репрезентирует инструментальный характер речевой каузации.

Конкретный способ воздействия на объект каузации подробно раскрывается в интегративном компоненте «наступление негативных последствий». В контексте сказанного важно уточнить некоторые семантические нюансы, касающиеся этого компонента. Лексикографические издания английского языка американского и британского вариантов фиксируют, что глагол «*threaten*» содержит сему «совершение чего-либо неприятного» («*to do something unpleasant*»), сему «совершение чего-либо плохого» («*to do something bad*», «*to inflict*»), сему «причинение боли, вреда или беспокойства» («*to hurt or harm*», «*to cause someone harm or trouble*», «*to cause trouble, hurt*») и сему «осуществление наказания» («*to express one's intention of punishing*»). Обозначенные семы являются вариантами гиперонимического компонента «наступление негативных последствий», охватывая различные способы санкционного воздействия на адресата. Примечательно, что перечисленные семы не только регулярно фиксируются в выбранных для исследования лексикографических источниках, но и входят в число первых значений лексемы «*threaten*». Отмеченные обстоятельства позволяют считать их **базовыми семами** глагола «*threaten*», формирующими его содержательный объем.

Лексикографические издания английского языка позволяют также установить, что вариантом компонента «наступление негативных последствий»

является сема «источник возможной опасности» («*to be a source of such danger*», «*to be an indication or source of potential danger*», «*to be a danger to something*») и сема «разрушение чего-либо» («*to destroy something*», «*to be likely to cause damage to something or someone*»). Тем не менее, перечисленные семы нерегулярно фиксируются в лексикографических описаниях глагола «*threaten*», и, следовательно, их можно назвать **периферийными семами**. Наличие периферийных сем в структуре значений глагола «*threaten*» позволяет дополнить его содержательный объем тем нюансом, что способ воздействия на адресата может включать не только совершение чего-либо неприятного или плохого, причинение боли, вреда или беспокойства, осуществление наказания, но и наступление некоторой опасной ситуации или разрушение чего-либо. По этой причине можно со всей уверенностью полагать, что содержательная структура глагола «*threaten*» является обширной и охватывает различные способы негативного воздействия на объект.

Зафиксированные базовые и периферийные семы глагола «*threaten*» в своей совокупности определяют семантический признак **менасивности**, который позволяет очертить у данного локутивного глагола, обладающего побудительным значением, наиболее значимые функционально-семантические параметры. В этой связи признак менасивности глагола «*threaten*» можно сформулировать следующим образом: *«кто-то сообщает кому-либо о своем намерении совершить негативное или санкционное действие – сделать что-либо неприятное или плохое, причинить боль, вред или беспокойство кому-либо, наказать кого-либо, разрушить что-либо или подвергнуть кого-либо опасности – с целью побудить объект выполнить каузируемое действие»*.

Таким образом, анализ словарных дефиниций позволил установить, что глагол «*threaten*» характеризуется семантическими признаками реляционности, акциональности, целенаправленности, побудительности, локутивности и менасивности, которые удобно отобразить на схеме, соблюдая заявленный иерархический порядок их следования:

Семантические признаки глагола «*threaten*»

Предлагаемое схематичное отображение семантических признаков свидетельствует о том, что их совокупность формирует содержательный объем глагола «*threaten*». При движении по схеме сверху вниз – от признака реляционности к признаку менасивности – происходит конкретизация коммуникативно-интенционального содержания глагола «*threaten*» и постепенное уточнение его семантических нюансов. Становится понятным, что глагол «*threaten*», имея три валентности (признак реляционности), является глаголом, выражающим определенный вид деятельности (признак акционально-

сти). При этом глагол «*threaten*» характеризует целенаправленную деятельность субъекта, которая осуществляется им осознанно и направлена на получение результата (признак целенаправленности). Конкретизация планируемого результата указывает на то, что глагол «*threaten*» направлен на каузацию объекта совершить некоторые действия, которые объект не желает выполнять (признак побудительности).

Дальнейшая конкретизация вида деятельности свидетельствует о том, что глагол «*threaten*» является собой локутивный глагол и отражает речевую деятельность говорящего (признак локутивности), направленную на побуждение слушающего совершить какое-либо действие в определенной ситуации социального взаимодействия. Больше того, семантической особенностью побудительного значения локутивного глагола «*threaten*» является то обстоятельство, что субъект воздействия целенаправленно сообщает объекту о возможности наступления для него (объекта) негативных последствий с целью побудить объект совершить определенное действие (признак менасивности).

Таким образом, семантическое содержание локутивного глагола «*threaten*» дает основание утверждать, что он не просто «отсылает к статичным, дефинитивным и, вероятно, таксономическим способам обращения с предметом», а скорее «усиливает акцент на процессуальном характере» (Яноу, Хульст, 2011: 89) целенаправленных действий субъекта, ориентированных на побуждение объекта совершить некоторые действия. Итогом является то, что глагол «*threaten*» в реляционном плане, в терминологии И.П. Сузова, структурно отражает «ситуацию коммуникации» (Блакар, 1987: 93), т.е. задает основу для типовой коммуникативной ситуации угрозы, в которой есть отправитель (субъект каузации, говорящий, адресант) и получатель (объект каузации, слушающий, адресат) сообщения, а также желание (намерение) говорящего передать сообщение адресату. При этом содержание такого сообщения передается различными средствами английского языка.

Согласно результатам дефиниционного анализа, отличительной особенностью коммуникативной ситуации, задаваемой семантическими призна-

ками глагола «*threaten*», или типовой коммуникативной ситуации угрозы является наличие у говорящего цели – побудить собеседника к совершению определенного действия упоминанием возможных негативных последствий и тем самым организовать процесс их взаимодействия, а также функционально определить границы такого взаимодействия в различных сферах деятельности, в том числе в сфере политической предвыборной коммуникации.

Становится понятным, что семантическая специфика глагола «*threaten*» способна вызвать в ментальном пространстве адресата «осмысленный образ действительности» (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 72) – «функционально-семантическое представление о коммуникативной ситуации угрозы или ФСП-угроза» (Романов, Новоселова, 2021: 32), а глагол «*threaten*» способен выполнять коммуникативно-когнитивную функцию **фреймообразующего** (вершинообразующего) конституента типовой коммуникативной ситуации угрозы. В качестве единицы такой коммуникативной ситуации выступает **менасивно-каузативный акт** или **акт менасивной каузации** в виде конкретного высказывания-угрозы, реализованного в социальной интеракции и маркированного различными языковыми средствами.

Итак, обозначенные семантические признаки выступают дифференциальными признаками глагола «*threaten*». В их совокупности особое место занимает признак менасивности, который раскрывает способ воздействия на объект каузации и отличает лексику «*threaten*» от таких глаголов речевой деятельности как «*to advise*», «*to ask*», «*to beg*», «*to invite*», «*to order*», «*to recommend*», «*to request*» и «*to suggest*», обладающих побудительным значением. Поэтому целесообразно расширить трактовку объёма содержания глагола «*threaten*» рядом свойств, конкретизирующих признак менасивности.

2.1.2. Семантическая характеристика глагола «*threaten*» как вершинообразующего конституента акта менасивной каузации

Выше было отмечено, что побуждение адресата совершить какие-либо действия, которые он не хочет выполнять, а также упоминание говорящим

возможности применения санкционного воздействия к адресату требует принятия того или иного решения каждым из участников акта менасивной каузации. Поэтому не вызывает сомнений, что типовая коммуникативная ситуация угрозы способствует формированию у адресата (также объекта воздействия) отрицательных (некомфортных) эмоциональных переживаний, связанных с его необходимым выходом из состояния комфорта. При этом чем «болезненнее» для объекта окажутся негативные последствия, тем большей концентрации внимания ему потребуется для принятия решения о выполнении или невыполнении каузируемых ответных действий, и тем большее эмоциональное напряжение он (объект) будет переживать.

В выбранном ракурсе рассуждений целесообразно рассматривать не только отношения между содержательными элементами глагола *«threaten»*, выполняющего роль вершины во фреймообразующей конфигурации угрозы, но и учитывать «взаимоотношения между людьми, участвующими в процессе фреймирования» (Яноу, Хульст, 2011: 89) типовой коммуникативной ситуации угрозы. В русле сказанного логично предположить, что вербализация говорящим незначительных негативных последствий может только “затонуть” некомфортные переживания адресата, вызвав, например, следующую ответную реакцию: *«It does look a little threatening»* (Dreiser, 2020a). Тем не менее, нельзя упускать из виду, что упоминание негативных последствий может оказывать интенсивное воздействие на адресата и способствовать формированию у него дискомфорта, состояния обеспокоенности, тревоги, страха, испуга или боязни, что может отчетливо проследиться в вербально-эмоциональных ответных репликах на угрозы, например: *«You threaten me? You try to frighten me after your wife charges that you have been running around weeth my wife? You talk about my past! I like that. Haw! We shall see about dis!»* (Dreiser, 2020c).

Очевидно, что необходимость говорящего прибегнуть к акту менасивной каузации – побудить адресата изменить свое поведение под действием возможного наказания – свидетельствует о том, что говорящему не удалось

решить коммуникативную задачу, используя, например, каузативные вербальные практики «мягкой силы» (Романов, Романова, Морозова, 2018: 101). В этой связи у говорящего складывается отчетливое представление о том, что угроза является единственным прагматически эффективным средством достижения коммуникативной цели, связанной с побуждением адресата совершить какие-либо действия. По этой причине возможность адресата *совершить* каузируемые действия или *отказаться* от их выполнения заставляет субъект воздействия ожидать того или иного решения, формируя у него (субъекта) некомфортные эмоциональные переживания.

В этих обстоятельствах уместно конкретизировать признак менасивности глагола «*threaten*» свойством-1 «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации», включающим широкий диапазон переживаний участников акта менасивной каузации: от комфортных до дискомфортных. Становится понятным, что упоминание негативных последствий способствует формированию некоторого некомфортного эмоционального состояния как у субъекта, так и у объекта каузации. Тем не менее, использованные для анализа лексикографические издания английского языка не позволяют дифференцировать и оценить интенсивность эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации.

И хотя признак менасивности глагола «*threaten*» характеризуется свойством-1, указанный глагол содержит указание на негативные последствия только для объекта каузации, ср.: например: «*He threatened Angela with dire consequences if she tried to interfere in any way*» (Dreiser, 2020b). В этой связи можно полагать, что признак менасивности также реализует себя в информативном и инструментальном потенциале, который репрезентирует свойство-2 «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации» (ср.: Ломтев, 1976: 221). Иначе говоря, субъект и объект каузации выстраивают свои взаимоотношения вокруг акта менасивной каузации, непосредственной составляющей которого является наличие в нем каузатора и исполнителя действий. В частности, свойство несимметричности отношений проявляется

в том, что субъект *побуждает* объект выполнить определенные действия, сообщая о своем намерении совершить негативные для объекта действия (также менасивные или санкционные), которые он (субъект каузации) не планирует совершать, а использует в качестве инструмента для побуждения объекта изменить свое поведение. В свою очередь, объект *вынужден совершить* каузируемые действия (т.е. такие действия, которые он не намеревался и не желал осуществлять при отсутствии акта каузации), чтобы избежать возможных негативных последствий.

Конкретизируя признак менасивности, важно обратить внимание на то, что в семантической структуре значений глагола «*threaten*» возможность наступления негативных последствий для объекта и выполнение им каузируемых действий находятся в определенной взаимосвязи. Лексикографические издания английского языка регулярно фиксируют тот факт, что лексема «*threaten*» обладает семантическим компонентом «условие наступления негативных последствий для объекта каузации», условным семантическим компонентом или антецедентом (CACD, CALD, CEED, COBUILD, LDOCE, OAAD, OALD). В этой связи можно полагать, что указанный компонент призван выступать в качестве критерия для реализации субъектом своего намерения инициировать негативные действия, связанные с совершением чего-либо неприятного или плохого для объекта, с причинением ему боли, вреда или неприятностей (ср. «*especially if you do not do what they want*», «*if the person does not do something in particular*»; «*if they do not do what you want*», «*if you do not get what you want*»). Например, в высказывании-угрозе «*“If you interfere with my sister, I’ll call an officer”*, *Norman threatened*» (London, 2020) условный семантический компонент (антецедент) выделен полужирным курсивом и выступает в качестве критерия для наступления негативных последствий в отношении адресата такого высказывания.

Однако такой лексикографический источник как WNWCD не содержит значение глагола «*threaten*», которое бы отражало бы условный семантический компонент. Но при этом указанное издание фиксирует, что наступление

негативных последствий для объекта может быть обусловлено наказанием за какие-либо его поступки (ср.: «*express one's intention of hurting, punishing*»), т.е. словарь фиксирует возможность реализации субъектом негативных последствий, обусловленных наличием причины в действиях или поступках объекта. Получается, что содержательный объем глагола «*threaten*» можно дополнить семантическим компонентом «причина наступления негативных последствий для объекта каузации» или каузативным семантическим компонентом. Например, в акте менасивной каузации, представленном в высказывании-угрозе «*Siddy, I'll lick you for that*» (Twain, 2020), каузативный компонент выделен полужирным курсивом и выступает в качестве причины для наступления негативных последствий в отношении адресата. Ср. также высказывание-угрозу, в котором каузативный компонент не представлен эксплицитно, однако он известен субъекту и объекту, и, следовательно, участвует в организации их взаимодействия в рамках акта менасивной каузации: «*Wait till I get back to Dawson,*” *Beauty Smith threatened. “I’ll have the law on you*» (London, 2020a).

Наличие условного и каузативного семантических компонентов в содержательной структуре значений глагола «*threaten*» позволяет конкретизировать признак менасивности свойством-3: «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления» / «причинно-следственная связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной его совершения». Становится понятным, что содержательный объем признака менасивности включает две разновидности логических связей, которые предполагают обусловленность совершения негативных действий в отношении объекта условием или причиной.

Таким образом, семантическая особенность глагола «*threaten*» заключается в том, что возможное наступление негативных последствий и их условие / причина соединяются в один сложный менасивно-каузативный акт на основе условно-следственной или причинно-следственной связей. Иными словами, участникам акта менасивной каузации известны условие и причина

возможных негативных последствий для объекта в каждом конкретном случае взаимодействия. Вместе с тем, использованные лексикографические источники указывают на то, что в типовой коммуникативной ситуации угрозы, как правило, актуализируется только один из компонентов – условный или каузативный (см. выше словарные дефиниции).

Конкретизация признака менасивности условным и каузативным компонентами показывает, что субъект каузации не ставит своей целью выполнить санкционные действия в отношении объекта, а только лишь упоминает возможность их совершения. Вполне очевидным представляется и тот факт, что объект также не желает наступления негативных последствий для себя. Например, автор следующего высказывания «*“Thump your back”, Arthur threatened, but kept his feet still*» (Siltoe, 2020) угрожает своему собеседнику, чтобы побудить его совершить определенное действие («*Thump your back*»), однако он не планирует переходить к непосредственной реализации негативного воздействия («*kept his feet still*»). Более того, наличие в содержательном объеме глагола «*threaten*» условного и каузативного компонентов обуславливает однозначную интерпретацию участниками акта менасивной каузации взаимосвязи между выполнением объектом каузируемых действий и возможностью наступления для него негативных последствий.

Отмеченные обстоятельства позволяют дополнить семантический признак менасивности свойством-4 «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации». Безусловно, объект каузации не заинтересован в наступлении негативных последствий для себя. При этом следует уточнить, что инициатор акта менасивной каузации сообщает о своем намерении совершить некоторое негативное действие, которое он не желает выполнять (не ставит своей задачей выполнить), но упоминает такое действие в связи с необходимостью решить коммуникативную задачу. Таким образом, семантическим нюансом глагола «*threaten*» является та особенность, что каузируемое действие выполняется объектом в интересах субъекта, а сам акт менасивной каузации характеризу-

ется обоюдной заинтересованностью его участников в возможности избежать наступления негативных последствий для объекта.

Кроме того, свойство-4 указывает на то, что отношения между участниками акта менасивной каузации регулируются при помощи воздействующего потенциала негативных последствий. Из сказанного следует, что в каждой конкретной коммуникативной ситуации угрозы субъект и объект каузации как бы “договариваются” по поводу выполнения / невыполнения тех или иных действий и находятся в контексте активного (динамичного, интерактивного) выстраивания отношений друг с другом по поводу акта каузации. В частности, субъект выбирает интенсивность воздействия – достаточную, но не избыточную – для каузации объекта в той или иной сфере деятельности, в том числе в политической коммуникации. При этом объект, оценив свою способность (желание) выполнить каузируемые действия и возможность применения к нему некоторых санкций, принимает решение об изменении своего поведения и характере дальнейшего сотрудничества с субъектом.

Обозначенная особенность выстраивания отношений между участниками коммуникативной ситуации угрозы дает основание дополнить признак менасивности глагола «*threaten*» свойством-5 «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия». В контексте сказанного важно пояснить, что фактором активного выстраивания отношений между субъектом и объектом каузации выступает связь между возможностью наступления негативных последствий для объекта и условием / причиной их наступления. Характерно, что указанная связь определяет поведение субъекта и объекта в конкретной коммуникативной ситуации их взаимодействия, так как эта связь соотносится с компонентами акта менасивной каузации в момент реализации координат «Я – здесь – сейчас» и требует мгновенной (сиюминутной) ответной реакции субъекта и объекта.

Представляется вполне логичным, что семантическое свойство-4 и свойство-5 в своем совокупном объеме определяют такое свойство менасивности глагола «*threaten*» как свойство-6 «отсутствие враждебной настроенно-

сти участников акта каузации» (ср. однако понимание угрозы как враждебного и конфликтного акта: «hostile act» – Salgueiro, 2010: 220; Chilwa, 2016: 323; «conflictive speech act» – Muschalik, 2018). В этой связи есть все основания говорить о том, что носитель воздействия желает (намерен) скорректировать вербальное или невербальное поведение объекта каузации, используя упоминание о возможном наступлении негативных последствий. Однако следует акцентировать внимание на том, что субъект воздействия не ставит своей задачей совершить санкционные действия, о которых он сообщает объекту, а целенаправленно использует упоминание негативных последствий как средство достижения своей коммуникативной цели в определенной ситуации социального взаимодействия. Другими словами, субъект воздействия предоставляет объекту возможность избежать негативных последствий и продолжить согласованное общение, если объект согласится выполнить каузируемые действия.

На первый взгляд может показаться достаточно спорным утверждение о том, что признак менасивности характеризуется таким свойством как «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации». Действительно, упоминание негативных последствий способствует формированию у объекта дискомфортных переживаний, принуждая его совершить действия, которые он не планировал совершать при отсутствии акта менасивной каузации, ср., например: «*And take yourself away from here, unless you want me to do something desperate*» (Dickens, 2020); «*I'll tear the life out of you both, but I'll know what it was*» (Dickens, 2020). Однако, несмотря на обозначенную когнитивную особенность семантической структуры глагола «*threaten*», в его содержательном объеме отсутствуют семы «агрессивность», «враждебность» и «деструктивная направленность», а акты менасивной каузации могут служить средством достижения коммуникативных целей их автора в различных ситуациях социально-политического взаимодействия, когда иные дискурсивные практики оказываются функционально неэффективными или когда сама интерактивная ситуация требует прагматического воздействия менасивной

направленности, например: «*The threat to this nation – to our democracy – is real*» (Biden, 2019); «*We cannot achieve national security without economic strength*» (Gilmore, 2015); «*If we do not get tough and smart real fast, we are not going to have a country anymore*» (Trump, 2016a).

Таким образом, результаты семантического анализа словарных дефиниций фреймообразующего глагола «*threaten*» позволяют утверждать, что он обладает иерархической системой дифференциальных сем, признаков и свойств. Его интегративный компонент «наступление негативных последствий» включает в свой содержательный объем негативные последствия, исходящие как от субъекта каузации и отражающие его целенаправленную деятельность по причинению кому-либо морального и / или физического вреда, так и негативные последствия, которые содержатся в определенной ситуации или положении дел. Вариантами указанного компонента являются:

– *базовые семы:*

- а) сема «совершение чего-либо неприятного»;
- б) сема «совершение чего-либо плохого»;
- в) сема «причинение боли, вреда или беспокойства»;
- г) сема «осуществление наказания»;

– *периферийные семы:*

- д) сема «источник возможной опасности»;
- е) сема «разрушение чего-либо».

Целесообразно повторить, что анализ словарных дефиниций глагола «*threaten*» также позволил выделить его следующие признаки: реляционность, акциональность, целенаправленность, побудительность, локутивность и менасивность. Как было показано выше, признак менасивности включает в свой содержательный объем шесть свойств-конкретизаторов, а именно:

- свойство-1 «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации»;
- свойство-2 «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации»;

- свойство-3 «причинно-следственная (условно-следственная) связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной (условием) его совершения»;
- свойство-4 «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации»;
- свойство-5 «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия»;
- свойство-6 «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

На основании полученных результатов содержательный объем глагола «*threaten*» удобно представить в виде таблицы:

Таблица 1

Содержательный объем глагола «*threaten*»

Компонент «наступление негативных последствий»						Семантические признаки										
Сема «совершение чего-либо неприятного»	Сема «совершение чего-либо плохого»	Сема «причинение боли, вреда или беспокойства»	Сема «осуществление наказания»	Сема «источник возможной опасности»	Сема «разрушение чего-либо»	Релятивность	Акциональность	Целенаправленность	Побудительность	Локутивность	Менасивность					
а	б	в	г	д	е						1	2	3	4	5	6
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Условные обозначения:

- знак «+» обозначает наличие семантического признака или свойства в структуре значения глагола «*threaten*»;
- цифрами обозначены порядковые номера свойств менасивности глагола «*threaten*»;

– буквами обозначены семы глагола «*threaten*», являющиеся вариантами интегративного компонента «наступление негативных последствий».

Представленная в таблице совокупность базовых и периферийных сем, а также семантических признаков и свойств формирует интегративно-амальгамированный содержательный объем глагола «*threaten*». Складывается отчетливая картина того, что содержательная сущность глагола «*threaten*» как фреймообразующей вершины акта менасивной каузации заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для адресата угрозы в случае его отказа от выполнения каузируемого действия. Важно также констатировать, что объект каузации находится в ситуации выбора между возможностью применения к нему санкционных действий и необходимостью совершить каузируемые действия, которые он не желает выполнять.

Следовательно, можно резюмировать, что глагол «*threaten*» представляет собой семантически “объемную” лексему, которая, с одной стороны, связана с сообщением субъекта о возможности совершения санкционных действий по отношению к объекту, а, с другой стороны, содержит указание на наличие у объекта возможности избежать санкционных действий. Обозначенная семантическая структура глагола «*threaten*» позволяет утверждать, что этот глагол сочетает в своем содержательном объеме элементы *контрарного плана*: 1) базовые и периферийные семы как варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий», которые формируют некомфортные эмоциональные переживания участников акта менасивной каузации, а также 2) семантические свойства менасивности, которые способствуют поддержанию социальных отношений между участниками акта менасивной каузации в процессе их интерактивного взаимодействия и предоставляют им возможность “преодолеть” некомфортные переживания для эффективного решения своих коммуникативных задач.

Наличие в структуре значений глагола «*threaten*» элементов контрарного плана позволяет говорить о его *интенсивном* (содержательном) и *дис-*

тенсивном (от лат. *distension* – «растяжение») потенциале. Привлечение к исследованию предлагаемых понятий позволяет уяснить, как сочетаются элементы контрарного плана в содержательном объеме глагола «*threaten*», а также точнее раскрыть его семантико-содержательный аспект как вершинообразующего конституента акта менасивной каузации. В рамках настоящего исследования под интенсивным потенциалом глагола «*threaten*» будем понимать совокупность его базовых и периферийных сем, а под дистенсивным потенциалом – совокупность его свойств менасивности.

Становится понятным, что для определения интенсивного и дистенсивного потенциала глагола «*threaten*» целесообразно использовать количественный метод. В частности, интенсивный потенциал глагольной лексемы можно определить по количеству базовых и периферийных сем, зафиксированных в её структуре значений. В этой связи напомним, что семемную структуру глагола «*threaten*» (т.е. структуру, образованную совокупностью сем) формируют шесть сем, в число которых входят 4 базовые и 2 периферийные семы. Следовательно, семемную структуру глагола «*threaten*» можно представить в виде развернутой формальной записи, «своего рода структурной формулы» (Падучева, 2004: 17) или «в формуле значения» (Падучева, 2004: 25), в которой знак «:» читается «включает», а знак «+» обозначает «цельноспаянную семантику лексемы» (Сусов, 1973) –

THREATEN: 6 сем (4 базовые семы + 2 периферийные семы).

Если обозначить интенсивный потенциал глагола «*threaten*» через S_{int} , а базовые и периферийные семы соответственно через S_{bas} и S_{per} , то предложенная выше запись будет иметь вид: THREATEN: $6S_{int} (4S_{bas} + 2S_{per})$.

Результаты дефиниционного анализа глагола «*threaten*» позволяют определить его дистенсивный потенциал, который удобно обозначить через M_{dist} . Количественный подсчет показывает, что лексема «*threaten*» обладает 6 свойствами менасивности (см. таблицу 1), а формальная запись его дистенсивного потенциала имеет вид: THREATEN: $6M_{dist}$. В русле сказанного важно пояснить, что показатель $6M_{dist}$ означает одновременное наличие в структуре

значений глагола «*threaten*» всей совокупности свойств менасивности, зафиксированных в рамках настоящего исследования: от свойства-1 до свойства-6.

Таким образом, с учетом предложенных условных обозначений формальная запись содержательного объема глагола «*threaten*» имеет вид:

$$\text{THREATEN: } 6S_{\text{int}} (4S_{\text{bas}} + 2S_{\text{per}}) + 6M_{\text{dist}}.$$

Предлагаемая запись отражает семантико-содержательный аспект глагола «*threaten*», который кроется в наличии в его структуре значений элементов контрарного плана – интенсивного и дистенсивного потенциала. В этом плане показательно, что семантическая структура лексемы «*threaten*» насчитывает 6 элементов интенсивного и дистенсивного характера: 6 вариантов компонента «наступление негативных последствий» и 6 свойств менасивности. В итоге получается, что контрарные элементы содержательного объема глагола «*threaten*», обладающие интенсивным и дистенсивным характером – $6S_{\text{int}}$ и $6M_{\text{dist}}$ – уравнивают друг друга в плане воздействующего потенциала, так как каждый из них насчитывает по 6 входящих в их состав единиц.

Важно дополнить, что формальная запись $\text{THREATEN: } 6S_{\text{int}} (4S_{\text{bas}} + 2S_{\text{per}}) + 6M_{\text{dist}}$ не только отражает семантическую специфику глагола «*threaten*», но и обозначает границы психосемантического пространства угрозы, сформированного интегративным компонентом и его разновидностями – базовыми и периферийными семами, которые вызывают дискомфортные переживания у участников акта менасивной каузации, а также свойствами менасивности, направленными на установление отношений между субъектом и объектом в рамках акта каузации. Предложенная запись отражает “заранее установленный сюжет” угрозы, закладывая основу для формирования в ментальном пространстве носителя английского языка представления о типовой коммуникативной ситуации угрозы и воздействующем (иллокутивном) потенциале вербальных проявлений угрозы в виде менасивных высказываний.

В русле сказанного оправданно полагать, что формальная запись содержательного объема глагола «*threaten*» отражает его семантические при-

знаки и свойства и может служить основой для отграничения данного глагола от других английских побудительных глаголов. Проведенный дефиниционный анализ и предложенная формальная запись указывают на то, что признак побудительности глагола «*threaten*» амальгамируется с признаком менасивности в структуре значения лексемы. Такой интегративно-амальгамированный характер лексемы является отличительной особенностью семантической структуры глагола «*threaten*» как фреймообразующего конституента типовой коммуникативной ситуации угрозы. В частности, интегративно-амальгамированный содержательный объем глагола «*threaten*» выступает дифференциальным критерием, отличающим его от других английских локутивных глаголов, например, от глаголов «*to advise*», «*to beg*», «*to invite*», «*to request*» и «*to suggest*», которые обладают каузативным значением, но не содержат указание на побуждение объекта совершить какие-то действия под влиянием возможного санкционного воздействия в случае отказа.

Больше того, амальгамный характер лексемы «*threaten*» отличает его от внушительного количества глаголов английского языка, которые содержат в структуре своего значения варианты компонента «наступление негативных последствий». Глагол «*threaten*» способен передавать весь спектр социокоммуникативных отношений между инициатором акта менасивной каузации и адресатом такого акта, в то время как, например, глаголы «*to hurt*», «*to kill*» и «*to punish*» содержат в структуре своего значения один или несколько вариантов компонента «наступление негативных последствий», они не являются локутивными побудительными глаголами, и, следовательно, не ориентированы на каузацию собеседника к выполнению некоторых действий.

Итак, глагол «*threaten*» являет собой семантически “объемный” вербальный репрезентант угрозы в английском языке, в содержательный объем которого входит значение наступления возможных негативных последствий для объекта и его каузация к выполнению некоторых действий, а также возможность для объекта избежать наступления негативных последствий. В силу сказанного для более точного описания глагола «*threaten*» как вершино-

образующего конституента акта менасивной каузации вполне закономерно возникает вопрос поиска глаголов английского языка, которые, включая в структуру своего значения варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий», обладают свойствами менасивности и, следовательно, могут служить полноправными репрезентантами акта менасивной каузации. В этой связи перспективно сформировать ряд вербальных репрезентантов угрозы в английском языке, представленных в виде синонимического ряда к глаголу «*threaten*», и провести их дефиниционный анализ.

2.2. Вербальные репрезентанты лексико-тематического пространства угрозы в английском языке и их семантические характеристики

Описание вербальных репрезентантов угрозы в английском языке затрагивает необходимость обратиться к изучению лексического уровня современного английского языка. Для решения поставленных задач целесообразно обратиться к лексикографическим изданиям английского языка американского и британского вариантов и установить синонимический ряд глаголов (или лексико-тематическую группу глаголов).

По данным выборки из лексикографических изданий английского языка у глагола «*threaten*» богатый синонимический ряд. Корпус современного английского языка американского варианта (Corpus of Contemporary American English, далее COCA) фиксирует 15 синонимов к глаголу «*threaten*», распределенных по трем группам в соответствии с их значением:

– синонимы в значении «подвергать опасности» («*endanger*»): «*compromise*», «*endanger*», «*imperil*», «*jeopardize*», «*menace*»;

– синонимы в значении «запугивать» («*intimidate*»): «*frighten*», «*intimidate*», «*menace*», «*pressure*», «*pressurize*», «*terrorize*», «*warn*»;

– синонимы в значении «принимать преувеличенные, угрожающие размеры, надвигаться, грозить» («*loom*»): «*loom*», «*lurk*», «*portend*».

Лексикографический источник Collins English Thesaurus (далее СЕТ) также содержит внушительное количество синонимов к глаголу «*threaten*» с учетом его значения. В частности, синонимический ряд формируют:

– синонимы в значении «запугивать» («in the sense of intimidate»): «*intimidate*», «*bully*», «*menace*», «*terrorize*», «*warn*», «*cow*», «*lean on*» (*slang*), «*pressurize*», «*browbeat*», «*make threats to*»;

– синонимы в значении «подвергать опасности» («in the sense of endanger»): «*endanger*», «*jeopardize*», «*put at risk*», «*imperil*», «*put in jeopardy*», «*put on the line*»;

– синонимы в значении «неотвратимый, неизбежный, неминуемый (об опасности, беде)» («in the sense of be imminent»): «*be imminent*», «*hang over*», «*be in the air*», «*loom*», «*be in the offing*», «*hang over someone's head*», «*impend*».

Кроме того, издание СЕТ предлагает синонимы к глаголу «*threaten*» с пометой «дополнительные», в число которых входят:

– синонимы в значении «запугивать, пугать, устрашать, наводить страх» («in the sense of browbeat»): «*bully*», «*cow*», «*intimidate*», «*badger*», «*oppress*», «*hector*», «*coerce*», «*bulldoze*» (*informal*), «*overawe*», «*dragoon*», «*ride roughshod over*», «*tyrannize*», «*overbear*», «*domineer*»;

– синонимы в значении «грозить, запугивать, устрашать угрозами или силой заставить» («in the sense of bully»): «*force*», «*coerce*», «*railroad*» (*informal*), «*bulldoze*» (*informal*), «*dragoon*», «*pressurize*», «*browbeat*», «*cow*», «*hector*», «*press-gang*», «*domineer*», «*bullyrag*»;

– синонимы в значении «пугать, запугивать или подчинять при помощи угроз» («in the sense of cow»): «*intimidate*», «*daunt*», «*frighten*», «*scare*», «*bully*», «*dismay*», «*awe*», «*subdue*», «*unnerv*», «*overawe*», «*terrorize*», «*browbeat*», «*psych out*» (*informal*), «*dishearten*».

Примечательно, что к «дополнительным» синонимам, по версии словаря СЕТ, отнесены не только общеупотребительные глаголы, но и глаголы с пометой «*informal*», например, «*bulldoze*», «*railroad*», «*psych out*».

В лексикографическом источнике Collins American Thesaurus (далее

CAT) представлены три группы синонимов к глаголу «*threaten*» без указания принципа их распределения:

– «*intimidate*», «*browbeat*», «*bully*», «*lean on*» (*slang*), «*menace*», «*pressurize*», «*terrorize*»;

– «*endanger*», «*imperil*», «*jeopardize*», «*put at risk*», «*put in jeopardy*», «*put on the line*»;

– «*foreshadow*», «*forebode*», «*impend*», «*portend*», «*presage*».

Важно также обратить внимание на подход к формированию синонимического ряда к глаголу «*threaten*», в основе которого лежит подразделение синонимов на группы не по значениям, а по признаку «наибольшего или наименьшего соответствия лексеме» (Thesaurus, URL). Так, к наиболее соответствующим синонимам глагола «*threaten*» относятся «*intimidate*», «*menace*», «*scare*», а к наименее соответствующим – «*abuse*», «*admonish*», «*augur*», «*blackmail*», «*bluster*», «*browbeat*», «*bully*», «*caution*», «*comminate*», «*cow*», «*enforce*», «*forebode*», «*forewarn*», «*fulminate*», «*growl*», «*portend*», «*presage*», «*pressurize*», «*scowl*», «*snarl*», «*spook*», «*terrorize*», «*torment*».

Таким образом, вербальные репрезентанты угрозы в английском языке предстают в виде большой лексико-тематической группы, которая включает глаголы и глагольные сочетания. Вполне очевидно, что лексико-тематическая группа глаголов, репрезентирующих угрозу в английском языке, являет собой незамкнутую конгломерацию и может быть дополнена при помощи привлечения синонимов из различных сфер социального взаимодействия. Тем не менее, поставленные задачи настоящего исследования обуславливают необходимость остановиться только на глаголах-синонимах к лексеме «*threaten*», оставляя в стороне различные языковые образования, содержащие указание на негативные последствия для объекта воздействия.

Количественный подсчет позволяет установить, что синонимический ряд глагола «*threaten*» насчитывает 57 глаголов, которые удобно расположить в алфавитном порядке: «*abuse*», «*admonish*», «*augur*», «*awe*», «*badger*», «*blackmail*», «*bluster*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*»,

«*coerce*», «*comminate*», «*compromise*», «*cow*», «*daunt*», «*dishearten*», «*dismay*», «*domineer*», «*dragoon*», «*endanger*», «*enforce*», «*force*», «*forebode*», «*foreshadow*», «*forewarn*», «*frighten*», «*fulminate*», «*growl*», «*hector*», «*impend*», «*imperil*», «*intimidate*», «*jeopardize*», «*loom*», «*lurk*», «*menace*», «*oppress*», «*overawe*», «*overbear*», «*portend*», «*presage*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*scare*», «*scowl*», «*snarl*», «*spook*», «*subdue*», «*terrorize*», «*torment*», «*tyrannize*», «*unnerve*», «*warn*». В представленной конгломерации глагол «*threaten*» связан с каждым из вербальных репрезентантов угрозы через компонент «наступление негативных последствий», а вся совокупность глаголов формирует лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке.

Важно пояснить, что в лексикографических изданиях использовались различные принципы формирования синонимического ряда к глаголу «*threaten*», что подтверждается разнообразным лексическим и количественным составом синонимов в таких изданиях. При этом бросается в глаза, что зафиксированные глаголы-синонимы обозначают действия, направленные на причинение вреда (например, «*abuse*», «*endanger*», «*frighten*»), имеют побудительное значение (например, «*blackmail*», «*bully*», «*warn*») или описывают ситуацию, содержащую угрозу для кого-либо или чего-либо (например, «*augur*», «*loom*»). Полученный результат определяет необходимость выявить и сгруппировать словарные дефиниции глаголов, которые формируют наряду с глаголом «*threaten*» лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке. Также перспективно провести дефиниционный анализ таких глаголов и определить место каждого из них в лексико-тематическом пространстве угрозы. Иначе говоря, ориентируясь на утверждение В.Г. Гака о неоднородности лексико-тематической группы слов по составу, в которой «можно различить ядро, включающее слова, несомненно, относящиеся к данному общему значению, и периферийные элементы, состоящие из слов, у которых данное значение прослеживается уже не так четко, поскольку оно совмещается с иными категориальными значениями» (Гак, 1977: 150), необходимо сформировать содержательное ядро, околядерную, периферийную и даль-

нюю периферийную зоны лексико-тематического пространства угрозы в английском языке.

Для дефиниционного анализа глаголов, входящих в лексико-тематическое пространство угрозы, уместно воспользоваться привлеченным к анализу перечнем лексикографических источников английского языка – SACD, CALD, COBUILD, LDOCE, OALD, OAAD и WNWCD.

Следует отметить, что некоторые глаголы лексико-тематического пространства угрозы конкретизируются словарными пометами с указанием варианта английского языка – американского или британского. Например:

Pressure – 1. (especially American English) To try to make someone do something by making them feel it is their duty to do it. Synonyms: *pressurize* (British English). Например: «*You want to enjoy food, not to be pressured into eating the right things*»; «*Don't feel we are pressuring you to give what you can't afford*» (LDOCE).

Кроме того, важно обратить внимание на то, что лексикографические издания фиксируют ряд словарных помет (комментариев) относительно написания и использования некоторых вербальных репрезентантов угрозы в американском и британском вариантах английского языка. Например, некоторые синонимы к глаголу «*threaten*» имеет различное написание в американском (также Am) и британском (также Br) вариантах английского языка: «*jeopardize*» (Am) и «*jeopardise*» (Br), «*terrorize*» (Am) и «*terrorise*» (Br), а также «*tyrannize*» (Am) и «*tyrannise*» (Br). При этом поставленные задачи настоящей работы и выбранный материал исследования определяют необходимость учитывать незначительные отличия в американском и британском вариантах написания перечисленных глагольных лексем, ориентируясь на американский вариант английского языка, в то время как в задачи исследования не входит изучение диалектных особенностей употребления таких глаголов.

Характерно, что в некоторых лексикографических изданиях отсутствуют словарные статьи, которые раскрывают содержание некоторых глаголов, входящих в лексико-тематическое пространство угрозы. Например, вер-

бальные репрезентанты угрозы «*augur*», «*bluster*», «*forewarn*», «*fulminate*», «*hector*», «*overawe*», «*presage*», «*press-gang*» и «*pressurize*» не имеют толкования в одном из выбранных для исследования лексикографических источниках, глаголы «*dismay*», «*dragoon*», «*pressure*» и «*terrorize*» не представлены в двух словарях, а глагол «*dishearten*» – в трех. Более того, в лексико-тематическое пространство угрозы входят глаголы «*impend*» и «*overbear*», у которых отсутствуют словарные статьи в пяти словарях, выбранных для анализа, в то время как глаголы «*bullyrag*», «*comminate*», «*domineer*» и «*forebode*» не имеют толкования в шести лексикографических изданиях. Обозначенное обстоятельство, при котором не все вербальные репрезентанты угрозы получают толкование в каждом из использованных в ходе исследования словарей, указывает на необходимость проанализировать частотность употребления таких глаголов в англоязычной речи.

Принимая во внимание внушительное количество вербальных репрезентантов угрозы в английском языке, результаты дефиниционного анализа удобно представить в виде таблицы (см. приложение 1). Следует заметить, что основу для формирования столбцов указанной таблицы составляют семы и содержательные признаки фреймообразующего глагола «*threaten*». Таблица не фиксирует все семы глаголов-синонимов, представленные в их словарных дефинициях, а только те семы, которые являются вариантами интегративного компонента «наступление негативных последствий».

Безусловно, вне поля зрения остаются некоторые семантические нюансы вербальных репрезентантов угрозы, однако такой подход к анализу языкового материала позволяет не выходить за лингвистические границы лексико-тематического пространства угрозы. Более того, подход, ориентированный на выявлении в глаголе вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий» и семантических свойств менасивности позволяет применить предложенный способ (методику) определения интенсивного и дистенсивного потенциала к вербальным репрезентантам угрозы. При этом по интенсивному и дистенсивному потенциалу вербальных репрезен-

тантов угрозы представляется возможным выявить те глаголы, которые в семантическом плане являются наиболее близкими к фреймообразующей лексеме «*threaten*» и образуют околоядерную зону лексико-тематического пространства угрозы, а также глаголы периферийной зоны этого пространства.

В выбранном ракурсе рассуждений целесообразно учитывать несколько критериев для выделения околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы. *Во-первых*, уместно полагать, что околоядерную зону формируют глаголы, которые имеют в структуре своего значения признаки релятивности, акциональности, целенаправленности, побудительности, локутивности и менасивности. Учет указанного критерия представляется вполне логичным для формирования перечня глаголов околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы, так как фреймообразующий глагол «*threaten*» содержит в структуре значения все перечисленные семантические признаки.

Во-вторых, при выделении околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы важно принимать во внимание интенсивный потенциал глагола, который основан на наличии в структуре его значений вариантов интегративного компонента, в частности, базовых и периферийных сем, выявленных в рамках настоящего исследования. При этом чем больше совпадений по количеству базовых и периферийных сем будет зафиксировано в структуре значения локутивного побудительного глагола (при совпадении остальных показателей), тем ближе этот глагол окажется к ядру лексико-тематического пространства угрозы. Следует уточнить, что при формировании перечня вербальных репрезентантов угрозы, входящих в околоядерную зону, наибольшее значение приобретают базовые семы глагола, в то время как периферийные семы учитываются в качестве конкретизирующих факторов.

В-третьих, при формировании околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы следует учитывать дистенсивный потенциал вербальных репрезентантов угрозы, основанный на количестве свойств менасивности в содержательной структуре глагола: чем больше дистенсивный потенциал глагола, тем ближе он находится к ядру. Также в качестве дополни-

тельного критерия целесообразно принимать во внимание частотность и сферу употребления глагола в англоязычном социальном взаимодействии, так как синонимический ряд вербальных репрезентантов угрозы формируют глаголы с различными словарными пометами, например, «*awe*» (usually passive), «*bulldoze*» (informal), «*hector*» (disapproving), «*imperil*» (formal), «*menace*» (formal), «*overawe*» (usually passive), «*presage*» (formal, literary), «*press-gang*» (informal), «*spook*» (usually passive, informal) и др.

В ходе выявления глаголов, формирующих околядерную зону лексико-тематического пространства угрозы, важно учитывать каждый из критериев. Однако есть все основания считать наиболее важным критерием дистенсивный потенциал, так как внушительное количество английских глаголов содержит в структуре своего значения интегративный компонент «наступление негативных последствий», однако они не обладают признаком менасивности и не являются синонимами к глаголу «*threaten*» согласно выбранным для исследования лексикографическим источникам. Иными словами, наличие нескольких вариантов интегративного компонента в структуре значения глагола не означает, что этот глагол находится в околядерной зоне рассматриваемого лексико-тематического пространства. Ярким подтверждением сказанному являются словарные дефиниции, например, глаголов «*to hurt*» и «*to kill*» (CACD; CALD; COBUILD; LDOCE; OALD; OAAD; WNWCD), которые обладают значением «наступление негативных последствий», но не являются побудительными локутивными глаголами и не включают в свой содержательный объем свойства менасивности. Следовательно, согласно предложенным критериям, околядерную зону лексико-тематического пространства угрозы формируют локутивные побудительные глаголы, которые имеют в структуре значения варианты компонента «наступление негативных последствий» и свойства менасивности.

Для удобного описания семантических признаков и свойств вербальных репрезентантов угрозы целесообразно предложить формальную запись содержательного объема глагольной лексемы $VERB^N: NS_{int} (NS_{bas} + NS_{per}) +$

NM_{dist} (условные обозначения см. выше, знак «N» замещается числовым показателем). Предлагаемая запись имеет обобщенный вид, однако при наполнении ее семантическими признаками и свойствами глагольных лексем она может служить эффективным средством для структурирования языковых единиц, входящих в лексико-тематическое пространство угрозы. Более того, предлагаемый способ формального представления содержательного объема глагольных лексем позволяет сравнить их по дифференциальным признакам и определить их принадлежность к околоядерной или периферийной зонам лексико-тематического пространства угрозы, учитывая интенсивный S_{int} и дистенсивный потенциал M_{dist} , а также установить позицию (место) каждого глагола среди других вербальных репрезентантов угрозы в лексико-тематическом пространстве угрозы в английском языке.

В свете сказанного важно напомнить, что глагол «*threaten*», являясь фреймообразующей лексемой или ядром лексико-тематического пространства угрозы (также ядерной зоной), содержит в структуре своего значения 6 вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий» и 6 свойств менасивности (см. таблицу 1). Поэтому формальную запись, отражающую содержательный объем глагола «*threaten*», можно снабдить надстрочным знаком «⁰», который означает, что указанный глагол является ядром лексико-тематического пространства угрозы в английском языке: $THREATEN^0: 6S_{int} (4S_{bas} + 2S_{per}) + 6 M_{dist}$.

Имея формальную запись фреймообразующего глагола «*threaten*», представляется логичным начать описание лексико-тематического пространства угрозы с установления перечня глагольных лексем околоядерной зоны. Материал исследования фиксирует, что 21 глагол из синонимического ряда к лексеме «*threaten*» характеризуется набором семантических признаков, включающим признак релятивности, акциональности, целенаправленности, побудительности, локутивности и менасивности, а также имеет в структуре значения компонент «наступление негативных последствий». К их числу относятся следующие глаголы, перечисленные в алфавитном порядке: «*admo-*

nish», «*badger*», «*blackmail*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*», «*coerce*», «*comminate*», «*cow*», «*dragoon*», «*force*», «*forewarn*», «*intimidate*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*terrorize*», «*warn*». Следовательно, околоядерную зону формирует 21 глагол, что составляет примерно 36,21% от общего количества примеров (включая лексему «*threaten*»).

Семантический анализ глаголов околоядерной зоны показывает, что они образуют неоднородную лексико-тематическую группу. По этой причине целесообразно ранжировать глагольные лексемы, входящие в эту зону, основываясь на учете содержательного объема каждой лексемы.

Материал исследования демонстрирует отсутствие в лексико-тематическом пространстве угрозы вербальных репрезентантов, которые содержат 6 вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий» и 6 свойств менасивности (за исключением фреймообразующего глагола «*threaten*»). Однако, в этом пространстве зафиксировано четыре локутивных побудительных глагола – «*admonish*», «*caution*», «*forewarn*» и «*warn*» (перечислены в алфавитном порядке), которые включают в свой содержательный объем 5 вариантов интегративного компонента ($5S_{int}$) и 5 свойств менасивности ($5M_{dist}$). В этой связи, принимая во внимание предложенные выше критерии, можно полагать, что глаголы «*admonish*», «*caution*», «*forewarn*» и «*warn*» формируют особую группу глаголов околоядерной зоны, которая в семантическом плане является наиболее приближенной к ядерному глаголу «*threaten*» и, следовательно, ее уместно именовать группой первого уровня околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы в английском языке (также группой I). Содержательный объем перечисленных глаголов можно представить в общем виде: $VERB: 5S_{int} + 5M_{dist}$.

Следует заметить, что в данной семантической записи учитывается общее количество вариантов интегративного компонента и свойств менасивности глаголов, в то время как полностью нивелируется дисперсивный разброс базовых и периферийных сем в структуре глагола. По этой причине необходимо уточнить эту формальную запись, обратив внимание на количество

базовых и периферийных сем глагола. Такое уточнение позволит провести более точное ранжирование глаголов по принципу их семантической близости к ядру лексико-тематического пространства угрозы.

В этой связи важно вновь отметить, что при описании околядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы будем исходить из того, что глаголы могут обладать одинаковым количеством вариантов интегративного компонента (сем) и одинаковым количеством свойств менасивности, однако ближе к ядру лексико-тематического пространства угрозы находится тот глагол, который включает в свой объем наибольшее количество базовых сем. Характерно, что обозначенное уточнение применимо только в том случае, если глаголы характеризуются одинаковым дистенсивным потенциалом. При наличии в структуре значения глаголов одинакового количества базовых и периферийных сем, но различных показателей дистенсивного потенциала, ближе к ядру лексико-тематического пространства угрозы находится тот глагол, который обладает наибольшим показателем дистенсивного потенциала.

На основе заявленного подхода представляется возможным расположить глаголы первой группы (уровня) околядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы в иерархическом порядке, указав их позицию по отношению к ядерной зоне при помощи надстрочных знаков после глагольной лексемы (группа I):

$$\begin{aligned} \text{WARN}^1: & \quad 5S_{\text{int}} (5S_{\text{bas}}) + 5M_{\text{dist}} \\ \text{FOREWARN}^2: & \quad 5S_{\text{int}} (3S_{\text{bas}}+2_{\text{per}}) + 5M_{\text{dist}} \\ \text{CAUTION}^3: & \quad 5S_{\text{int}} (2S_{\text{bas}}+3_{\text{per}}) + 5M_{\text{dist}} \\ \text{ADMONISH}^4: & \quad 5S_{\text{int}} (5_{\text{per}}) + 5M_{\text{dist}} \end{aligned}$$

Семантические записи свидетельствуют о том, что глаголы «*warn*»¹, «*forewarn*»², «*caution*»³ и «*admonish*»⁴ объединяют показатели содержательных признаков $5S_{\text{int}}$ и $5M_{\text{dist}}$, из чего следует, что перечисленные вербальные репрезентанты угрозы формируют первую – наиболее приближенную к ядру лексико-тематического пространства угрозы – группу глаголов околядерной зоны (также собственно околядерную зону). Однако среди лексем этой

группы глагол «*warn*» находится ближе к ядру рассматриваемого пространства (см. надстрочный знак^{«1»}), чем другие глаголы околоядерной зоны – «*admonish*», «*caution*», «*forewarn*», имеющие по 5 свойств менасивности ($5M_{\text{dist}}$). В частности, у глагола «*warn*» совпадает 5 базовых сем с базовыми семами глагола «*threaten*», что отражено в формальной записи его содержательного объема $\text{WARN}^1: 5S_{\text{int}} (5S_{\text{bas}}) + 5M_{\text{dist}}$. Иначе говоря, глагол «*warn*» является самой семантически близкой лексемой к ядерной зоне лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, занимая первую позицию среди глаголов околоядерной зоны.

При обозначенном подходе глагол «*forewarn*»² оказывается более удаленным от ядра лексико-семантического пространства угрозы, чем глагол «*warn*»¹, в силу того, что у глагола «*forewarn*» совпадают 3 базовые семы с базовыми семами глагола «*threaten*» и он имеет семантическую запись $\text{FOREWARN}^2: 5S_{\text{int}} (3S_{\text{bas}}+2_{\text{per}}) + 5M_{\text{dist}}$. В свою очередь, глагол «*forewarn*»² расположен ближе к ядру лексико-тематического пространства угрозы, чем глагол с семантической записью $\text{CAUTION}^3: 5S_{\text{int}} (2S_{\text{bas}}+3_{\text{per}}) + 5M_{\text{dist}}$. Представленные записи демонстрируют, что глаголы «*forewarn*»² и «*caution*»³ обладают одинаковым интенсивным ($5S_{\text{int}}$) и дистенсивным потенциалом ($5 M_{\text{dist}}$). Однако глагол «*forewarn*», у которого три базовые семы $3S_{\text{bas}}$ совпадают с тремя семами глагола «*threaten*», находится ближе к ядру лексико-тематического пространства, чем глагол «*caution*»³, у которого совпадают только две базовые семы. Предложенные записи также показывают, что глагол «*admonish*»⁴ является самым отдаленным от ядра лексико-тематического пространства угрозы среди глаголов околоядерной зоны первой группы.

Складывается отчетливое представление о том, что в околоядерную зону первого уровня входят семантически “объемные” вербальные репрезентанты угрозы. Кроме того, дефиниционный анализ и формальные записи содержательного объема показывают, что глаголы, которые формируют околоядерную зону первого уровня, обладают *центровзвешенным характером*, проявляющимся в наличии 5 признаков интенсивного потенциала ($5S_{\text{int}}$) и 5

признаков дистенсивного потенциала ($5M_{\text{dist}}$). Также необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что материал исследования позволил зафиксировать только 4 локутивных побудительных глагола, которые формируют группу первого уровня околоядерной зоны. Безусловно, такое количество глаголов свидетельствует о том, что в английском языке имеется незначительное количество семантически “объемных” глагольных лексем, которые сочетают в своем содержательном объеме элементы контрарного плана: варианты интегративного компонента (семы) и семантические свойства менасивности. Более того, *центровзвешенный характер* глаголов, формирующих околоядерную зону первого уровня – «warn»¹, «forewarn»², «caution»³, «admonish»⁴ – отчетливо демонстрирует семантический нюанс фреймообразующего глагола «threaten», который заключается в интегративно-амальгамированном сочетании 6 содержательных элементов контрарного плана.

Семантический анализ 4 глагольных лексем, входящих в околоядерную зону первого уровня, свидетельствует о необходимости дальнейшего ранжирования 17 вербальных репрезентантов угрозы околоядерной зоны, в число которых входят следующие глаголы, перечисленные в алфавитном порядке: «badger», «blackmail», «browbeat», «bulldoze», «bully», «bullyrag», «coerce», «comminate», «cow», «dragoon», «force», «intimidate», «press-gang», «pressure», «pressurize», «railroad», «terrorize». В этой связи уместно продолжить описание англоязычного лексико-тематического пространства угрозы, используя формальные записи содержательного объема вербальных репрезентантов угрозы и предложенный принцип нумерации места глагола в этом пространстве.

В соответствии с выбранной логикой анализа, описание околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы следует продолжить с локутивного побудительного глагола «blackmail», который имеет достаточно высокий показатель дистенсивного потенциала $4M_{\text{dist}}$ (см. приложение 1) и, следовательно, является семантически близким к глаголам околоядерной зоны первой группы. Глагол «blackmail»⁵ формирует группу глаголов около-

ядерной зоны второго уровня и имеет формальную запись содержательного объема (группа II):

$$\text{BLACKMAIL}^5: 2S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}+1S_{\text{per}}) + 4M_{\text{dist}}.$$

Представленная запись отражает *нецентровзвешенный характер* содержательного объема глагола «*blackmail*»⁵, который содержит в структуре своего значения 2 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий» ($2S_{\text{int}}$) и 4 свойства менасивности ($4 M_{\text{dist}}$). Иначе говоря, глагол «*blackmail*»⁵ характеризуется семантическим “перевесом” в сторону дистенсивного потенциала, занимая часть околоядерной зоны второго уровня, “смещенную” в сторону установления отношений между субъектом и объектом воздействия по поводу акта менасивной каузации и прагматической эффективности реализации коммуникативного намерения субъектом (см. таблицу 3). Примечательно, что материал исследования фиксирует только один глагол «*blackmail*»⁵ в числе вербальных репрезентантов угрозы околоядерной зоны второго уровня.

В околоядерную зону третьего уровня входит группа локутивных побудительных глаголов – «*browbeat*», «*bully*», «*cow*», «*intimidate*» и «*terrorize*», каждый из которых имеет в структуре значения 4 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий» и 2 признака менасивности. Содержательный объем перечисленных глаголов и место каждого из них в лексико-тематическом пространстве угрозы удобно представить в формальных записях (группа III):

$$\text{INTIMIDATE}^6: 4S_{\text{int}} (4S_{\text{bas}}) + 2M_{\text{dist}}$$

$$\text{BULLY}^7: 4S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}+ 3S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$$

$$\text{COW}^7: 4S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}+ 3S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$$

$$\text{TERRORIZE}^7: 4S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}+ 3S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$$

$$\text{BROWBEAT}^8: 4S_{\text{int}} (4S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$$

Важно уточнить, что при совпадении у различных вербальных репрезентантов угрозы формальных записей содержательного объема, глаголы перечисляются в алфавитном порядке, а их расположение по отношению к ядру

обозначается соответствующими цифровыми показателями. Например, надстрочный показатель «⁷» у глаголов «*bully*»⁷, «*cow*»⁷, «*terrorize*»⁷ указывает на то, что они занимают одинаковую позицию в околоядерной зоне лексико-тематического пространства и перечислены в алфавитном порядке.

Не вызывает сомнений, что глаголы «*intimidate*»⁶, «*bully*»⁷, «*cow*»⁷, «*terrorize*»⁷ и «*browbeat*»⁸ занимают более отдаленную позицию от ядра лексико-тематического пространства угрозы, чем глагол «*blackmail*»⁵, так как каждый из них содержит только 2 свойства менасивности ($2M_{\text{dist}}$). Также обращает на себя внимание *нецентровзвешенный характер* формальных записей содержательного объема указанных глагольных лексем. В частности, глаголы третьей группы околоядерной зоны имеют в структуре своего значения 4 варианта интегративного компонента ($4S_{\text{int}}$) и 2 свойства менасивности ($2M_{\text{dist}}$) (см. приложение 1). Следовательно, можно полагать, что они в большей степени охватывают ту часть лексико-тематического пространства угрозы, в которой акцентируется внимание на наказании объекта, а не на его побуждении совершить каузируемые действия. Другими словами, позиция глаголов «*intimidate*»⁶, «*bully*»⁷, «*cow*»⁷, «*terrorize*»⁷ и «*browbeat*»⁸ в околоядерном семантическом пространстве угрозы смещена в сторону вербальной демонстрации возможных негативных последствий для объекта (см. таблицу 3).

Околоядерная зона четвертого уровня насчитывает три глагольных лексемы центровзвешенного характера «*bulldoze*»⁹, «*badger*»¹⁰ и «*dragoon*»¹⁰, каждая из которых имеет в структуре значения 2 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий» и 2 признака менасивности. Содержательный объем перечисленных вербальных репрезентантов угрозы и их место в лексико-тематическом пространстве угрозы отображены в формальных записях (группа IV):

BULLDOZE⁹: $2S_{\text{int}} (2S_{\text{bas}}) + 2M_{\text{dist}}$

BADGER¹⁰: $2S_{\text{int}} (2S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$

DRAGOON¹⁰: $2S_{\text{int}} (2S_{\text{per}}) + 2M_{\text{dist}}$

В околядерную зону пятого уровня входят 8 глаголов, включающих в свой содержательный объем 1 вариант интегративного компонента и 2 признака менасивности. Показательно, что глаголы околядерной зоны пятого уровня являются побудительными (см. приложение 1). Содержательный объем этих глаголов и их место в лексико-тематическом пространстве угрозы представлены в формальных записях (группа V):

FORCE¹¹: $1S_{int} (1S_{bas}) + 2 M_{dist}$

BULLYRAG¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

COERCE¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

COMMINATE¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

PRESS-GANG¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

PRESSURE¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

PRESSURIZE¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

RAILROAD¹²: $1S_{int} (1S_{per}) + 2 M_{dist}$

Формальные записи содержательного объема глаголов пятой группы демонстрируют их нецентровзвешенный характер, а также тот факт, что показатель «¹²» маркирует 7 глаголов пятой группы околядерной зоны, свидетельствуя об их семантической близости.

Следуя предложенному подходу к описанию содержательного объема глаголов околядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы, можно со всей уверенностью полагать, что периферийную зону этого пространства формируют глаголы, которые имеют значение, связанное с наступлением негативных последствий, однако при этом не являются локутивными побудительными глаголами и, следовательно, не включают в свой содержательный объем свойства менасивности. Получается, что вербальные репрезентанты угрозы периферийной зоны характеризуются наличием в структуре значения определенного количества вариантов интегративного компонента (NS_{int}) и нулевого показателя свойства менасивности ($0M_{dist}$).

На материале исследования нетрудно убедиться, что периферийная зона лексико-тематического пространства угрозы включает в свой состав 30

глагольных лексем, что составляет около 51,72 % от общего количества вербальных репрезентантов угрозы, зафиксированных в рамках настоящего исследования в лексикографических изданиях английского языка. Полученный количественный показатель демонстрирует тот факт, что периферийная зона пространства угрозы включает внушительное количество глаголов, обладающих значением возможного наказания для объекта. Примечательно, что группа глаголов периферийной зоны лексико-тематического пространства угрозы является неоднородной в содержательном плане, так как она сформирована глагольными лексемами, имеющими в структуре значения от одного до четырех вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий». В частности, периферийная зона включает четыре группы глаголов, образующих соответственно четыре уровня отдаленности от ядра пространства – шестой, седьмой, восьмой и девятый уровни.

Среди глаголов периферийной зоны лексико-тематического пространства угрозы ближе к ядру находятся те глаголы, которые имеют в содержательном объеме 4 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий». По отношению к ядерной зоне рассматриваемого пространства угрозы они занимают шестой уровень и соответственно образуют шестую группу глаголов. Материал исследования насчитывает 7 таких глаголов. Ниже представлены формальные записи их содержательного объема (группа VI):

ABUSE ¹³ :	$4S_{int} (3S_{bas} + 1_{per}) + 0 M_{dist}$
AWE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$
DAUNT ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$
FRIGHTEN ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$
OVERAWE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$
SCARE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$
SPOOK ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0 M_{dist}$

Седьмая группа включает глаголы, имеющие в содержательном объеме 3 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий». К их числу относится 9 лексем с формальными записями (группа VII):

IMPERIL ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
LURK ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
COMPROMISE ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
JEOPARDIZE ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
ENDANGER ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
FOREBODE ¹⁶ :	$3S_{int} (2S_{bas}+1S_{per}) + 0M_{dist}$
BLUSTER ¹⁷ :	$3S_{int} (3S_{per}) + 0M_{dist}$
DISMAY ¹⁷ :	$3S_{int} (3S_{per}) + 0M_{dist}$
UNNERVE: ¹⁷	$3S_{int} (3S_{per}) + 0M_{dist}$

Достаточно многочисленную группу глаголов периферийной зоны образуют глаголы, которые имеют в структуре значения 2 варианта интегративного компонента «наступление негативных последствий». Совокупность таких глаголов формирует восьмую группу вербальных репрезентантов угрозы, в число которых входит 11 глаголов с формальными записями содержательного объема (группа VIII):

MENACE ¹⁸ :	$2S_{int} (2S_{bas}) + 0M_{dist}$
TORMENT ¹⁹ :	$2S_{int} (1S_{bas}+1S_{per}) + 0M_{dist}$
ENFORCE ¹⁹ :	$2S_{int} (1S_{bas}+1S_{per}) + 0M_{dist}$
FULMINATE ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
TYRANNIZE ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
SCOWL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
DISHEARTEN ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
DOMINEER ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
GROWL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
OPPRESS ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
SNARL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$

Среди вербальных репрезентантов угрозы, образующих периферийную зону девятого уровня, наиболее отдаленной от ядра является группа глаголов, каждый из которых включает в свой содержательный объем 1 вариант интегративного компонента «наступление негативных последствий». Материал исследования насчитывает 3 глагола периферийной зоны девятого уровня (группа IX):

NECTOR²¹: $1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$

OVERBEAR²¹: $1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$

SUBDUE²²: $1S_{int} (1S_{per}) + 0M_{dist}$

Содержательное разнообразие рассматриваемых вербальных репрезентантов позволяет выделить в лексико-тематическом пространстве угрозы наиболее отдаленную от ядра зону – дальнюю периферийную зону или периферийную зону десятого уровня. Её формируют вербальные репрезентанты угрозы, которые не являются локутивными побудительными глаголами, а также не обладают признаками акциональности, целенаправленности и менасивности – «*augur*», «*foreshadow*», «*impend*», «*loom*», «*portend*», «*presage*» (перечислены в алфавитном порядке). Содержательная особенность глагольных лексем дальней периферийной зоны заключается в том, что они описывают некоторое положение дел (ситуацию) или состояние, которое содержит в себе угрозу (возможность наступления негативных последствий) для кого-либо или чего-либо. Иначе говоря, перечисленные глаголы включают в свой содержательный объем вариант(ы) интегративного компонента «наступление негативных последствий», однако не выражают определенный вид целенаправленной деятельности (или целенаправленных действий) субъекта и, следовательно, не обладают свойством менасивности (см. нулевой показатель дистенсивного потенциала на формальных записях ниже).

Эмпирический материал позволяет установить, что дальняя периферийная зона насчитывает 6 глаголов или примерно 10,35 % от общего количества глагольных лексем, образующих лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке. Содержательный объем перечисленных глаголов

и их место в лексико-тематическом пространстве угрозы отражен в формальных записях (группа X):

$$\text{PORTEND}^{23}: \quad 5S_{\text{int}} (2S_{\text{bas}}+3S_{\text{per}}) + 0M_{\text{dist}}$$

$$\text{PRESAGE}^{23}: \quad 5S_{\text{int}} (2S_{\text{bas}}+3S_{\text{per}}) + 0M_{\text{dist}}$$

$$\text{FORESHADOW}^{24}: \quad 5S_{\text{int}} (5S_{\text{per}}) + 0M_{\text{dist}}$$

$$\text{LOOM}^{25}: \quad 2S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}+1S_{\text{per}}) + 0M_{\text{dist}}$$

$$\text{AUGUR}^{26}: \quad 1S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}) + 0M_{\text{dist}}$$

$$\text{IMPEND}^{26}: \quad 1S_{\text{int}} (1S_{\text{bas}}) + 0M_{\text{dist}}$$

Как свидетельствуют формальные записи, глаголы дальней периферийной зоны разнообразны в плане их семантических особенностей и содержательного объема. Однако в силу того, что перечисленные глаголы не обладают признаками акциональности, целенаправленности и менасивности, то их подробный семантический анализ не входит в задачи исследования.

Таким образом, на основе проведенного дефиниционного анализа удалось выявить семантические признаки и свойства вербальных репрезентантов угрозы в английском языке, а также представить их содержательный объем в виде формальных записей. Предложенный способ формального представления содержательного объема позволил сгруппировать вербальные репрезентанты угрозы и сформировать четырехуровневое лексико-тематическое пространство угрозы, состоящее из ядерной, околядерной, периферийной и дальней периферийной зон. Более того, в ходе анализа удалось установить, что каждая глагольная лексема имеет определенную позицию в лексико-тематическом пространстве угрозы (см. надстрочные показатели, маркирующие глаголы), а околядерная и периферийная зоны включают по несколько групп глаголов, отличающихся друг от друга содержательным объемом и, следовательно, отдаленностью от ядра рассматриваемого пространства.

В таблице представлены вербальные репрезентанты угрозы в английском языке, распределенные по десяти группам и расположенные в порядке уменьшения показателей их дистенсивного (M_{dist}) и интенсивного (S_{int}) потенциала, а именно в порядке отдаления глагола от ядерной зоны:

Вербальные репрезентанты угрозы в английском языке:

формальная запись содержательного объема

Зона лексико-тематического пространства угрозы	Уровень (группа)	Вербальный репрезентант угрозы	Формальная запись содержательного объема
Ядро	0	THREATEN ⁰ :	$6S_{int} (4S_{bas} + 2S_{per}) + 6M_{dist}$
Околоядерная зона	I.	WARN ¹ :	$5S_{int} (5S_{bas}) + 5M_{dist}$
		FOREWARN ² :	$5S_{int} (3S_{bas} + 2S_{per}) + 5M_{dist}$
		CAUTION ³ :	$5S_{int} (2S_{bas} + 3S_{per}) + 5M_{dist}$
		ADMONISH ⁴ :	$5S_{int} (5S_{per}) + 5M_{dist}$
	II.	BLACKMAIL ⁵ :	$2S_{int} (1S_{bas} + 1S_{per}) + 4M_{dist}$
	III.	INTIMIDATE ⁶ :	$4S_{int} (4S_{bas}) + 2M_{dist}$
		BULLY ⁷ :	$4S_{int} (1S_{bas} + 3S_{per}) + 2M_{dist}$
		COW ⁷ :	$4S_{int} (1S_{bas} + 3S_{per}) + 2M_{dist}$
		TERRORIZE ⁷ :	$4S_{int} (1S_{bas} + 3S_{per}) + 2M_{dist}$
		BROWBEAT ⁸ :	$4S_{int} (4S_{per}) + 2M_{dist}$
	IV.	BULLDOZE ⁹ :	$2S_{int} (2S_{bas}) + 2M_{dist}$
		BADGER ¹⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 2M_{dist}$
		DRAGOON ¹⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 2M_{dist}$
	V.	FORCE ¹¹ :	$1S_{int} (1S_{bas}) + 2M_{dist}$
		BULLYRAG ¹² :	$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$
		COERCE ¹² :	$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$
		COMMUNATE ¹² :	$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$
PRESS-GANG ¹² :		$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$	
PRESSURE ¹² :		$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$	
PRESSURIZE ¹² :		$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$	
RAILROAD ¹² :	$1S_{int} (1S_{per}) + 2M_{dist}$		

Периферийная зона	VI.	ABUSE ¹³ :	$4S_{int} (3S_{bas} + 1_{per}) + 0M_{dist}$
		AWE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
		DAUNT ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
		FRIGHTEN ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
		OVERAWE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
		SCARE ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
		SPOOK ¹⁴ :	$4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$
	VII.	IMPERIL ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
		LURK ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
		COMPROMISE ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
		JEOPARDIZE ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
		ENDANGER ¹⁵ :	$3S_{int} (3S_{bas}) + 0M_{dist}$
		FOREBODE ¹⁶ :	$3S_{int} (2S_{bas} + 1_{per}) + 0M_{dist}$
		BLUSTER ¹⁷ :	$3S_{int} (3_{per}) + 0M_{dist}$
		DISMAY ¹⁷ :	$3S_{int} (3_{per}) + 0M_{dist}$
		UNNERVE: ¹⁷	$3S_{int} (3_{per}) + 0M_{dist}$
	VIII.	MENACE ¹⁸ :	$2S_{int} (2S_{bas}) + 0M_{dist}$
		TORMENT ¹⁹ :	$2S_{int} (1S_{bas} + 1S_{per}) + 0M_{dist}$
		ENFORCE ¹⁹ :	$2S_{int} (1S_{bas} + 1S_{per}) + 0M_{dist}$
		FULMINATE ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		TYRANNIZE ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		SCOWL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		DISHEARTEN ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		DOMINEER ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		GROWL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		OPPRESS ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
		SNARL ²⁰ :	$2S_{int} (2S_{per}) + 0M_{dist}$
IX.	HECTOR ²¹ :	$1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$	
	OVERBEAR ²¹ :	$1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$	

		SUBDUE ²² :	$1S_{int} (1S_{per}) + 0M_{dist}$
Дальняя периферийная зона	X.	PORTEND ²³ :	$5S_{int} (2S_{bas} + 3S_{per}) + 0M_{dist}$
		PRESAGE ²³ :	$5S_{int} (2S_{bas} + 3S_{per}) + 0M_{dist}$
		FORESHADOW ²⁴ :	$5S_{int} (5S_{per}) + 0M_{dist}$
		LOOM ²⁵ :	$2S_{int} (1S_{bas} + 1S_{per}) + 0M_{dist}$
		AUGUR ²⁶ :	$1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$
		IMPEND ²⁶ :	$1S_{int} (1S_{bas}) + 0M_{dist}$

Полученные данные о содержательном объеме глагольных лексем позволяют более пристально взглянуть на соотношение между показателями их интенсивного и дистенсивного потенциала. В этом плане представляет интерес то обстоятельство, что лексико-тематическое пространство угрозы формируют глаголы, которые обладают одинаковыми показателями интенсивного и дистенсивного потенциала, например, глагол «*threaten*»⁰ включает в свой содержательный объем 6 показателей интенсивного и дистенсивного потенциала: $6S_{int} (4S_{bas} + 2S_{per}) + 6M_{dist}$. В лексико-тематическое пространство угрозы также входят глаголы, у которых показатель интенсивного потенциала выше, чем показатель дистенсивного потенциала, например, глагол «*intimidate*»⁶. Кроме того, лексико-тематическое пространство угрозы фиксирует наличие глаголов, у которых показатель дистенсивного потенциала выше, чем показатель интенсивного потенциала, например, глагол «*blackmail*»⁵.

В силу отмеченного наблюдения важно установить, как соотносятся показатели интенсивного и дистенсивного потенциала в содержательном объеме англоязычных вербальных репрезентантов угрозы. В этой связи целесообразно представить вербальные репрезентанты угрозы (в порядке их удаления от ядерной зоны) в виде следующей таблицы:

Вербальные репрезентанты угрозы в английском языке:
интенсивный и дистенсивный потенциал

Интенсивный потенциал						Вербальный репрезентант угрозы в английском языке	Дистенсивный потенциал					
+	+	+	+	+	+	Глагол « <i>threaten</i> »: $6S_{int} + 6M_{dist}$	+	+	+	+	+	+
	+	+	+	+	+	Первая группа глаголов околоядерной зоны: « <i>warn</i> » ¹ , « <i>forewarn</i> » ² , « <i>caution</i> » ³ , « <i>admonish</i> » ⁴ : $5S_{int} + 5M_{dist}$	+	+	+	+	+	
				+	+	Вторая группа глаголов околоядерной зоны: « <i>blackmail</i> » ⁵ : $2S_{int} + 4M_{dist}$	+	+	+	+		
		+	+	+	+	Третья группа глаголов околоядерной зоны: « <i>intimidate</i> » ⁶ , « <i>bully</i> » ⁷ , « <i>cow</i> » ⁷ , « <i>terrorize</i> » ⁷ , « <i>browbeat</i> » ⁸ : $4S_{int} + 2M_{dist}$	+	+				
				+	+	Четвертая группа глаголов околоядерной зоны: « <i>bulldoze</i> » ⁹ , « <i>badger</i> » ¹⁰ , « <i>dragoon</i> » ¹⁰ : $2S_{int} + 2M_{dist}$	+	+				
					+	Пятая группа глаголов околоядерной зоны: « <i>force</i> » ¹¹ , « <i>bullyrag</i> » ¹² , « <i>coerce</i> » ¹² , « <i>comminate</i> » ¹² , « <i>press-gang</i> » ¹² , « <i>pressure</i> » ¹² , « <i>pressurize</i> » ¹² , « <i>railroad</i> » ¹² : $1S_{int} + 2M_{dist}$	+	+				

						Шестая группа глаголов периферийной зоны: « <i>abuse</i> » ¹³ , « <i>awe</i> » ¹⁴ , « <i>daunt</i> » ¹⁴ , « <i>frighten</i> » ¹⁴ , « <i>overawe</i> » ¹⁴ , « <i>scare</i> » ¹⁴ , « <i>spook</i> » ¹⁴ : 4S _{int} + 0M _{dist}					
						Седьмая группа глаголов периферийной зоны: « <i>imperil</i> » ¹⁵ , « <i>lurk</i> » ¹⁵ , « <i>compromise</i> » ¹⁵ , « <i>jeopardize</i> » ¹⁵ , « <i>endanger</i> » ¹⁵ , « <i>forebode</i> » ¹⁶ , « <i>bluster</i> » ¹⁷ , « <i>dismay</i> » ¹⁷ , « <i>unnerve</i> » ¹⁷ : 3S _{int} + 0M _{dist}					
						Восьмая группа глаголов периферийной зоны: « <i>menace</i> » ¹⁸ , « <i>torment</i> » ¹⁹ , « <i>enforce</i> » ¹⁹ , « <i>fulminate</i> » ²⁰ , « <i>tyrannize</i> » ²⁰ , « <i>scowl</i> » ²⁰ , « <i>dishearten</i> » ²⁰ , « <i>domineer</i> » ²⁰ , « <i>growl</i> » ²⁰ , « <i>oppress</i> » ²⁰ , « <i>snarl</i> » ²⁰ : 2S _{int} + 0M _{dist}					
						Девятая группа глаголов периферийной зоны: « <i>hector</i> » ²¹ , « <i>overbear</i> » ²¹ , « <i>subdue</i> » ²² : 1S _{int} + 0M _{dist}					
						Десятая группа глаголов дальней периферийной зоны: « <i>portend</i> » ²³ , « <i>presage</i> » ²³ , « <i>foreshadow</i> » ²⁴ : 5S _{int} + 0M _{dist}					
						Десятая группа глаголов дальней периферийной зоны: « <i>loom</i> » ²⁵ : 2S _{int} + 0M _{dist}					

							Десятая группа глаголов дальней периферийной зоны: « <i>impend</i> » ²⁶ , « <i>augur</i> » ²⁶ : $1S_{int} + 0M_{dist}$						
--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Условные обозначения: знак «+» обозначает наличие в структуре значения глагола семантического признака или свойства.

Предлагаемая таблица дает четкое представление не только об иерархическом порядке расположения глаголов в лексико-тематическом пространстве угрозы, но отображает их семантические нюансы. В частности, формальные записи показывают, что вербальные репрезентанты угрозы в английском языке обладают *центровзвешенным* или *нецентровзвешенным* характером содержательного объема, образуя соответственно две семантические разновидности глаголов.

Первую семантическую разновидность формируют глаголы с *центровзвешенным* характером содержательного объема, а именно глаголы, которые обладают показателем интенсивного потенциала количественно равным показателю дистенсивного потенциала и которым может быть поставлена в соответствие формальная запись в обобщенном виде $NS_{int} = NM_{dist}$ (также глаголы разновидности $NS_{int} = NM_{dist}$). Как показывает материал исследования, к глаголам указанной разновидности относится фреймообразующая лексема «*threaten*», глаголы первой группы околоядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы – «*warn*»¹, «*forewarn*»², «*caution*»³ и «*admonish*»⁴, а также глаголы четвертой группы околоядерной зоны – «*bulldoze*»⁹, «*badger*»¹⁰ и «*dragoon*»¹⁰. Количественный подсчет показывает, что, несмотря на внушительный ряд синонимов к глаголу «*threaten*», лексико-тематическое пространство угрозы обнаруживает наличие 8 глаголов с *центровзвешенным* характером содержательного объема, что составляет около 13,80 % от общего количества анализируемых глагольных лексем.

Вторую семантическую разновидность вербальных репрезентантов угрозы образуют глаголы с *нецентровзвешенным* характером содержательного

объема, которые в обобщенном виде имеют формальную запись $NS_{int} \neq NM_{dist}$ (также глаголы разновидности $NS_{int} \neq NM_{dist}$). Указанная разновидность насчитывает 50 глаголов или около 86,20 % от общего числа вербальных репрезентантов угрозы и является неоднородной в своем составе. В частности, она включает глаголы, у которых показатель интенсивного потенциала выше, чем показатель дистенсивного потенциала, и которым может быть поставлена в соответствие формальная запись $NS_{int} > NM_{dist}$. Иначе говоря, глаголы разновидности $NS_{int} > NM_{dist}$, обладают доминантой признаков, которые способствуют формированию негативных переживаний у субъекта и объекта воздействия. К числу таких вербальных репрезентантов угрозы относятся глаголы третьей группы околоядерной зоны – «*intimidate*»⁶, «*bully*»⁷, «*cow*»⁷, «*terrorize*»⁷, «*browbeat*»⁸, а также глаголы шестой, седьмой, восьмой, девятой и десятой групп периферийной зоны – «*abuse*»¹³, «*awe*»¹⁴, «*daunt*»¹⁴, «*frighten*»¹⁴, «*overawe*»¹⁴, «*scare*»¹⁴, «*spook*»¹⁴, «*imperil*»¹⁵, «*lurk*»¹⁵, «*compromise*»¹⁵, «*jeopardize*»¹⁵, «*endanger*»¹⁵, «*forebode*»¹⁶, «*bluster*»¹⁷, «*dismay*»¹⁷, «*unnerv*»¹⁷, «*menace*»¹⁸, «*torture*»¹⁹, «*enforce*»¹⁹, «*fulminate*»²⁰, «*tyrannize*»²⁰, «*scowl*»²⁰, «*dishearten*»²⁰, «*domineer*»²⁰, «*growl*»²⁰, «*oppress*»²⁰, «*snarl*»²⁰, «*hector*»²¹, «*overbear*»²¹, «*subdue*»²², «*portend*»²³, «*presage*»²³, «*foreshadow*»²⁴, «*loom*»²⁵, «*impend*»²⁶, «*augur*»²⁶. Материал исследования насчитывает 41 глагол с *нецентровзвешенным* характером содержательного объема, относящийся к разновидности $NS_{int} > NM_{dist}$, что составляет примерно 70,69 % от общего количества анализируемых вербальных репрезентантов угрозы в английском языке.

Семантическая разновидность глаголов с *нецентровзвешенным* характером содержательного объема включает глагольные лексемы, у которых показатель интенсивного потенциала ниже, чем показатель дистенсивного потенциала, и которым может быть поставлена в соответствие формальная запись в обобщенном виде $NS_{int} < NM_{dist}$. Обозначенная разновидность сформирована незначительным количеством лексем и насчитывает 9 глаголов или около 15,51 % от общего массива эмпирического материала, в число которых

входит глагол «*blackmail*»⁵ из второй группы околоядерной зоны и глаголы из пятой группы околоядерной зоны – «*force*»¹¹, «*bullyrag*»¹², «*coerce*»¹², «*comminate*»¹², «*press-gang*»¹², «*pressure*»¹², «*pressurize*»¹² и «*railroad*»¹².

Вполне очевидно, что в структуре значения глаголов, формирующих разновидность $NS_{int} < NM_{dist}$, доминирует показатель дистенсивного потенциала. Другими словами, разновидность $NS_{int} < NM_{dist}$ включает глаголы, которые содержат указание на наступление негативных последствий, однако семантическим нюансом глаголов такой разновидности является “акцент” на возможности объекта избежать наступления негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий. При этом важно понимать, что объекту воздействия не удастся полностью избежать возникновения дискомфортных переживаний, так как глаголы разновидности $NS_{int} < NM_{dist}$ содержат указание на возможность наступления негативных последствий.

Таким образом, лексико-тематическое пространство угрозы формируют глаголы с *центровзвешенным* и *нецентровзвешенным* характером содержательного объема. Поэтому, принимая во внимание их содержательную специфику, целесообразно представить лексико-тематическое пространство угрозы схематично. Вполне логично, что группы глаголов, обладающих *центровзвешенным* характером содержательного объема, следует изобразить на схеме в виде кругов, а глаголы с *нецентровзвешенным* характером – в виде овалов. Кроме того, оправданно расположить круги и овалы в некоторой системе координат, левая часть которой соответствует показателям интенсивного потенциала глаголов, а правая – показателям их дистенсивного потенциала. Левую и правую части предлагаемой системы координат удобно разделить вертикальной линией, которая позволит наиболее адекватно передать наличие элементов контрарного плана в структуре значения вербальных репрезентантов угрозы. Также на схеме важно зафиксировать расположение кругов и овалов, обозначающих лексико-семантические группы глаголов, относительно так называемой точки отсчета – ядерной зоны. Центром кругов, используемых для отображения содержательного объема глаголов разновид-

ности $NS_{int} = NM_{dist}$, является точка ядерной зоны, в то время овалы, обозначающие глаголы разновидностей $NS_{int} > NM_{dist}$ или $NS_{int} < NM_{dist}$, смещены в сторону интенсивного или дистенсивного потенциала соответственно.

С учетом зафиксированных в рамках настоящего исследования данных лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке можно представить в виде схемы:

Схема 2

Предлагаемая схема отражает содержательную специфику лексико-тематического пространства угрозы и взаиморасположение ядерной, околоядерной, периферийной и дальней периферийной зон этого пространства. Римскими цифрами обозначены группы глаголов лексико-тематического пространства угрозы, сформированные по принципу их отдаленности от ядерной зоны (см. таблицу 3). Каждая окружность залита определенным оттенком серого цвета: чем темнее оттенок окружности, тем ближе к ядерной зоне находится эта окружность. Черный круг в центре обозначает ядерную зону, включающую фреймообразующую лексику «*threaten*».

Схематичное представление зон лексико-тематического пространства угрозы – ядерной, околоядерной, периферийной и дальней периферийной – отчетливо демонстрирует не только семантическое разнообразие вербальных репрезентантов угрозы в английском языке, но и доминирование в этом про-

странстве глаголов *нецентровзвешенного* характера, в содержательном объеме которых преобладают показатели интенсивного потенциала. Более того, схема наглядно отображает тот факт, что материал исследования фиксирует в лексико-тематическом пространстве угрозы глаголы, которые не обладают признаком менасивности и, следовательно, не включают в свой содержательный объем показатели дистенсивного потенциала. На этом фоне обращает на себя внимание *центровзвешенный* характер семантически “объемного” глагола «*threaten*» как вершинообразующего конституента акта менасивной каузации.

Итак, проведенный дефиниционный анализ позволил сформировать и описать лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке, а также установить содержательный объем каждого вербального репрезентанта угрозы, входящего в состав этого пространства. В ходе исследования удалось установить, что семантические особенности вербальных репрезентантов угрозы кроются в определенном соотношении между элементами контрарного плана, которое закладывает основу для формирования комплексной структуры (рамки, фрейма, матрицы) коммуникативной ситуации угрозы. В этой связи становится понятным, что описание лексико-тематического пространства угрозы фиксирует совокупность константных значений, которые лежат в основе представлений носителей английского языка о типовой коммуникативной ситуации угрозы.

Тем не менее, вне поля зрения остаются особенности употребления вербальных репрезентантов угрозы, связанные с частотностью и сферой их использования в устной и письменной англоязычной речи, т.е. остается неизученной прагма-семантическая характеристика вербальных репрезентантов угрозы. В этой связи перспективно дополнить результаты дефиниционного анализа вербальных репрезентантов угрозы, установив их частотную реализацию в условиях англоязычной коммуникации.

2.3. Частотность употребления вербальных репрезентантов лексико-тематического пространства угрозы в условиях англоязычной коммуникации

В целях проводимого исследования результаты дефиниционного анализа вербальных репрезентантов угрозы уместно дополнить привлечением данных о частотности и сфере их употребления в условиях англоязычной коммуникации. В этой связи следует обратиться к лексикографическим источникам английского языка, фиксирующим частотность употребления слов. В силу выбранного материала исследования, представляющего собой акты менасивной каузации в виде предвыборных высказываний-угроз кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, удобно воспользоваться корпусом современного английского языка американского варианта (Corpus of Contemporary American English, далее СОСА). Указанный электронный источник информации обновлен в марте 2020 года и содержит базу данных, сформированную более чем одним миллиардом словоупотреблений в английском языке, включая 20 миллионов слов за период с 1990 года по 2019 год. К этому следует добавить, что издание СОСА включает словоупотребление, зафиксированное в устной речи, художественных произведениях, популярных журналах и газетах, академических текстах, субтитрах, блогах и веб-страницах. Кроме того, СОСА содержит сведения о частотности использования в современном английском языке наиболее употребительных слов, входящих в частотный список из 60000 слов (показатели Freq и Range), а также позволяет определить порядковое место слова в этом частотном списке (показатель Rank).

Опираясь на данные СОСА, представляется возможным определить частотность использования в английском языке вербальных репрезентантов угрозы и их порядковое место среди 60000 наиболее употребительных слов. Таблица содержит данные об их частотности (глаголы расположены в порядке уменьшения показателя Freq, обозначающего частотность употребления глагола в современном английском языке):

Частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы:
показатели Freq и Rank (согласно COCA)

№ п/п	Вербальный репрезен- тант угрозы	Freq	Rank
1	Force	107636	922
2	THREATEN	59034	1595
3	Warn	45485	1943
4	Scare	24480	2785
5	Enforce	19538	3783
6	Abuse	18959	3769
7	Compromise	14391	4460
8	Bully	8480	6247
9	Loom	8062	6620
10	Frighten	7954	6466
11	Intimidate	6613	7209
12	Caution	6125	7775
13	Endanger	5868	7785
14	Pressure	5846	7826
14	Lurk	5640	8008
16	Growl	5156	7892
17	Jeopardize	4407	9108
18	Oppress	3002	11634
19	Coerce	2818	11951
20	Terrorize	2730	11924
21	Torment	2595	12403
22	Scowl	2360	13517
23	Blackmail	2249	12162

№ п/п	Вербальный репрезен- тант угрозы	Freq	Rank
27	Unnerve	1926	14948
28	Admonish	1925	15002
29	Foreshadow	1446	17396
30	Dishearten	1173	19240
31	Dismay	1063	20227
32	Bulldoze	970	20817
33	Imperil	946	21385
34	Portend	859	22383
35	Awe	848	22352
36	Badger	761	22862
37	Presage	602	26459
38	Menace	583	26526
39	Forewarn	552	27168
40	Cow	529	27495
41	Pressurize	498	28480
42	Daunt	387	31874
43	Bluster	379	32141
44	Railroad	368	31509
45	Domineer	276	36564
46	Browbeat	226	39781
47	Augur	226	37646
48	Fulminate	131	50912
49	Hector	130	46754

24	Snarl	2141	13470
25	Spook	2120	13325
26	Subdue	2070	14130

50	Tyrannize	93	59319
51	Overawe	72	66032
52	Dragoon	51	76747

Условные обозначения: показатель Freq обозначает частотность употребления глагола, показатель Rank – место глагола среди наиболее употребительных слов английского языка.

Обращает на себя внимание тот факт, что в таблице представлены 52 глагола из 58, формирующих лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке. Полученный результат можно объяснить тем, что издание COCA не содержит сведения о частотности употребления тех глаголов, которые не входят в топ-60000 слов английского языка. Таким образом, в ходе исследования удалось установить, что, по версии издания COCA, глаголы «*bullyrag*», «*comminate*», «*forebode*», «*impend*», «*overbear*» и «*press-gang*» не входят в число 60000 наиболее употребительных слов английского языка. Следовательно, полученные данные позволяют предположить, что эти глаголы недостаточно востребованы в англоязычной речи. Этот факт подтверждается и тем, что они не входят в состав глаголов собственно околядерной зоны лексико-тематического пространства угрозы: глаголы «*bullyrag*»¹², «*comminate*»¹², «*press-gang*»¹² являются вербальными репрезентантами околядерной зоны, глаголы «*forebode*»¹⁶ и «*overbear*»²¹ – периферийной зоны, а глагол «*impend*»²⁶ – дальней периферийной зоны.

Бросается в глаза, что наиболее употребительным глаголом лексико-тематического пространства угрозы является глагол «*force*». Сказанное означает, что из всех вербальных репрезентантов угрозы, выявленных в рамках настоящего исследования, наиболее частотной является лексема «*force*», которая характеризуется “перевесом” содержательного объема в сторону дитенсивного потенциала и указывает на возможность объекта воздействия избежать наступления негативных последствий при условии выполнения каузализуемых действий. Как видно из таблицы 4, частотность употребления глагола «*force*» превышает частотность употребления фреймообразующего гла-

гола «*threaten*»: глагол «*force*» находится на 922 месте среди употребительных слов английского языка, в то время как глагол «*threaten*» занимает 1595 позицию (см. показатели Rank). Такое положение дел можно объяснить тем, что глагол «*force*» относится к семантической разновидности глаголов с *нецентровзвешенным* характером содержательного объема, а именно к разновидности $NS_{int} < NM_{dist}$, которая включает в свой состав незначительное количество лексем. Следовательно, глагол «*force*» является наиболее частотным вербальным репрезентантом угрозы с доминантой дистенсивного потенциала. Вместе с тем, важно обратить внимание на то, что глагол «*force*» в ряде лексикографических изданий отмечен пометой «often passive» (OALD; OAAD) и, следовательно, можно полагать, что указанный глагол регулярно используется для описания процесса и результата акта побуждения, а не для направленного побуждения, например: «*The President was forced into resigning*»; «*The President was forced to resign*».

Примечательно, что фреймообразующий глагол «*threaten*» с *центровзвешенным* характером содержательного объема занимает вторую позицию по частотности употребления в англоязычной речи среди вербальных репрезентантов угрозы, зафиксированных в рамках настоящего исследования. Третью позицию в этом списке занимает глагол «*warn*», который также обладает *центровзвешенным* характером содержательного объема. Таким образом, складывается отчетливая картина того, что в число первых трех наиболее частотных вербальных репрезентантов угрозы входит глагол, у которого показатели дистенсивного потенциала оказываются больше чем показатели интенсивного потенциала – «*force*», а также глаголы, у которых эти показатели равны – «*threaten*» и «*warn*». Полученные данные позволяют заключить, что лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке не является агрессивным, а совершение санкционных действий не входит в задачу объекта воздействия.

В целях проводимого анализа также важно определить частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы в современном английском

языке, измеряемую в процентном соотношении и маркируемую показателем Range (СОСА). Примечательно, что показатель Range не применим к малоупотребительным словам английского языка, поэтому издание СОСА не позволяет определить частотность использования глаголов «*bullyrag*», «*commi-nate*», «*forebode*», «*impend*», «*overbear*» и «*press-gang*». Тем не менее, полученные данные о показателе Range для остальных глаголов, формирующих лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке, позволяют разбить их количество на 8 групп в зависимости от частотности употребления и представить в виде таблицы:

Таблица 5

Частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы:

показатель Range

№ п/п	Range	Вербальные репрезентанты угрозы
1	0,14%	<i>Force</i>
2	0,08%	<i>Threaten</i>
3	0,07%	<i>Warn</i>
4	0,04%	<i>Scare</i>
5	0,03%	<i>Abuse, enforce</i>
6	0,02%	<i>Compromise</i>
7	0,01%	<i>Bully, caution, endanger, frighten, growl, intimidate, jeopardize, loom, lurk, pressure</i>
8	0,00%	<i>Admonish, augur, awe, badger, blackmail, bluster, browbeat, bulldoze, coerce, cow, daunt, dishearten, dismay, domineer, dragoon, foreshadow, forewarn, fulminate, hector, imperil, menace, oppress, overawe, portend, presage, pressurize, railroad, scowl, snarl, spook, subdue, terrorize, torment, tyrannize, unnerve</i>

Данные таблицы отчетливо демонстрируют то обстоятельство, что частотность употребления глагола «*force*», составляющая 0,14%, существенно превышает частотность употребления других вербальных репрезентантов уг-

розы. В свою очередь, частотность употребления глаголов «*threaten*» и «*warn*» находится примерно на одинаковом уровне – 0,08% и 0,07% соответственно. Также бросается в глаза неравномерность наполнения каждой из восьми групп глаголов, а именно наличие 7 глагольных лексем, имеющих показатель частотности Range в диапазоне значений от 0,14% до 0,02%, и 45 глаголов с показателем частотности Range от 0,01% до 0,00%. Кроме того, важно обратить внимание на то, что 35 глагольных лексем или около 60,34% от общего количества вербальных репрезентантов угрозы характеризуются показателем частотности Range равным 0,00%. Зафиксированный разброс в показателях частотности свидетельствует о том, что лишь незначительное количество глаголов лексико-тематического пространства угрозы является употребительным в англоязычной речи.

В силу отсутствия в издании СОСА ряда малоупотребительных глаголов целесообразно дополнить полученные данные путем привлечения к исследованию иных лексикографических изданий. С этой целью оправданно воспользоваться электронным изданием LDOCE, который предлагает оценку частотности употребления лексем в английском языке британского варианта по показателям-маркерам «Lower-frequency», «Medium-frequency» и «High-frequency». Более того, LDOCE содержит пометы для тех слов, которые входят в число наиболее употребительных слов в устной или письменной речи, среди которых, например, показатель «S3» означает, что слово входит в перечень 3000 наиболее употребительных слов в устной англоязычной речи (см. Top 3000 spoken words, LDOCE), в то время как показатель «W2» указывает на то, что слово входит в перечень 2000 наиболее употребительных слов в письменной речи (см. Top 2000 written words, LDOCE). Лексикографическое издание допускает, что некоторые лексеммы могут не содержать указание ни на один из перечисленных показателей частотности (см. знак «-» в таблице ниже).

Также в целях проводимого анализа уместно обратиться к электронным изданиям COBUILD и WNWCD, отражающим соответственно британский и

американский варианты английского языка. В указанных словарях частотность употребления слов оценивается при помощи 5-уровневой системы показателей (перечислены в порядке уменьшения частотности): «Extremely common», «In common usage», «Very common», «Used occasionally» и «Used rarely».

Совокупность дополненных данных о частотности употребления глаголов, формирующих лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке, представлена в таблице:

Таблица 6

Частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы
в англоязычной коммуникации

№ п/п	Вербальные репрезентанты угрозы	COCA (показатель Freq)	COCA (показатель Rank)	COBUILD	WNWCD	LDOCE
1	Force	107636	922	Extremely common		High-frequency S2, W1
2	THREATEN	59034	1595	In common usage		High-frequency S3, W2
3	Warn	45485	1943	In common usage		High-frequency S3, W2
4	Scare	24480	2785	In common usage		High-frequency, S2
5	Enforce	19538	3783	In common usage		Lower-frequency

6	Abuse	18959	3769	Very common	Medium-frequency
7	Compromise	14391	4460	Very common	Medium-frequency
8	Bully	8480	6247	In common usage	–
9	Loom	8062	6620	In common usage	Lower-frequency
10	Frighten	7954	6466	In common usage	High-frequency, S3, W3
11	Intimidate	6613	7209	Used occasionally	Lower-frequency
12	Caution	6125	7775	Very common	Lower-frequency
13	Endanger	5868	7785	In common usage	Lower-frequency
14	Pressure	5846	7826	–	–
14	Lurk	5640	8008	Used occasionally	Lower-frequency
16	Growl	5156	7892	Used occasionally	Lower-frequency
17	Jeopardize	4407	9108	Used occasionally	–
18	Oppress	3002	11634	Used occasionally	–
19	Coerce	2818	11951	Used occasionally	–
20	Terrorize	2730	11924	Used occasionally	–
21	Torment	2595	12403	In common usage	–
22	Scowl	2360	13517	Used occasionally	Lower-frequency

23	Blackmail	2249	12162	Used occasionally	Lower-frequency
24	Snarl	2141	13470	Used occasionally	–
25	Spook	2120	13325	Used rarely	–
26	Subdue	2070	14130	Used occasionally	–
27	Unnerve	1926	14948	Used rarely	–
28	Admonish	1925	15002	Used occasionally	–
29	Foreshadow	1446	17396	Used occasionally	–
30	Dishearten	1173	19240	Used rarely	–
31	Dismay	1063	20227	–	–
32	Bulldoze	970	20817	Used rarely	–
33	Imperil	946	21385	Used occasionally	–
34	Portend	859	22383	Used occasionally	–
35	Awe	848	22352	In common usage	–
36	Badger	761	22862	Used occasionally	–
37	Presage	602	26459	Used occasionally	–
38	Menace	583	26526	In common usage	–
39	Forewarn	552	27168	Used rarely	–
40	Cow	529	27495	In common usage	–
41	Pressurize	498	28480	Used rarely	–
42	Daunt	387	31874	Used rarely	–
43	Bluster	379	32141	Used occasionally	–
44	Railroad	368	31509	In common usage	Medium-frequency
45	Domineer	276	36564	Used rarely	–
46	Browbeat	226	39781	Used rarely	–
47	Augur	226	37646	Used occasionally	–
48	Fulminate	131	50912	Used rarely	–
49	Hector	130	46754	–	–

50	Tyrannize	93	59319	Used rarely	–
51	Overawe	72	66032	Used rarely	–
52	Dragoon	51	76747	Used rarely	–
53	Bullyrag	–	–	Used rarely	–
54	Comminate	–	–	–	–
55	Forebode	–	–	Used rarely	–
56	Impend	–	–	Used rarely	–
57	Overbear	–	–	Used rarely	–
58	Press-gang	–	–	Used rarely	–

Условные обозначения:

S2 – обозначает слова, которые входят в перечень 2000 наиболее употребительных слов в устной речи (Top 2000 spoken words);

S3 – обозначает слова, которые входят в перечень 3000 наиболее употребительных слов в устной речи (Top 3000 spoken words);

W1 – обозначает слова, которые входят в перечень 1000 наиболее употребительных слов в письменной речи (Top 1000 written words);

W2 – обозначает слова, которые входят в перечень 2000 наиболее употребительных слов в письменной речи (Top 2000 written words);

W3 – обозначает слова, которые входят в перечень 3000 наиболее употребительных слов в письменной речи (Top 3000 written words);

знак «–» обозначает, что данные не представлены в лексикографическом источнике.

Предлагаемая таблица показывает, что в целом лексикографические издания английского языка американского и британского вариантов, отражающие частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы, не противоречат друг другу. Более того, полученные данные не позволяют зафиксировать существенной разницы в частотности употребления вербальных репрезентантов угрозы в английском языке американского и британского вариантов. Однако в силу различной системы критериев, используемой в лексикографических изданиях для оценки частотности употребления слов, вер-

бальные репрезентанты угрозы характеризуются различными показателями. Например, в ряде изданий частотность употребления фреймообразующего глагола «*threaten*» определяется показателем «In common usage» (COBUILD; WNWCD), в то время как в ином словаре указанный глагол имеет показатель «High-frequency» (LDOCE). Тем не менее, несмотря на обозначенные терминологические разночтения, вполне очевидно, что глагол «*threaten*» является употребительным словом в английском языке. Более того, лексема «*threaten*» входит в перечень 3000 наиболее употребительных слов в устной речи («Top 3000 spoken words»), а также в перечень 2000 наиболее употребительных слов в письменной речи («Top 2000 written words»).

Показательно, что таблица 6 включает сведения о 58 вербальных репрезентантах угрозы, дополняя отсутствующие в издании СОСА данные о частотности употребления глаголов «*bullyrag*», «*comminate*», «*forebode*», «*impend*», «*overbear*» и «*press-gang*». Данные таблицы подтверждают, что перечисленные глаголы являются малоупотребительными словами в английском языке и характеризуются показателями частотности «Used rarely» (кроме глагола «*comminate*»). На нерегулярное употребление глаголов «*bullyrag*», «*comminate*», «*forebode*», «*impend*», «*overbear*» и «*press-gang*» указывает и то обстоятельство, что их толкования представлены не в каждом из выбранных для исследования лексикографических изданиях.

При описании лексико-тематического пространства угрозы важно учитывать, что формирующие его глаголы характеризуются не только различной частотностью использования в устной или письменной речи, но и сферой употребления. В этой связи важно обратить внимание на то, что ряд вербальных репрезентантов угрозы отмечен словарными пометами или комментариями относительно их использования в речи, а некоторые глагольные лексемы снабжены несколькими словарными пометами. Эмпирический материал в виде словарных дефиниций позволяет установить, что 18 вербальных репрезентантов угрозы имеют помету «formal» (также помету «rather formal»), к числу которых относятся глаголы «*admonish*» (CALD; COBUILD;

LDOCE), «*augur*» (CALD; COBUILD; LDOCE), «*awe*» (LDOCE; OALD; OAAD), «*coerce*» (CALD; COBUILD; OALD; OAAD), «*cow*» (COBUILD), «*dragoon*» (OALD; OAAD), «*foreshadow*» (CALD; OALD; OAAD), «*forewarn*» (OALD; OAAD), «*fulminate*» (CALD; COBUILD; LDOCE; OALD; OAAD), «*hector*» (OALD; OAAD), «*impend*» (CALD), «*imperil*» (CACD; CALD; COBUILD; LDOCE; OALD; OAAD), «*jeopardize*» (OALD; OAAD), «*menace*» (CACD; LDOCE; OALD; OAAD), «*portend*» (CALD; CACD; COBUILD; OALD; OAAD), «*presage*» (CALD; COBUILD; LDOCE), «*subdue*» (OALD) и «*torment*» (OALD; OAAD).

В дополнении к этому лексико-тематическое пространство угрозы включает глаголы, отмеченные словарной пометой «informal», а именно глаголы «*bulldoze*» (WNWCD), «*bullyrag*» (WNWCD), «*press-gang*» (CALD; LDOCE; OALD; OAAD), «*railroad*» (WNWCD) и «*spook*» (LDOCE; OALD; OAAD). В лексико-тематическое пространство угрозы также входят глаголы с пометой «obsolete»: «*dragoon*» (WNWCD), «*oppress*» (WNWCD) и «*press-gang*» (WNWCD); с пометой «rare»: «*impend*» (WNWCD) и «*torment*» (WNWCD); с пометой «literary»: «*oppress*» (COBUILD) и «*presage*» (OALD; OAAD); с пометой «archaic»: «*fulminate*» (WNWCD); с пометой «dialectal»: «*bullyrag*» (WNWCD); с пометой «journalism»: «*loom*» (COBUILD), а также с пометой «especially American English» / «American English»: «*pressure*» (LDOCE; OALD) и «*spook*» (COBUILD; OALD).

Важно учитывать, что ряд глаголов лексико-тематического пространства угрозы снабжен грамматической словарной пометой, указывающей на регулярное употребление глагола в форме пассивного залога. В частности, грамматическая помета «usually passive» (также «often passive») маркирует 10 глаголов: «*awe*» (COBUILD; LDOCE; OALD; OAAD), «*bulldoze*» (OALD), «*force*» (OALD; OAAD), «*forewarn*» (LDOCE; OALD; OAAD), «*overawe*» (OALD; OAAD), «*overbear*» (LDOCE), «*press-gang*» (COBUILD), «*pressure*» (OALD; OAAD), «*pressurize*» (OALD) и «*spook*» (OALD; OAAD).

Таким образом, проведенный дефиниционный анализ вербальных ре-

презентантов угрозы, а также установление частотности и особенностей их употребления в английском языке позволяют систематизировать полученные данные, представив их в виде таблицы:

Таблица 7

Лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке

Лексико-тематическое пространство угрозы	Уровень	Вербальный репрезентант угрозы
Ядро	0	Threaten ⁰
Околоядерная зона	I.	warn ¹ , forewarn ² (<i>formal, often passive</i>), caution ³ , admonish ⁴ (<i>formal</i>)
	II.	blackmail ⁵
	III.	intimidate ⁶ , bully ⁷ , cow ⁷ (<i>formal</i>), terrorize ⁷ , browbeat ⁸
	IV.	bulldoze ⁹ (<i>informal, often passive</i>), badger ¹⁰ , dragoon ¹⁰ (<i>formal, obsolete</i>)
	V.	force ¹¹ (<i>often passive</i>), bullyrag ¹² (<i>informal, dialectal</i>), coerce ¹² (<i>formal</i>), comminate ¹² , press-gang ¹² (<i>informal, usually passive, obsolete</i>), pressure ¹² (<i>especially American English, often passive</i>), pressurize ¹² (<i>usually passive</i>), railroad ¹²
Периферийная зона	VI.	abuse ¹³ , awe ¹⁴ (<i>formal, usually passive</i>), daunt ¹⁴ , frighten ¹⁴ , overawe ¹⁴ (<i>usually passive</i>), scare ¹⁴ , spook ¹⁴ (<i>informal, American English</i>)
	VII.	imperil ¹⁵ (<i>formal</i>), lurk ¹⁵ , compromise ¹⁵ , jeopardize ¹⁵ (<i>formal</i>), endanger ¹⁵ , forebode ¹⁶ , bluster ¹⁷ , dismay ¹⁷ , unnerve ¹⁷

	VIII.	menace ¹⁸ (<i>formal</i>), torment ¹⁹ (<i>formal, rare</i>), enforce ¹⁹ , fulminate ²⁰ (<i>formal, archaic</i>), tyrannize ²⁰ , scowl ²⁰ , dishearten ²⁰ , domineer ²⁰ , growl ²⁰ , oppress ²⁰ (<i>literary, obsolete</i>), snarl ²⁰
	IX.	hector ²¹ (<i>formal, disapproving</i>), overbear ²¹ (<i>usually passive</i>), subdue ²² (<i>rather formal</i>)
Дальняя периферийная зона	X.	portend ²³ (<i>formal</i>), presage ²³ (<i>formal, literary</i>), foreshadow ²⁴ (<i>formal</i>), loom ²⁵ (<i>journalism</i>), impend ²⁶ (<i>formal, rare</i>), augur ²⁶ (<i>formal</i>)

Приведенные в таблице сведения дают комплексное представление о лексико-тематическом пространстве угрозы в английском языке и формирующих его глаголах. Зафиксированные данные отражают наличие в нем 4 зон – ядерной, околоядерной, периферийной и дальней периферийной, которые включают 11 групп глаголов (см. обозначения от 0 до X). Глаголы распределены по группам неравномерно, а с учетом их содержательных характеристик, установленных в ходе анализа словарных дефиниций. Как видно из таблицы, каждый глагол маркирован надстрочным показателем, отражающим содержательный объем глагола и указывающим на его позицию в лексико-тематическом пространстве угрозы относительно ядра. Ряд глагольных лексем обладает одинаковыми надстрочными показателями, демонстрируя одинаковые формальные записи содержательного объема, основанные на учете соотношения между интенсивным и дистенсивным потенциалом глагола (ср., например, формальную запись $4S_{int} (4_{per}) + 0M_{dist}$ для глаголов «awe»¹⁴, «daunt»¹⁴, «frighten»¹⁴, «overawe»¹⁴, «scare»¹⁴ и «spook»¹⁴).

Кроме того, предлагаемая таблица содержит сведения о частотности употребления вербальных репрезентантов угрозы в английском языке. Так, полужирным шрифтом выделены глаголы, которые имеют показатель частотности употребления Range, превышающий 0,00% (COCA) и, следовательно, являются употребительными в англоязычной коммуникации. В частности, 17 глаголов или около 29,31 % от общего количества вербальных ре-

презентантов угрозы, выявленных в рамках настоящего исследования, характеризуются показателем частотности Range более 0,00%. К их числу относятся такие глаголы как «*threaten*⁰», «*warn*¹», «*caution*³», «*intimidate*⁶», «*bully*⁷», «*force*¹¹ (often passive)», «*pressure*¹² (especially American English, often passive)», «*abuse*¹³», «*frighten*¹⁴», «*scare*¹⁴», «*lurk*¹⁵», «*compromise*¹⁵», «*jeopardize*¹⁵ (formal)», «*endanger*¹⁵», «*enforce*¹⁹», «*growl*²⁰» и «*loom*²⁵».

Как уже отмечалось, ряд глагольных лексем снабжен словарными пометами (согласно выбранным для исследования лексикографическим источникам), которые указываются в скобках после глагола и отражают особенности его употребления в той или иной грамматической форме, а также в определенной сфере социального взаимодействия. Характерно, что 27 глаголов лексико-тематического пространства угрозы или примерно 46,55% от общего количества анализируемых глаголов не содержат каких-либо словарных помет, связанных с особенностями их использования в речи. Такие глаголы представлены следующим рядом, в котором они перечислены в порядке их удаления от ядерной зоны, полужирным курсивом выделены употребительные глаголы английского языка, а надстрочные показатели указывают на позицию глагола в лексико-тематическом пространстве угрозы: «*threaten*⁰», «*warn*¹», «*caution*³», «*blackmail*⁵», «*intimidate*⁶», «*bully*⁷», «*terrorize*⁷», «*browbeat*⁸», «*badger*¹⁰», «*comminate*¹²», «*railroad*¹²», «*abuse*¹³», «*daunt*¹⁴», «*frighten*¹⁴», «*scare*¹⁴», «*lurk*¹⁵», «*compromise*¹⁵», «*endanger*¹⁵», «*forebode*¹⁶», «*bluster*¹⁷», «*dismay*¹⁷», «*unnerv*¹⁷», «*enforce*¹⁹», «*tyrannize*²⁰», «*scowl*²⁰», «*dishearten*²⁰», «*domineer*²⁰», «*growl*²⁰», «*snarl*²⁰».

Учитывая частотность употребления перечисленных лексем (выделена полужирным курсивом), список вербальных репрезентантов угрозы можно сократить до 13 глаголов – «*threaten*⁰», «*warn*¹», «*caution*³», «*intimidate*⁶», «*bully*⁷», «*abuse*¹³», «*frighten*¹⁴», «*scare*¹⁴», «*lurk*¹⁵», «*compromise*¹⁵», «*endanger*¹⁵», «*enforce*¹⁹», «*growl*²⁰» – каждый из которых является употребительным в английском языке и не содержит словарных помет, связанных с его особенностями использования.

Результаты анализа показывают, что лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке представляет собой многоуровневую конгломерацию, сформированную глаголами с различной частотностью употребления и подверженную активному влиянию языковых и экстралингвистических факторов. Установлено, что 13 глаголов лексико-тематического пространства угрозы являются широкоупотребительными, а также не содержат каких-либо словарных помет и, следовательно, могут использоваться в американском и британском вариантах английского языка в различных сферах деятельности, в том числе в американской политической коммуникации. Исследование демонстрирует, что глагол «*threaten*» как вершинообразующий конституент акта менасивной каузации не является самым частотным в этом пространстве. Однако, являясь самым семантически «объемным» вербальным репрезентантом угрозы, он входит в перечень 3000 наиболее употребительных слов в устной речи, свидетельствуя о регулярной актуализации типовой коммуникативной ситуации угрозы в пространстве устного общения, в том числе в публичных выступлениях политических деятелей.

Выводы по второй главе

В центре внимания проведенного анализа было описание содержательной и функциональной сущности лексико-тематического пространства угрозы в английском языке. В рамках предлагаемого исследования были выявлены и сгруппированы словарные дефиниции английского языка американского и британского вариантов, которые формируют лексико-тематическое пространство угрозы, а также проведен их дефиниционный анализ.

Установлено, что фреймообразующим (вершинообразующим) глаголом лексико-тематического пространства угрозы в английском языке является лексема-маркер «*threaten*». На основе лексикографических описаний удалось определить содержательный объем этого глагола, отличающий его от других побудительных глаголов английского языка. Анализ словарных дефиниций показал, что глагол «*threaten*» представляет собой семантически «объемную»

лексеми, которая обладает иерархической системой дифференциальных сем, а также набором содержательных признаков и свойств. Зафиксированные в словарях дефиниции глагола «*threaten*» явились основанием для выявления в структуре его значения интегративного гиперонимического компонента «наступление негативных последствий», который включает в свой содержательный объем 4 базовые семы – сему «совершение чего-либо неприятного», сему «совершение чего-либо плохого», сему «причинение боли, вреда или беспокойства» и сему «осуществление наказания», а также 2 периферийные семы – сему «источник возможной опасности» и сему «разрушение чего-либо».

Дефиниционный анализ глагола «*threaten*» показывает, что глагол характеризуется такими семантическими признаками как реляционность, акциональность, целенаправленность, побудительность (каузативность), локутивность и менасивность. На основании полученных данных было доказано, что побудительное значение глагольной лексики «*threaten*» основано на сообщении субъекта воздействия о своем намерении совершить какие-либо негативные (санкционные) действия в отношении объекта или породить ситуацию, имеющую негативные последствия для объекта.

В ходе исследования удалось расширить трактовку содержательного объема глагола «*threaten*» свойствами, конкретизирующими признак менасивности (свойствами-конкретизаторами), а именно: свойством-1 «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации», свойством-2 «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации», свойством-3 «причинно-следственная связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления», свойством-4 «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации», свойством-5 «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» и свойством-6 «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Изучение семантической специфики глагола «*threaten*» позволило выяснить, что в его содержательном объеме интегративно-амальгамно сочетаются элементы *контрарного плана*, которые задают диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы в английском языке: интегративный компонент «наступление негативных последствий», охватывающий различные способы санкционного воздействия на объект каузации и формирующий *интенсивный* (содержательный) потенциал глагола (S_{int}), а также семантические свойства менасивности, которые содержат указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий и формируют *дистенсивный* потенциал глагола (M_{dist}). Становится понятным, что в содержательный объем фреймообразующего репрезентанта угрозы входит значение наступления возможных негативных последствий для объекта воздействия и его каузация к выполнению некоторых действий, а также возможность для объекта избежать наступления таких последствий. То есть, функционально-семантическая сущность глагола «*threaten*» заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для объекта в случае его отказа от выполнения каузируемых действий.

Итогом семантического описания является то, что глагол «*threaten*» в реляционном плане, в терминологии И.П. Сусова, структурно отражает «ситуацию коммуникации» (Блакар, 1987: 93), т.е. задает основу для типовой коммуникативной ситуации угрозы, в которой есть отправитель (субъект каузации, говорящий, адресант) и получатель (объект каузации, слушающий, адресат) сообщения, а также желание (намерение) говорящего передать сообщение адресату. В качестве единицы такой коммуникативной ситуации выступает *менасивно-каузативный акт* или *акт менасивной каузации* в виде конкретного высказывания-угрозы, реализованного в определенных условиях социальной интеракции и маркированного некоторым набором языковых средств.

Обращение к лексикографическим источникам английского языка позволило сформировать синонимический ряд вербальных репрезентантов угрозы из 58 глаголов (включая глагол «*threaten*») и провести их дефиниционный анализ. Были выделены 4 зоны лексико-тематического пространства угрозы в английском языке – ядерная, околоядерная, периферийная и дальняя периферийная. Кроме того, установлено место (позиция) каждого вербального репрезентанта угрозы в этом пространстве. Для решения этой задачи предложена формальная запись содержательного объема глагольных лексем: $VERB^N: NS_{int} (NS_{bas} + NS_{per}) + NM_{dist}$, которая отражает интенсивный (S_{int}) и дистенсивный (M_{dist}) потенциал глагола ($VERB$) в виде числовых показателей (N), полученных на основе подсчета количества семантических компонентов контрарного плана в структуре значений глагола.

В массиве вербальных репрезентантов угрозы выделена семантическая разновидность глаголов с *центровзвешенным* характером содержательного объема, которые обладают показателем интенсивного потенциала количественно равным показателю дистенсивного. Также удалось выявить разновидность глаголов с *нецентровзвешенным* характером содержательного объема, которые обладают различными показателями интенсивного и дистенсивного потенциала. Фиксация на материале исследования указанных разновидностей демонстрирует тот факт, что не только глагол «*threaten*» как вершинообразующий конституент акта менасивной каузации включает в свой содержательный объем элементы контрарного плана, но и само лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке обладает контрарным характером. Полученный результат также свидетельствует о том, что лексико-тематическое пространство угрозы формирует в ментальном пространстве носителя английского языка “заранее установленный сюжет”, который предполагает возможность наступления негативных последствий для объекта воздействия и возможность их избежать.

В ходе анализа выяснилось, что вербальные репрезентанты угрозы отличаются частотностью использования и сферой употребления в условиях

англоязычной коммуникации, а также различны по особенностям реализации в тех или иных грамматических конструкциях английского языка. Лексикографические издания регулярно фиксируют, что глагол «*threaten*» не является самым частотным в лексико-тематическом пространстве угрозы. Тем не менее, глагольная лексема «*threaten*» входит в перечень 3000 употребительных слов в устной англоязычной речи и представляет собой наиболее семантически “объемный” вербальный репрезентант угрозы. Поэтому важно еще раз подчеркнуть, что глагол «*threaten*» не случайно является фреймообразующим для лексико-тематического пространства угрозы, так как он характеризуется высокими показателями интенсивного и дистенсивного потенциала, а эмпирический материал не позволил зафиксировать какой-либо другой – семантически более “объемный” – вербальный репрезентант угрозы в английском языке.

Таким образом, в исследовании удалось обозначить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке и описать семантическую специфику этого пространства. Зафиксированная совокупность константных признаков и свойств отражает комплексное представление носителей английского языка о семантической структуре феномена вербальной угрозы, а также является основой для формирования типовой матрицы, рамки, фрейма или функционально-семантического представления угрозы (ФСП-угроза) в ментальном пространстве языковой личности. Однако, несмотря на то, что в исследовании установлено наличие элементов контрарного плана в структуре значения вербальных репрезентантов угрозы, полученные результаты не отражают механизм функционирования актов менасивной каузации в условиях англоязычной социально-политической интеракции.

В этой связи важно констатировать, что с позиций выбранного подхода к пониманию феномена вербальной угрозы остается открытым вопрос о том, каким образом носитель языка как когнитивный агент может “измерять”, интерпретировать и оценивать акты менасивной каузации в виде высказываний-

угроз, а также какие эмоциональные состояния формируют менасивные высказывания у адресата и в каком эмоциональном состоянии находится адресант таких высказываний. Становится очевидным, что необходим новый подход к структурированию представлений носителей о вербальной угрозе, который позволит установить, как сочетаются элементы контрарного плана в конкретном случае реализации акта менасивной каузации для решения коммуникативной задачи говорящего в условиях социально-политической коммуникации. Поэтому в следующей главе перспективно продолжить структурировать представления носителей языка о вербальной угрозе с использованием ментального образования под названием «коммуникативный конструкт угрозы» и привлечением когнитивно-дискурсивных механизмов оценки прагма-эмоционального воздействия актов менасивной каузации на адресата.

Глава третья
КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ
ПРЕДВЫБОРНОЙ УГРОЗЫ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОГО
АКТА МЕНАСИВНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

3.1. Вводные замечания

Выше было показано, что специфика лексико-тематического пространства угрозы может раскрываться в типовой коммуникативной ситуации, представление о которой сформировано функционально-семантическими предпосылками в виде единого неразложимого множества: вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий» (сем) и признака менасивности. Из этого следует, что в ментальном пространстве языковой личности как «стерильного собеседника» (Beck, 1980: 20; Nowak, 1981: 94; Wunderlich, 1975: 12-13) потенциально представлена информация о наборе вариантов компонента «наступление негативных последствий», каждый из которых может быть задействован (вербализирован) в условиях коммуникативного взаимодействия. Кроме того, языковая личность обладает знанием о признаке менасивности, а именно о том, что в типовой коммуникативной ситуации угрозы у объекта (адресата сообщения) есть возможность избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий.

Не вызывает сомнений, что зафиксированные семантические признаки и свойства вербальной угрозы, отражая знания носителей языка об этом феномене, определенным образом структурируются в их ментальном пространстве, объединяются (Langacker, 1987) и им «приписывается когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу, но ни одного из реальных значений не описывает» (Падучева, 2004: 16; ср. также сенсорные и концептуальные структуры: Пиаже, 2004), а языковая личность обращается к таким ментальным (когнитивным) структурам, хранящимся в ее «семантической памяти» (Солсо, 1996), при каждой встрече с вербальной угрозой в виде дискурсивной менасивной практики (акта менасивной кауза-

ции) в контексте социального взаимодействия. В этой связи есть все основания полагать, что языковая личность обладает когнитивной способностью осознавать и интерпретировать каждый конкретный случай вербальной репрезентации угрозы на фоне набора – языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллокутивных – знаний о различных вариантах санкционного воздействия, а также оценивать возможность избежать такого воздействия, выполнив каузируемые действия (подробнее о типах знаний см.: Романов, 1988: 101; 2006: 23; а также: Демьянков, 1989: 73-80).

Тем не менее, описание совокупного объема содержательных признаков вербальной угрозы не позволяет вскрыть когнитивный (ментальный) механизм, используемый носителем языка для интерпретации актов менасивной каузации и их семантических нюансов в условиях социально-политического взаимодействия. Следовательно, зафиксированные в предыдущей главе содержательные характеристики являют собой только отдельные представления языковой личности о возможной репрезентации вербальной угрозы, не позволяя сформировать базис или способ истолкования, на основе которого когнитивный агент осуществляет оперирование этим феноменом.

Указанные обстоятельства, а также недостаточное теоретическое осмысление когнитивной специфики феномена вербальной угрозы поднимают вопрос о том, как человек “измеряет”, оценивает, классифицирует угрозы «на всех уровнях проявления когнитивной способности и его коммуникативной активности в типовых сценариях жизнедеятельности» (Романова, 2009: 16), какими критериями он пользуется, а также какие признаки вербальных угроз существуют с точки зрения человека, культуры, картины мира и какова специфика лексики английского языка, характеризующей непредметную сущность социальных действий и отношений. В этой связи возникает необходимость поиска адекватного когнитивного (смыслового) инструмента, с помощью которого было бы возможно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе и закономерности оперирования этими знаниями, но и определенным образом упорядочить и класси-

фицировать такие представления с учетом совокупного – уже зафиксированного – объема семантических признаков и свойств вербальной угрозы.

Вполне правомерно, что обозначенный методологический поиск определяет необходимость упорядочить представления о вербальной угрозе и выбрать такой подход, который позволит «изучать языковые структуры в неразрывной связи со структурами сознания» (Романов, 2002: 11), ср. также утверждение о том, что «существование у слова или предложения когнитивной структуры, которая отражала бы не языковые, а какие-то другие способности человека, пока не доказано» (Падучева, 2004: 16). Отмеченные обстоятельства диктуют необходимость изучения связи между действительностью и ее проявлением в языке, требуя описания «дополнительного, надъязыкового, когнитивного, глубинного уровня представления лексического значения» (Падучева, 2004: 16).

Когнитивная сложность перечисленных проблем указывает на то, что их решение невозможно без применения комплексного (интегративного) подхода к анализу значения вербальной угрозы, в основе которого лежит «представление о значении как о структурированной сущности и о целостности языкового, семантического и внеязыкового энциклопедического знания» (Романов, Романова, 2009: 22). Поэтому представляется оправданным, что решение проблемы, связанной с изучением лингвокогнитивной специфики вербальной угрозы, находится в пограничной области между лингвистикой, социолингвистикой, когнитивной психологией, лингвопсихологией и нейрорпсихологией, и требует интеграции различных аспектов анализа объекта в их связи, взаимопроникновении и взаимообусловленности, а также вне дисциплинарных барьеров и вне рамок отдельной научной парадигмы.

Становится очевидным, что выбор адекватного смыслового инструмента для исследования ментальной структуры (лингвокогнитивного механизма) вербальной угрозы представляет собой комплексную задачу. Во многом это обусловлено тем, что «поток жизненных событий и встреч с определенными предметными областями и интерактивными сферами может превра-

таться в хаос, если субъект жизнедеятельности не будет иметь смысловых инструментов для структурирования, упорядочения и осмысления единиц этого потока» (Романова, 2009: 16-17). При этом нетрудно убедиться, что в настоящее время разработаны различные способы упорядочивания и классификации многообразных форм знания (ср. опыты построения языковой модели мира: Апресян, 1995; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Урысон, 1995; концептуализации ситуации: Wierzbicka, 1996: 55 и описания соотношения языкового выражения с действительностью: Падучева, 2004: 17).

Характерно, что «при описании событийной сферы жизнедеятельности субъекта в условиях социальной интеракции и его взаимодействии со свойствами физических объектов в процессе такой интеракции можно использовать различные параметры и шкалы, например, социально-ролевой статус, контроль за осуществлением действий, заинтересованность в интерактивном обмене» (Романова, 2009: 16-17). Однако, в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности, в мире событий, действий и смыслов «практически нет общепринятых “объективных” методов и единиц измерения» (Романова, 2009: 16-17). Поэтому для структурирования, упорядочивания и осмысления феномена вербальной угрозы необходим определенный инструмент или «определенная организация мышления», которая «ведет к структуризации внутренних представлений и определенному видению, прочтению событий и явлений внешнего мира» (Романова, 2009: 31).

3.2. Когнитивные предпосылки формирования коммуникативного конструкта предвыборной угрозы

В выбранном ракурсе рассуждений, затрагивающем лингвокогнитивную специфику феномена вербальной угрозы и проблеме его толкования в пространстве социального взаимодействия или в формах жизни, в терминологии Л. Витгенштейна, перспективно обратиться к опыту когнитивных изысканий с позиций новой гуманитарно-научной парадигмы *конструктивизма* или *конструктивистской парадигмы*, формирование (но не истоки) которой

наблюдается в последние годы эпохи постмодернизма в лингвистике, философии, психологии и социологии (Герген, 2016; 2005; Джерджен, 2003; Касавин, 2007; Келли, 2000; Пиаже, 2004; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2007; 2007а; 2009; Улановский, 2010; Хьелл, Зиглер, 1997; Цоколов, 2000; Шюц, 2003; Gergen, 2001; Watzlawick, 1981).

В предлагаемой работе понятия «конструктивизм» («*constructivism*») и «конструкционизм» («*constructionism*») подводятся под одно рабочее понятие «конструктивизм» (подробнее о разграничении понятий см.: Романов, Романова, 2005; 2007; 2007а; см. также критику термина «конструктивизм», происходящего из англо-американской языковой среды: Цоколов, 2000: 6), которое «в своей совокупности отражает комплексный – с учетом социальных, психологических, философских и лингвистических идей коммуникационного конструктивизма П. Вацлавика, конструктивистской психологии Ж. Пиаже, теории личностных конструктов Дж. Келли, конструктивистской социологии П. Бергера и Т. Лукмана, феноменологической социологии А. Шюца, а также культурно-исторической психологии Л.С. Выготского» (Романова, 2009а: 104) – подход под общим названием «*эпистемологический конструкционизм*», представляющий собой новейшее направление гуманитарных наук без «цельной и унифицированной теории» (Герген, 2005: 76) и далекий от «парадигмальной устойчивости и теоретико-методологической однозначности» (Касавин, 2007: 99).

Однако, несмотря на то, что идейное пространство парадигмы конструктивизма образует множество теорий, созданных в лингвистике, психологии, социологии и философии, центральная идея парадигмы заключается в том, что «познание представляет собой не отражение и репрезентацию, а активное построение в сознании субъекта образа познаваемых предметов и событий» (Улановский, 2010: 283). Представители конструктивизма подчеркивают «языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (мно-

жества способов концептуализации событий) и плюрализма истины» (Улановский, 2010: 283). Также последователей этого направления объединяет идея о «возможности существования бесконечного множества способов представлений о действительности и отсутствии единого эталона для оценки истинности или ложности каждого из них» (Микляева, 2016: 13), так как «конструктивизм расширяет пространство возможного, что позволяет свободно играть с реальностью и со своим опытом, перестраивая мир по своему усмотрению и ожидая от него отклика» (Конструктивизм, 2008: 8).

Разнородная группа теорий парадигмы конструктивизма позволяет зафиксировать ряд подходов к «конструированию мира и собственного Я в этом мире» (Улановский, 2010: 285), а также к пониманию и структурированию событий и явлений окружающего мира. Однако в силу поставленных задач настоящей работы оправданно обратиться к способу толкования и описания различных жизненных сценариев, который сформировался в области психологических исследований на базе идей теоретика когнитивной психологии Дж. Келли (Хьелл, Зиглер, 1997: 56).

Следует отметить, что конструкт являет собой одно из ключевых понятий конструктивистского направления, от которого и происходит понятие «конструктивизм» (Улановский, 2010: 283). Конструкт – это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Петров, 1990: 228), смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, которая используется для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей (Келли, 2000; Романов, Немец, 2006; Хьелл, Зиглер, 1997). Более того, конструкт в отличие от понятия, обозначающего «существенные свойства относимых к нему вещей», являет собой «толковательный акт» (Келли, 2000), который человек создает «для предсказания событий и через которые он воспринимает мир» (Улановский, 2010: 283). «И в этом процессе (т.е. трактовке и оценке, в мерности) отправной точкой является сам человек как когнитивный агент, кото-

рый *самостоятельно производит отсчет для себя, своей деятельности и для выработки ориентационных форм поведения*» (Романов, 2016: 11).

В частности, теоретик когнитивной психологии Дж. Келли утверждает, что «мир функционирует как единое целое, со всеми его вообразимыми частями, находящимися в строгом соотношении друг с другом» (Келли, 2000). Автор отмечает, что «человек смотрит на мир сквозь трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит мир» (Келли, 2000; Харре, 2005). Согласно Дж. Келли, человек использует определенные шаблоны, которые позволяют ему понимать и оценивать события, происходящие в мире, в то время как сам мир предстает перед человеком «в виде неразличимой однородности» (Келли, 2000) и не имеет никакого смысла без таких шаблонов. Ученый предлагает называть эти шаблоны *конструктами*, уточняя, что «конструкты суть способ истолкования мира» (Келли, 2000), позволяющий человеку выстраивать свою линию вербального или невербального поведения. Под конструктом Дж. Келли также понимает репрезентацию мира, «которая создается живым существом и затем подвергается проверке в столкновении с реальностью этого мира» (Келли, 2000).

Развивая теорию личных конструктов, Дж. Келли полагает, что все конструкты характеризуются некоторыми формальными свойствами. Во-первых, конструкт затрагивает определенный *диапазон пригодности* или применимости (Келли, 2000). Этот диапазон применимости включает в себя все явления и события, при которых конструкт релевантен или применим (Хьелл, Зиглер, 1997). Согласно Дж. Келли, каждый конструкт применим не ко всем объектам, а только к некоторым из них. При этом объекты, «которые абстрагируются посредством конструкта, называются *элементами*» (Келли, 2000).

Например, конструкт «научный – ненаучный» применим для интерпретации множества интеллектуальных достижений, но не пригоден для объяснения преимуществ социального положения человека (Хьелл, Зиглер, 1997). В свою очередь, «конструкт «высокий» или «низкий» применим к домам и

людям, но он не применим к погоде» (Романов, Немец, 2006: 32), а конструкт «приказ», «совет» или «угроза» применим только к людям «как членам социума, в котором признаются нормы и правила поведения, но не применим к предметам реального мира» (Романова, 2009: 36). Поэтому вполне очевидно, что конструкты, которые используются для описания интеллектуальных достижений, явлений или людей, различаются по составу и содержанию. Иначе говоря, конструкт применяется к классу однородных объектов. Также Дж. Келли замечает, что конструкты имеют ограниченный диапазон применимости, хотя от конструкта к конструкту границы диапазона могут меняться, например, конструкт «хороший – плохой» имеет широкий диапазон применимости, так как предполагает множество ситуаций, требующих личной оценки (Келли, 2000).

Во-вторых, согласно Дж. Келли, у каждого конструкта есть *фокус применимости*, т.е. конструкт относится к явлениям в рамках диапазона применимости. Например, конструкт «честный – нечестный» у одного человека имеет фокусом применимости сферу межличностных отношений, в то время как другой человек может применить этот же конструкт к политическим событиям (Келли, 2000). Следовательно, фокус применимости конструкта всегда специфичен для человека, использующего его. Поэтому любая вещь или событие сознается человеком в пределах горизонта его «жизненного мира» (Шюц, 2003:82), т.е. воспринимаемого индивидом как привычный, нормальный, само собой разумеющийся мир, в котором происходит повседневная жизнь такого индивида. Более того, «для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы» (Романова, 2009: 36), а « типовые сценарии жизнедеятельности наполняются конкретным содержанием, когда они включаются в контекст вполне определенной предметной области» (Романова, 2009: 36). В этой связи вербальные ярлыки, например, «высокий», «низкий» или «совет», «извинение», «угроза» наполняются конкретным содержанием только в опреде-

ленном жизненном сценарии, ср.: «*высокий* дом – это одно, *высокий* человек – другое, а *высокая* цель – третье» (Романов, Немец, 2006: 32).

Однако, несмотря на наличие формальных свойств у различных конструктов, основополагающим моментом при их построении Дж. Келли считал биполярный характер и рассматривал конструкты как дихотомические конфигурации (Келли, 2000). Ученый полагал, что каждый конструкт имеет два полюса – по одному на каждом конце дихотомии. При этом элементы, объединенные на одном полюсе, сходны друг с другом в определяемом данным конструктом отношении, и не похожи на элементы, находящиеся на другом полюсе. Согласно Дж. Келли, такой тип отношений между двумя полюсами конструкта есть отношение контраста (Келли, 2000; ср. противоположность или контрарность как тип отношения понятий в логике: Романов, 2011: 16). Обозначенный тип отношений предполагает, что кроме полюсов, находящихся в дихотомических отношениях – понятий-антонимов, существует, по крайней мере, еще один элемент – *среднее понятие*, относящееся к тому же *диапазону пригодности* конструкта. См. отношение противоположности, предполагающее континуальность, например, в директивах – приказ и просьба, а между ними как среднее (нейтральное) звено – указание (Романов, Немец, 2006).

Таким образом, Дж. Келли стал одним из первых ученых, который придал особое значение когнитивным процессам как основной черте функционирования человека (Хьелл, Зиглер, 1997; ср. также Fiske, Taylor, 1991; Jankowitz, 1987; Wyer, Srull, 1984). В соответствии с его теоретической системой, которая получила название *психология личностных конструктов*, человек – это ученый, исследователь, стремящийся понять, интерпретировать, предвидеть и контролировать мир своих личных переживаний для того, чтобы эффективно взаимодействовать с ним. В рамках психологии личностных конструктов Дж. Келли удалось показать, что «люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий» (Келли, 2000) и у каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструктов,

однако в психопатическом плане процессы конкретного человека направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события (Келли, 2000). Иначе говоря, человек обладает «не только способностью конструировать мир, но и способностью реконструировать его» (Янчук, 2005: 149).

Обозначенные теоретические построения Дж. Келли и его точка зрения на человека как на ученого легли в основу «современной когнитивной ориентации в психологии личности» (Хьелл, Зиглер, 1997: 297), позволив исследователям использовать конструкт как методологический инструмент для изучения и отображения представлений человека об окружающей его действительности и происходящих в ней событиях. Тем не менее, необходимо констатировать, что система личных конструктов Дж. Келли ограничивается человеческой личностью и в большей степени ориентирована на «объяснение постоянных измерений структуры личности» (Хьелл, Зиглер, 1997: 20). В частности, Дж. Келли не придавал особого значения конструированию отношений между отдельными личностями и подробно не изучал вербальную репрезентацию человеком определенного набора дихотомических конструктов в различных жизненных сценариях, в том числе в сфере политических отношений.

В рамках современной научно-гуманитарной парадигмы конструктивизма получила широкое распространение не только психология личностных конструктов Дж. Келли, но и подход к процессу конструирования человеком реальности, выступающий в качестве одного из теоретико-методологических оснований в области социально-психологических исследований и получивший название социально-конструкционистский подход («social constructionism») или социальный конструктивизм (Джерджен, 2003; Клецина, 2004; Микляева, 2014; Шихирев, 1999; подробнее о систематизации теорий, имен и направлений, относящихся к конструктивистской парадигме см.: Улановский, 2009: 36-39). Согласно основоположнику социального конструктивизма К. Гергену (также К. Джерджену), внимание исследователей смещается «с индивидуального субъекта действия (актора) к скоординированным взаимодействиям и

взаимоотношениям индивидов» (Герген, 2005: 80). В частности, представители социального конструктивизма полагают, что «психологические процессы, равно как и способы их познания, преимущественно социальные» (Якимова, 1993: 215), помещая в фокус внимания социальные отношения (Джерджен, 2003: 48) или «отношения, выявляющие и порождающие другие отношения» (Джерджен, 2003: 4), которые конструируются при помощи социальных (дискурсивных) практик или дискурса.

Следует отметить, что в русле идей социального конструктивизма, затрагивающих вопросы систематизации, структурирования и упорядочивания способов описания того, как «достигается наше понимание “реальности”» (Герген, 2005: 81), обозначен интерес к «прагматике использования языка» (Герген, 2005: 56). Ученые полагают, что человек «конструирует мир не индивидуально в своем сознании, а совместно – в разговоре, соглашениях, социальных практиках» (Улановский, 2004), а язык для конструктивиста – это «не репрезентация реальности, а собственно сама реальность или овеществленные отношения» (Джерджен, 2003: 15). При таком подходе «язык не служит ни картиной, ни картой того, что происходит; скорее (согласно Л. Витгенштейну), он приобретает свое значение, когда люди используют его в общении друг с другом» (Герген, 2016: 56), т.е. в дискурсивном пространстве социальной интеракции. Больше того, представители конструктивизма уточняют, что «знания об окружающей действительности конструируются людьми с использованием языковых возможностей тех общностей, к которым они принадлежат» (Микляева, 2016: 12), ср. также идею Л.С. Выготского об опосредованности осознания субъектом действительности системой языковых средств, которые он использует в процессах ее отражения.

Складывается картина, что интерес ученых к «конструкционистской силе языка» (Герген, 2016: 178) и стремление «рассматривать дискурс как основной принцип социального конструирования» (Романова, 2009а: 106) заложили основу для «конструирования реальности через язык» (Герген, 2016:

154). Поэтому вполне очевидно, что конструктивисты часто обращаются к опыту лингвистических исследований и экстраполируют, например, идеи Ф. де Соссюра о знаковой природе языка на политическую деятельность, а затем «отождествляют языковые и политические процессы» (Коньшев, Сергунин, Субботин, 2016: 103), приравнивая политическую практику к языковой практике. Тем не менее, представители социального конструктивизма, опираясь на нарратологию, герменевтику, философию диалога, теорию речевых актов и литературоведение (идеи Ф. Ницше, Л. Витгенштейна, М. Фуко, М.М. Бахтина и др.), не изучают «конструкционистскую силу» (Герген, 2016: 178) конкретных форм вербальной репрезентации тех или иных социальных (дискурсивных) практик в типовых сценариях жизнедеятельности.

Безграничный потенциал конструкционистской социальной психологии, не имеющий «ни дисциплинарных границ, ни фиксированных заранее параметров исследования» (Джерджен, 2003: 45), способствовал проникновению идей и методологии гуманитарно-научной парадигмы конструктивизма в область лингвистических исследований. Теоретико-методологические основания конструктивистской парадигмы оказались востребованными в среде ученых-лингвистов в свете смещения исследовательских интересов последних десятилетий с содержательно-формальных (грамматических) характеристик высказываний на действенный характер дискурсивных социальных практик (Дейк, 2013; Болдырев, Григорьева, 2020; Карасик, 2002; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; 2001; Макаров, 2003; Романов, 2016; 2002; 2020; Dijk, 2008), а также необходимости выхода за пределы имманентной, внутренней лингвистики, чтобы описывать язык с учетом его реального функционирования в обществе, а не ограничиваться анализом «коммуникативных единиц на уровне языка-речи» (Колшанский, 1984: 170-171). Поэтому исследовательский интерес к «реализации типовых дискурсивных практик как социальных действий» (Романов, Романова, 2011: 69) способствовал формированию и становлению в рамках функционально-дискурсивной парадигмы отдельного направления *коммуникативного конструктивизма*, разрабатываемого пред-

ставителями Тверской научной школы динамической модели регулятивного общения под руководством профессора А.А. Романова (Романов, 2016; Романов, Немец, 2006; Романов, Новоселова, 2018; 2021; Романов, Романова, 2005; 2007; 2007а; 2011; 2017; Романова, 2007; 2009; 2009а; Romanov, Novoselova, 2021).

Развитие идей коммуникативного конструктивизма заложили основу для формирования интегративного подхода к анализу социальных (дискурсивных) практик, «объединяющего коммуникативно-прагматический и когнитивный подходы к анализу языковых явлений» (Романов, Романова, 2009: 22) и предоставляющего широкие возможности для изучения лингвокогнитивной специфики дискурсивных проявлений говорящей личности в типовых сценариях жизнедеятельности. В духе идей конструктивизма представители Тверской научной школы динамической модели регулятивной коммуникации утверждают, что «в процессе интерактивного обмена создается новая реальность (или коммуникативная мета реальность), в которой отношения между интерактантами приобретают (получают) бóльшее значение, чем содержание передаваемого в перформативном высказывании» (Романова, 2009а: 108) или в перформативных Я-практиках (Романов, 2016). В частности, вербальные (дискурсивные, речевые) Я-практики или регулятивные действия, в терминологии А.А. Романова, играют особую роль «в системе знаковых средств социальной коммуникации, так как такие единицы конструируют новые социально-коммуникативные отношения между участниками определенных жизненных сценариев, непосредственно определяя специфику формата отношений и координации между собеседниками» (Романова, 2009а: 106-107).

При обозначенном подходе в фокусе лингвистических исследований оказывается языковая личность «как субъект речевой (дискурсивной) деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в эпистемологическом пространстве жизнедеятельности» (Романов, Романова, 2009: 17; ср. утверждение о том, что «ничто не существует вне текста»: Деррида, 1999: 121-130), а также формируется повышенный интерес к установлению роли

«человеческого фактора» в ситуации интерактивного взаимодействия, который приводит ученых к осознанию важности не только проблем описания языковых структур, участвующих в коммуникативно-социальной интеракции, но и «задач всестороннего изучения интерактивного пространства жизненных сценариев говорящего субъекта (*homo loquens*), использующего эти структуры в виде дискурсивных проявлений (практик) для решения конкретных задач в условиях социальной коммуникации» (Романов, Романова, 2009: б).

Более того, язык уже не рассматривается как «канал, при помощи которого просто, ясно и схематично описывают субъективную (психологическую) реальность и опыт человека говорящего» (Романов, Романова, 2009: 30), а, скорее, психологические реальности говорящих индивидов создаются посредством дискурса (Бурдьё, 1983; 2001; Лакан, 1995; Фуко, 1994) и требуют комплексного изучения их проявления в установлении социо-коммуникативных отношений между участниками различных жизненных сценариев. С указанных позиций особая роль отводится языку в создании или, точнее, конструировании субъективных психологических реальностей (Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2009). При таком подходе способы нашего понимания и категоризации мира не являются каким-то размытым отражением мира, находящегося «вне» или «за пределами» говорящего субъекта или когнитивного агента (см.: Матурана, Варела, 2001; Харре, 2005).

В русле сказанного важно констатировать, что представители коммуникативного конструктивизма, опираясь на теоретические послылы структуралистов, провозгласивших в 50-х годах XX века идею «о тождестве языка и сознания» (Романов, 2016: 2), и понимание дискурсивной практики как символического способа продуцирования психологических и социальных реальностей (Харре, 2005: 44-45), предлагают методологию лингвистического анализа для описания «когнитивной специфики языковых практик в конструировании языковой картины мира участников социальной интеракции» (Романова, 2009: 5). Иными словами, представители коммуникативного конструк-

тивизма направляют свой исследовательский интерес на изучение «неосознанных структур, зашифрованных в языке» (Романов, 2016: 2), которые управляют человеком и строят отношения внутри социума.

Таким образом, в рамках парадигмы коммуникативного конструктивизма предлагается методология лингвистического анализа, основанная на разработке такого субъективного когнитивного инструмента как *знаковый* (коммуникативный, вербальный) конструкт (Романов, 2016; Романов, немец, 2006; Романова, 2009; 2009а), который «обеспечивает успешную (эффективную, не противоречивую, синергичную) социализацию и самоидентификацию говорящей личности в интерактивном пространстве её жизненных сценариев» (Романова, 2014: 40). В таком ракурсе «каждое индивидуальное речевое действие рассматривается как Я-конструкт, который уже наделен социально общезначимым интенциональным содержанием и, включаясь в момент акта говорения в определенную “языковую игру”, оно задает некий функционально-содержательный предел их взаимодействия, который является и границей понимания такого действия говорящим и адресатом, и точкой отсчета устанавливающихся (порождающих) новых отношений между ними в момент акта говорения, и моментом фиксации новой (второй) коммуникативной реальности» (Романов, Романова, 2011: 67).

В контексте сказанного необходимо отметить, что важно отличать идею коммуникативного конструкта от опыта применения конструкта и конструирования реальности в области социологических исследований (Белоконева, 2004; Бергер, 1995; Козырев, 2009), так как предлагаемые социологами построения являют собой не когнитивный инструмент, обладающий контрарным типом отношений элементов в духе идей Дж. Келли, а представление о каком-либо событии и явлении на основе составляющих его элементов (подробнее о «составляющих угрозы» см.: Смирнова, 2016: 14).

Вполне очевидно, что разработка идеи коммуникативного конструкта, являющегося социальным продуктом, т.е. «продуктом взаимодействия миметических, перформативных и ритуальных знаний и процессов» (Романов, Ро-

манова, 2011: 69), открывает новые возможности для «изучения глубинных механизмов, лежащих в основе лингвокреативной деятельности говорящего субъекта» (Романов, Романова, 2009: 23) в условиях социально-политического взаимодействия, а также для комплексного описания вербальных форм социальной интеракции «как особой разновидности речевой деятельности, концептуализации интерактивной деятельности и ее репрезентации в языковой картине говорящего» (Романов, Романова, 2009: 7).

В этой связи следует отметить, что в настоящее время в рамках парадигмы коммуникативного конструктивизма обозначена «семиотическая (семиотически значимая) система коммуникативных (знаковых) конструктов» (Романова, 2014: 40; ср. также: Романов, 2016; Романов, Романова, 2017), а в ряде работ описаны конкретные знаковые (коммуникативные) конструкты, соответствующие ментальному пространству индивида в определенных сценариях, ср., например, опыт изучения вербального конструкта утешения (Романов, Немец, 2006), композитного перформативного конструкта (Романова, 2009; 2009а), а также коммуникативного дискурс-конструкта (Романов, Романова, 2017).

Помимо этого, в свете глобальных информационных противостояний XXI века, а также вербальных конфликтов и “войн” на внутри- и межполитическом уровнях особую актуальность приобретает идея о том, что коммуникативный конструкт может использоваться не только как инструмент для отражения представлений носителей языка о типовых формах взаимодействия и определенной реальности, но и выступать в качестве индивидуального туннельного знака, «туннеля» или дискурсивного окна (подробнее о дискурсивной реальности см.: Романов, 2016), в котором они себя «размещают и оперируют его смыслами и образами» (Романов, 2016: 7-8). В этой связи отмечается, что конструкт как туннельный знак (также «туннельный знак-конструкт») формируется (наполняется) определенными идеями и смыслами, вырабатывающимися в пространстве социальных отношений участников процесса общения, «задавая когнитивную “мерность” дискурсивных смыслов –

от возможных и приемлемых оценок до неприемлемых или абсолютно нейтральных» (Романов, 2016: 10). При этом «в процессе нахождения адресата в индивидуальном туннельном пространстве дискурсивной реальности осуществляется выработка нового, *перереформатированного* (перепрограммированного) *поведения* адресата как потребителя сконструированной и целенаправленной информации» (Романов, 2016: 7).

Идея «туннельной реальности» (Романов, 2016: 8) как когнитивно-коммуникативного конструкта находит применение для описания вербального поведения отдельных языковых личностей в различных сценариях жизнедеятельности, а также может использоваться «в сфере конструирования медийных смыслов и их ретрансляции посредством развитой системы публичных коммуникативных посланий» (Романов, Романова, 2017: 3; см., например, рассмотрение вопроса о политтехнологическом статусе коммуникативного конструкта политического рэп-баттла в предвыборном дискурсе: Романов, Романова, 2020: 59-67). В силу сказанного становится очевидной актуальность лингвокогнитивных исследований, демонстрирующих применимость коммуникативного конструкта «для решения целого спектра задач при изучении интерактивного взаимодействия в различных сферах деятельности человека» (Романов, 2016). Более того, опора на идеи коммуникативного конструктивизма существенно расширяет стандартное представление об исследовании функционально-семантических характеристик высказываний, позволяя анализировать не только их языковые особенности, но описывать субъективную (когнитивную) картину мира участников типовых сценариев жизнедеятельности и их вербальное поведение в таких сценариях.

В выбранном ракурсе рассуждений становится понятным, что коммуникативный конструкт, имеющий «конгруэнцию со структурами сознания в ментальном пространстве» (Романов, 2016) языковой личности, позволяет использовать его в качестве способа истолкования или когнитивного (смыслового) инструмента, с помощью которого можно не только описать отдельные знания (представления) носителей языка о вербальной угрозе, но и

определенным образом упорядочить и классифицировать такие представления с учетом совокупного объема ее семантических признаков. Правомерно также утверждать, что коммуникативный конструкт как когнитивный инструмент позволит в некотором приближении – «так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему» (Келли, 2000) – определить, как элементы содержательного объема вербальной угрозы могут использоваться для интерпретации дискурсивных проявлений угрозы в виде менасивных высказываний или менасивов, реализованных в условиях социальной интеракции, в том числе в публично-информационном пространстве политической коммуникации.

На целесообразность применения коммуникативного конструкта для описания лингвокогнитивной специфики вербальной угрозы указывает и тот факт, что угроза являет собой интегративно-амальгамированное образование, в содержательном объеме которого зафиксирован набор – выделенных и описанных во второй главе – контрарных элементов, задающих лимнологические параметры представлений носителей языка о типовой коммуникативной ситуации угрозы. Поэтому есть все основания утверждать, что конструкт как дихотомическая структура в духе идей Дж. Келли – это наиболее подходящий (адекватный) когнитивный (смысловой) инструмент, позволяющий описать, как когнитивный агент осуществляет оперирование феноменом угрозы в различных сферах деятельности.

Итак, для того, чтобы вскрыть лингвокогнитивный (когнитивно-дискурсивный) механизм, лежащий в основе проявления феномена вербальной угрозы в дискурсивном пространстве, необходимо предложить и описать такой феномен как *коммуникативный конструкт угрозы* или коммуникативный менасивный конструкт. Предлагаемый конструкт позволит не только отобразить границы семантического пространства вербальной угрозы и структурировать ее признаки, но и установить, как отображается угроза в ментальном пространстве когнитивного агента, как он интерпретирует,

структурирует (упорядочивает) и осмысляет (оценивает) дискурсивные проявления угрозы, маркированные определенным архивом языковых средств, а также к каким ментальным структурам он обращается при встрече с актами менасивной каузации. При этом вполне очевидно, что коммуникативный конструкт угрозы как одна из разновидностей конструктов обладает «фокусом применимости» (Келли, 2000), что позволяет использовать этот конструкт, например, для описания лингвокогнитивной специфики англоязычных менасивов, реализованных в политической коммуникации. В частности, коммуникативный конструкт угрозы может быть использован для осмысления, структурирования и упорядочения предвыборных менасивов.

В выбранном ракурсе исследования вербальные проявления угрозы в виде дискурсивных менасивных практик будут рассматриваться как «конструкты вновь создаваемой коммуникативной реальности, отражающий весь спектр регулятивных отношений» (Романов, Романова, 2009: 22) между участниками социально-политической интеракции, а исследование будет направлено на установление того, как в коммуникативном пространстве угрозы формируется конвергентная *конструктивная реальность* говорящего и слушающего при помощи менасивов и как взаимодействуют эти реальности: реальность, связанная с возможностью наступления негативных последствий для объекта воздействия (слушающего), и реальность, предоставляющая ему возможность избежать таких последствий.

3.3. Фреймовая конфигурация типовой коммуникативной ситуации угрозы: контрарные конститuentы, инклюзивный механизм и лингвистическое пространство

В русле выбранного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу менасивных практик становится очевидным, что для разработки коммуникативного конструкта угрозы как дихотомической конфигурации и адекватного ментального (смыслового) инструмента, позволяющего понять лингвокогнитивную специфику вербальной угрозы, важно установить не только набор

отдельных представлений носителей языка об этом феномене, но и определенным образом упорядочить такие представления. В этой связи перспективно вновь обратиться к семантическим признакам и свойствам вербальной угрозы, зафиксированным во 2 главе и попытаться структурировать их.

В предыдущей главе показано, что семантическая специфика вербальной угрозы определяется наличием в ее содержательном объеме элементов контрастного плана, которые в своей совокупности образуют побудительное значение угрозы, обусловленное возможностью наступления негативных последствий для адресата. В частности, вербальная угроза сочетает в своем содержательном объеме интегративный компонент «наступление негативных последствий», который формирует некомфортные эмоциональные переживания адресата, а также свойства менасивности, способствующие поддержанию отношений между участниками акта менасивной каузации и предоставляющие возможность адресату избежать негативных последствий в случае выполнения каузируемых действий и эффективного разрешения коммуникативной задачи говорящего, например: «*If you don't beg my pardon, directly, or I'll make it the worse for you*» (Collins, 2010); «*If you touch me with that whip I'll take things into my own hands*» (Dreiser, 2020); «*But don't move a step forward, or your life is not worth a bulrush*» (Dickens, 2020).

При обозначенном понимании содержательного объема вербальной угрозы важно обратить внимание на то, что формирующие ее контрастные элементы являются инвариантными и сформированы определенным количеством вариантов. Проведенный во второй главе дефиниционный анализ англоязычных репрезентантов угрозы позволил установить, что компонент «наступление негативных последствий» включает в свой состав 6 вариантов или сем, которые отражают совокупность отдельных представлений языковой личности о возможных санкционных проявлениях вербальной угрозы в типовой коммуникативной ситуации. Тем не менее, результаты дефиниционного анализа не позволяют выяснить, как объект акта менасивной каузации оценивает возможность наступления негативных последствий: какие семы сви-

детельствуют о “серьезности” вербальной угрозы и декларируемого в ней санкционного воздействия, а какие семы указывают на незначительность негативных последствий для объекта.

Указанные обстоятельства определяют необходимость установить, как варианты компонента «наступление негативных последствий» соотносятся друг с другом в ментальном пространстве носителя английского языка, как они структурируются и оцениваются с позиций их интенсивности воздействия или интенсивного (содержательного) потенциала (подробнее о содержательном потенциале см. главу 2). Поэтому, принимая во внимание тот факт, что семы могут получать «различный удельный вес в структуре значения слова» (Гак, 1977: 14), представляется возможным расположить (структурировать) варианты интегративного компонента (семы) в порядке увеличения проявления их негативных последствий для объекта и конкретизации способов санкционного воздействия, сформировав таким образом иерархическую последовательность (перечень) сем.

Вполне очевидно, что открывает иерархический перечень периферийная сема (а) «источник возможной опасности», так как она отражает санкционное воздействие факультативного характера и не предполагает обязательного наступления негативных последствий для объекта. Более того, сема (а) не содержит указание на конкретные способы оказания негативного воздействия и ее можно охарактеризовать как наименее семантически “объемную”. Следующей в иерархической последовательности сем логично расположить базовую сему (б) «совершение чего-либо неприятного» в силу того, что указанная сема содержит определенную конкретизацию способа причинения негативных последствий объекту и, следовательно, она ориентирована на оказание более интенсивного воздействия на объект, чем сема (а). Тем не менее, сема (б) связана с причинением такого эмоционального вреда объекту акта менасивной каузации, который не приведет к его долгосрочным негативным переживаниям.

Продолжая иерархически распределять семы в обозначенном порядке следования, есть все основания отметить следующей базовую сему (в) «совершение чего-либо плохого», предполагающую совершение субъектом вполне конкретного поступка, который получит отрицательную оценку (оценку “плохой”) у объекта. Несомненно, что за семой (в) следует расположить базовую сему (г) «причинение боли, вреда или беспокойства», которая обладает более интенсивным потенциалом воздействия на объект, так как содержит указание на совершение поступка, оказывающего негативное воздействие как на физическое, так и на эмоциональное состояние объекта.

При обозначенном подходе к распределению сем, становится понятным, что следующую позицию в иерархическом перечне занимает базовая сема (д) «осуществление наказания». Не вызывает сомнений, что сема (д) предполагает совершение субъектом поступка, который окажет негативное воздействие как на физическое, так и на эмоциональное состояние объекта. Более того, сема (д) содержит указание на предварительную осведомленность объекта о возможной причине санкционных последствий для него. Следовательно, наличие предварительного знания о причине наказания заставляет объект ожидать некоторых санкционных последствий, способствуя формированию у него уже в процессе ожидания негативных эмоциональных переживаний и определенного отношения к субъекту.

Замыкает предлагаемый иерархический список периферийная сема (е) «разрушение чего-либо», которая оказывает самое интенсивное воздействие на объект каузации по сравнению со всеми семами, зафиксированными в содержательном объеме вербальной угрозы. Расположение семы (е) в конце списка объясняется тем, она практически не связана с причиной или условием наступления негативных последствий, а разрушение не предполагает возможность исправить совершенное негативное воздействие и вернуться к исходному положению дел. Кроме того, сема (е) является собой наиболее семантически “объемную” сему в структуре значения вербальной угрозы, так

как она включает в свой содержательный объем весь спектр негативных последствий интегративного компонента.

Таким образом, варианты интегративного компонента (семы) могут быть распределены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для объекта и конкретизации способов санкционного воздействия в следующем порядке: сема (а) «источник возможной опасности» → сема (б) «совершение чего-либо неприятного» → сема (в) «совершение чего-либо плохого» → сема (г) «причинение боли, вреда или беспокойства» → сема (д) «осуществление наказания» → сема (е) «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ наступления негативных последствий для объекта, в то время как каждая последующая сема “включает” в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Другими словами, каждая последующая сема является семантически “объемнее” предыдущей, приобретая аккумулятивный характер.

Становится очевидным, что предлагаемое иерархическое распределение сем позволяет говорить о явлении “включенности” или *инклюзивном механизме (природе)* интегративного компонента «наступление негативных последствий» (также об инклюзивном механизме негативных последствий вербальной угрозы), при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодополняющих сем в полном объеме отражает все варианты интегративного компонента. В частности, инклюзивный механизм интегративного компонента проявляется в том, что на этапе встречи с вербальной угрозой языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о возможных негативных проявлениях угрозы (семам), которые в определенном порядке структурируются в ее ментальном пространстве. Обладая знанием о наборе возможных негативных проявлений угрозы, языковая личность может оценить санкционное воздействие

конкретного менасива, содержащего тот или иной вариант интегративного компонента.

Сказанное дает основание рассматривать зафиксированное соотношение сем как реляционную структуру, в терминологии И.П. Сусова, негативных проявлений вербальной угрозы, расположенных в порядке увеличения их интенсивного потенциала. Такую реляционную структуру можно представить в виде: $a \rightarrow b \rightarrow v \rightarrow g \rightarrow d \rightarrow e$, где буквы обозначают варианты интегративного компонента, а стрелки указывают на инклюзивный характер таких вариантов. Предлагаемая структура фиксирует совокупность сем как реляционных позиций и особенностей их инклюзивного соотношения в содержательном объеме вербальной угрозы.

В выбранном ракурсе рассуждений важно обратить внимание на инвариантный характер признака менасивности вербальной угрозы, который сформирован 6 свойствами. Следуя предлагаемому вектору иерархического распределения элементов содержательного объема вербальной угрозы, целесообразно расположить свойства менасивности по принципу конкретизации представлений носителей языка о возможности избежать наступления негативных последствий. При таком распределении учитывается побудительное значение вербальной угрозы, а свойства менасивности рассматриваются в порядке увеличения роли их кумулятивных характеристик в конкретизации эмоционального воздействия, которое вербальная угроза оказывает на адресата.

Согласно выбранному подходу свойства менасивности вербальной угрозы могут быть расположены в следующем порядке: свойство (1) «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации» → свойство (2) «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации» → свойство (3) «причинно-следственная связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной его совершения» / «условно-следственная связь между возможными негативными последствиями для объекта и условием их наступления» → свойство (4) «обоюдная незаинтересе-

сованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации» → свойство (5) «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» → свойство (6) «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

В процессе аккумуляции свойств менасивности первую позицию занимает свойство-1, обусловленное наличием в семантической структуре вербальной угрозы компонента «наступление негативных последствий». Каждое последующее свойство конкретизирует предыдущее, добавляя в его содержательный объем семантические нюансы, например, свойство-2 в семантическом и функциональном плане объемнее, чем свойство-1, в то время как свойство-3 уточняет и конкретизирует содержательный объем свойств-1 и 2.

Обозначенное распределение свойств позволяет говорить о *механизме менасивной инклюзии* применительно к перечисленным свойствам, при котором каждое последующее свойство включает в содержательный объем предыдущее, а вся совокупность свойств в полном объеме отражает специфику побудительного значения вербальной угрозы. Предлагаемое распределение можно рассматривать как реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. Такая реляционная структура отражает позицию каждого свойства в этой структуре и фиксирует соотношение свойств в типовой коммуникативной ситуации угрозы. Эта структура может быть представлена в виде: $1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 4 \rightarrow 5 \rightarrow 6$, где цифры обозначают порядковые номера свойств менасивности, а стрелки указывают на их инклюзивный характер.

В частности, механизм менасивной инклюзии свойств-конкретизаторов основан на том, что субъект, желая побудить объект к совершению некоторых действий, сообщает о возможности наступления негативных последствий для объекта (компонент «наступление негативных последствий») и способствует формированию некомфортных эмоциональных переживаний у каждого участника акта менасивной каузации (свойство-1). Однако ни объект, ни субъект каузации не желают находиться в некомфортном эмоциональном

состоянии и понимают необходимость выстраивания несимметричных взаимоотношений (подробнее о коммуникативных и сценарных ролях см.: Романов, 2006а: 136-138) друг с другом вокруг акта менасивной каузации (свойство-2) в контексте того, что каждому из них известна условно-следственная / причинно-следственная природа вербальной угрозы (свойство-3).

В свою очередь, условно-следственная / причинно-следственная природа вербальной угрозы указывает на то, что участники акта менасивной каузации обоюдно не заинтересованы в наступлении негативных последствий для объекта (свойство-4), так как субъект использует вербальную угрозу для каузации объекта, в то время как объект по вполне естественным причинам не может желать наступления негативных последствий для себя. Больше того, обоюдная незаинтересованность в наступлении негативных последствий отчетливо демонстрирует наличие у объекта выбора – *совершить* действия, которые он не хочет выполнять, и избежать негативных последствий или *отказаться* от выполнения каузируемых действий, оценив и осознав возможность применения к нему санкционного воздействия в силу такого отказа (свойство-5).

Из обозначенной аккумуляции свойств менасивности следует, что вербальная угроза как акт каузации под действием возможных санкций затрагивает сферу эмоциональных переживаний его участников. Однако есть все основания полагать, что между субъектом и объектом воздействия отсутствует враждебная (агрессивная) настроенность по отношению друг к другу (свойство-6), так как их связывает необходимость эффективного разрешения коммуникативной задачи, связанной с вербальной каузацией (ср. отсутствие в содержательном объеме вербальной угрозы семы «агрессивность» или семы «враждебность»). Кроме того, инициатор акта менасивной каузации не ставит своей задачей совершить санкционные действия в отношении адресата вербального воздействия, а упоминает возможность их совершения с целью успешной каузации.

В результате получается, что свойство-6 конкретизирует эмоциональное воздействие вербальной угрозы (свойство-1) тем обстоятельством, что носитель и объект каузации (свойство-2), зная причинно-следственную / условно-следственную природу вербальной угрозы (свойство-3), осознают обоюдную незаинтересованность в наступлении негативных последствий для объекта (свойство-4) и понимают необходимость выработки совместного решения по поводу дальнейшего взаимодействия в типовой коммуникативной ситуации угрозы (свойство-5). Получается, что в свойстве-6 амальгамируются все свойства менасивности, а вербальная угроза не могла бы обладать, например, свойством-6 при отсутствии свойств 1-5.

Таким образом, удалось установить, что контрарные элементы вербальной угрозы обладают инклюзивной природой и образуют две реляционные структуры – реляционную структуру негативных проявлений и реляционную структуру свойств-конкретизаторов вербальной угрозы. При этом очевиден тот факт, что в ментальном пространстве носителя языка как когнитивного агента есть определенные зависимости между указанными реляционными структурами, так как языковая личность обладает способностью сопоставить негативные последствия вербальной угрозы с необходимостью выполнить каузируемые действия и возможностью избежать наступления санкционного воздействия (о типах знаний см.: Романов, 1988: 101; 2006: 23). То есть, имеются достаточные основания полагать, что эти структуры определенным образом соотносятся, образуя *прототипическую (типовую) ситуацию* (абстрактный образ) порождения и восприятия вербальной угрозы. В этой связи перспективно установить, как именно осуществляется соотношение двух обозначенных реляционных структур в типовой коммуникативной ситуации угрозы, что позволит понять механизм, лежащий в основе оперирования феноменом вербальной угрозы носителями английского языка.

Не вызывает сомнений, что представление адресата о конкретной вербальной угрозе начинает формироваться с того, что он встречается с языковой репрезентацией определенного варианта интегративного компонента в

виде менасивного высказывания. В силу инклюзивного механизма негативных последствий вербальной угрозы языковая личность может определить, какая позиция реляционной структуры была актуализирована в конкретной ситуации коммуникативного взаимодействия, и какое значение имеет актуализация этой позиции в координатах *здесь-и-сейчас*. Иными словами, языковая личность осуществляет оперирование инклюзивным механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющем ей оценить последствия конкретного менасива, сравнив эти последствия с собственными представлениями о возможном санкционном проявлении вербальной угрозы.

С указанных позиций, очевидно, что адресат оценивает содержание негативных последствий менасивных высказываний не только на фоне своих представлений о более или менее интенсивных последствиях вербальной угрозы, но с позиций собственных знаний о возможности избежать санкционного воздействия при условии выполнения каузируемых действий. Поэтому в процессе оперирования негативными последствиями конкретного менасива языковая личность обращается к своим структурированным знаниям о свойствах-конкретизаторах вербальной угрозы. Так, в процессе оценки конкретного варианта интегративного компонента адресат последовательно “пропускает” этот компонент сквозь призму из шести свойств менасивности по когнитивному маршруту (в направлении) от свойства-1 к свойству-6. В этой связи обозначенный процесс оценивания интегративного компонента «наступление негативных последствий» можно назвать механизмом восприятия угрозы носителями языка.

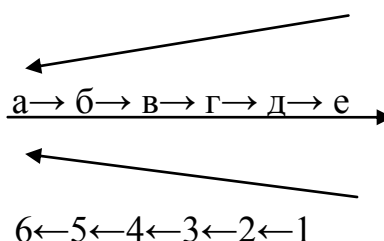
С позиций предлагаемого подхода можно полагать, что свойства менасивности образуют *туннель менасивности* или *менасивный туннель* (см. подробнее о термине «туннель»: Романов, 2016: 7; 10), который определяет лимнологическое пространство побудительного значения вербальной угрозы и задает границы для функционирования (использования) и интерпретации (понимания) негативных проявлений вербальной угрозы. Становится понятным, что участники прототипической ситуации вербальной угрозы осуществ-

влияют оперирование вариантами компонента «наступление негативных последствий» в границах содержательного пространства, задаваемого менасивным туннелем (или в «границах дискурсивного окна», подробнее см.: Романов, 2016: 14). Кроме того, можно утверждать, что предлагаемый механизм формирует психосемантическое пространство прототипической ситуации вербальной угрозы, объединяющее в целостное представление – со всеми содержательными связями – ее контрарные элементы.

Таким образом, интегративно-амальгамированная совокупность упорядоченных контрарных элементов вербальной угрозы формирует функционально-когнитивную структуру, фрейм или функционально-семантическое представление (Ф-структуру) типовой коммуникативной ситуации угрозы, а также задает лингвистические параметры для отдельных (во многом субъективных) представлений носителя языка о репрезентации угрозы в дискурсивном пространстве социальной интеракции. Принимая во внимание буквенные обозначения сем и порядковый номер каждого свойства менасивности, а также инклюзивную направленность и инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы, фреймовую конфигурацию типовой коммуникативной ситуации угрозы можно представить в виде схемы:

Схема 3

Фреймовая конфигурация типовой коммуникативной ситуации угрозы

Условные обозначения: те же; при помощи стрелок \rightarrow и \leftarrow отображен инвариантный характер контрарных элементов вербальной угрозы и их инклюзивная направленность.

Предлагаемый фрейм демонстрирует туннельный характер вербальной угрозы и соотношение ее двух содержательных элементов контрарного плана – интегративного компонента «наступление негативных последствий» (см.

буквы на схеме) и признака менасивности (см. цифры на схеме). Интегративный компонент, обладающий инклюзивной природой, представляет собой ось со стрелкой слева направо, которая проходит сквозь туннель из свойств менасивности – от свойства-1 до свойства-6. Примечательно, что варианты этого компонента расположены в порядке увеличения проявления их негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия (слева направо). В свою очередь, свойства менасивности, также обладающие инклюзивной природой, расположены на двух осях со стрелками справа налево в порядке увеличения возможности адресата избежать наступления негативных последствий (слева направо).

Получается, что фрейм типовой коммуникативной ситуации угрозы фиксирует маршрут “прохождения” вариантов интегративного компонента через туннель из свойств менасивности вербальной угрозы, описывая механизм работы двух реляционных структур контрарного плана. В русле сказанного складывается отчетливое представление о том, что в основе такого механизма лежит постепенная или волнообразная конкретизация – «менасивная волна», способствующая сужению содержательного пространства побудительного значения вербальной угрозы по определенному (заданному субъектом каузации) лингвокогнитивному (менасивно-каузативному) маршруту. В частности, в процессе “прохождения” по такому маршруту языковая личность понимает возможность наступления негативных последствий и определяет каузативную “силу” (значение) вербальной угрозы, а также осуществляет конкретизацию (интерпретацию, оценку) негативных проявлений конкретного высказывания-угрозы в содержательном пространстве менасивного туннеля. В результате языковая личность вырабатывает решение о своем дальнейшем вербальном или невербальном поведении, связанном с возможностью выполнить каузируемые действия или отказаться от их выполнения.

Вполне очевидно, что в процессе оценивания конкретного варианта компонента «наступление негативных последствий» языковая личность как когнитивный агент осуществляет движение по менасивному туннелю слева

направо, а в ходе оценивания возможностей избежать наказания при условии выполнения каузируемых действий носитель языка производит движение по менасивному туннелю справа слева. Поэтому “движение” по менасивному туннелю можно охарактеризовать как двустороннее или двунаправленное, а указанные маршрутные направления известны участникам типовой ситуации вербальной угрозы на основе их языковых, энциклопедических, социокультурных, логических и иллокутивных знаний или набора когнитивных компетенций. Следовательно, предлагаемую схему можно читать как слева направо, так и справа налево.

“Прохождение” участников типовой коммуникативной ситуации угрозы по менасивному туннелю позволяет им отличить высказывание-угрозу от языковых практик иной интенциональной направленности, содержащих указание на возможность наступления негативных последствий для адресата, а также от побудительных практик, не обладающих строгой обусловленностью следования наказания в случае отказа адресата от выполнения каузируемых действий. Более того, нахождение участников прототипической ситуации вербальной угрозы в лингвистических границах содержательного пространства, задаваемого менасивным туннелем, позволяет им оценить интенсивность негативных последствий конкретных практик-угроз, сопоставив эти последствия с необходимостью совершить каузируемые действия.

Читая схему, важно обратить внимание на графическое сближение двух диагональных линий со стрелками справа налево, обозначающее процесс постепенной (волнообразной) конкретизации свойств менасивности. Характерно, что, если в ходе социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы удалось установить, что конкретный менасив не является проявлением агрессивного поведения адресанта (свойства-б), а содержит указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий, то можно говорить о сужении менасивного туннеля в направлении свойства-б и, следовательно, об эффективном взаимодействии участников фрейма типовой комму-

никативной ситуации угрозы. Однако, если участникам акта каузации не удалось “пройти” по менасивному туннелю от свойства-1 до свойства-6 и избежать формирования враждебной настроенности по отношению друг к другу в ходе реализации своих коммуникативных намерений, то менасивный туннель расширяется по направлению к свойству-6, свидетельствуя о конфронтации собеседников.

В русле сказанного важно уточнить, что инклюзивный механизм свойств менасивности предполагает последовательную включенность в процесс интерпретации вербальной угрозы всех ее свойств. Однако в различных ситуациях социального взаимодействия участникам прототипической ситуации вербальной угрозы не всегда удается последовательно продвигаться по менасивно-каузативному маршруту угрозы или по менасивному туннелю, и, следовательно, возможно прекращение такого маршрута, например, на свойстве-3 при отсутствии понимания адресатом условно-следственной или причинно-следственной природы конкретной практики-угрозы.

Итак, фрейм типовой коммуникативной ситуации угрозы позволяет прояснить, как языковая личность может оперировать контрарными элементами вербальной угрозы, обладающими инклюзивной природой и формирующими в ментальном пространстве носителей языка систему реляционных структур. В ходе исследования удалось установить, что представление носителей языка о коммуникативной ситуации угрозы основывается на логическо-когнитивных связях между возможными санкционными последствиями для адресата (семами вербальной угрозы) и совершением адресатом каузируемых действий с целью избежать таких последствий и нивелировать их отрицательное воздействие (свойствами-конкретизаторами).

Тем не менее, функционально-когнитивная структура коммуникативной ситуации угрозы не устанавливает конкретное соотношение вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий» с эмоциональными переживаниями участников акта менасивной каузации, а также не позволяет выяснить, какое прагма-эмоциональное воздействие на адресата

оказывает упоминание адресантом различных способов негативного воздействия и в каком эмоциональном состоянии находится при этом автор высказывания-угрозы. В этой связи очевидно, что остается открытым вопрос о том, каким образом языковая личность как когнитивный агент может “измерять”, интерпретировать и оценивать “глубину” интенсивности менасивных высказываний, а также какую шкалу когнитивной “мерности” вербальной угрозы используют носители языка при порождении и интерпретации менасивов в условиях англоязычного социально-политического взаимодействия. Поэтому, принимая во внимание туннельный механизм менасивной инклюзии, перспективно представить прототипическую ситуацию вербальной угрозы на коммуникативном конструкте.

3.4. Коммуникативный конструкт угрозы как когнитивный инструмент

В ходе описания прототипической ситуации вербальной угрозы удалось распределить варианты интегративного компонента (семы) в порядке увеличения проявления их негативных последствий для объекта и конкретизации способов санкционного воздействия. Предложенное распределение сем дает основание рассматривать их как элементы коммуникативного конструкта угрозы, которые можно расположить на оси такого конструкта в заявленном порядке: а → б → в → г → д → е.

Кроме зафиксированных содержательных элементов коммуникативного конструкта угрозы необходимо учитывать дихотомическую природу такого конструкта (Келли, 2000). Поэтому важно установить контрарные полюса (точки) конструкта, которые задают лимнологические параметры функционально-семантического пространства вербальной угрозы. Проведенный семантический анализ англоязычных вербальных репрезентантов угрозы и фреймообразующего глагола «*threaten*» (см. 2 главу) задает векторную линию распределения контрарных элементов коммуникативного конструкта угрозы. Так, одним из полюсов предлагаемого конструкта является отсутст-

вие указаний говорящего на возможность наступления негативных последствий для адресата высказывания-угрозы. В этой связи логично обозначить такой полюс знаком «+» и расположить его перед семой (а). Другим полюсом рассматриваемого конструкта является непосредственная реализация говорящим декларируемого санкционного воздействия и, следовательно, такой полюс уместно отметить знаком «-» и расположить после семы (е).

Контрарность отношений между обозначенными полюсами можно представить в виде векторной линии, направленной от полюса со знаком «+» к полюсу со знаком «-» и проходящей через зафиксированную последовательность вариантов интегративного компонента (сем) вербальной угрозы:

Схема 4

+ а б в г д е → -

При обозначенном подходе становится понятным, что предлагаемый коммуникативный конструкт включает в свой содержательный объем вербальные проявления угрозы в виде отдельных менасивов или дискурсивных практик-угроз, которые содержат указание говорящего на наступление возможных негативных последствий (семы) и находятся в обозначенном лимнологическом пространстве. Характерно, что в условиях социально-политического взаимодействия в конкретном менасиве актуализируется, как правило, один или два варианта интегративного компонента. Ср., например, актуализацию семы (в) «совершение чего-либо плохого» в менасиве «*Otherwise, they have very serious prison terms*» (Trump, 2016f) или семы (е) «разрушение чего-либо» в менасиве «*That's why the suburbs are in trouble*» (Biden, 2020a).

Учитывая то обстоятельство, что высказывания «точно отражают эмоциональную установку говорящего человека, позволяя поразительно быстро познать образ его мыслей и манеру переживаний» (Романов, 1995: 156), представляется возможным распознать эмоциональное состояние адресанта и адресата менасивного высказывания. В этой связи следует отметить, что первые попытки распознать, на какой именно аффективной ступени – одобрение или неодобрение – находятся партнеры по общению, были предприняты в

работе А.А. Романова (1995: 156-160). Автор указанной работы исходит из того, что по речевым оборотам собеседника, в частности, «по повторению несущих информацию аффективных слов» (Романов, 1995: 160) можно определить эмоциональную установку говорящего, полагая, что языковые средства поверхностной манифестации коммуникативного намерения уже отражают эмоциональное состояние говорящего.

Как уже отмечалось, в ментальном пространстве носителей языка представление о вербальной угрозе репрезентируется в виде определенной системы реляционных структур, раскрывающих содержательную (также семантическую) специфику менасивных высказываний. При этом в условиях социального взаимодействия языковая личность может определить прагма-эмоциональное воздействие конкретного менасива, осуществив непосредственную оценку актуализированной в нем реляционной позиции на фоне своих знаний о содержательных характеристиках вербальной угрозы. Получается, что зафиксированное распределение семантических характеристик вербальной угрозы служит лингвокогнитивной основой для оценки прагма-эмоционального воздействия менасивов. Иначе говоря, семантические характеристики вербальной угрозы могут рассматриваться как «ментальные референты для эмоциональных проявлений» (Герген, 2016: 158) языковой личности.

Становится понятным, что языковая личность может установить лингвокогнитивное соотношение между конкретным менасивом, в котором была актуализирована та или иная сема вербальной угрозы, и эмоциональным состоянием, которое сформировало такое высказывание. Поэтому закономерно возникает необходимость разработать коммуникативный конструкт угрозы таким образом, что бы он позволил зафиксировать и упорядочить различные эмоциональные состояния, которые могут формировать менасивные высказывания. В частности, необходимо зафиксировать соотношение между высказываниями-угрозами как продуктами акта менасивной каузации, обладающими манифестационными и функционально-семантическими свойст-

вами, и их прагма-эмоциональным воздействием на адресата, которое проявляется в формировании у него определенного эмоционального состояния в результате коммуникативного взаимодействия в рамках типового фрейма угрозы.

Безусловно, предлагаемое построение коммуникативного конструкта угрозы являет собой комплексную задачу, так как, согласно К. Гергену, «попытки определить эмоции или выделить их характер сопровождаются западной наукой больше последних двух тысяч лет» (2016: 155). Также К. Герген отмечает, что представители гуманитарной науки не сомневаются в существовании эмоций, однако ученый обращает внимание на разногласия в их взглядах на характер эмоций, указывая на пятнадцать эмоциональных состояний в работах Аристотеля, шесть «аффективных» и пять «духовных» эмоций в работе «Сумма теологии» Фомы Аквинского, а также на шесть главных «страстей души» у Декарта, десять «основных страстей человеческой природы» у Дэвида Хартли и десять конкретных эмоциональных состояний у Томкинса и Изарда (Герген, 2016: 155).

Принимая во внимание тот факт, что содержательное пространство вербальной угрозы ограничено возможностью наступления негативных последствий для адресата и возможностью адресата избежать таких последствий, можно полагать, что менасивы способны выводить собеседников из состояния комфорта и формировать некоторый диапазон некомфортных эмоциональных переживаний (подробнее о личном мире внутренних состояний см.: Романов, Немец, 2006: 15-40). Сказанное дает основание представить коммуникативный конструкт угрозы как определенный тип отношений между такими оценочными понятиями контрарного порядка как *комфортное* эмоциональное состояние (комфорт) и *дискомфортное* эмоциональное состояние (дискомфорт), каждое из которых соотносится с одним из обозначенных выше контрарных полюсов. В частности, комфорт соотносится с полюсом со знаком «+», а дискомфорт – с полюсом со знаком «-».

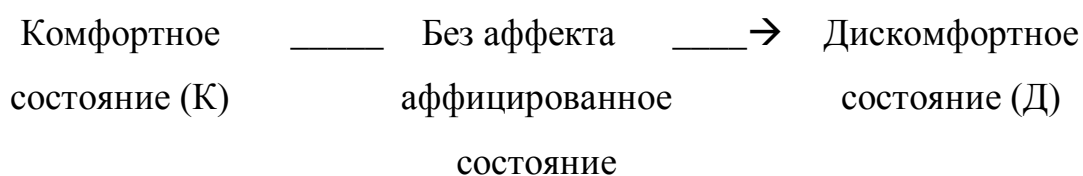
Продолжая рассуждение в выбранном ракурсе, можно считать, что каждая сема вербальной угрозы находит отражение в конкретных менасивных высказываниях, способствуя формированию определенных эмоциональных переживаний адресата. При этом несомненным является то обстоятельство, что вербальная демонстрация безвыходной для адресата ситуации – актуализация семы (е) «разрушение чего-либо» – оказывает на него интенсивное прагма-эмоциональное воздействие, в то время как указание говорящим на существование некоторой опасности – актуализация семы (а) «источник возможной опасности» – не отражает обязательное наступление негативных последствий для адресата и не приводит его к дискомфортным переживаниям.

Следовательно, есть достаточные основания утверждать, что в когнитивном плане семантические характеристики вербальной угрозы и явление менасивной инклюзии закладывают основу для построения коммуникативного конструкта угрозы, который позволяет структурировать и упорядочить эмоциональные переживания собеседников, формируемые при помощи конкретных проявлений вербальной угрозы – высказываний менасивной направленности. При обозначенном подходе становится понятным, что коммуникативный конструкт угрозы будет включать в свой содержательный объем вербальные проявления угрозы в виде дискурсивных практик-угроз, которые в процессе реализации акта менасивной каузации формируют у участников типового взаимодействия различные эмоциональные состояния, находящиеся в диапазоне лингвистического пространства между комфортом и ощущением дискомфорта.

Напомним вновь, что одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность, т.е. коммуникативный конструкт имеет два полюса действительности, проявляющиеся в повсеместном наличии противоположностей – соответственно комфортное состояние и дискомфортное эмоциональное состояние. Кроме того, неотъемлемой характеристикой коммуникативного конструкта является его континуальность, предполагающая наличие среднего понятия между контрарными

полюсами (Романов, Новоселова, 2018; 2021; Romanov, Novoselova, 2014). В этой связи представляется уместным использовать *аффицированное* эмоциональное состояние (т.е. затронутое, задетое аффектом, от лат. *afficio* – «причинять») как среднее понятие между комфортом и дискомфортом.

Таким образом, контрастность отношений между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием участников акта менасивной каузации (но не антонимичность в лингвистическом плане), а также движение от комфортности к дискомфорту в контексте социального взаимодействия можно представить в виде определенной линии (континуума), направленной от полюса комфортного эмоционального состояния (от точки К) к полюсу дискомфортного состояния (к точке Д) и проходящей через нейтральную позицию «Без аффекта»:

Элемент конструкта «Без аффекта» служит когнитивной (мысленной) точкой отсчета аффицированного отрицательного и аффицированного положительного состояний участников акта менасивной каузации. Данная точка как «нулевой меридиан» делит континуум содержания коммуникативного конструкта угрозы на две части с центром в точке 0 («ноль», т.е. «Без аффекта»), где левая часть конструкта соответствует аффицированным положительным переживаниям собеседников (+А), а правая – аффицированным отрицательным (–А). Точка «ноль» также указывает на контрастный характер коммуникативного конструкта угрозы и определяет его градуированность.

Предлагаемая схема демонстрирует интерактивно-семантическое отображение возможных эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы:

$$K \text{ _____ } +A \text{ _____ } 0 \text{ _____ } -A \text{ _____ } Д$$

Условные обозначения здесь и далее:

0 – точка отсчета;

A – аффицированное эмоциональное состояние, где:

+A – положительное;

–A – отрицательное;

K – комфортное эмоциональное состояние;

Д – дискомфортное эмоциональное состояние.

Уместно подчеркнуть, что каждый элемент коммуникативного конструкта угрозы имеет вполне определенное положение на континууме его содержания. При движении по континууму содержания рассматриваемого конструкта слева направо – от точки (K) к точке (Д) – усиливается дискомфортность эмоциональных переживаний собеседников, а также возрастает интенсивность прагма-эмоционального воздействия менасивов на адресата. В частности, в точках конструкта (+A) или (–A) эмоциональное состояние адресата угрозы будет аффицированным (положительным или отрицательным соответственно), так как имела место реализация менасива, но адресат при этом понимает, что с легкостью может вернуться к комфортному состоянию – к точке (K). В свою очередь, в точке (Д) коммуникативного конструкта угрозы адресат будет испытывать дискомфортное или угнетенное состояние, вызванное оценкой негативных последствий вербальной угрозы.

Необходимо добавить, что коммуникативный конструкт угрозы обладает той способностью, что расположению входящих в него конституентов (элементов) присущ *иерархический*, соподчиненный характер, где могут быть выделены пиковые переживания (K и Д), промежуточные переживания (+A и –A) и нулевая точка (0; «Без аффекта»), отличающиеся друг от друга интенсивностью прагма-эмоционального воздействия менасивного высказывания на адресата. Более того, исходя из свойства континуальности коммуникативного конструкта и содержательной специфики вербальной угрозы, право-

мерно провести более точную градацию промежуточных аффицированных переживаний участников типового фрейма угрозы. В частности, целесообразно установить соотношение между шестью семантическими характеристиками вербальной угрозы – вариантами интегративного компонента «наступление негативных последствий» – и возможными эмоциональными переживаниями участников акта менасивной каузации, формируемыми актуализацией этих сем в конкретных практиках-угрозах.

Обозначенные выше реляционные позиции шести сем вербальной угрозы являются достаточным основанием для того, чтобы зафиксировать шесть промежуточных элементов коммуникативного конструкта угрозы, каждый из которых имеет соотношение с конкретной семой вербальной угрозы и формируемым с ее помощью эмоциональным переживанием участника акта менасивной каузации. Следуя выбранной логике, на оси $K \leftrightarrow Д$ рассматриваемого коммуникативного конструкта можно расположить 3 элемента, которые соответствуют аффицированным положительным переживаниям участников акта менасивной каузации: +3А, +2А, +1А, а также 3 элемента, которые соотносятся с их аффицированными отрицательными переживаниями: -1А, -2А, -3А.

При этом важно пояснить, что иерархический характер эмоциональных переживаний отмечен при помощи цифр +1, +2, +3, -1, -2, -3, а семы вербальной угрозы (а), (б), (в), (г), (д), (е) соответствуют точкам конструкта +3А, +2А, +1А, -1А, -2А, -3А, отражающим различную интенсивность прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз на адресата или различную “глубину” интенсивности высказываний-угроз, содержащих указание на тот или иной вариант интегративного компонента.

Установленное лингвокогнитивное соотношение между представлениями носителей английского языка о вербальной угрозе, заложенными в их ментальном пространстве в виде совокупности константных признаков и сем, и прагма-эмоциональным воздействием менасивов, включающих в свой со-

держательный объем ту или иную сему, можно отобразить на градуированной оси К ↔ Д коммуникативного конструкта угрозы:

Схема 6

$$\begin{array}{cccccccc} \text{К} & \text{+3А} & \text{+2А} & \text{+1А} & \text{0} & \text{-1А} & \text{-2А} & \text{-3А} & \text{Д} \\ & \text{а} & \text{б} & \text{в} & & \text{г} & \text{д} & \text{е} & \end{array}$$

Условные обозначения: те же (см. выше).

На предлагаемой схеме промежуточные элементы коммуникативного конструкта угрозы расположены в порядке увеличения “глубины” интенсивности эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации: от +3А до -3А (по степени усиления эмоциональных переживаний). То есть, чем ниже цифровой показатель промежуточного элемента, тем интенсивнее прагма-эмоциональное воздействие вербальной угрозы на адресата и тем “опаснее” оказываются для него негативные последствия менасива.

Более того, представляется уместным присвоить каждому промежуточному элементу коммуникативного конструкта угрозы не только определенный числовой показатель, который отражает иерархический характер конструкта, но и наименование, описывающее эмоциональное состояние адресанта и адресата менасива.

Следующая таблица устанавливает соотношение между семами вербальной угрозы, расположенными в порядке увеличения проявления их негативных последствий для объекта и конкретизации способов санкционного воздействия, и предлагаемыми наименованиями эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации (коммуникативный конструкт угрозы представлен вертикально):

Соотношение между семами вербальной угрозы и эмоциональными переживаниями участников акта менасивной каузации

Комфортное эмоциональное состояние (отсутствие переживаний)	К	<i>Комфорт</i>	
Аффицированность (затронутость положительных переживаний, легкая отвлеченность)	+3А	<i>Умиротворение</i> (отсутствие значимых переживаний)	сема (а) «источник возможной опасности»
	+2А	<i>Спокойствие</i> (отсутствие постоянных переживаний)	сема (б) «совершение чего-либо неприятного»
	+1А	<i>Осознание</i> (отсутствие кратковременных переживаний)	сема (в) «совершение чего-либо плохого»
Нейтральность переживаний	0	<i>Без аффекта</i> (точка отсчета, точка «ноль»)	
Аффицированность (затронутость отрицательных, негативных переживаний)	-1А	<i>Испуг</i> (кратковременное переживание)	сема (г) «причинение боли, вреда или беспокойства»
	-2А	<i>Страх</i> (постоянное состояние)	сема (д) «осуществление наказания»

	-3А	<i>Фобия</i> (безвыходное положение, трепет)	сема (е) «разрушение чего-либо»
Дискомфортное эмоциональное состояние (постоянно угнетенное, довлеющее состояние)	Д	<i>Дискомфорт</i>	

Представленный коммуникативный конструкт угрозы фиксирует соотношение между содержательными признаками вербальной угрозы и эмоциональными переживаниями участников типового фрейма угрозы. Обозначенный на конструкте диапазон прагма-эмоционального воздействия менасивов позволяет утверждать, что рассматриваемый коммуникативный конструкт – это *функционально-семантическое (прагматическое) пространство угрозы* или менасивных регулятивных действий.

В указанных обстоятельствах необходимо обратить особое внимание на *неразрывность* связи коммуникативного конструкта угрозы с теми элементами, для описания которых он предназначен. Согласно ряду работ, выполненных в русле коммуникативного конструктивизма (Морозова, 2005; Романов, 2016; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2007; Романова, 2009; 2009а), можно утверждать, что наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде коммуникативного конструкта угрозы выступают модальности Я-адресанта (Я-говорящего) и Я-адресата (Я-слушающего) менасива, т.е. «многообразные оттенки самовосприятия» (Романов, Немец, 2006: 32), другого человека, предметов реального мира или мира дискурсивной реальности.

При таком подходе каждая модальность Я, «имеет вполне определенное местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта» (Романов, Немец, 2006: 32). Обычно в речи и в самоописаниях встречаются высказывания, «в которых звучат одна, реже – две, совсем редко –

три и почти никогда – четыре и более модальностей, хотя это не означает, что они не существуют и не оказывают влияния на поведение говорящего субъекта, выражающего модальность при помощи *Я*-высказываний» (Романов, Немец, 2006: 33). На этом основании на коммуникативном конструкте угрозы можно обозначить модальности *Я*-участников дискурсивного взаимодействия в типовой ситуации угрозы – *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасива.

Целесообразно подчеркнуть, что все без исключения модальности *Я* когнитивного агента составляют диспозицию, в то время как диспозиция модальностей *Я* – это «одновременная проекция нескольких модальностей *Я* на континуум содержания коммуникативного конструкта» (Романов, Немец, 2006: 33). Характерно, что диспозиции модальности *Я*-говорящего и *Я*-слушающего экспонируются при помощи высказываний-угроз, представляя собой то, что «создается в процессе и посредством дискурсивной интеракции по ходу и мере реализации её условий, когда отправитель и адресат идентифицируют себя как личности и обозначают свои цели и желания» (Романов, 2016: 12). В частности, диспозиции модальностей *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасивных высказываний формируются в процессе взаимодействия собеседников в типовой коммуникативной ситуации угрозы и ограничены диапазоном функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы. В этом плане диспозиция становится «действенным элементом (действием-практикой) социально-коммуникативной интеракции и жизненного сценария её участников» (Романова, 2009: 149-150). Не следует думать, что диспозиция – это суждение когнитивного агента о себе познающем, так как суждение может быть истинным или ложным, в то время как «диспозиция всегда истинна» (Романов, Немец, 2006: 33) в рамках социально-коммуникативного поведения, заданного параметрами типовой ситуации.

Важно уточнить, что в рамках настоящего исследования целесообразно учитывать две модальности когнитивного агента – *Я*-реальное (какой *Я* сейчас – после дискурсивной реализации конкретного менасива) и *Я*-воспоминание (каким *Я* был ранее – до момента дискурсивной реализации менасива),

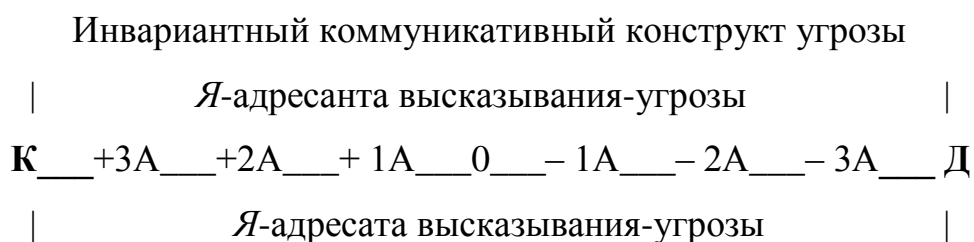
так как от проецирования (размещения) указанных модальностей на коммуникативном конструкте угрозы зависит содержательная интерпретация их диспозиций (подробнее о модальностях *Я* в психологии см.: Бернс, 1986). В русле сказанного становится понятным, что в при обозначенном подходе к проецированию модальностей *Я* на коммуникативный конструкт угрозы настоящее исследование будет направлено на изучение того, как модальности *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасивных высказываний изменяют свое местоположение на коммуникативном конструкте угрозы и как в дискурсивной реальности этот процесс отражается на установлении отношений между собеседниками. По этой причине построение коммуникативного конструкта угрозы будет успешным только в том случае, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний говорящего и слушающего, создаваемых вербальной угрозой, в иерархическом порядке.

В выбранном ракурсе рассуждений заметим, что каждая диспозиция модальности *Я* имеет свойство проявляться в когнитивном, обыденном и дискурсивном поведении вполне определенным образом в виде той или иной коммуникативно-дискурсивной практики, в то время как «конструктивная манифестационность дискурсивного (вербального и невербального) поведения достаточно точно отражает взаиморасположение модальностей *Я* носителя языка» (Романова, 2009: 150). Очевидно, что, если одна из модальностей *Я*-адресата изменит свое местоположение на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы под действием менасивных высказываний – способных в силу своих манифестационных и функционально-семантических свойств оказывать различное воздействие на эмоциональное состояние адресата, а также формировать у него переживания определенной интенсивности – то такое изменение отразится на вербальном и невербальном поведении адресата менасива. К тому же следует учитывать, что на реализацию менасивного высказывания в той или языковой форме оказывает влияние модаль-

ность адресанта, которая также может изменять свою диспозицию в ходе дискурсивного взаимодействия.

Таким образом, нетрудно убедиться в необходимости выявить и систематизировать возможные диспозиции *Я*-адресанта и *Я*-адресата в дискурсивном пространстве угрожающей интеракции, а также исследовать динамику их изменения. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту (Романов, Немец, 2006: 33-34), появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций, осуществив тем самым переход от анализа индивидуального сознания к анализу *Я*-концепции когнитивного агента. С этих позиций предстоит рассмотреть инвариантный коммуникативный конструкт угрозы, который сформирован совокупностью модальностей *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасивного высказывания и представлен в ментальном пространстве носителей языка в виде типового фреймового взаимодействия или типового фрейма угрозы:

Схема 7

Условные обозначения: те же; знаки | обозначают лингвистические параметры возможных диспозиций *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасива.

Итак, коммуникативный конструкт угрозы представляет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний – *Я*-адресанта и *Я*-адресата менасива, в то время как практически любой менасив, реализованный в социальном взаимодействии, является собой одну из возможных диспозиций *Я*-говорящего и *Я*-слушающего на континууме содержания рассматриваемого конструкта. Следовательно, коммуникативный конструкт угрозы объединяет в себе череду вариативных высказываний в виде естественно-языковых социальных практик языка, выраженных в процессе дискурсивного взаимодейст-

вия и связанных с процессом изменения эмоционального состояния адресата. При таком подходе менасивом можно считать любой из конститuentов коммуникативного конструкта угрозы, входящий в объем континуума содержания «комфортное состояние – дискомфортное состояние» и связанный с побуждением адресата совершить определенные действия при помощи упоминания возможного наступления негативных последствий.

3.5. Функционально-семантическая специфика коммуникативного конструкта предвыборной угрозы

Выше было показано, что коммуникативный конструкт угрозы как лингвокогнитивный инструмент систематизирует опыт вербального поведения носителей языка в прототипической ситуации вербальной угрозы, а также позволяет понять механизм функционирования менасивных высказываний в дискурсивном взаимодействии. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что предлагаемый конструкт представляет собой функционально-семантическое (прагматическое) пространство угрозы и является *инвариантной* структурой, его реализацию удобно показать на примере коммуникативного конструкта предвыборной угрозы (также *менасивного конструкта предвыборного дискурса*) и его вербальных разновидностей, функционирующих в условиях публично-информационного пространства англоязычной политической коммуникации.

В этом контексте проявляется свойство «применимости» коммуникативного конструкта угрозы для оценки предвыборных менасивов, реализованных в политическом дискурсе, так как «некоторые широко разделяемые или публичные системы истолкования конструируются, главным образом, для того, чтобы приспособляться к определенным сферам деятельности или областям фактов» (Келли, 2000). Более того, в области исследований, выполненных в рамках социально-конструкционистского подхода, распространено убеждение, что политические дискурсивные практики «создают и

поддерживают определенные формы поведения, они одновременно функционируют как силы контроля или власти в обществе» (Герген, 2016: 154).

Не вызывает сомнений, что описание коммуникативного конструкта предвыборной угрозы требует изучения функционально-семантических особенностей менасивов, использованных в агональной политической коммуникации или дискурсии, где под «дискурсией», следуя идеям М. Фуко, понимается «совокупность речевых практик, оказывающих влияние на формирование представлений об объекте, который они подразумевают» (Романов, 2002: 24; подробнее о термине «дискурсия» см.: Романов, 2002: 23-26). При этом важно учитывать, что предвыборные менасивы направлены на побуждение избирателей к совершению определенных действий: предпочтению на выборах политика при помощи упоминания возможного наступления некоторых негативных последствий или санкций, ориентированных на введение избирателей в некомфортное эмоциональное состояние. Одним словом, предвыборные менасивы в пространстве политической дискурсии не являются сиюминутным проявлением агрессивного или деструктивного речевого поведения их автора в отличие от менасивов, функционирующих в условиях непосредственной конфронтации участников диалогического взаимодействия.

Ярким подтверждением сказанному являются менасивы, реализованные в публичных выступлениях претендентов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах. Например, Дональд Трамп, выступая с речью 21 июля 2016 года, целенаправленно использует высказывание-угрозу «*As long as we are led by politicians who will not put America First, then we can be assured that other nations will not treat America with respect*» (Trump, 2016b), которое декларирует невозможность изменить отношение к Америке других стран, проявляющееся в неуважении (ср.: «*will not treat America with respect*»), пока в американском обществе не произойдут определенные перемены, т.е., пока избиратели не отдадут свой голос за того, кто сможет “заставить” другие страны относиться к Америке с уважением (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация англоязычных менасивов, зафиксированных в текстах

предвыборных выступлений политиков, см. список иллюстративного материала).

Получается, что Дональд Трамп, как автор предвыборного менасива, побуждает избирателей проголосовать за его кандидатуру на президентских выборах 2016 года и тем самым выбрать путь прогрессивного развития страны. Политик акцентирует внимание электората на том, что в случае предпочтения ими другого кандидата, стране не удастся занять лидирующую позицию в мире (ср.: «*will not put America First*») и каждый гражданин США сможет ощутить на себе негативные последствия своего “неправильного” выбора. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в предвыборном менасиве Джо Байдена «*If the American people want a president to add to our division, to lead with a clenched fist, closed hand and a hard heart, to demonize the opponents and spew hatred, they don't need me*» (Biden, 2019), в котором политик декларирует избирателям возможность наступления негативных последствий, если они не отдадут ему предпочтение на выборах Президента США в 2020 году.

Приведенные примеры естественно-языковых практик английского языка способны актуализировать в ментальном пространстве избирателей **фрейм типового конструкта предвыборной угрозы** (фрейм предвыборной угрозы). Очевидно, что участниками такого фрейма является политик как автор предвыборного менасивного высказывания и избиратель как массовый адресат вербальной угрозы политика. При этом актуализация фрейма предвыборной угрозы осуществляется **в особом функциональном контексте** агональной дискурсии, который характеризуется отсутствием мгновенной (непосредственной) обратной связи между его участниками.

В частности, специфика фрейма предвыборной угрозы определяется функциональными условиями (подробнее о функциональных условиях см.: Романов, 1988: 56-57; 2005; 2020), которые приобретают особую значимость в процессе оперирования феноменом вербальной угрозы участниками политической коммуникации. Такие условия определяют функционально-семантическую специфику коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Иными словами, реализация коммуникативного конструкта предвыборной угрозы опирается на функциональные условия «приложимости», в терминологии Дж. Келли, конструкта для описания предвыборных менасивов.

Нетрудно убедиться в том, что предвыборные менасивы употребляются в таком положении дел, при котором соблюдается функциональное *предварительное условие (A.1)* рассматриваемого фрейма, имеющее следующее прочтение в контексте агональной дискурсии: избиратель как адресат менасива *в состоянии выполнить* каузируемое действие, *оценив последствия* возможных негативных последствий, декларируемых автором угрозы. Например, избиратель в состоянии оценить негативные последствия, декларируемые политиками в менасивах «*They will never be able to fix our country*» (Trump, 2015a) и «*He wants us to fear the future and fear each other*» (Clinton, 2016c), а также понять, что политики перечисляют такие негативные последствия для того, чтобы побудить электорат проголосовать за автора менасива.

Показательно, что в контексте предвыборной дискурсии избиратель оказывается практически всегда (при его соответствии избирательному цензу) в состоянии совершить каузируемое действие – проголосовать за политика на выборах. Однако перед избирателем стоит задача выбора только одного кандидата, который в процессе предвыборной гонки сможет доказать актуальность своих идей и основательность предлагаемого им направления развития страны. По этой причине представляется закономерным, что одной из основных задач политика как автора предвыборных практик менасивной направленности является оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на избирателя, чтобы избиратель смог оценить *последствия* возможных негативных последствий, декларируемых в высказываниях-угрозах, и отдать свой голос за политика, чтобы избежать таких последствий.

Кроме того, в публично-информационном пространстве агональной дискурсии менасивы реализуются согласно *предварительному условию (A.2)* типового фрейма предвыборной угрозы, которое имеет следующее прочтение: политик как автор менасивного высказывания оказывается *не в со-*

стоянии контролировать выполнение избирателем каузируемых действий. В этой связи не вызывает сомнений то обстоятельство, что политик не имеет возможности контролировать выполнение избирателем каузируемых действий, так как предвыборные менасивы адресуются политиками не отдельному избирателю, а массовому адресату, массовой аудитории.

Более того, предвыборные высказывания-угрозы, как правило, являются заранее подготовленными (часто – письменно зафиксированными) практиками в выступлениях политиков, что свидетельствует об отсутствии непосредственного контакта отправителя и получателя менасивного высказывания (за исключением дебатов, в ходе которых претенденты на один и тот же политический пост в стране встречаются друг с другом для вербальных атак). В таком случае, есть все основания полагать, что политик не только не в состоянии контролировать выполнение каузируемых действий избирателями, но и не сможет узнать до момента подведения результатов выступлений, дебатов или выборов, какое прагматическое воздействие на эмоциональное состояние избирателей оказало его предвыборное выступление и использованные им менасивы (см., например, публикацию результатов дебатов кандидатов на пост Президента США в 2020 году: Presidential debate, URL).

Следующими условиями актуализации предвыборных менасивов в контексте агональной дискурсии являются условия **интенционального выражения (Б)**, которые репрезентируют отношение говорящего к высказыванию. Указанное условие предполагает, что политик *желает совершения* избирателем некоторого действия, и *его угроза становится причиной воздействия* для выполнения такого действия, т.е. он каузирует избирателя совершить определенные действия – проголосовать за свою кандидатуру – при помощи высказываний-угроз. В этой связи правомерно считать, что использование политиком предвыборных менасивов ориентировано на побуждение массового адресата проголосовать за их автора, а также на получение политиком как можно большего количества голосов избирателей путем декларирования возможных негативных последствий или имплицитного указания на

них, например: «*President Trump is tearing apart the moral fabric of this country*» (Gillibrand, 2019); «*Stand up against big Wall Street banks who gamble with our money and our future*» (Gabbard, 2019).

Еще одной особенностью реализации предвыборных менасивов является то обстоятельство, что политик не называет в эксплицитной форме **условие ожидаемого действия (В)**, т.е. он не называет будущее действие, которое ожидает от адресата, а декларирует (или имплицитно указывает) будущее действие, которое причинит вред адресату или представителям оппозиции, например: «*We need to shake the hold of these shadow elites on our political process*» (Webb, 2015). Действительно, было бы странным появление в функциональном пространстве предвыборной дискурсии менасивов, содержащих в эксплицитной форме указание на будущее действие, которое ожидает политик, потому что такие высказывания способствовали бы коммуникативному «провалу» (подробнее об иллюкутивном «самоубийстве» см.: Вендлер, 1985; о коммуникативных неудачах см.: Городецкий, Кобозева и др., 1985; Романов, 1992), выставляя на первый план желание политика получить как можно больше голосов избирателей, а не его стремление работать для развития страны. Тем не менее, из контекста агональной дискурсии и факта реализации политиком предвыборного менасива становится понятным: политик ожидает, что избиратель проголосует именно за него.

Кроме перечисленных функциональных условий фрейм типового конструкта предвыборной угрозы характеризуется таким дополнительным фактором как отсутствие гарантий у политика в реализации своих намерений в будущем, так как существует возможность угрожать событием, которое не зависит от воли автора высказывания и его желания. По этой причине предвыборным менасивом можно считать высказывание, направленное на привлечение внимания и голосов избирателей, в котором политик декларирует, что сам (или совместно со своей командой) совершит санкционные действия, направленные в адрес, например, других стран: «*We are also going to stand up to foreign currency manipulation, and apply tariffs to countries that cheat*»

(Trump, 2016d) или представителей американского общества, которые совершили преступление: «*And these people should be prosecuted, but because of the rigged system, they probably won't be*» (Trump, 2016f). Указанный дополнительный фактор также позволяет считать высказыванием-угрозой сообщение политика о возможности наступления таких негативных последствий для избирателей, которые обусловлены сложной социально-политической ситуацией в стране или действиями представителей оппозиции, например: «*In the midst of such economic anxiety and social unease, some will divide us for political gain*» (Patrick, 2020); «*Donald Trump's ideas aren't just different – they are dangerously incoherent*» (Clinton, 2016).

Учитывая иерархическое расположение перечисленных функциональных условий реализации типового конструкта предвыборной угрозы, становится понятным, что политик не в состоянии контролировать выполнение избирателями каузируемых действий. Иными словами, предвыборные менасивы реализуются при отсутствии непосредственной связи их отправителя и получателя в контексте агональной дискурсии, который не предоставляет возможности автору высказываний-угроз использовать регулятивы корректирующего или уточняющего порядка (о типологии регулятивов см.: Романов, 1988: 94) для контроля успешности продвижения адресата по типовому конструкту предвыборной угрозы. Поэтому для того, чтобы избежать возможной коммуникативной неудачи, политик, как правило, не называет в эксплицитной форме будущее действие, которое он ожидает от адресата. Тем не менее, ожидаемое политиком действие подразумевается общей прагматической направленностью предвыборной дискурсии – политик ожидает, что избиратели проголосуют за него, ср., например: «*No president can promise to prevent future outbreaks, but I can promise you this*» (Biden, 2020); «*They want to destroy you and they want to destroy our country as we know it*» (Trump, 2019).

Таким образом, реализация менасивов в публичных выступлениях претендентов на тот или иной политической пост происходит на фоне интегративной совокупности функциональных условий фрейма типового конструкта

предвыборной угрозы, которые обусловлены особым контекстом агональной дискурсии. Специфичность контекста агональной дискурсии позволяет избирателю (адресату) понять, что предвыборные высказывания менасивной направленности объединены одной целью – каузировать избирателей проголосовать за их автора при упоминании негативных последствий, а политик выступает не только каузатором некоторых действий, но и каузатором некомфортных эмоциональных переживаний массового адресата.

В этой представляется логичным, что элементами коммуникативного конструкта предвыборной угрозы являются диспозиции модальностей *Я*-адресата (в нашем случае – *Я*-избирателя) и *Я*-адресанта (в нашем случае – *Я*-политика), которые формируются при помощи менасивных высказываний. Поэтому перспективно выяснить, как специфика агональной дискурсии определяет связи диспозиций *Я*-политика и *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы и как эти связи влияют на установление социо-коммуникативных отношений между политиком и избирателем в дискурсивной реальности агонального противостояния претендентов на самый высокий политический пост в США. В частности, возникает необходимость описать функциональный механизм проявления диспозиций *Я* в высказываниях-угрозах на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а также исследовать интенсивность прагма-эмоционального воздействия, которое предвыборные менасивные практики оказывают на *Я*-избирателя.

Обозначенный подход к интерпретации связей диспозиций *Я*-политика и *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы указывает на целесообразность прогностически учитывать то эмоциональное состояние, в котором находится политик как автор и инициатор менасивного воздействия, а также первоначальное или исходное (т.е. существующее до момента реализации политиком высказывания-угрозы) эмоциональное состояние избирателя как адресата предвыборного менасива. При этом следует иметь в виду, что употребление политиком предвыборного менасива способ-

ствуется изменению первоначальной диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя, что обуславливает её перемещение по градуированной оси коммуникативного конструкта К↔Д слева направо. Кроме того, в ходе реализации менасива диспозиция Я-политика также может переместиться по оси рассматриваемого конструкта слева направо (см. схему ниже).

Специфика агональной политической дискурсии позволяет предположить, что диспозиция Я-политика (Я-автора дискурсивных практик со значением угрозы) находится в точке, соответствующей аффицированному эмоциональному состоянию – положительному (+А) или отрицательному (–А), а именно в пороговых пределах от диспозиции +2А до диспозиции –2А. Указанные пороговые пределы для диспозиции Я-политика «определяются напряженной ситуацией в стране, условиями предвыборной гонки и политической конкуренции, а также заинтересованностью политика достичь своей цели – победить на выборах» (Романов, Новоселова, 2021: 220).

Хорошо известно, что политики вербально репрезентируют свое аффицированное эмоциональное состояние и пытаются создать “образ” политика, беспокоящегося за будущее страны и судьбу народа, чтобы подготовить избирателей к восприятию и “нужной” оценке их менасивных практик. Например, в американском предвыборном дискурсе 2016 года аффицированное эмоциональное состояние кандидатов на пост Президента США эксплицируется следующими языковыми практиками, реализованными в их публичных выступлениях: «*I worry, though, that opportunity and hope are slipping away for our sons and daughters*» (Paul, 2015); «*But what is really troubling is that we learned in the last debate he has not paid a penny in federal income tax*» (Clinton, 2016f); «*That was more than a mistake. That was done purposely. OK? That was not a mistake. That was done purposely*» (Trump, 2016c); «*There’s no doubt now that Russia has used cyber attacks against all kinds of organizations in our country, and I am deeply concerned about this*» (Clinton, 2016d); «*You need a better community, you know, relation. You don’t have good community relations in Chicago. It’s terrible. I have property there. It’s terrible what’s going on in Chicago*»

(Trump, 2016c); «*The fight ahead may seem daunting, but there is hope when we look down at our feet and see whose shoulders we stand on*» (Gillibrand, 2019).

Примечательно, что политику, как правило, не известна конкретная диспозиция эмоционального состояния *Я*-избирателя как массового адресата предвыборных менасивов. Тем не менее, у политика есть все основания полагать, что избиратель во время предвыборной кампании пребывает в аффицированном – положительном или отрицательном – эмоциональном состоянии, так как перед ним стоит задача выбора кандидата на политический пост и пути дальнейшего развития страны. Поэтому в условиях агональной дискурсии кандидаты на тот или иной политический пост направляют прагматическое воздействие своих предвыборных менасивов в адрес *наиболее вероятных* избирателей и фокусируют на них свое внимание, учитывая то обстоятельство, что диспозиция эмоционального состояния *Я*-избирателя может находиться в широком диапазоне эмоциональных переживаний, ограниченном пиковыми точками комфорта или дискомфорта коммуникативного конструкта угрозы. Из сказанного следует, что предвыборные менасивы *преимущественно* направлены на поиск:

а) избирателей, *довольных* ситуацией в стране, ее руководством и управлением, но находящихся в аффицированном (положительном +2А или +3А) эмоциональном состоянии перед выборами, так как они опасаются ряда возможных изменений, связанных с ухудшением собственного положения, статуса, достатка и др.;

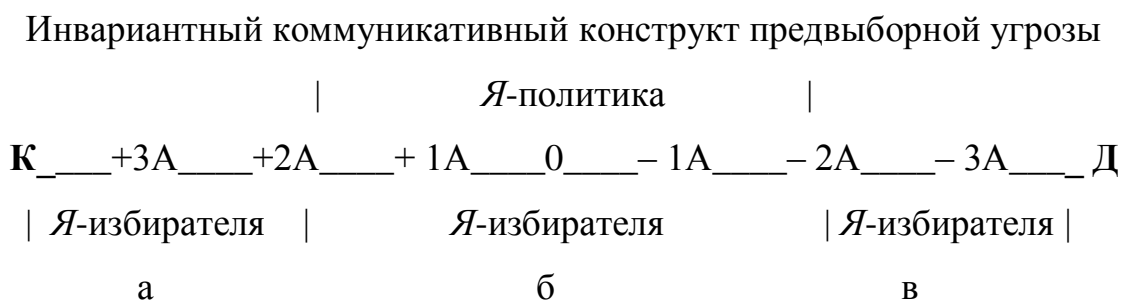
б) избирателей, *не определившихся* с выбором кандидата (или *не желающих делать свой выбор*, но осведомленных о предстоящих выборах Президента США) и, следовательно, находящихся в аффицированном (положительном +1А или отрицательном –1А) эмоциональном состоянии;

в) избирателей, *недовольных* ситуацией в стране, находящихся в аффицированном (отрицательном –2А или –3А) эмоциональном состоянии или в состоянии близком к дискомфорту, которых можно легко убедить в том, что ситуация в стране изменится в худшую сторону и, следовательно, их эмоцио-

нальное состояние ухудшится, если они не проголосуют за определенного кандидата.

Таким образом, расположение начальных взаимодиспозиций (существующих до момента реализации политиком менасива или определенной последовательности менасивов) эмоционального состояния *Я*-политика и *Я*-избирателя можно схематично зафиксировать на градуированной оси $K \leftrightarrow D$ инвариантного коммуникативного конструкта предвыборной угрозы:

Схема 8

Условные обозначения: те же; знаки | обозначают лимнологические параметры возможных диспозиций *Я*-политика и *Я*-избирателя в коммуникативном пространстве менасивного конструкта.

Представленное расположение начальных взаимодиспозиций эмоционального состояния *Я*-политика и *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы свидетельствует о том, что предлагаемый конструкт являет собой функционально-семантическую систему, состоящую из модальностей диспозиций *Я*-политика и *Я*-избирателя, и, следовательно, образованную двумя подсистемами: *политика* (автора, инициатора, адресанта) и *избирателя* (адресата, партнера). Данные подсистемы рассматриваются как равнозначные или подобные друг другу, а набор диспозиций подсистемы политика эквивалентен набору диспозиций подсистемы избирателя.

Предложенный набор возможных диспозиций эмоционального состояния *Я*-политика и *Я*-избирателя позволяет утверждать, что рассматриваемый коммуникативный конструкт – это **функционально-семантическое пространство предвыборной угрозы** или менасивных регулятивных действий политического деятеля, а практически любой предвыборный менасив поли-

тика, реализованный в условиях публично-информационного пространства агональной дискурсии, являет собой одну из возможных диспозиций Я-политика и Я-избирателя на континууме содержания рассматриваемого менасивного конструкта. Совокупность зафиксированных истинных проявлений Я-модальностей политика и избирателя формирует *целевой (иллокутивный) объем* менасивного конструкта, представленного в ментальном пространстве говорящего индивида в виде гештальта или типового фрейма предвыборной угрозы, когда любое проявление такой модальности в виде дискурсивной практики можно рассматривать лишь “проявлением на фоне” конструкта как гештальта.

Итак, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы демонстрирует, что прагма-эмоциональное воздействие менасивного высказывания, реализованного в условиях агональной дискурсии, направлено на ввод избирателей в одну из возможных диспозиций некомфортного эмоционального состояния: +1А, +2А, +3А, -1А, -2А или -3А, а предвыборные высказывания-угрозы обладают различной “глубиной” интенсивности воздействия на массового адресата. В частности, политик использует предвыборные менасивы для того, чтобы переместить диспозицию Я-избирателя в сторону дискомфорта эмоционального состояния, в котором адресата будет легче побудить к совершению каузируемого угрозой действия, т.е. побудить выбрать “нужного” кандидата и проголосовать за него. При этом политик выбирает такое перемещение диспозиции Я-избирателя по оси коммуникативного конструкта угрозы, которое он (политик) сможет осуществить путем затраты наименьших усилий для себя, т.е. не изменяя своего эмоционального состояния в сторону дискомфорта.

В русле выбранного подхода к изучению лингвокогнитивной специфики предвыборных менасивов становится понятным, что такие высказывания 1) имеют соотношение с эмоциональными состояниями политика и избирателя, 2) могут рассматриваться как способ запуска механизма (триггер) для изменения модальности диспозиции Я-избирателя в направлении диском-

фортного эмоционального состояния с целью его каузации – проголосовать за политика, а также 3) могут рассматриваться как маркер модальности диспозиции Я-политика. На основании сказанного перспективно обратить внимание на языковые средства реализации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в публичных выступлениях претендентов на пост Президента США, а также зафиксировать определенную связь между предвыборными менасивами англоязычного политического дискурса и формируемыми при их помощи модальностями диспозиций Я-избирателя.

Выводы по третьей главе

Третья глава посвящена структурированию представлений носителей английского языка о вербальной угрозе с использованием такого ментального (смыслового) инструмента как коммуникативный конструкт предвыборной угрозы и привлечением когнитивно-дискурсивных механизмов оценки прагма-эмоционального воздействия менасивов на массового адресата.

В ходе исследования удалось систематизировать зафиксированные фрагменты знаний языковой личности о контрарных элементах вербальной угрозы. В целях проводимого описания варианты интегративного компонента (семы) вербальной угрозы были распределены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия на него. В свою очередь, свойства менасивности были структурированы по принципу конкретизации представлений носителей языка о возможности избежать наступления негативных последствий при условии выполнения каузируемых субъектом действий.

Удалось выяснить, что на основе механизма менасивной инклюзии контрарные элементы вербальной угрозы образуют две реляционные структуры – реляционную структуру негативных проявлений и реляционную структуру свойств менасивности (свойств-конкретизаторов). Проведенный анализ позволил обнаружить, что зафиксированные реляционные структуры

определенным образом соотносятся в ментальном пространстве когнитивного агента, образуя прототипическую (типовую) ситуацию (абстрактный образ) порождения и восприятия вербальной угрозы. Становится понятным, что интегративно-амальгамированная совокупность упорядоченных контрарных элементов вербальной угрозы формирует функционально-когнитивную структуру, фрейм или функционально-семантическое представление типовой коммуникативной ситуации угрозы (ФСП-угроза) и задает лимнологические параметры для отдельных представлений носителей английского языка о репрезентации угрозы в виде конкретных актов менасивной каузации.

Установлено, что носители языка, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, могут определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия. Таким образом, в исследовании показано, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы задают *туннель менасивности* или *менасивный туннель*, который определяет лимнологическое пространство побудительного значения англоязычных высказываний-угроз и фиксирует границы для использования и интерпретации (понимания) негативных проявлений таких высказываний.

Для решения задачи, связанной с описанием лингвокогнитивного механизма, который лежит в основе оперирования языковой личностью феноменом вербальной угрозы, был предложен инвариантный *коммуникативный конструкт угрозы*. В основу его разработки положен механизм менасивной инклюзии семантических признаков вербальной угрозы, а также принцип установленного лингвокогнитивного соотношения между представлениями носителей языка о вербальной угрозе, заложенными в их ментальном пространстве в виде совокупности константных признаков и сем, и прагма-эмоциональным воздействием отдельных менасивов, которые включают в свой содержательный объем ту или иную сему. Результатом построения коммуника-

тивного конструкта угрозы явилось установление границ функционально-семантического пространства, в котором реализуются менасивные регулятивные действия участников прототипической ситуации угрозы в виде естественно-языковых социальных практик английского языка, выраженных в процессе дискурсивного взаимодействия и связанных с изменением эмоционального состояния адресата таких практик при помощи упоминания возможных негативных последствий для него.

Проведенное изучение конститuentов прототипической ситуации угрозы показывает, что коммуникативный конструкт опирается на систематизированный опыт вербального поведения носителей языка в типовой ситуации угрозы. Свойства «приложимости» инвариантного коммуникативного конструкта угрозы позволили использовать его для описания механизма функционирования предвыборных менасивов в условиях англоязычной политической коммуникации. В частности, был предложен коммуникативный конструкт предвыборной угрозы (также менасивный конструкт предвыборного дискурса).

Описание коммуникативного конструкта предвыборной угрозы демонстрирует, что менасивы, реализованные в условиях публично-информационного пространства политической коммуникации, вводят избирателей в широкий диапазон эмоциональных переживаний, который находится в лимнологическом пространстве между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием. Разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы фиксирует определенную зависимость между менасивными практиками политических деятелей и эмоциональными переживаниями избирателей в виде диспозиций Я, формируемых в процессе оценки и интерпретации конкретных менасивов. Также в ходе исследования доказано, что в условиях агональной дискурсии политик как автор менасивных практик находится в некомфортном эмоциональном состоянии.

На основании выбранного подхода удалось показать, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы являет собой адекватный когнитив-

ный инструмент, который позволяет упорядочить представления носителей английского языка о вербальных проявлениях угрозы и определить “глубину” интенсивности предвыборных менасивов. Было установлено, что языковая личность при встрече с предвыборными актами менасивной каузации обращается к реляционной структуре негативных проявлений вербальной угрозы, оценивает такие проявления в содержательном пространстве менасивного туннеля, а также определяет диспозицию своего Я на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Итак, разработка коммуникативного конструкта предвыборной угрозы не исключает некоторой субъективности в оценке вербального поведения участников политической интеракции и их эмоциональных переживаний, однако предлагаемый когнитивный инструмент позволяет системно и *в одной плоскости* взглянуть на прагма-эмоциональное воздействие менасивов. Рассмотрение вербальных проявлений угрозы как менасивного коммуникативного конструкта позволяет не только оценить интенсивность воздействия отдельных высказываний-угроз на участников социально-политической интеракции, но и открывает широкие возможности для описания специфики функционирования предвыборных менасивов в вербальном поведении политических деятелей. Поэтому в рамках заявленного исследования перспективно проанализировать средства реализации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в англоязычном политическом дискурсе и установить формы языковой репрезентации менасивов, вводящих избирателей в диспозиции аффицированного положительного и отрицательного эмоционального состояния.

Глава четвертая

**МАНИФЕСТАЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУКТА ПРЕДВЫБОРНОЙ
УГРОЗЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

4.1. Языковые формы поверхностной репрезентации предвыборной угрозы как коммуникативного конструкта

Коммуникативно-интенциональное содержание предвыборных высказываний-угроз как менасивного конструкта манифестируется в определенных синтаксических формах поверхностной репрезентации. Поэтому рассмотрение вербальных проявлений предвыборных менасивов в американском информационно-публичном пространстве агональной дискурсии целесообразно начать с описания синтаксических форм поверхностной манифестации коммуникативного намерения политика, связанного с побуждением избирателей проголосовать за его кандидатуру при помощи угрозы.

Исследование средств поверхностной манифестации предвыборных высказываний-угроз показывает, что претенденты на пост Президента США используют широкие возможности вербальной репрезентации коммуникативной цели менасивного прагма-эмоционального воздействия в английском языке. В своем большинстве предвыборные менасивы репрезентированы простыми предложениями, насчитывающими около 56,83% от общего количества примеров. Указанный показатель свидетельствует о предпочтении политиками конструкций, являющихся наиболее понятными и простыми для восприятия избирателями, но способных при этом оказывать определенное – запланированное кандидатом – прагма-эмоциональное воздействие на электорат, например: «*It's a real fear*» (Kasich, 2015); «*This disease could impact every nation and any person on the planet*» (Biden, 2020); «*We cannot afford four more years of President Trump's reckless and unethical actions*» (Bloomberg, 2019); «*The challenges before us are the greatest of our lifetimes*» (O'Rourke, 2019); «*Defeating Trump is absolutely essential*» (Hickenlooper, 2019) и др.

Анализ публичных выступлений кандидатов на пост Президента США демонстрирует, что предвыборные менасивы могут быть репрезентированы *сложными предложениями*, насчитывающими около 36,16 % от общего количества примеров. Материал исследования содержит менасивы в форме сложносочиненных предложений, например: «*Your regulations are a disaster, and you're going to increase regulations all over the place*» (Trump, 2016c); «*The powerful special interests in this country have unbelievable power and they want to maintain the status quo*» (Sanders, 2019); «*Climate change is already damaging our economy, and fighting climate change will build a new economy*» (Inslee, 2019), а также в форме сложноподчиненных предложений, например: «*All of these liars will be sued after the election is over*» (Trump, 2016f); «*And together we can defeat Donald Trump and repair the damage he has done to our country*» (Sanders, 2019); «*We can't let Donald Trump bankrupt America the way he bankrupted his casinos*» (Clinton, 2016b).

Примечательно, что среди разновидностей сложноподчиненных предложений доминирует употребление *условных предложений*, которые насчитывают 76,13% от общего количества менасивов в форме сложных предложений. Например: «*If he wins another term in office, we may never recover from the damage*» (Bloomberg, 2019); «*If the American people want a president to add to our division, to lead with a clenched fist, closed hand and a hard heart, to demonize the opponents and spew hatred, they don't need me*» (Biden, 2019); «*I will not rest until this government serves working people*» (de Blasio, 2019).

Эмпирический материал позволяет обнаружить предвыборные менасивы, которые маркированы *сложными предложениями с разветвленной системой придаточных*, например: «*We all want a government that listens to the people, not the power brokers, which means getting unaccountable money out of politics*» (Clinton, 2016a); «*The problems we face now – poverty and violence at home, war and destruction abroad – will last only as long as we continue relying on the same politicians who created them*» (Trump, 2016b); «*We can't wait when we have an economy where people who work two or three jobs, pick up extra*

shifts, and still can't pay their bills» (Booker, 2019), «Health care is freedom, because you're not free if you can't start a small business because leaving your job would mean losing your health care» (Buttigieg, 2019).

На материале публичных речей претендентов на пост Президента США также зафиксирована поверхностная манифестация предвыборных менасивов *составными* конструкциями, т.е. такими синтаксическими конструкциями, которые состоят из нескольких предложений, объединенных общей коммуникативной целью – побудить электорат к выполнению определенных действий при упоминании возможного санкционного воздействия. Такие высказывания-угрозы встречаются примерно в 7,01% случаев от общего количества менасивов, например: *«So don't ever forget, this election is about you. It's about your family, your future, and the fate of your country» (Trump, 2019); «Will we fall prey to those who stoke our anger for their political gain? Or will we rise to our better angels and restore sanity, empathy, and real American toughness» (Messam, 2019); «It's to pit us against each other for their own gain; to make us suspicious of one another. To make us fear each other, dislike each other, and hate each other» (Booker, 2019).*

В данном контексте представляется оправданным привести пример реализации составного менасива, коммуникативное назначение которого маркировано тремя синтаксическими единицами, между которыми наблюдается условно-следственная связь: *«And we're all in the fight to build an America that works for everyone. This won't be easy. There are a lot of people out there with money and power and armies of lobbyists and lawyers» (Warren, 2019).* Представленная последовательность трех синтаксических единиц в коммуникативном плане являет собой единое целое: в первом предложении политик призывает избирателей бороться за будущее своей страны, во втором предложении он указывает на возможные сложности в достижении запланированного результата, а в третьем – уточняет, в чем именно будут эти сложности проявляться и кто будет помехой в достижении поставленных целей.

При анализе языковых средств поверхностной манифестации предвыборных менасивов следует обратить внимание на то, что одна синтаксическая конструкция может содержать несколько указаний политика на санкционное воздействие. Например, материал исследования позволяет зафиксировать высказывание-угрозу «*They want to destroy you and they want to destroy our country as we know it*» (Trump, 2019), которое содержит два указания политика на возможное наступление негативных последствий для избирателей: 1) «*they want to destroy you*» и 2) «*they want to destroy our country*».

Аналогично, синтаксическая конструкция «*That's why we need to defeat Donald Trump in 2020, and defeat the corrupt system that lets campaign money drown out the people's voice...*» (Bullock, 2019) включает два указания политика на совершение негативных действий: 1) «*we need to defeat Donald Trump*» и 2) «*defeat the corrupt system*». Следует уточнить, что негативные последствия последнего предвыборного менасива направлены различным адресатам: первое – кандидату на пост Президента США Дональду Трампу, второе – лицам, занимающим государственные должности в США. Ср.: «*It's time we demand action from our government to keep us safe from gun violence and replace politicians if they won't get to work to make it happen*» (Messam, 2019).

Материал американского политического дискурса также демонстрирует, что в качестве предвыборного высказывания-угрозы может функционировать часть полииллокутивной конструкции, так как «в рамках ФСП фреймовой структуры типового иллокутивного фрейма возможно объединение нескольких действий с разной степенью выражения иллокутивной силы, когда одно из действий является доминирующим в таком объединении» (Романов, 2006: 25). Например, в менасиве «*As President, I promise you that we will no longer merely try to CONTAIN jihadism; we will CONQUER it!*» (Huckabee, 2015) имеет место реализация полииллокутивной практики, состоящей из обещания («*As President, I promise you that we will no longer merely try to CONTAIN jihadism*») и угрозы («*we will CONQUER it!*»), где доминирующей

иллокутивной силой обладает угроза (подробнее об иллокутивной силе и иллокутивном потенциале высказываний см.: Романов, 2006: 25).

Итак, анализ языковых средств поверхностной манифестации предвыборных менасивов показывает, что различные в конструктивном плане высказывания могут относиться к одному и тому же коммуникативно-интенциональному типу высказываний-угроз, демонстрируя многообразие способов выражения менасивного коммуникативного намерения в англоязычном информационно-публичном пространстве политической коммуникации. Также в ходе исследования установлено, что одна предвыборная угроза может быть маркирована последовательностью синтаксических единиц, в то время как одна синтаксическая единица может содержать несколько указаний политика на возможность наступления негативных последствий. Сказанное свидетельствует о несоответствии границ синтаксических конструкций способу выражения коммуникативного намерения угрозы в публичных выступлениях политиков-кандидатов.

Зафиксированные широкие возможности формального варьирования предвыборных менасивов как коммуникативного конструкта угрозы показывают, что рассматриваемый конструкт имеет соответствующий набор синтаксических средств для выражения своего воздействующего (интенционального) характера в виде формы конкретной его реализации, позволяющий политикам выбирать те или иные средства поверхностной манифестации менасивных высказываний в английском языке. В этой связи перспективно целостное и интегративное описание предвыборных практик-угроз как своего рода системы (или набора) функциональных синонимов и изучение роли различных форм поверхностной манифестации менасивов в оказании определенного, запланированного политиком прагма-эмоционального воздействия на избирателей в лингвистическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Поэтому в ходе дальнейшего рассмотрения форм поверхностной манифестации предвыборных высказываний-угроз при помощи различных средств английского языка следует построить единую

модель функциональной разновидности таких высказываний. Иными словами, широкие возможности поверхностной манифестации коммуникативной цели менасивного воздействия в американском агональном дискурсе позволяют выявить инвариантную формулу (структуру), которая может составить основу семантического (функционально-семантического) содержания предвыборных высказываний-угроз.

4.1.1. Инвариантная формула предвыборных менасивов

В соответствии с выбранным когнитивно-дискурсивным подходом к анализу языковых единиц в рамках настоящего исследования будем исходить из того, что ведущим признаком для описания прагматических (или целевых) характеристик высказываний являются не особенности их построения, а функционально-семантические свойства (Волошинов, 1930: 101; Почепцов, 1975: 16; Романов, 1982; 1988; Щерба, 1974: 29; Якубинский, 1923: 147-149, 170-174). Поэтому при отнесении той или иной языковой практики из предвыборного выступления кандидата на пост Президента США к интенциональному типу угрозы необходимо уделять особое внимание ее *функциональным свойствам, а не специфике поверхностной репрезентации*. При этом также важно учитывать, что коммуникативная интенция (цель) может выражаться полностью или частично, но, независимо от формы выражения, коммуникативное намерение всегда присутствует в высказывании и составляет сущность вербальной коммуникации (Почепцов, 1981; Романов, 1982; Чахоян, 1979).

В русле сказанного становится очевидным, что при описании предвыборных менасивов как своего рода системы (или набора) функциональных синонимов и построении единой (инвариантной) модели функциональной разновидности предвыборных высказываний-угроз необходимо исходить из общих (совместных) содержательных признаков, присущих каждому элементу данного коммуникативно-прагматического типа высказываний. Кроме того, при построении инвариантной модели предвыборных менасивов важно

учитывать, что в семантическом содержании высказываний отражаются «не только денотативно-референтные компоненты, но и компоненты коммуникативного акта вместе со связывающими их отношениями» (Романов, 2005: 55). К тому же «значимым оказывается и то, что говорящий, выбирая форму взаимодействия и маркируя ее соответствующим образом в виде тех или иных иллокутивных показателей, устанавливает направленность такого воздействия» (Романов, 1988: 54), а также его прагма-эмоциональную «глубину» интенсивности.

Как известно, наиболее адекватным средством выражения иллокутивного характера высказывания является эксплицитная формула в смысле концепции Дж. Остина (Austin, 1979: 174; 80-108). Такая эксплицитная формула именуется «стандартной (матричной, инвариантной) формулой» (Романов, 2005: 51) и ее можно представить следующей конфигурацией:

NP	-V	- NP	- S
1		2	3
1 лицо	глагол в настоящем времени	2 лицо	придаточное предложение, инфинитивная группа

Примечание. Символ «Satz» может репрезентировать предложение или инфинитивную группу (Wunderlich, 1974: 131; 1975: 16).

Следует отметить, что в опыте лингвистических исследований, выполненных представителями Тверской научной школы динамической модели регулятивной коммуникации, имеется внушительное количество работ, в которых выявлены и описаны полные (стандартные, инвариантные) формулы высказываний различной интенциональности (Комина, 2004; Морозова, 2005; Романов, 2005; Романова, 2009; Яковлева, 2005 и др.), в том числе и высказываний-угроз, реализованных в условиях социальной интеракции (Быстров, 2001; Романов, Новоселова, 2020). Тем не менее, до настоящего момента не предпринимались попытки системно описать средства языковой репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, реализованного в условиях американского политического дискурса, а также построить стан-

дартную (инвариантную) формулу, которая отражает семантический характер предвыборных менасивов. Поэтому целесообразно проанализировать структурные и функционально-семантические особенности менасивов, которые реализуются в условиях агональной политической дискурсии в качестве агитационно-воздействующего ресурса, являя собой специфический коммуникативно-интенциональный тип высказываний со значением угрозы.

Не требует доказательств, что предвыборные менасивы обладают перформативным характером (Болдырев, Григорьева, 2020; Карасик, 2018; Почепцов, 1975; 1981; Романов, 1988), так как они «не описывают в своем позиционном компоненте некоторое от них зависящее действие, а, взятые в своей комплексности, представляют собой действие» (Романов, Романова, 2009: 42), связанное с побуждением избирателей проголосовать за автора такого высказывания. Из этого следует, что предвыборные менасивы, имея ряд особенностей поверхностной манифестации в английском языке, реализуются согласно представленной выше инвариантной формуле. Например, предвыборное высказывание Дональда Трампа «*Anyone who endorses violence, hatred or oppression is not welcome in our country and never will be*» (Trump, 2016b) обладает перформативным характером и является угрозой, так как его полная структура может быть представлена в виде стандартной формулы: «*I (1) threaten (V) you (2) that anyone who endorses violence, hatred or oppression is not welcome in our country and never will be (3)*». Аналогично менасив Хилари Клинтон «*And if companies take tax breaks and then ship jobs overseas, we'll make them pay us back*» (Clinton, 2016c) можно представить в виде стандартной формулы: «*I (1) threaten (V) you (2) that if companies take tax breaks and then ship jobs overseas, we'll make them pay us back (3)*».

Не лишним будет заметить, что, по мнению Дж. Остина, перформативный характер высказывания «может быть эксплицирован при помощи перформативного глагола в соответствующих грамматических формах» (Романов, 2005: 51), а может быть и не выраженным явно (Барт, 2011; Austin, 1979: 52, 89-97). В этой связи важно понимать, что в менасивах стандартная фор-

мула не может быть полностью поставлена в соответствие иллокутивной функции, так как высказывания-угрозы не имеют базисного иллокутивного показателя, что обусловлено невозможностью перформативного употребления глагола «*threaten*». Действительно, было бы странным использование политиком предвыборного высказывания-угрозы «*I threaten you*», так как такое высказывание содержало бы «подрывной характер» (Вендлер, 1985: 244) и оказалось бы непригодным для агитации избирателей. По этой причине в качестве иллокутивных индикаторов предвыборных менасивов выступают просодика и *типовая синтаксическая схема*, раскрывающая и характеризующая «условия ожидаемого действия, которые конкретизируют (формируют) характер целевого назначения высказываний» (Романов, 1986: 198).

Напомним, что инвариантная конфигурация представляет собой «сочетание предикатного ядра с его аргументами и определяется валентными и содержательными характеристиками конкретного предиката» (Романов, 2005: 57). Поэтому, используя термин «предикат», необходимо заметить, что этот термин употребляется в рамках данной работы как конструктивно-содержательное ядро в инвариантной конфигурации (Романов, 1982; 2005: 59; ср.: критику широкого понимания термина «предикат»: Касевич, Храковский, 1981: 7-10; Сусов, 1981: 94-95). При обозначенном подходе становится понятным, что в качестве конструктивно-содержательного ядра семантической структуры предвыборных менасивов выступает иллокутивный глагол «*threaten*», а конкретная семантическая конфигурация стандартной формулы менасивов может быть построена с учетом всех семантико-синтаксических признаков данного глагола, описанных во 2 главе настоящего исследования.

В силу сказанного следует отметить, что в числе наиболее общих синтаксических признаков предиката «*threaten*» можно назвать его релятивный (относительный) характер, проявляющийся в определенном, постоянном числе членов оптимального окружения. Глагол «*threaten*» относится к классу глаголов речевой деятельности, для которых обязательно наличие говорящего и слушающего, и, следовательно, количество таких членов окружения у

названной лексемы равно трем: *кто-то угрожает кому-то чем-то (каким-то наказанием, негативным последствием)*. Другими словами, данный тип интенциональных высказываний характеризуются наличием более чем одной аргументной (актантной) позиции и «сложным строением предиката» (Сусов, 1980: 39; см. также: Москальская, 1974: 42-43; Холодович, 1979: 234-235), а семантическую структуру угрозы можно передать следующим образом: *threaten* (N₁, N₂, p), где *threaten* – предикат, который обозначает целевую направленность угрозы, N₁ – адресант (ы), N₂ – адресат (ы), p – событие возможной действительности.

Очевидно, что главное конструктивно-манifestационное отличие стандартной формулы предвыборных менасивов от «классических» матриц проявляется в том, что предикатное ядро такой конфигурации не может быть выражено перформативным глаголом «*threaten*», так как данный глагол не поддается перформативному употреблению (Вендлер, 1985). Несмотря на это, позиция первого аргумента (1), обозначающего носителя воздействия (каузации), позиция второго аргумента (2), выражающего объект воздействия, и позиция целевого аргумента (3) замещаются различными языковыми средствами, а семантическое содержание матричной формулы предвыборных менасивов может быть представлено в виде трехаргументной конфигурации: «*I (1) threaten (V) you (2) with negative effect (3)*».

Конструктивный предикат инвариантной формулы менасивных высказываний формирует **консеквентный компонент** угрозы (консеквент) и на поверхностном уровне замещается глаголами, в значении которых содержится указание на негативное воздействие, наказание или санкции (выделены полужирным курсивом), например: «*And ladies and gentlemen, if I'm the next President, we will **defeat** them*» (Santorum, 2015); «*I will **knock** the hell out of ISIS*» (Trump, 2016e); «*We will **disrupt** their efforts online to reach and radicalize young people in our country*» (Clinton, 2016c); «*In the midst of such economic anxiety and social unease, some will **divide** us for political gain*» (Patrick, 2020)»; «*That current leadership is **damaging** our economic and national security*

to such a degree, that for this first time in American history, most Americans believe their children will not be better off than they are» (Gilmore, 2015).

Следует обратить внимание на то, что предикат рассматриваемой инвариантной формулы менасивных высказываний маркируется не только глагольными формами настоящего времени, но и формами будущего времени. Этот факт свидетельствует об особом контексте агональной дискурсии, который характеризуется *некоторой временной отсрочкой* негативных последствий, декларируемых политиками, например: *«As president I **will** make them small, poor and on the run»* (Graham, 2015); *«On the other hand, I would make it clear to our friends and our potential adversaries that we will retain vigorous relationships with our treaty partners and our allies, and that we **will meet and defeat** any international terrorist movement that threatens our national security»* (Webb, 2015). При этом не вызывает сомнений, что негативные последствия таких менасивов смогут наступить только после завершения предвыборной кампании и подведения итогов выборов, т.е., когда избиратели смогут оценить уже сделанный свой политический выбор. Тем не менее, прагма-эмоциональное воздействие предвыборных менасивов не имеет указанной временной отсрочки, а реализуется в координатах *здесь-и-сейчас* в контексте агональной дискурсии.

Материал исследования фиксирует, что формальное варьирование инвариантной формулы предвыборных менасивов базируется на замещении компонента V глаголами (именными группами), которые содержат указание на негативное воздействие, направленное в адрес избирателей или представителей нефокусной аудитории политика (в рамках заявленного исследования под нефокусной аудиторией понимаются сторонники и потенциальные избиратели других политиков), например, *«to be at stake»*, *«to ban»*, *«to beat»*, *«to break apart»*, *«to challenge»*, *«to confront»*, *«to demand»*, *«to divide»*, *«to end»*, *«to exhaust»*, *«to fight»*, *«to fight back»*, *«to get rid of»*, *«to get worse»*, *«to have no future»*, *«to hurt»*, *«to kick»*, *«to lose»*, *«to make accountable»*, *«to out-*

law», «*to replace*», «*to shut down*», «*to stand up against*», «*to strengthen*», «*to take on a fight*», «*to take on smb.*», «*to tear apart*» и др.

В массиве примеров также отмечены высказывания-угрозы, предикат которых осложняется («расширяется») дополнительными строевыми элементами (подробнее о композите см.: Романова, 2009: 7-15; ср. также Москальская, 1974; Почепцов, 1971). Подобные конструкции называются композитными, по Л.А. Романовой, представляя собой комбинации, «которые имеют в своем основании структурное образование типа: перформативный элемент + дополнительный строевой компонент» (Романова, 2009: 7). В коммуниктивно-функциональном плане дополнительные строевые элементы выполняют в инвариантной матрице роль «оградителей», в понимании Б. Фрейзера (Fraser, 1975), способных усиливать категоричность намерений политика в оказании запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей или, наоборот, «смягчать» предварительные условия функционирования предвыборных менасивов и «тем самым регулировать отношения между иллюкутивным потенциалом и иллюкутивной силой» (Романов, 2006б: 117).

Эмпирический материал американской предвыборной дискурсии показывает, что в качестве дополнительных строевых элементов композитных менасивов обычно выступают модальные глаголы и их эквиваленты, например (дополнительные строевые элементы выделены автором диссертации полужирным курсивом): «*And if we **can** kick the Koch Brothers out of Montana, we sure as hell **can** kick them out of every place in the country*» (Bullock, 2019); «*This story is proof that not only **can** we beat out China to create jobs here in America, but we can do this all over the nation*» (Messam, 2019); «*We **must** stand up against big pharma and insurance companies who extort those who are sick, who put their profits above the health of our people*» (Gabbard, 2019); «*I'm running because we **have to** beat Donald Trump, and I want us to beat Donald Trump because I love this country*» (Moulton, 2019).

Помимо модальных глаголов в качестве дополнительных строевых элементов инвариантной формулы предвыборных менасивов могут высту-

пать «включенные предикаты», по В.В. Богданову (1977), например: «*We know there's serious work to be done*» (Biden, 2019); «*I believe we have to get ISIS*» (Trump, 2016e); «*I think it's time for us to show them how much we do care about the job they are doing*» (Carson, 2015). Примечательно в этом плане и то обстоятельство, что дополнительными строевыми элементами предвыборных менасивов могут являться некоторые перформативные глаголы, например: «*As President, I promise you that we will no longer merely try to CONTAIN jihadism; we will CONQUER it!*» (Huckabee, 2015). Более того, в массиве американской агональной дискурсии удалось зафиксировать строевое расширение инвариантной формулы предвыборных менасивов при помощи сочетания модального и перформативного глаголов, например: «*If I am elected as your President I can promise you that we will not accept China's continuing military expansion and intimidation in such areas as the South China Sea*» (Webb, 2015).

Семантические свойства предикатного ядра инвариантной формулы предвыборных менасивов обуславливают взаимоотношение аргументов в матричной структуре таких высказываний. Как уже отмечалось, семантическая структура менасивов – это трехаргументная конфигурация, в которой первый аргумент является носителем (субъектом) каузации, второй аргумент – объектом каузации, а третий аргумент представляет собой цель (условие, причину) каузации, так как совершение каузируемого действия является конечной целью акта воздействия политика. Поэтому для целостного и интегративного описания манифестационных и коммуникативно-семантических свойств предвыборных менасивов как своего рода системы (набора) функциональных синонимов целесообразно описать взаимоотношения аргументов в их семантической структуре.

Аргументная позиция субъекта воздействия инвариантной формулы предвыборных менасивов замещается одушевленными предметами, а в тектонической структуре семантическому субъекту соответствует грамматическое подлежащее. Материал исследования позволяет зафиксировать манифестационные разновидности предвыборных высказываний-угроз. Одной из та-

ких разновидностей являются менасивы, в которых носитель воздействия маркирован личным местоимением 1 лица «I» или «we», например: «*And I'll challenge them to make our democracy work for all of you, not just the well off and the well connected*» (Swalwell, 2019); «*As president I will make them small, poor and on the run*» (Graham, 2015); «*We've got to take the corporate control out of our politics*» (Steyer, 2019); «*Fourth, we will begin removing the more than two million criminal illegal immigrants from the country*» (Trump, 2016f).

Вполне очевидно, что использование кандидатами личного местоимения множественного числа «we» в качестве носителя воздействия предвыборных менасивов свидетельствует об усиленном воздействующем потенциале таких языковых практик, так как политик в эксплицитной форме указывает на то, что он не один “планирует” осуществлять перечисленные санкционные действия, а у него есть целая команда единомышленников. Следует также обратить внимание на то, что в предвыборных выступлениях кандидатов на пост Президента США достаточно редко используются менасивы с замещением носителя воздействия личным местоимением «I» – примерно в 21,6 % случаев от общего количества примеров, в которых позиция носителя воздействия оказывается замещенной. Такое положение дел свидетельствует о том, что политик как автор предвыборного менасива не планирует выступать единственным потенциальным исполнителем санкционного воздействия в отношении той или иной группы граждан.

Рассмотренные выше примеры дают основание утверждать, что кандидаты осознанно избегают поверхностной репрезентации субъекта воздействия при помощи местоимения «I». Являясь авторами предвыборных менасивов, политики “отказываются” от роли потенциального исполнителя санкционного воздействия. Тем не менее, из контекста агональной дискурсии понятно, что организатором (но не всегда потенциальным исполнителем) прагма-эмоционального менасивного воздействия на избирателей (т.е. воздействия при помощи высказываний-угроз) является сам политик или команда под его руководством.

Специфической манифестационной разновидностью инвариантной формулы предвыборных менасивов являются те высказывания, в которых позиция субъекта воздействия замещается личными местоимениями «*he*», «*she*» или «*they*», а также именами существительными (именными группами), которые выступают в качестве потенциальных исполнителей санкционного воздействия, например: «*He's offering empty promises*» (Clinton, 2016c); «*And she never will change*» (Trump, 2016e); «*She's raising your taxes really high*» (Trump, 2016e); «*And then, to add insult to injury, they provide huge tax breaks for the very wealthiest families in this country while they raise taxes on working families*» (Sanders, 2015); «*They will never bring us to the Promised Land, and I cannot sit back and watch this incompetence any longer*» (Trump, 2015a); «*They want to take away health insurance from more than 16 million Americans without offering any credible alternative*» (Clinton, 2015); «*The current administration is making us less prosperous and less secure*» (Delaney, 2017).

Не вызывает сомнений, что авторы представленной выше манифестационной разновидности высказываний-угроз акцентируют внимание избирателей на том, что потенциальным исполнителем санкционных действий является не политик, а представители государственной власти, оппозиция и иные лица, не заинтересованные в прогрессивном развитии страны. Таким образом, политик, являясь организатором взаимодействия в рамках типовой ситуации предвыборной угрозы – «*I (1) threaten (V) you (2) with negative effect (3)*» – снимает с себя ответственность за возможность наступления негативных последствий для электората. Однако, несмотря на обозначенную манифестационную особенность предвыборных менасивов, политик как автор таких высказываний выступает на глубинном уровне субъектом воздействия и инициатором оказания определенного прагма-эмоционального воздействия на представителей электорального сообщества, перемещая диспозицию Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта.

Проанализированный материал американской предвыборной дискуссии позволяет обнаружить, что аргументная позиция субъекта воздействия

всегда выполняет семантическую функцию агенса по отношению к процессу акта каузации и объекту каузации, на которое это действие направлено. Аргументная субкатегоризация позволяет снабдить агентивный аргумент (о термине «агентив» см.: Богданов, 1977: 52) дополнительным набором семантических признаков: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; +/- потенциальный исполнитель санкционного действия. Важно пояснить, что семантический признак «+/- потенциальный исполнитель санкционного действия» указывает на то, что автор предвыборного менасива может каузировать избирателей проголосовать за его кандидатуру, выступая потенциальным исполнителем некоторых санкционных действий или декларируя избирателям негативные последствия, которые совершат другие лица.

Аргументная позиция объекта менасивной каузации также замещается только одушевленными предметами. Данный аргумент выполняет семантическую роль пациенса и на поверхностном уровне репрезентирован именами существительными единственного или множественного числа, а также именной группой, например: «*I am going to keep **the terrorists** out of our country*» (Trump, 2016d); «*I want to be president to defeat **the enemies** trying to kill us, not just penalize them or criticize them or contain them, but defeat them*» (Graham, 2015); «*And I'd shrink the size of the federal work force, starting with **bureaucrats** overseeing Obamacare, and fire **every corrupt IRS employee** abusing government power to discriminate on the basis of politics or religion*» (Pataki, 2015).

На материале исследования нетрудно убедиться в том, что претенденты на пост Президента США регулярно замещают позицию объекта менасивной каузации местоимением «*you*», для того чтобы показать электорату свое участие в их жизни и заинтересованность в решении насущных проблем, например: «*They want to destroy **you** and they want to destroy our country as we know it*» (Trump, 2019). Более того, предвыборные выступления кандидатов фиксируют замещение позиции объекта местоимением «*us*», свидетельствующее о

том, что в высказываниях-угрозах политики отождествляют себя с избирателями и дают им понять, что наступление возможных санкционных последствий для избирателей окажет негативное воздействие и на политика, например: «*He wants to divide us from the rest of the world and from each other*» (Clinton, 2016c); «*They come in to our social media and they spin things to get us into these divided camps so that we're fighting with each other*» (Ryan, 2019).

Характерно, что в ряде менасивов аргументная позиция пациента оказывается незамещенной в поверхностной манифестации, так как политик не называет лицо, в отношении которого наступят негативные последствия, ср.: «*If you look at what China is doing with our jobs, they're taking our jobs*» (Trump, 2015); «*We just need, we just need to have the courage to choose, we just need to have the courage to stand up and say enough*» (Christie, 2015). Однако, несмотря на отсутствие поверхностной манифестации позиции объекта воздействия, из представленных менасивов понятно, в адрес каких категорий граждан они направлены. Так, прагма-эмоциональное воздействие высказывания-угрозы «*If you look at what China is doing with our jobs, they're taking our jobs*» (Trump, 2015) ориентировано на американских граждан, которые теряют рабочие места в США из-за переноса производственных мощностей в Китай и активного создания рабочих мест на территории Китая, в то время как воздействие угрозы «*We just need, we just need to have the courage to choose, we just need to have the courage to stand up and say enough*» (Christie, 2015) направлено в адрес представителей действующей власти, чиновников и госаппарата.

Конечно, отсутствие поверхностной репрезентации объекта воздействия не нарушает смысловой направленности предвыборного менасива, так как в реляционном плане структура такого высказывания является трехаргументной. Более того, отсутствие объекта воздействия в предвыборных высказываниях-угрозах может указывать на то, что их негативное воздействие направлено в адрес избирателей, например: «*He wants to win by stoking fear and rubbing salt in wounds*» (Clinton, 2016a). Неудивителен и тот факт, что материал исследования не фиксирует менасивы, в которых политик декларировал

бы свое намерение совершить санкционные действия в отношении избирателей. Ср. однако высказывание «*They're trying to poison the mind of the American voter*» (Trump, 2016f), в котором объектом воздействия является избиратель («*the American voter*»), а субъектом – не сам Дональд Трамп как автор менасива, а представители СМИ («*they*»).

Таким образом, аргументная субкатегоризация дает возможность приписать объекту менасивной каузации семантические признаки: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции *Я* слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; +/- избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

За аргументной позицией цели может стоять любая ситуация или состояние дел. Ввиду того, что ответное действие будет совершено одушевленным лицом (объект каузации), то «его формы могут представлять собой речевое или конкретное действие, а также отражать сохранение состояния, приущее одушевленному имени» (Романов, 2005: 63). Аргументная позиция цели инвариантной формулы предвыборных менасивов в конструктивно-синтаксическом плане замещается различными языковыми средствами:

– условными придаточными предложениями, например: «*We will never fix Washington from the inside unless we send someone to Washington from the outside*» (Trump, 2015a); «*If we try to hide who we are again... we will lose again*» (Jindal, 2015);

– придаточными предложениями причины, например: «*But we will never enjoy peaceful co-existence with radical Islam because its followers are committed to destroying us and our way of life*» (Graham, 2015);

– именной группой, например: «*We cannot achieve national security without economic strength*» (Gilmore, 2015);

– частями сложносочиненного предложения, например: «*I say we will rise together or we will fall together as one nation, indivisible*» (Harris, 2019) и др.

Как показывает анализ языкового материала, аргументная позиция цели может содержать указание на условие наступления негативных последствий для объекта или на **условный компонент (антецедент)**, например: «*unless we send someone to Washington from the outside*» (Trump, 2015a), «*or we will fall together as one nation, indivisible*» (Harris, 2019) или «*without economic strength*» (Gilmore, 2015). Также аргументная позиция цели может указывать на причину наступления негативных последствий или на **каузативный компонент**, например: «*because its followers are committed to destroying us and our way of life*» (Graham, 2015). При этом декларируемая политиком связь событий – антецедента (условия или причины) и консеквента (последствия) – известна не только ему как автору предвыборного менасива, но и избирателю как адресату (см. семантическую специфику вербальной угрозы во второй главе), а «оценка избирателем двух указанных частей высказывания-угрозы – антецедента и консеквента – опирается на их сопоставление друг с другом в плане того, каким образом может сказаться такая оценка на интересах избирателя и его перспективах, а также, какие предпочтения она принесет избирателю» (Романов, Новоселова, 2020а: 46).

Замещение аргументной позиции цели условным или каузативным компонентом, а также возможность аргументной позиции цели оставаться незамещенной в контексте агональной дискуссии позволяет выделить три манифестационные разновидности эксплицитных высказываний-угроз: *эксплицитно-экспонентные, проспективно-консеквентные и экспозитивные менасивы*.

Эксплицитно-экспонентные менасивы являют собой манифестационную разновидность высказываний-угроз, которые в эксплицитной форме содержат указание политика на возможность санкционного воздействия (консеквент) и условие его наступления (антецедент). Например, в менасиве «*You can't fix a broken Washington if you don't level with the American people*» (Bennet, 2019) содержится антецедентный и консеквентный компоненты. В частности, политик декларирует избирателям такой консеквент как невозможность исправить ситуацию в стране («*You can't fix a broken Washington*»).

При этом он отмечает условие возможного наступления негативных последствий («*if you don't level with the American people*»). Другими словами, кандидат побуждает избирателей проголосовать за свою кандидатуру для того, чтобы они имели возможность избежать негативных последствий.

Следует констатировать, что эксплицитно-экспонентным менасивам может быть поставлена в соответствие логическая схема: «*Если избиратели не выполняют определенные действия – не проголосуют за политика, то для них наступят негативные последствия со стороны третьих лиц*». Ср.: «*But the truth is, if we go down that road again, we will lose again*» (Jindal, 2015). Материал исследования демонстрирует, что эксплицитно-экспонентные менасивы насчитывают примерно 14,84% от общего количества рассматриваемых высказываний-угроз американского предвыборного дискурса.

Перспективно-консеквентные менасивы являются собой манифестационную разновидность предвыборных высказываний-угроз, которые в эксплицитной форме содержат указание политика на консеквентный и каузативный компоненты угрозы. Данная разновидность высказываний-угроз декларирует негативное воздействие или санкции, направленные в адрес фокусной или нефокусной аудитории, за то, что они совершили, совершают или планируют совершить какие-либо действия. Например, в предвыборном менасиве «*We need to reduce income inequality, because our country can't lead effectively when so many are struggling to provide the basics for their families*» (Clinton, 2016) содержится консеквентный («*We need to reduce income inequality*») и каузативный компоненты («*because our country can't lead effectively when so many are struggling to provide the basics for their families*»). Ср. также: «*He owes the president an apology, he owes our country an apology, and he needs to take responsibility for his actions and his words*» (Clinton, 2016e).

Проанализированный материал показывает, что, употребляя перспективно-консеквентные менасивы, политик декларирует электорату возможные негативные последствия для представителей фокусной или нефокусной аудитории и причину их наступления. Однако не подлежит сомнению тот факт,

что такие высказывания ориентированы не на запугивание избирателей, а на привлечение их внимания к кандидатуре политика. Поэтому вполне очевидно, что политик как автор проспективно-консеквентного менасива пытается выяснить причину недовольства избирателей действиями каких-либо представителей власти или административного управления и предложить решение этой проблемы в своем предвыборном выступлении.

Например, претенденты на пост Президента США понимают, что избиратели недовольны ситуацией в стране, связанной с несоблюдением законодательства и правопорядка некоторыми гражданами. По этой причине вербальная угроза «*And these people should be prosecuted, but because of the rigged system, they probably won't be*» (Trump, 2016f) может оказаться эффективным средством воздействия на «мысли и чувства» избирателей, так как в ней политик сообщает о своем понимании проблемы и желании ее решить. Тем не менее, эмпирический материал фиксирует, что проспективно-консеквентные менасивы насчитывают только около 6,48% от общего количества высказываний-угроз, реализованных в условиях американского предвыборного дискурса анализируемого периода.

Нетрудно убедиться в том, что условный и каузативный компоненты проспективно-консеквентных менасивов могут быть синтаксически разделены и представлены в отдельных предложениях. Например, в публичном выступлении Тима Райана зафиксирована менасивная практика, маркированная двумя синтаксическими единицами: «*Meanwhile, we can't reform an old outdated government that needs reform. Or education, or anything else because we have not come together*» (Ryan, 2019), где первое предложение замещает консеквентный компонент угрозы, а второе – каузативный компонент. Структурная особенность такого менасива заключается в том, что высказывание, номинирующее негативное воздействие угрозы, и высказывание, в котором содержится причина его наступления, синтаксически изолированы друг от друга, однако в функционально-семантическом плане являют собой одно целое. В этой связи следует отметить, что представленную выше последова-

тельность высказываний из предвыборного выступления Тима Райана, формирующую единое содержательное целое, будем считать одной менасивной практикой, так как в ней содержится только один консеквентный компонент: «*we can't reform an old outdated government that needs reform*».

Экспозитивные менасивы являют собой манифестационную разновидность предвыборных высказываний-угроз, которые в эксплицитной форме содержат указание их автора на консеквентный компонент угрозы. В таких высказываниях-угрозах аргументная позиция цели оказывается незамещенной, например: «*We are burdening our children with endless debt*» (Lesig, 2015); «*And they want to radicalize our judiciary*» (Trump, 2019). Тем не менее, отсутствие поверхностной репрезентации позиции цели затрагивает только манифестационный уровень экспозитивных менасивов и не отражается на их интенциональной направленности, так как в менасивах этой разновидности содержится указание в эксплицитной форме на субъект и объект воздействия. Примечательно, что экспозитивные менасивы представляют собой наиболее многочисленную манифестационную разновидность, которая насчитывает около 19,12% от общего массива эмпирического материала.

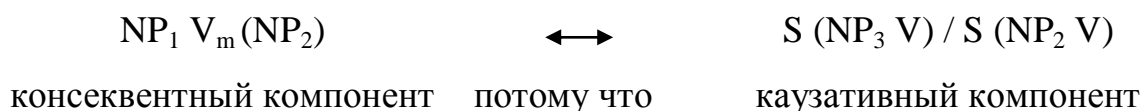
Таким образом, можно со всей уверенностью утверждать, что предвыборные менасивы отражают условно-следственную или причинно-следственную связь между возможным санкционным воздействием и условием / причиной его наступления. В частности, в эксплицитно-экспонентных менасивах автор задействует условно-следственные отношения между консеквентным и антецедентным компонентами угрозы (см. стрелку с надписью «*если*» на схеме ниже), в проспективно-консеквентных менасивах – причинно-следственные отношения между консеквентным и каузативным компонентами угрозы (см. стрелку с надписью «*потому что*»), в то время как экспозитивные менасивы содержат только консеквентный компонент угрозы. Зафиксированные манифестационные разновидности менасивов могут быть представлены следующими вариантами эксплицитной или базовой модели:

Манифестационные разновидности предвыборных менасивов

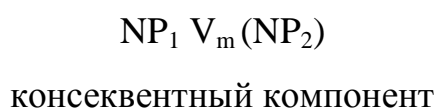
1) Эксплицитно-экспонентные менасивы:

2) Проспективно-консеквентные менасивы:

3) Экспозитивные менасивы:

Условные обозначения здесь и далее:

- NP_1 и NP_2 обозначают политика и избирателя соответственно;
- NP_3 обозначает представителей нефокусной аудитории политика;
- V_m обозначает указание политика на возможные негативные последствия, направленные в адрес его фокусной или нефокусной аудитории, но адресованные избирателям;
- V обозначает действие избирателя / представителей нефокусной аудитории;
- S обозначает целевой аргумент;
- двунаправленная стрелка указывает на взаимообусловленную связь между консеквентным и антецедентным / каузативным компонентами высказываний-угроз.

Представленная схема демонстрирует, что функционально-семантическая особенность эксплицитно-экспонентных, проспективно-консеквентных и экспозитивных менасивов заключается в том, что их консеквентный компонент может содержать указание на негативное воздействие, направленное в адрес фокусной или нефокусной аудитории политика. Однако политик как автор предвыборных высказываний-угроз всегда выступает субъектом каузации и субъектом оказания определенного прагма-эмоционального воздей-

вия на избирателей как на массового адресата его угроз. В свою очередь, в условиях агональной дискурсии избиратель является объектом каузации и объектом прагма-эмоционального воздействия всех манифестационных разновидностей предвыборных высказываний-угроз политика – даже тех менасивов, в которых политик декларирует возможность наступления негативных последствий для представителей государственной власти, оппозиции или внешних врагов США.

Эмпирический материал позволяет обнаружить, что, несмотря на невозможность перформативного употребления глагола «*threaten*», предвыборные менасивы обладают широким набором языковых средств для выражения своего интенционального характера, а манифестационное разнообразие инвариантной матрицы свидетельствует о том, что перед нами «есть просто одна и та же структура, даваемая то в более общем виде, то в более частном виде» (Лосев, 1968: 29). Становится понятным, что зафиксированные манифестационные разновидности являют собой различные способы поверхностной репрезентации инвариантной формулы предвыборных менасивов в публичных выступлениях претендентов на пост Президента США и являются вариантами с точки зрения полноты реализации состава такой формулы.

Получается, что в английском языке манифестация инвариантной конфигурации предвыборных менасивов может происходить по-разному: либо в поверхностную сферу проецируется одно и то же число аргументных позиций (смысловых комплексов), что и в семантической структуре, либо число этих позиций оказывается меньшим. В последнем случае можно говорить о трансформациях, которые являются производными от инвариантной формулы реализации коммуникативного намерения угрозы. Как правило, усечение инвариантной формулы менасивов затрагивает только их манифестационный аспект, так как в семантическом и коммуникативно-функциональном (прагматическом) плане замещенными оказываются все позиции матричной формулы.

Итак, менасивы, коррелирующие с инвариантной формулой и ее манифестационными разновидностями, можно назвать *основными* эксплицит-

ными формами для репрезентации предвыборных высказываний-угроз, т.е. такими формами менасивных высказываний, которые характеризуются «одно-однозначным соответствием иллокутивной функции как инструмента воздействия в пределах заданного иллокутивным потенциалом интерактивного типа репликового шага и его манифестационного уровня» (Романов, 1986б; 1988: 41-42). Очевидно, что к *основным* эксплицитным формам предвыборных высказываний-угроз относятся те менасивы, в которых номинация целевого назначения является основной (т.е. не транспонированной) и которые содержат в эксплицитной форме указание политика на намерение каких-либо лиц совершить санкционные действия в отношении избирателей или декларируют намерение самого политика совершить негативные действия в отношении представителей нефокусной аудитории.

Проанализированный материал позволяет обнаружить, что основные формы предвыборных менасивов насчитывают около 40,44 % от общего массива примеров. Полученный результат свидетельствует о стремлении политиков избежать указания в эксплицитной форме на санкционные последствия и условие (причину) их наступления для представителей фокусной или нефокусной аудитории, чтобы не запугать избирателей возможными негативными действиями. Важно подчеркнуть, что на материале американской агональной дискурсии не отмечены предвыборные менасивы, в которых политик в эксплицитной форме декларирует фокусной аудитории свое намерение совершить санкционные действия в отношении избирателей.

4.1.2. Специфика транспонированных и имплицитных форм предвыборных менасивов

Материал агональной дискурсии кандидатов на пост Президента США содержит языковые практики, которые по своим формальным признакам не соответствуют инвариантной формуле предвыборных высказываний-угроз, однако функционируют как менасивы в публичных выступлениях политиков. Такие практики содержат в эксплицитной форме указание политика на воз-

можное наступление негативных последствий для его фокусной или нефокусной аудитории, однако не указывают на потенциального исполнителя санкционных действий, например: «*Now America is once again at a moment of reckoning*» (Clinton, 2016c); «*Anyone who endorses violence, hatred or oppression is not welcome in our country and never will be*» (Trump, 2016b); «*But to defeat this enemy, it will require more than military might*» (Graham, 2015). Функционирование представленных выше языковых практик в качестве менасивов обусловлено наличием пресуппозиционного фактора агональной дискурсии (подробнее о пресуппозиции см.: Романов, 1988: 148-155; 2005: 71), обеспечивающего их однозначную интерпретацию как высказываний-угроз в публичных речах политиков, связанных с оказанием определенного прагма-эмоционального воздействия на избирателей и побуждением массового адресата к предпочтению кандидата на выборах.

Обозначенная разновидность менасивов является результатом транспозиции иного интенционального типа высказываний в высказывание-угрозу и представляет собой **транспонированный** менасив, в терминологии А.А. Романова (подробнее о возможностях прагматической транспозиции см.: Романов, 1988: 148-155; 2020). Например, высказывание «*Do I think it will be easy? Of course not*» (Clinton, 2015) не содержит указания в эксплицитной форме на потенциального исполнителя декларируемых негативных действий, а также не указывает на условно-следственную (причинно-следственную) связь между возможным санкционным воздействием и условием (причиной) его наступления. Однако, в контексте предвыборной дискурсии такое высказывание функционирует как менасив, декларирующий избирателям сложный путь прогрессивного развития страны и ориентированный на завоевание голосов избирателей. Следовательно, рассматриваемое высказывание обладает менасивной направленностью, а примечательной особенностью его поверхностной манифестации является вопросительная форма.

Следует уточнить, что транспонированные менасивы – это высказывания со значением угрозы, в которых номинация целевого назначения явля-

ется производной или вторичной (см.: Богданов, 1977: 157-174; 1980: 9-12; Бондарко, 1978: 144-151; Москальская, 1974: 106-114), т.е. когда одна из грамматических форм используется в несвойственной ей функции (о транспозиции грамматических форм см.: Романов, 1988: 148-155; Балли, 1955: 278-279; Москальская, 1974: 113 и др.). В частности, транспонированные менасивы декларируют массовому адресату возможное негативное воздействие, направленное в адрес избирателей или представителей нефокусной аудитории политика, и в формальном плане могут быть синонимичны другим интенциональным типам высказываний.

Характерно, что интерпретация интенциональной направленности транспонированных менасивов в ряде случаев оказывается затрудненной и может быть осуществлена только с учетом пресуппозиционных условий политического взаимодействия. Контекст политической интеракции позволяет адресату (избирателю) понять, что политик выступает каузатором определенных действий, связанных с предпочтением его на выборах, а также каузатором некоторых некомфортных эмоциональных переживаний массового адресата, в то время как избиратель является объектом каузации и прагма-эмоционального воздействия политика.

В качестве примеров транспонированных менасивов американского предвыборного дискурса можно привести следующие вопросительные конструкции со значением угрозы, в которых номинация целевого назначения (иллокуция) является производной: «*Will we fight, with every fiber of our being, because everything we care about is at stake?*» (Gillibrand, 2019); «*After two wars, seemingly endless foreign interventions and failed attempts at nation-building, can anyone credibly suggest that we are somehow safer today than we were 15 years ago?*» (Johnson, 2016); «*Could you imagine, can you imagine those caravans without having the barriers and walls that we've already put up and that are up?*» (Trump, 2019); «*How bad could it possibly get?*» (Messam, 2019); «*Are we going to be safe to go to the mall or safe to leave our homes?*» (Kasich, 2015). Не вызывает сомнений, что менасивное значение представленных конструк-

ций есть результат транспозиции вопросительной формы таких высказываний в сферу менасивности, т.е. когда она переводится из сферы ее основного грамматического значения в сферу грамматического значения другой формы.

В контексте сказанного заслуживают внимания транспонированные менасивы в форме побудительных конструкций, например: «*Stand up against bought and paid-for politicians, kowtowing to special interests, selling their votes to the highest bidder*» (Gabbard, 2019); «*Don't back down in the face of the bully; confront him, take him on*» (de Blasio, 2019); «*Stop handing out enormous tax giveaways to rich people and giant corporations*» (Warren, 2019); «*Outlaw partisan gerrymandering – by Democrats and Republicans*» (Warren, 2019). Представленные конструкции обладают иллокутивным потенциалом директивного типа высказываний (об иллокутивной силе и иллокутивном потенциале директивов см.: Романов, 1988: 41) и могут функционировать в условиях социального взаимодействия как призывы к совершению определенных действий. Однако, реализация таких высказываний в контексте предвыборной дискурсии свидетельствует о том, что они используются автором как агитационно-воздействующий ресурс и включают в свой содержательный объем не просто призыв к совершению некоторых действий, но и призыв к совместному выполнению санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории кандидата (о ФСП призывов см.: Романов, 1988: 63).

Поэтому, принимая во внимание контекст агональной дискурсии, в котором реализованы представленные выше высказывания-угрозы в форме побудительных конструкций, можно со всей очевидностью утверждать, что они содержат указание политика на совершение некоторых санкционных действий в отношении представителей его нефокусной аудитории и ориентированы при этом на побуждение избирателей проголосовать за их автора. В этой связи можно заключить, что такие высказывания функционируют в предвыборных выступлениях претендентов на пост Президента США как высказывания-угрозы, однако по форме представляют собой призывы. Другими словами, представленные выше высказывания являются результатом

прагматической транспозиции призывов в менасивы, а номинация целевого назначения в них является производной, так как их грамматическая форма используется в несвойственной ей функции. Примечательно, что при отсутствии пресуппозиционного фактора агональной дискурсии такие высказывания имели бы прагматическую направленность призывов, не связанную с привлечением внимания избирателей и побуждением их проголосовать за кандидата при помощи упоминания возможных негативных последствий.

Кроме того, в предвыборных выступлениях американских политиков зафиксированы высказывания со значением угрозы, которые по формальным признакам представляют собой констативы или акты описания неблагоприятного положения дел в стране (подробнее о констативах см.: Романов, 1988: 54). Сказанное указывает на то, что в контексте предвыборного дискурса возможна прагматическая транспозиция констативов в менасивы.

Целевое использование констативного типа высказываний для выражения коммуникативного намерения угрозы свидетельствует о том, что в констативах имеются определенные средства – указание на какие-либо негативные действия или последствия – для их использования в качестве менасивов. При этом иллокутивный потенциал таких транспонированных высказываний имеет сложный, «комплексный характер» (Романов, 2006: 25-26; 34; см. также: Романов, 1988: 40-41) и включает в себя одновременно и констатив, и угрозу, где доминирующей иллокутивной силой обладает угроза. Например: «*It's a real fear*» (Kasich, 2015); «*Our economy today is not working for working people*» (Harris, 2019); «*Mass illegal migration reduces living standards and strains public resources*» (Trump, 2019); «*People in every part of this country feel stuck or even like they're going backwards*» (de Blasio, 2019); «*Climate chaos is the existential threat facing our planet and our very lives*» (Swalwell, 2019).

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что кандидаты на пост Президента США задействуют в своих публичных выступлениях транспонированные менасивы, декларирующие избирателям негативные последствия, наступление которых не зависит от действий политика. Иначе говоря,

политики целенаправленно угрожают негативными событиями, избегая упоминания непосредственного носителя воздействия, так как полагают, что для каузации фокусной аудитории можно использовать упоминание некоторых негативных последствий, которые “содержатся” в описании неблагоприятного для избирателей положения дел (ситуации) в стране или в мире. При этом анализ функционального контекста предвыборной дискурсии, направленного на завоевание политиком голосов избирателей, и пресуппозиционных факторов агональной дискурсии дает основание полагать, что, по мнению автора угрозы, такое неблагоприятное и угрожающее положение дел в стране сложилось из-за неэффективных действий ее руководства, ср.: *«This much is clear: we have a housing crisis in this country»* (Castro, 2019).

Таким образом, транспонированные менасивы по своим формальным признакам являются высказываниями какого-либо другого функционального типа, однако, обладая побудительным значением, они в эксплицитной форме содержат указание политика на негативное воздействие и, следовательно, функционируют в контексте предвыборной дискурсии как угрозы. В этой связи отличительной функционально-семантической особенностью транспонированных форм предвыборных менасивов является то обстоятельство, что политик декларирует в них негативные действия, направленные в адрес избирателей, оппозиции или нефокусной аудитории, однако в эксплицитной форме не указывает на потенциального исполнителя таких действий.

Эмпирический материал показывает, что транспонированные менасивы насчитывают около 51,91 % от общего количества примеров. На основании полученных данных складывается картина, что большая часть менасивов американского предвыборного дискурса маркируется транспонированными формами высказываний-угроз, свидетельствуя о специфическом воздействующем потенциале таких высказываний и особом функциональном контексте агональной дискурсии. В этой связи еще раз напомним, что в предвыборном дискурсе *«скрыто»* влияние претендента на своих последователей, а сила такого влияния обуславливается прежде всего тем, что за простой констата-

цией, изложением какого-либо события или факта из жизни кандидата кроется формирование определенного отношения к этому факту и закрепление его в сознании индивида с запланированным, желаемым пониманием смысла событий» (Романов, Черепанова, 1998: 69).

Наряду с эксплицитными – основными и транспонированными – формами выражения менасивного значения на материале публичных выступлений претендентов на пост Президента США можно выделить высказывания, в которых значение побуждения под действием возможного наказания выражено *косвенным* или *имплицитным* образом. Например, высказывание Джо Байдена «*There's not much time left*» (Biden, 2019) не содержит эксплицитного указания политика на возможность наступления негативных последствий для избирателей или представителей оппозиции, так как декларирует массовому адресату недостаток времени для осуществления необходимых реформ в стране. Однако оценка интенциональной направленности такого высказывания позволяет считать его менасивом в контексте предвыборной дискурсии. Иначе говоря, отсутствие в поверхностной манифестации высказывания эксплицитного указания на негативные последствия не означает, что в нем отсутствует коммуникативная интенция угрозы (ср.: Романов, 2005: 20).

Действительно, условия агональной дискурсии позволяют полагать, что реализация высказывания «*There's not much time left*» основана на следующей логической цепочке: политик декларирует избирателем факт отсутствия времени (в частности, отсутствие времени у граждан США для того, что бы понять необходимость срочного решения проблемы, связанной с загрязнением окружающей среды и изменением климата) и подразумевает необходимость смены власти в стране и выбора нового Президента, который сможет быстро и эффективно решить обозначенную проблему. Следовательно, высказывание Джо Байдена направлено на побуждение избирателей проголосовать за политика при косвенном упоминании возможных негативных последствий, что позволяет определить его как *имплицитный менасив*. Кроме того, из высказывания Джо Байдена понятно, что подразумеваемые

политиком негативные последствия будут затрагивать благополучие избирателей. Ср. также предвыборные имплицитные менасивы: «*We have a very short period of time to act*» (Inslee, 2019); «*It's time for a new era of progress to reform our political system*» (Bennet, 2019).

Аналогично, предвыборный менасив Джорджа Патаки «*They are the party of the past*» (Pataki, 2015) не содержит указания в эксплицитной форме на негативные последствия, направленные в адрес фокусной или нефокусной аудитории. Поэтому представленное высказывание может употребляться в смысле сообщения определенного положения дел, либо в смысле выражения сожаления, являясь неоднозначным во многих контекстах. Тем не менее, в условиях агонального предвыборного дискурса высказывание Джорджа Патаки приобретает менасивную направленность, так как его реализация основана на логической цепочке: «*Если вы (избиратели) не проголосуете за меня, то у власти будет партия, которая не сможет навести порядок в стране и будет препятствовать ее прогрессивному развитию*».

Получается, что, используя высказывание «*They are the party of the past*», кандидат ставит своей целью не сообщить избирателям сведения об оппозиционной партии («*party of the past*»), а декларировать им возможное наступление негативных последствий в случае предпочтения на выборах кандидата от этой партии. Следовательно, рассматриваемое высказывание содержит угрозу для избирателей. Ср. также примеры предвыборных имплицитных менасивов: «*My opponent would rather protect bureaucrats than serve American children*» (Trump, 2016b); «*Like the women of Lawrence, we are here to say enough is enough!*» (Warren, 2019).

Становится понятным, что функционирование представленных выше высказываний в качестве менасивов основывается на оценке избирателями контекста предвыборной дискурсии, информативной значимости высказываний и их пресуппозиционной основы. При этом основным дифференциальным свойством имплицитных менасивов является отсутствие указания со стороны автора на *характер и вид негативных последствий* в эксплицитной

форме. Имплицитные менасивы не содержат указания политика на консеквентный и условный / каузативный компоненты угрозы, а также на субъект и объект воздействия, однако указанные семантические компоненты легко выводимы из пресуппозиции в силу «набора импликатур, т.е. инвентаря правил вывода» (Романов, 1988: 19). В этой связи важно отметить, что условия агональной дискурсии, в которых реализован предвыборный менасив, позволяют адресату (избирателю) понять, что каузатором санкционных действий выступает политик, а объектом каузации – избиратель.

В частности, при оценке интенциональной направленности предвыборных менасивов следует обращать внимание на *особый функциональный контекст* агональной дискурсии и функциональные условия реализации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, описанные в предыдущей в главе. В русле сказанного важно уточнить, что функционирование имплицитных менасивов в публично-информационном пространстве политической коммуникации обусловлено экстралингвистическими факторами, которые определяют «иллокутивное прочтение» (Романов, 1988) имплицитных высказываний-угроз, а также помогают избирателю выявить целевое назначение таких речевых единиц, установить характер и вид ответного действия.

Материал исследования фиксирует массив имплицитных высказываний-угроз в объеме около 7,65 % от общего количества примеров. Полученный результат свидетельствует о том, что политики избегают широкого использования имплицитных менасивов в силу когнитивной сложности, связанной с интерпретацией избирателями интенциональной направленности таких высказываний в условиях агональной дискурсии. Например, не удалось обнаружить имплицитные менасивы в ряде публичных выступлений следующих претендентов на пост Президента США в 2016 году: Теда Круза (Cruz, 2015), Марко Рубио (Rubio, 2015), Карли Фиорины (Fiorina, 2015), Берни Сандерса (Sanders, 2015), Мартина О'Мэлли (O'Malley, 2015), Дональда Трампа (Trump, 2015a), Бобби Джиндала (Jindal, 2015), Джима Уэбба (Webb, 2015), Скотта Уокера (Walker, 2015) и Джима Гилмора (Gilmore, 2015). Характерно,

что предвыборная речь кандидата может содержать только имплицитные менасивы, например, одно из выступлений Бена Карсона включает 2 высказывания-угрозы, причем каждое из них является имплицитным (Carson, 2015).

Также не удалось зафиксировать имплицитные менасивы в предвыборных выступлениях таких кандидатов на пост Президента США в 2020 году, как Эндрю Ян (Yang, 2018), Ричард Охеда (Ojeda, 2018), Хулиан Кастро (Castro, 2019), Камала Харрис (Harris, 2019), Эми Клобучар (Klobuchar, 2019), Берни Сандерс (Sanders, 2019), Джон Хикенлупер (Hickenlooper, 2019), Кирстен Джиллибранд (Gillibrand, 2019), Бето О'Рурк (O'Rourke, 2019), Тим Райан (Ryan, 2019), Кори Букер (Booker, 2019), Эрик Суолуэлл (Swalwell, 2019), Уильям Велд (Weld, 2019), Сет Молтон (Moulton, 2019), Стив Буллок (Bullock, 2019), Билл де Блазио (16 мая 2019), Джо Сестак (Sestak, 2019), Том Стейер (Steuer, 2019) и Майкл Блумберг (Bloomberg, 2019).

Таблица содержит сведения о частотной реализации манифестационных разновидностей предвыборных менасивов в американской политической коммуникации:

Таблица 9

Частотная реализация манифестационных разновидностей предвыборных менасивов

Манифестационные разновидности предвыборных менасивов	Количество (в процентах)
<i>I. Эксплицитные формы менасивов:</i>	92,35
<i>а) основные формы менасивов:</i>	40,44
- экспозитивные менасивы	19,12
- эксплицитно-экспонентные менасивы	14,84
- проспективно-консеквентные менасивы	6,48
<i>б) транспонированные формы менасивов</i>	51,91
<i>II. Имплицитные формы менасивов</i>	7,65

Итак, зафиксированные манифестационные разновидности предвыборных высказываний-угроз отражают многообразие способов поверхностной

репрезентации менасивно-каузативного значения в американской политической коммуникации. Установлено, что политик может в эксплицитной форме указывать на то, что он сам выполнит некоторые санкционные действия в отношении представителей нефокусной аудитории или декларировать избирателям, что негативное для них воздействие совершат иные лица (эксплицитные менасивы). Также кандидат может не называть в эксплицитной форме санкционные действия и их потенциального исполнителя, оставляя за избирателями интерпретацию интенциональной направленности высказываний в контексте предвыборной дискуссии (имплицитные менасивы). Тем не менее, несмотря на обозначенные манифестационные разновидности предвыборных менасивов, политик выступает субъектом каузируемых действий и субъектом прагма-эмоционального воздействия на избирателей как на массового адресата высказываний-угроз и объекта прагма-эмоционального воздействия.

4.2. Адресатная направленность как прагматический компонент структуры предвыборных менасивов

Не приходится сомневаться, что политики, задействуя различные средства английского языка для поверхностной репрезентации менасивно-каузативного значения, используют вербальную угрозу для оказания определенного прагма-эмоционального воздействия на избирателей с целью побудить их совершить конкретное действие: предпочесть политика на выборах. В частности, глобальной коммуникативной целью политических деятелей, целенаправленно использующих предвыборные менасивы, является введение избирателей в некомфортное эмоциональное состояние для того, чтобы повлиять на них, убедить в своей правоте и, следовательно, побудить проголосовать за свою кандидатуру. Конечно, политик не может знать предпочтений массового адресата, его эмоциональное состояние и переживания, поэтому он ориентирует свои публичные выступления на широкий круг потенциальных избирателей и задействует многочисленные способы вербальной манифестации коммуникативного намерения, стараясь отразить предлагаемые им пути

решения актуальных в стране проблем – экономических, административно-управленческих, социальных и внешнеполитических – в форме различных языковых конструкций, способных в силу своих содержательных характеристик оказывать запланированное прагма-эмоциональное воздействие на представителей электорального сообщества.

Вполне закономерно, что политические обещания участников предвыборной гонки адресованы избирателям, которые поддерживают их автора и желают улучшения ситуации в стране. Декларируемое в обещании действие направлено в адрес избирателей и находится в их интересах, т.е. избиратель выступает в качестве адресата и бенефицианта предвыборного обещания, например: «*It's been an honor and a privilege to serve America and I'm going to do everything I can to protect our nation, and make sure we don't lose sight of how strong we really are*» (Clinton, 2016); «*And I promise you this – no one – no one – is going to work longer and campaign harder to win your trust and support than this son of Catherine Eugenia and Joseph Biden!*» (Biden, 2019); «*Together we will make America wealthy again. We will make America strong again. We will make America proud again. We will make America safe again and we will make America great again*» (Trump, 2020).

Не вызывает сомнений, что предвыборные менасивы также адресованы фокусной группе избирателей, так как такие высказывания являются непосредственной составляющей публичного выступления политика и участвуют в реализации его глобальной коммуникативной цели. Однако, несмотря на то, что избиратель выступает в качестве адресата предвыборных менасивов и объекта прагма-эмоционального воздействия политика, в рамках настоящего исследования перспективно обратить внимание на такой прагматический компонент (параметр) как *адресатная направленность* негативных последствий (консеквентного компонента), декларируемых в высказываниях-угрозах.

Эмпирический материал даёт основание утверждать, что консеквентный компонент (а именно возможное наказание или санкция) предвыборных менасивов может содержать указание на определенные негативные последст-

вия как для фокусной аудитории политика, т.е. для потенциальных *избирателей*, так и для представителей оппозиции, нефокусной аудитории политика, т.е. *не-избирателей*. Из сказанного следует, что признак адресатной направленности консеквентного компонента способен делить все предвыборные менасивы на две разновидности (группы): 1) менасивы с негативными последствиями *для избирателей* и 2) менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей*. Также возможно использование понятия «адресатная разновидность высказываний-угроз», которое включает в свой содержательный объем обозначенные группы высказываний.

С позиции выбранного подхода к рассмотрению менасивных высказываний как коммуникативного конструкта предвыборной угрозы есть все основания полагать, что прагматическая направленность негативных последствий менасивов (консеквентного компонента вербальной угрозы) в адрес какой-либо группы лиц способна оказывать дифференцированное воздействие на избирателей. В частности, складывается картина, что менасивы с негативными последствиями *для избирателей*, адресованные избирателям и декларирующие им возможность наступления негативных последствий, оказывают более интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на электорат, чем менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей*. Кроме того, манифестационные и функционально-семантические особенности адресатных разновидностей высказываний-угроз – менасивов с негативными последствиями *для избирателей* и менасивов с негативными последствиями *для не-избирателей* – могут быть использованы как критерии для макросегментации диспозиций модальности Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

Следуя выбранной логике рассуждений, можно утверждать, что менасивы, которые содержат указание на негативные последствия *для не-избирателей*, оказывают аффицированное положительное (также: легкое) воздействие на избирателей в пороговых пределах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки К до точки 0, так как характер и вид негатив-

ных последствий таких высказываний затрагивает избирателей косвенно. Примечательно, что субъектом воздействия в менасивах с негативными последствиями *для не-избирателей*, как правило, является политик. В русле сказанного становится понятным, что менасивы с негативными последствиями *для избирателей* вводят массового адресата в диапазон аффицированных отрицательных переживаний, находящийся в пороговых пределах от точки 0 до точки Д коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Характерно, что политик не является субъектом воздействия в менасивах с негативными последствиями *для избирателей*.

Предлагаемые критерии макросегментации диспозиций модальности Я-избирателя можно отобразить на оси К↔Д коммуникативного конструкта предвыборной угрозы:

Схема 10

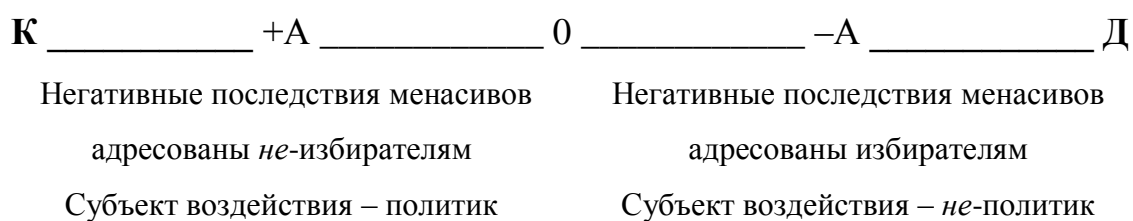

Схема демонстрирует, что диспозиции Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы формируются при помощи менасивов, обладающих различной интенсивностью прагма-эмоционального воздействия на избирателей в силу совокупности их манифестационных и функционально-семантических свойств. В частности, диспозиция модальности Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы находится в определенном соотношении с такими критериями как адресатная направленность негативных последствий вербальной угрозы и потенциальный исполнитель санкционного воздействия. При этом использование политиком адресатной разновидности менасива направлено на оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на избирателей.

Выделенные две группы менасивов характеризуются различной частотностью реализации в американском предвыборном дискурсе. На мате-

риале исследования зафиксировано внушительное количество менасивов первой группы, содержащих указание на негативные последствия *для избирателей*, что составляет около 60,62 % от общего количества примеров. Например: «*We borrow a million dollars a minute. This vast accumulation of debt threatens not just our economy, but our security*» (Paul, 2015); «*We can create jobs, but as we've all seen America can't succeed unless we strengthen the first economy – the American family*» (Santorum, 2015); «*But we cannot rebuild the American Dream here at home by catering to the voices of the privileged and the powerful*» (O'Malley, 2015); «*Instead of bringing us together as one America, Democrats want to splinter us into factions and tribes*» (Trump, 2019).

Авторы представленных высказываний-угроз информируют массового адресата о сложной ситуации в стране, а также сообщают о том, что эта ситуация может ухудшиться, если избиратели не будут принимать участия в политической жизни страны и не выберут на пост Президента США такого кандидата, который сможет принять решения, связанные с улучшением качества жизни, стабилизацией экономической ситуации и урегулированием внешнеполитических конфликтов. Конечно, менасивы с негативными последствиями *для избирателей* используются политиками не с целью запугать электорат перечислением возможных санкций, а для того, чтобы продемонстрировать массовому адресату возможное наступление негативных последствий в случае предпочтения другого кандидата на выборах и побудить тем самым проголосовать за свою кандидатуру. В этой связи можно утверждать, что функционально-семантической особенностью менасивов с негативными последствиями *для избирателей* является их **превентивный характер**, направленный на то, чтобы уберечь электорат от наступления таких последствий и выбора “неправильного” кандидата.

Таким образом, к адресатной разновидности высказываний-угроз с негативными последствиями *для избирателей* относятся предвыборные менасивы, автор которых (политик) декларирует избирателю возможные негативные последствия, направленные в адрес избирателя, которые наступят в том

случае, если избиратель не совершит каузируемые политиком действия: не проголосует за его кандидатуру на выборах.

Наряду с реализацией высказываний-угроз с негативными последствиями *для избирателей* все участники американской предвыборной дискуссии активно используют вторую разновидность менасивов. Высказывания-угрозы с негативными последствиями *для не-избирателей* (также для представителей нефокусной аудитории или третьих лиц) отмечены в 39,38 % случаях от общего количества анализируемых менасивов, например (адресаты негативных последствий выделены полужирным курсивом): «*It is time to start making rules for **the rule-makers***» (Bush, 2015); «*And if **companies** take tax breaks and then ship jobs overseas, we'll make **them** pay us back*» (Clinton, 2016c); «*It begins with a new, fair trade policy that protects our jobs and stands up to **countries that cheat***» (Trump, 2016b). Зафиксированные данные показывают, что указанная адресатная разновидность менасивов является востребованной в публичных выступлениях политиков, так как прагматическая направленность предвыборных высказываний-угроз в адрес многочисленных групп людей, отличающихся интересами, целями и по-разному представляющих себе будущее страны и главу государства, способствует внушительному охвату аудитории и увеличивает шанс того, что в фокусе прагма-эмоционального воздействия выступления политика окажется избиратель, который проголосует за их автора.

Более того, приведенные примеры позволяют полагать, что вербальная манифестация предвыборной угрозы, содержащей указание на негативные последствия для представителей нефокусной аудитории, ориентирована на формирование у избирателей образа политика, который разделяет интересы электората и готов решать существующие проблемы. Например, Хилари Клинтон как автор менасива «*Wall Street, corporations, and the super-rich are going to start paying their fair share of taxes*» (Clinton, 2016c) декларирует избирателям готовность решить вопрос экономической несправедливости, ориентируя прагма-эмоциональное воздействие своей угрозы на избирателей,

которые недовольны сверхприбылью ряда компаний и которые могут поддержать идею Хилари Клинтон повысить налоги для граждан с высокими доходами. В таком случае декларирование политиком возможных негативных последствий для представителей нефокусной аудитории («*Wall Street, corporations, and the super-rich*») выполняет роль аттрактантов избирателей.

В русле сказанного становится очевидным, что функционально-семантическая особенность предвыборных менасивов с негативными последствиями для не-избирателей заключается в том, что политик как автор таких высказываний стремится продемонстрировать фокусной аудитории свое намерение принимать активное участие в жизни избирателей и решить экономические, социальные и внешнеполитические проблемы, а также показать свою готовность бороться с общим “врагом” в лице представителей оппозиции, действующей власти, чиновников, недобросовестных бизнесменов или нарушителей законности. Поэтому со всей уверенностью можно считать, что предвыборные высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей несут **обвинительное значение**, являясь демонстративно категоричными менасивами.

Примечательно, что менасивы с негативными последствиями для не-избирателей зафиксированы в публичных выступлениях практически всех кандидатов на пост Президента США в период с 2015 и 2020 годы, за исключением предвыборных речей Девала Патрика (Patrick, 2020), Тима Райана (Ryan, 2019) и Эндрю Яна (Yang, 2018). При этом данная группа предвыборных менасивов не является однородной, а включает 9 адресатных разновидностей, выделенных на основе более подробного структурирования направленности их консеквентного компонента (адресаты негативных последствий выделены полужирным курсивом):

– менасивы с негативными последствиями для представителей оппозиции, например: «*I want to be president to defeat **the enemies** trying to kill us, not just penalize them or criticize them or contain them, but defeat them*» (Graham, 2015); «*I'll fight back against **Republican** efforts to disempower and disenfran-*

chise young people, poor people, people with disabilities, and people of color» (Clinton, 2015); *«I am going to give a major speech on probably Monday of next week and we're going to be discussing all of the things that have taken place with **the Clintons**»* (Trump, 2016); *«So if you want to know what the first and most important plank in my climate proposal for America is: beat **Trump**»* (Biden, 2019); *«Remember, the only thing **these corrupt politicians** will understand is an earthquake at the ballot box. That's what they will understand. And they're gonna see it»* (Trump, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата, например: *«Nationwide, if I am president, we will take the power of choice away from **the unions and bureaucrats** and give it back to parents»* (Bush, 2015); *«I will push to take the power and money out of **Washington** and send it to our states and our schools, where it is more effective, more efficient and more accountable to the people of America»* (Walker, 2015); *«We need to – we need to cut the **bureaucracy**, and strengthen our services»* (Kasich, 2015); *«We need to change the rules to clean up **Washington**»* (Warren, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для представителей мирового сообщества, в том числе для отдельных “стран-агрессоров”, например: *«It is time to get tough with **the Chinese** on currency manipulation and espionage»* (Trump, 2015a); *«We need to stop the aggression of **Russia** into sovereign nations»* (Walker, 2015); *«**The world** will not be free and successful if America is weak and apologetic»* (Gilmore, 2015); *«The lack of long term peace and stability in the Middle East, so central to our nation's security, threatens the safety and security of **our men and women around the world, our allies and partners in fighting terror, and our strategic economic interests**»* (Messam, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для граждан с высокими доходами или для прибыльных (в том числе монопольных) предприятий и финансово-страховых компаний, например: *«This campaign is going to send a message to **the billionaire class**. And that is: you can't have it all»* (Sanders,

2015); «*If **corporations** try to move their headquarters to a foreign country to skip out on their tax bills, let's slap a new exit tax on them, and then put that money to work in the communities left behind*» (Clinton, 2016b); «*Break up **monopolies** when they choke off competition*» (Warren, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для представителей международных запрещенных организаций и поддерживающих их граждан, например: «*And yes, if necessary American force will be used to actually defeat and destroy **ISIS**, so they can pose no threat to us here*» (Pataki, 2015); «*On behalf of your children and mine, I'd rather take the fight to **them** than wait for them to bring the fight to us*» (Walker, 2015); «*To make life safe for all our citizens, we must also address the growing threats we face from outside the country: we are going to defeat **the barbarians of ISIS***» (Trump, 2016b); «*I've laid out my strategy for defeating **ISIS***» (Clinton, 2016c);

– менасивы с негативными последствиями для иммигрантов-нелегалов, например: «*They want to put **immigrants**, who work hard and pay taxes, at risk of deportation*» (Clinton, 2015); «*Let me tell you, I'm going to force **them** right back into their country. They're murderers and some very bad people*» (Trump, 2016e); «*And their response is to blame **immigrants** as the source of all our problems*» (Harris, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для нарушителей законности или нормативных требований, в том числе для киберпреступников и коррупционеров, например: «*I have a message to every last person threatening the peace on our streets and the safety of our police: when I take the oath of office next year, I will restore law and order to our country*» (Trump, 2016b); «*We will work tirelessly with responsible gun owners to pass common-sense reforms and keep guns out of the hands of **criminals, terrorists, and all others who would do us harm***» (Clinton, 2016c);

– менасивы с негативными последствиями для представителей банковской системы, например: «*It is time to close loopholes for **Wall Street** and create far more opportunities for small businesses*» (Trump, 2015a); «*Stand up against big*

Wall Street banks who gamble with our money and our future» (Gabbard, 2019);

– менасивы с негативными последствиями для представителей СМИ, например: «*All of these liars will be sued after the election is over»* (Trump, 2016e); «*Watch. We'll drive the media crazy»* (Trump, 2019a).

Очевидно, что, используя адресатные разновидности высказываний-угроз с негативными последствиями для не-избирателей, политик стремится противопоставить избирателя как представителя массового адресата всем тем третьим лицам и не-избирателям, которым он угрожает в предвыборных выступлениях. Создается впечатление, что согласно менасивам предвыборных выступлений политиков, избиратель – это тот, кто не нарушает законы, не поддерживает коррупцию, не распространяет фальшивую информацию, избиратель противопоставляется не-избирателям, оппонентам и всем тем, кто нарушает законы, ничего не делает для развития страны, а также предлагает реформы, которые не принесут пользы стране.

Наличие указанного противопоставления служит причиной запуска механизма идентификации избирателем своего Я в пространстве агональной политической коммуникации, а также процесса причисления избирателем себя к определенной группе лиц и выбора соответствующей манеры поведения. В том случае, если адресатная направленность негативных последствий высказываний-угроз совпадает с интересами и политическими предпочтениями избирателя и если избиратель не находит общих характеристик у себя и третьих лиц (т.е. потенциальных объектов негативных действий политика и его команды), то такой избиратель оказывается фокусным для политика и есть все основания полагать, что он проголосует за политика. По этой причине можно полагать, что прагматическая эффективность функционирования предвыборных менасивов с различной адресатной направленностью консеквентного компонента основана именно на таком противопоставлении.

Таким образом, адресатная разновидность высказываний-угроз с негативными последствиями для не-избирателей включает в свой состав менасивы, в которых политик декларирует избирателю определенные санкции

или негативные последствия, направленные в адрес представителей оппозиции и нефокусной аудитории за совершенные (или планируемые к совершению) ими действия, негативно отразившиеся на развитии страны. Тем самым политик каузирует массового адресата не поддерживать оппозицию, а предпочесть автора менасива.

Предлагаемая таблица содержит сведения о частотности реализации адресатных разновидностей предвыборных менасивов в американском политическом дискурсе (разновидности менасивов перечислены в порядке уменьшения их частотности проявления на материале исследования):

Таблица 10

Адресатные разновидности предвыборных менасивов

№ п\п	Адресатные разновидности высказываний-угроз	Кол-во (в процентах)
I	<i>Менасивы с негативными последствиями для избирателей</i>	60,62
1	Менасивы с негативными последствиями для избирателей	60,62
II	<i>Менасивы с негативными последствиями для не-избирателей</i>	39,38
2	Менасивы с негативными последствиями для представителей оппозиции	10,04
3	Менасивы с негативными последствиями для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата	8,89
4	Менасивы с негативными последствиями для представителей мирового сообщества, в том числе для отдельных “стран-агрессоров”	6,99
5	Менасивы с негативными последствиями для граждан с высокими доходами или для прибыльных (в том числе монопольных) предприятий и финансово-страховых компаний	5,38

6	Менасивы с негативными последствиями для представителей международных запрещенных организаций и поддерживающих их граждан	3,37
7	Менасивы с негативными последствиями для иммигрантов-нелегалов	2,41
8	Менасивы с негативными последствиями для нарушителей законности или нормативных требований, в том числе для киберпреступников и коррупционеров	1,6
9	Менасивы с негативными последствиями для представителей банковской системы	0,45
10	Менасивы с негативными последствиями для представителей СМИ	0,25

Таблица демонстрирует наличие 10 разновидностей высказываний-угроз, свидетельствуя о широкой адресатной направленности предвыборных менасивов. При этом бросается в глаза, что ряд разновидностей является наиболее распространенным в публичных выступлениях кандидатов.

Показательно, что самыми актуальными для американского предвыборного дискурса являются менасивы с негативными последствиями *для избирателей*. Такая адресатная разновидность менасивных высказываний присутствует в публичных выступлениях практически всех кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, за исключением предвыборной речи Уильяма Велда от 15 апреля 2019 года (Weld, 2019), который использовал менасивы с негативными последствиями только *для не-избирателей*, в частности, *для представителей оппозиции и для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата*. Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые кандидаты на пост Президента США – а именно Деваль Патрик (Patrick, 2019), Тим Райан (Ryan, 2019) и Ян Эндрю (Yang, 2018) – использовали в публичных выступлениях только высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей*.

Логично бы предположить, что менасивы с негативными последствиями *для избирателей* могут способствовать предпочтению электоратом другого кандидата, не угрожающего им. Однако результаты выборов Президента США 2016 и 2020 годов (см. Election results, URL) указывают на то, что кандидаты, победившие на выборах – Дональд Трамп в 2016 году и Джо Байден в 2020 году – активно употребляли в ходе своей предвыборной кампании высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей*.

Достаточно регулярными для американского предвыборного дискурса являются менасивы с негативными последствиями *для представителей оппозиции*, насчитывающие около 10,04 % от общего числа примеров, а также менасивы с негативными последствиями *для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата*, составляющие примерно 8,89 % от общего количества предвыборных менасивов. Примечательным в этом плане является то обстоятельство, что в ходе предвыборной кампании 2016 года в ряде публичных выступлений Хилари Клинтон как кандидата на пост Президента США от демократической партии не зафиксированы менасивы с негативными последствиями *для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата* (Clinton, 2015; 2016с). Однако в предвыборных выступлениях Дональда Трампа, кандидата от республиканской партии на пост Президента США в 2016 и 2020 годах, содержатся менасивы с негативными последствиями *для представителей действующей власти, чиновников, госаппарата*, например: «*We will drain the swamp in Washington DC and replace it with a new government – of, by, and for the People*» (Trump, 2016f) и «*So, if you want to shut down this rigged system once and for all, the show up November 3*» (Trump, 2019).

Также востребована кандидатами на пост Президента США адресатная разновидность высказываний-угроз с негативными последствиями *для представителей мирового сообщества, в том числе для отдельных “стран-агрессоров”*. Эмпирический материал позволил зафиксировать менасивы с негативными последствиями для представителей таких стран как Иран, Китай, Мексика, Пакистан, Россия, Саудовская Аравия, Северная Корея, Сирия и

Япония, например: «*We will stand with our allies in NATO and the free Baltic states against a resurgent **Russia***» (Pataki, 2015); «*My very first act as president will be to rescind any agreement with **Iran** that legitimizes their quest to get a nuclear weapon*» (Perry, 2015); «*If I am elected as your President I can promise you that we will not accept **China's** continuing military expansion and intimidation in such areas as the South China Sea*» (Webb, 2015). Высказывания обозначенной адресатной разновидности задействованы примерно в 6,99 % случаев от общего количества анализируемых предвыборных менасивов.

Полученные данные свидетельствует о том, что четыре перечисленные разновидности менасивов (пронумерованы в таблице 10 цифрами от 1 до 4) являются наиболее актуальными для американской предвыборной дискурсии 2016 и 2020 годов, так как политики регулярно их используют в своих публичных выступлениях, решая стратегическую задачу оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей. При этом, если посчитать количество менасивов, которые относятся к указанным четырем разновидностям, то получим около 86,54 % от общего количества примеров. Становится понятным, что такие разновидности высказываний-угроз являются не только наиболее частотными для публичных выступлений претендентов на пост Президента США в рассматриваемый период, но и составляют *основу менасивного воздействия* их предвыборной дискурсии.

Проведенный анализ обнаруживает наличие в американском предвыборном дискурсе *нерегулярных* или второстепенных адресатных разновидностей менасивов. Такие разновидности пронумерованы в таблице 10 цифрами от 5 до 10 и насчитывают около 13,46% от общего количества примеров. В их число, как правило, входят адресатные разновидности высказываний-угроз, которые редко используются политиками и характерны для предвыборных выступлений только некоторых кандидатов на пост Президента США. Так, например, в ходе предвыборной кампании 2020 года разновидность менасивов с негативными последствиями *для представителей СМИ* задействована

только в интервью Дональда Трампа компании NBC (National Broadcasting Company), ср.: «*We'll drive the media crazy* (Trump, 2019a).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что в американской политической коммуникации преобладают менасивы с негативными последствиями *для избирателей*, которые направлены на оказание достаточно интенсивного воздействия на массового адресата, в частности, на формирование у избирателей аффицированных отрицательных переживаний в пороговых пределах от точки 0 до точки Д коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Материал исследования фиксирует, что высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей* лишь с незначительным “перевесом” преобладают над менасивами с негативными последствиями *для не-избирателей*. Отмеченное обстоятельство свидетельствует о том, что выбранные политиком адресатные разновидности высказываний-угроз только в общих чертах – по признаку формирования аффицированного положительного или аффицированного отрицательного состояния избирателей – могут определять прагма-эмоциональное воздействие политика на электорат, так как политики используют практически один и тот же перечень адресатов негативных последствий предвыборных менасивов.

Итак, прагматический компонент *адресатной направленности* негативных последствий высказываний-угроз делит массив эмпирического материала на две неравномерные группы высказываний по признаку “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей. Тем не менее, полученные результаты не позволяют установить, какими функционально-семантическими и манифестационными свойствами обладают менасивы, которые формируют, например, диспозицию +3А (умиротворение) или диспозицию –2А (страх) коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В этой связи возникает необходимость рассмотреть подробнее функционально-семантические свойства менасивов с негативными последствиями *для избирателей* и *для не-избирателей*, расположив такие высказывания на градуированной шкале коммуникативного конструкта предвыборной угрозы

с учетом установленного лингвокогнитивного соотношения между представлениями носителей английского языка о вербальной угрозе и прагма-эмоциональным воздействием конкретных актов менасивной каузации, реализованных в условиях агональной политической дискурсии. Эта задача будет решена в следующем разделе настоящей главы.

4.3. Модус положительных диспозиций Я-адресата предвыборного менасива

В предыдущем разделе зафиксировано, что менасивы, которые содержат указание на негативные последствия *для не-избирателей* – представителей оппозиции, действующей власти или нефокусной аудитории – оказывают аффицированное положительное (также: легкое) воздействие на электорат в пороговых пределах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки К (комфорт) до точки 0 (точки отсчета градуированности). В частности, менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей* призывают электорат к рациональной (осознанной) оценке социально-политических проблем в стране и к пониманию сложившейся ситуации, при которой ущемляются права граждан США, процветает преступность, остро обозначена необходимость реформирования финансовой системы, нивелируются интересы и благополучие граждан, а также ставятся под сомнение моральные и демократические ценности. При помощи менасивов с негативными последствиями *для не-избирателей* кандидат формирует в своих предвыборных выступлениях такую коммуникативную реальность, в которой берет на себя роль политического лидера, понимающего причины сложившегося положения дел и готового принять конкретные санкционные меры в отношении не-избирателей – представителей оппозиционной партии, действующей власти или нефокусной аудитории – чтобы направить развитие страны в сторону улучшения качества жизни и благосостояния граждан, т.е. своего электорального сообщества.

Не вызывает сомнений, что в менасивах с негативными последствиями для не-избирателей потенциальным исполнителем санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории является политик и / или его команда, например: «*My ethics plan will end the corruption in our government*» (Trump, 2016f); «*Finally, let's make sure that Wall Street corporations and the super rich pay their fair share of taxes*» (Clinton, 2016b); «*It is about ending a campaign finance system which is corrupt and allows billionaires to buy elections*» (Sanders, 2016). Однако, несмотря на то, что высказывания-угрозы с негативными последствиями для не-избирателей не содержат указания политика на совершение некоторых санкционных действий в отношении избирателей, указанная разновидность высказываний способствует перемещению диспозиции Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта, так как заставляет их задуматься о сложном пути реформирования общественно-политического устройства государства и потенциальном наказании тех, кто, по мнению политика, не работает на благо страны.

Эмпирический материал фиксирует, что группа высказываний-угроз с негативными последствиями для не-избирателей, функционирующая в качестве агитационно-воздействующего ресурса в предвыборных выступлениях претендентов на пост Президента США, является неоднородной в функционально-семантическом плане и включает в свой состав менасивы, обладающие некоторыми “оттенками” значений, которые определяют их прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата. Поэтому для адекватного описания механизма интерпретации и оценки предвыборных менасивов с негативными последствиями для не-избирателей, оказывающих прагма-эмоциональное воздействие на электорат в модусе (лимологическом пространстве) аффицированных положительных диспозиций Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, целесообразно выяснить, какими манифестационными и функционально-семантическими особенностями обладают менасивы, которые формируют диспозиции Я-избирателя в точках +3А, +2А и +1А рассматриваемого конструкта. Одним словом, целесооб-

разно установить лингвокогнитивное соотношение между функционально-семантическими разновидностями менасивов с негативными последствиями для *не-избирателей* и диспозициями Я-избирателя, находящимися в точках +3А, +2А и +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

4.3.1. Диспозиция Я-избирателя в точке «умиротворение»

Материал исследования дает основание полагать, что в массиве высказываний-угроз с негативными последствиями для *не-избирателей* можно выделить *угрозы-обещания*, которые оказывают незначительное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку +3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Иными словами, угрозы-обещания соотносятся с диспозицией «умиротворение» (отсутствие переживаний вообще) коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и являют собой разновидность менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политиком-кандидатом обещаний в функции угрозы.

Уместно уточнить, что коренное различие между обещаниями и угрозами состоит в том, что «обещание есть обязательство сделать что-то *в пользу* адресата, тогда как угроза есть обязательство что-то сделать *в ущерб ему*» (Серль, 1986а: 163). В свою очередь, предвыборные угрозы-обещания можно охарактеризовать как особую функционально-семантическую разновидность высказываний, которые являют собой обязательство политика сделать что-либо в интересах избирателей, но не в интересах его нефокусной аудитории. Например, кандидат на пост Президента США в 2016 году Элизабет Уоррен в угрозе-обещании «*We need to take power in Washington away from the wealthy and well-connected and put it back in the hands of the people where it belongs!*» (Warren, 2019) декларирует электорату свое намерение лишить власти обеспеченных граждан (вполне очевидно, что представителей оппозиции), обладающих связями в обществе, передав власть народу, т.е. избирателям. В частности, автор декларирует избирателям наступление положительных изме-

нений («*put it back in the hands of the people*»), которые окажутся возможными только посредством совершения политиком определенных санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории («*We need to take power in Washington away from the wealthy and well-connected*»). Следовательно, в рассматриваемом менасиве упоминание кандидата о возможных негативных последствиях для представителей оппозиции может быть оценено избирателями как обещание, а реализация политиком такого высказывания будет способствовать привлечению внимания электората.

В контексте сказанного любопытно предвыборное выступление Хилари Клинтон, в котором она использует последовательность из угроз-обещаний, связанных с перспективой экономического развития страны и необходимостью реформировать финансовую систему. Политик реализует угрозы-обещания «*First, we have to build an economy that works for everyone, not just those at the top*» (Clinton, 2016d) и «*We're going to do it by having the wealthy pay their fair share and close the corporate loopholes*» (Clinton, 2016d). Показательно, что в первом менасиве Хилари Клинтон обещает массовому адресату создать такую экономическую систему в стране, которая будет ориентирована на средний класс, а не на состоятельных представителей американского общества («*for everyone, not just those at the top*»). Во втором высказывании кандидат уточняет, что добиться желаемого успеха в сфере экономического развития получится только при условии совершения определенных санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории («*by having the wealthy pay their fair share and close the corporate loopholes*»).

Таким образом, дифференциальным семантическим свойством угроз-обещаний является то, что они комплексно сочетают в своем содержательном объеме менасивную направленность для представителей нефокусной аудитории политика и указание на некоторые действия или события, которые находятся в интересах избирателей, ср. также: «*I want to be president to make government work for you, not the other way around*» (Graham, 2015); «*A candidacy that makes a single promise: That I will rally America to build a mandate*

strong enough to force that Congress to give us a democracy» (Lessig, 2015); «That's how we're going to make sure this economy works for everyone, not just those at the top» (Clinton, 2016c).

Аргументная субкатегоризация дает возможность приписать субъекту воздействия угроз-обещаний следующие семантические признаки: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиции Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; + потенциальный исполнитель санкционного действия. В свою очередь, объект каузации характеризуется семантическими признаками: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Помимо перечисленных семантических признаков угроз-обещаний важно уточнить, что зафиксированная функционально-семантическая разновидность менасивов характеризуются таким дополнительным показателем диалогического взаимодействия как коммуникативная заинтересованность избирателей в осуществлении политиком обещаемых (негативных, санкционных) действий (подробнее о показателях диалогического взаимодействия см.: Романов, 1988: 56; 66-67). Более того, указанный показатель диалогического взаимодействия выступает в качестве дифференциального критерия угроз-обещаний. В частности, политик как автор угроз-обещаний декларирует электорату возможное наступление санкционных последствий для представителей нефокусной аудитории, которые совершали или совершают некоторые действия не на благо избирателей. По этой причине совершение политиком декларируемых действий находится в интересах избирателей. К тому же из угроз-обещаний становится понятным, что выполнение политиком декларируемых действий принесет определенную пользу (выгоду) избирателям, так как будет способствовать, по мнению политика и поддерживающих

его граждан, улучшению положения дел в стране и качества жизни потенциальных избирателей, например: «*If you make me president, I'll fight each day harder than I fought the day before to keep this country safe, prosperous and as good as the people who made it great*» (Graham, 2015); «*Our record of standing for you and standing up against big government is clear*» (Santorum, 2015).

Получается, что предвыборные угрозы-обещания, которые одновременно содержат указание политика на намерение сделать что-то в ущерб ряду лиц (как правило, представителям оппозиции) и обещание сделать что-то в пользу избирателей, обладают **двойной прагматической (целевой) направленностью**. Тем не менее, их иллюкутивной доминантной является менаживное значение или значение угрозы, так как декларируемая политиком возможность реализации санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории выступает условием выполнения его обещания. Например, в угрозе-обещании «*I promised then as I promise you now, I will take money and power out of Washington and put it back where our Constitution says it belongs – in the people who earned it*» (Santorum, 2015) содержится обещание автора восстановить конституционные права граждан США, что оказывается возможным только благодаря сообщению политика о санкционном воздействии – оптимизации деятельности ряда аппаратно-управленческих структур.

Как известно из работ по прагматике общения, автор высказывания-обещания выступает гарантом реальности обещаемого, а адресат такого высказывания «имеет право требовать реализации обещанного» (Романов, 1988: 59). Однако, автор предвыборных угроз-декларативов не может выступать гарантом реальности обещаемого. Более того, он не может быть уверен в возможности реализовать свое обещание, так как возможность осуществить обещанное у него появиться только в случае победы на выборах. В таком случае избиратель как адресат угрозы-обещания не имеет право требовать от политика реализации обещанного. Вполне очевидно, что обозначенные функционально-семантические особенности угроз-обещаний определяют их прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата, способствуя пе-

ремещению диспозиции Я-избирателя в точку +3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Таким образом, двойная прагматическая направленность предвыборных угроз-обещаний способствовала тому, что в исследуемом материале отмечено только около 9,26% угроз-обещаний от общего количества примеров. Кроме того, можно полагать, что угрозы-обещания оказались неактуальными для анализируемого предвыборного дискурса, так как для принятия решения избирателям нужны гарантии совершения декларируемых политиками действий, а не потенциальные условия исполнения таких обещаний.

4.3.2. Диспозиция Я-избирателя в точке «спокойствие»

Массив высказываний-угроз с негативными последствиями для не-избирателей включает *угрозы-призывы* или *лозунговые угрозы*, которые оказывают аффицированное положительное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку +2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Угрозы-призывы соотносятся с диспозицией «спокойствие» (отсутствие постоянных переживаний) рассматриваемого коммуникативного конструкта и представляют собой разновидность менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политиком-кандидатом призывов в функции угрозы.

Следует уточнить, что любой предвыборный менасив обладает побудительным значением и ориентирован на побуждение избирателей предпочесть автора такого высказывания на выборах. В свою очередь, угрозы-призывы являют собой побуждение кандидата привлечь избирателей к совместному выполнению негативных действий в отношении нефокусной аудитории политика. Например: «*Together we will end gerrymandering, we will get big money out of our politics, and all across this country, we will have automatic and same-day voter registration*» (O'Rourke, 2019); «*I ask you to join me, in this spirit of putting service before self, to stand up against the forces of greed and corruption*» (Gabbard, 2019).

Не вызывает сомнений, что в прагматическом плане предвыборные угрозы-призывы сходны с директивным типом высказываний в силу того, что политик, побуждая избирателей проголосовать за него, призывает их к совершению совместных действий-санкций в отношении представителей нефокусной аудитории. Однако отличительной особенностью предвыборных угроз-призывов является то обстоятельство, что политики призывают избирателей принять участие в совершении именно тех санкционных действий, которые помогут решить наиболее актуальные проблемы в стране. Показательно, что для усиления прагма-эмоционального воздействия лозунговых менасивов политик указывает на причину (выделена полужирным курсивом), по которой необходимо совместное совершение перечисляемых им санкционных действий, ср.: «*Will we fight, with every fiber of our being, **because everything we care about is at stake?***» (Gillibrand, 2019); «*The horror show in Washington is mesmerizing, all-consuming. But starting today, we are going to change the channel*» (Buttigieg, 2019).

В контексте американской агональной дискурсии можно наблюдать широкие возможности поверхностной манифестации угроз-призывов утвердительными, побудительными или вопросительными языковыми формами, например: «*And it is time that we – we who are citizens, we who are not politicians – fight to get it back*» (Lessig, 2015); «*Let's have an active, open minded approach to the drug trafficking that can corrupt everything from the courts to the banks, to law enforcement in our hemisphere*» (Chafee, 2015); «*And with all of you, together, we'll prove them wrong again, won't we? We'll prove them wrong again*» (Kasich, 2015). Обращает на себя внимание тот факт, что авторы угроз-призывов регулярно маркируют субъект воздействия личным местоимением множественного числа – местоимением «we». Например, Дональд Трамп в лозунговой угрозе «*But to do that, we must break free from the petty politics of the past*» (Trump, 2016b) призывает избирателей к активному участию в политической жизни страны («*we must break free*») и побуждает их не допустить до управления страной представителей оппозиционной партии

(«*the petty politics of the past*»). Ср. также: «*That's why – working together – we can fight and win for America*» (Walker, 2015).

Эмпирический материал позволяет установить, что кандидаты могут маркировать свой призыв к совершению совместных действий-санкций в отношении представителей нефокусной аудитории имплицитными высказываниями-угрозами, из которых очевидно, что каузатором перемещения диспозиции Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта выступает политик, а потенциальным исполнителем санкционных действий является коллективный исполнитель – политик и избиратели, например: «*In Washington they know that the voters want the border secured, but they refuse to do it. But you and I can, and we will*» (Jindal, 2015); «*The power of the American people when we rise up and stand for liberty knows no bounds*» (Cruz, 2015). Также для поверхностной репрезентации угроз-призывов политики широко используют языковое выражение «*it's time to do smth*», например: «*When the federal government can destroy your business, erode your Second Amendment rights, threaten your liberty and your security through mindless regulations and illegal executive orders, it's time to take a new path*» (Gilmore, 2015); «*It is time for patriotic men and women across our great nation to stand and plant a flag*» (Weld, 2019); «*The greatest generation saved our country from tyranny. It's time for our generation to step up and do the same*» (Moulton, 2019).

Становится понятным, что дифференциальным функционально-семантическим признаком угроз-призывов является включение в позицию субъекта воздействия признака «коллективный исполнитель санкционного действия». В этой связи семантические признаки субъекта воздействия угроз-призывов могут быть представлены в наборе: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; + коллективный исполнитель санкционного действия (политик и избиратели). В свою очередь, объект каузации угроз-призывов характеризуется семантическими признаками: + одушевленное ли-

цо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Несмотря на широкие возможности воздействующего потенциала предвыборных угроз-призывов, такие высказывания отмечены примерно в 7,98% от общего количества примеров и являются самой малочисленной разновидностью менасивов в американской агональной дискурсии. Вполне очевидно, что каждый из претендентов на самый высокий политический пост в стране избегает регулярного использования угроз-призывов в публичных выступлениях, понимая, что он не может организовать совместное выполнение декларируемых действий, а также не может контролировать их выполнение, пока не будет избран Президентом США. Показателен и тот факт, что угрозы-призывы оказывают незначительное воздействие на эмоциональные переживания избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку +2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, так как в дискурсивной реальности политика потенциальным исполнителем санкционных действий в отношении нефокусной аудитории является коллективный исполнитель – политик и избиратели, в то время как в реальности массового адресата может существовать иное положение дел и у избирателей есть возможность отказаться от участия в «коллективной» реализации негативных действий в отношении каких-либо лиц.

4.3.3. Диспозиция Я-избирателя в точке «осознание»

В совокупном массиве высказываний-угроз с негативными последствиями для *не-избирателей* можно выделить *угрозы-декларативы (угрозы-обязательства)*, которые оказывают аффицированное положительное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Уг-

розы-обязательства соотносятся с диспозицией «осознание» (отсутствие кратковременных переживаний), формируя разновидность предвыборных менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политиком-кандидатом декларативов (обязательств) в функции угрозы. Например: «*We are going to build a great border wall to stop illegal immigration, to stop the gangs and the violence, and to stop the drugs from pouring into our communities*» (Trump, 2016b); «*I am ready to fight on behalf of every one of these issues*» (Webb, 2015); «*We will work with all Americans and our allies to fight and defeat terrorism*» (Clinton, 2016c).

Очевидно, что выделение функционально-семантической разновидности угроз-обязательств представляет собой достаточно сложную задачу, так как угрозы и декларативы относятся к декларативно-экспрессивному иллюкутивному типу высказываний в типологии регулятивных действий, предложенной А.А. Романовым (1988: 53). Более того, угрозы и декларативы в содержательном плане указывают на некоторые действия, которые планирует совершить говорящий – самостоятельно или совместно со своими единомышленниками. Тем не менее, угрозы и декларативы характеризуются рядом различий в показателях диалогического взаимодействия: декларативы обладают обоюдной коммуникативной заинтересованностью партнеров по общению, в то время как в угрозах коммуникативную заинтересованность партнеров нельзя назвать обоюдной (Романов, 1988: 66-67). Примечательно, что в большинстве случаев реализации декларативов форма сотрудничества собеседников представляет собой общение с положительным отношением партнеров к действиям и обязанностям друг друга, а реализация угрозы, как правило, связана с необходимостью одного из партнеров изменить свое поведение под действием возможного наказания. Кроме того, в декларативах отношения партнеров чаще всего нейтральные или доброжелательные, а тематическое содержание угроз затрагивает дискомфортность партнеров.

В русле сказанного становится понятным, что угрозы-декларативы, зафиксированные в политической коммуникации претендентов на пост Прези-

дента США, характеризуются сочетанием функционально-семантических свойств декларативов и менасивов. Во-первых, предвыборным угрозам-декларативам присуща обоюдная коммуникативная заинтересованность политика и избирателя, так как содержание декларируемых в них негативных действий адресовано представителям нефокусной аудитории и затрагивает избирателей косвенно. Во-вторых, адресатная направленность негативных последствий предвыборных угроз-декларативов указывает на согласованную форму сотрудничества между политиком и избирателем.

Таким образом, предвыборные угрозы-декларативы “вбирают в себя” показатели диалогического взаимодействия по типовому фрейму декларатива и угрозы. В этой связи следует отметить, что угрозы-декларативы не могут характеризоваться нейтральным или доброжелательным отношением собеседников друг к другу, так как такие менасивы направлены на введение избирателей в аффицированное положительное эмоциональное состояние, в частности, в диспозицию +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы с целью побудить их проголосовать за политика. Иначе говоря, предвыборные угрозы-декларативы объединяют в себе семантические характеристики угроз и декларативов, функционируя как особая манипулятивно-воздействующая разновидность менасивов в условиях агональной дискурсии.

Анализ языкового материала показывает, что отличительной особенностью поверхностной манифестации угроз-декларативов является указание политика в эксплицитной или имплицитной форме на планируемое совершение некоторых санкционных действий в отношении представителей нефокусной аудитории. Предвыборные угрозы-декларативы могут быть маркированы простыми или сложными синтаксическими конструкциями с одним или несколькими консеквентными компонентами в своей структуре. Например, следующая угроза-декларатив содержит три консеквентных компонента (выделены полужирным курсивом и пронумерованы): «*As president ¹**I will take on the wealthy, ²**I will take on the big corporations, ³**I will not rest until this government serves working people*******» (de Blasio, 2019). Ср. также: «*Looking ahead, we*

need to terminate the bad deal with Iran on Day One, put in place crippling economic sanctions and convince our allies to do the same» (Walker, 2015); «*And this time, we're going to finish the job»* (Trump, 2019).

Становится очевидным, что потенциальным исполнительным санкционных действий угроз-декларативов может выступать сам кандидат на пост Президента США, например: «*I know what it takes to beat Trump, because I already have. And I will do it again»* (Bloomberg, 2019), а также политик может декларировать избирателям, что возможным исполнителем негативных действий в отношении представителей нефокусной аудитории является коллективный исполнитель, т.е. политик и его команда, например: «*But they say you cannot actually cut government spending. But we can, and we will»* (Jindal, 2015). Однако, несмотря на возможности формального варьирования потенциального исполнителя негативных действий, в каждой из обозначенных ситуаций политик как автор угрозы-декларатива берет обязательство перед избирателями совершить санкционные действия в отношении представителей нефокусной аудитории, полагая, что в момент произнесения угроз-обязательств он и его команда в состоянии это сделать.

Аргументная субкатегоризация позволяет снабдить субъект воздействия угроз-декларативов набором семантических признаков: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; + / - коллективный исполнитель санкционного действия (политик или политик и его команда). В свою очередь, семантические признаки объекта воздействия угроз-декларативов представлены в следующем наборе: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Не вызывает сомнений, что зафиксированные семантические признаки угроз-обязательств выступают критериями для их отграничения от других функционально-семантических разновидностей менасивов с негативными последствиями *для не-избирателей*: угроз-обещаний и угроз-призывов. Конечно, бросается в глаза, что в угрозах-декларативах и в угрозах-призывах потенциальным исполнителем санкционных действий может быть коллективный исполнитель. Однако, в содержание признака «коллективный исполнитель» для угроз-декларативов входит политик и его команда, а в содержание указанного признака для угроз-призывов – политик и избиратели. Ср., угрозу-декларатив «*So **our team**, we'll tame the bureaucracy, restore this common sense, get rid of all the stupid rules*» (Kasich, 2015) и угрозу-призыв «*We will change Washington **together** and defeat the special interests*» (Trump, 2015a).

Отмеченный содержательный нюанс является значимым в плане прагма-эмоционального воздействия угроз-призывов и угроз-декларативов на диспозиции *Я*-избирателя в функционально-семантическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Рассмотрим, например, две функционально-семантические разновидности менасивов, реализованные оппонентами Дональда Трампа в ходе предвыборной кампании 2020 года: угрозу-призыв Берни Сандерса «*And together we can defeat Donald Trump and repair the damage he has done to our country*» (Sanders, 2019) и угрозу-декларатив Майкла Блумберга «*I'm running for president to defeat Donald Trump and rebuild America*» (Bloomberg, 2019). Представленные менасивы Берни Сандерса и Майкла Блумберга в тематическом плане связаны с политической деятельностью их оппонента – Дональда Трампа – и его неготовностью, по мнению авторов таких угроз, быть Президентом США. В частности, Берни Сандерс и Майкл Блумберг в эксплицитной форме указывают на возможность наступления негативных последствий для своего политического оппонента: «*we can defeat Donald Trump*» и «*I'm running for president to defeat Donald Trump*».

Однако угроза-призыв Берни Сандерса оказывает менее интенсивное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку +2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, так как обращение политика к участию электората в решении некоторых вопросов ставит под сомнение способность политика самостоятельно решить поставленные задачи и его возможность осуществить негативное воздействие в отношении кандидата на пост Президента США от оппозиционной партии. Складывается представление, что политик призывает избирателей принять участие в совершении санкционных действий, так как не желает или может сделать это самостоятельно. В свою очередь, угроза-декларатив Майкла Блумберга формирует диспозицию Я-избирателя в точке +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, так как отражает категоричность и непреклонность намерений политика в реализации декларируемых им негативных последствий в отношении своего оппонента на выборах.

Частотная реализация показывает, что угрозы-декларативы составляют примерно 22,14% от общего количества примеров. Таким образом, угрозы-декларативы широко распространены в предвыборных выступлениях политических деятелей, так как в функциональном плане являют собой взятие кандидатом обязательства совершить какие-либо санкционные действия в отношении представителей нефокусной аудитории.

4.4. Модус отрицательных диспозиций Я-адресата предвыборного менасива

Высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей* оказывают более интенсивное воздействие на электорат по сравнению с менасивами, содержащими указание политика на негативные последствия *для не-избирателей*. В частности, высказывания-угрозы с негативными последствиями *для избирателей* оказывают аффицированное отрицательное воздействие на электорат в пороговых пределах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки 0 (точки отсчета градуированности) до точки Д

(дискомфорт), отражая намерение политика воздействовать на идентичность избирателей таким образом, чтобы сплотить их вокруг себя для решения проблем благополучного развития страны. Есть также все основания полагать, что менасивы с негативными последствиями *для избирателей* блокируют у них рациональную оценку окружающей действительности, так как формируют коммуникативную реальность, в которой политик берет на себя роль политического лидера, а также позиционирует себя как единственного кандидата, кто видит перспективы развития государства и может направить это развитие на благо избирателей.

Материал предвыборных выступлений претендентов на пост Президента США фиксирует, что в менасивах с негативными последствиями *для избирателей* политик не является потенциальным исполнителем санкционных действий в отношении электората, так как для реализации агитационно-воздействующего потенциала своего выступления он декларирует массовому адресату возможное наступление негативных последствий, которые совершат (или совершают) в отношении избирателей представители оппозиционной партии, действующей власти или нефокусной аудитории. Кроме того, в менасивах указанной адресатной разновидности политик может декларировать возможное наступление таких негативных последствий, которые обусловлены напряженной ситуацией в стране и в мире, сложившейся по причине действия или бездействия некоторых лиц, и накопившихся противоречий в опыте сотрудничества с другими государствами.

Однако, несмотря на то, что в менасивах с негативными последствиями *для избирателей* политик не является потенциальным исполнителем санкционных действий в отношении избирателей, он является каузатором перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Эмпирический материал позволяет выделить ряд функционально-семантических разновидностей менасивов с негативными последствиями *для избирателей*, обладающих некоторыми особенностями поверхностной манифестации и “оттенками” значений, которые оп-

ределяют прагма-эмоциональное воздействие таких высказываний на массового адресата. В этой целесообразно установить лингвокогнитивное соотношение между функционально-семантическими разновидностями менасивов с негативными последствиями *для избирателей* и диспозициями Я-избирателя, находящимися в точках $-1A$, $-2A$ и $-3A$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

4.4.1. Диспозиция Я-избирателя в точке «испуг»

В массиве высказываний-угроз с негативными последствиями *для избирателей* можно выделить *угрозы-предупреждения*, которые оказывают аффицированное отрицательное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку $-1A$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Угрозы-предупреждения соотносятся с диспозицией «испуг» (кратковременное переживание) рассматриваемого коммуникативного конструкта и представляют собой разновидность менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политическим деятелем предупреждений в функции угрозы. Иными словами, автор угроз-предупреждений информируют избирателей о возможном наступлении негативных последствий с целью уберечь их от таких последствий, предложив свою кандидатуру как единственный верный политический выбор в сложившейся ситуации агональной дискурсии.

Для реализации прагма-эмоционального воздействия на избирателей при помощи угроз-предупреждений кандидаты задействуют широкие возможности вербальной манифестации своего коммуникативного намерения. Примечательной особенностью поверхностной репрезентации угроз-предупреждений является указание политика на возможные негативные действия, которые политик не планирует совершать сам в отношении своей фокусной аудитории, но от последствий которых он стремится уберечь избирателей. Например, Дональд Трамп при помощи предвыборной угрозы-предупреждения «*They want to destroy you and they want to destroy our country as we know*

it» (Trump, 2019) побуждает избирателей предпочесть его кандидатуру на выборах Президента США в 2020 году, предупреждая их о том, что другие кандидаты не смогут решить проблемы избирателей, и угрожая разрушением страны в случае выбора иного политического деятеля. Ср. также «*But now, too many Americans are starting to doubt whether achieving that dream is still possible*» (Rubio, 2015); «*I just don't want you to be shot by someone who shouldn't have a gun in the first place*» (Clinton, 2016c).

Угрозы-предупреждения, как правило, содержат указание в эксплицитной форме на того, кто будет потенциальным исполнителем негативных действий в отношении избирателей, например (потенциальные исполнители санкционных действий выделены полужирным курсивом): «*Powerful forces are threatening to pull us apart*» (Clinton, 2016c); «*Your neighbor can make you unfree*» (Buttigieg, 2019). Характерно, что в числе потенциальных исполнителей санкционных действий политики называют те лица, которые известны избирателям на основании их собственного политического опыта и которые не обладают высокой оценкой профессиональной деятельности среди представителей фокусной аудитории политика.

В американском предвыборном дискурсе зафиксированы угрозы-предупреждения, которые не содержат эксплицитного указания политика на потенциального исполнителя негативных действий, но направлены на побуждение электората проголосовать за политика и тем самым уберечь себя от наступления санкционного воздействия, например: «*Our education system is a "debt trap" for young Americans that will keep them struggling through their senior years*» (Messam, 2019); «*When you can't take your family to a movie or drop your child off at school without wondering whether or not it will be the last time that you see them*» (Messam, 2019). Материал исследования также показывает, что угрозы-предупреждения регулярно маркируются при помощи языковых конструкций «*the only way*» / «*one chance*», например: «*It is time America leads the world again, and **the only way** we can do this is to go big*» (Messam, 2019); «*We have **one chance** to defeat climate change, and it is right*

now» (Inslee, 2019); «*If we lack the courage to meet with those we disagree with, the only alternative is war*» (Gabbard, 2019).

Однако, несмотря на широкие возможности поверхностной репрезентации угроз-предупреждений в англоязычном предвыборном дискурсе, такие высказывания относятся к одной функционально-семантической разновидности в силу наличия в их содержательном объеме некоторой **временной отсрочки** в наступлении негативных последствий для избирателей. Обозначенный временной параметр позволяет массовому адресату оценить и сопоставить необходимость выполнить каузируемые действия – проголосовать за автора угроз-предупреждений, чтобы избежать наступления негативных последствий – или отказаться от выполнения каузируемых действий и, следовательно, оказаться под влиянием санкционного воздействия.

Зафиксированная временная отсрочка, снижающая категоричность и интенсивность прагма-эмоционального воздействия угроз-предупреждений, проявляется в формах будущего времени при поверхностной манифестации негативных действий, например: «*None of these big fights and equally big goals will be easy*» (Gillibrand, 2019); в виде дополнительных строевых элементов, например: «*They want to destroy you and they want to destroy our country as we know it*» (Trump, 2019), а также при помощи лексических средств, например: «*Iran is on the path to nuclear weapons*» (Trump, 2016b); «*Democratic values are under attack around the globe*» (Harris, 2019); «*Today, we're at risk of dropping the baton*» (Castro, 2019).

Материал исследования обнаруживает угрозы-предупреждения, содержащие указание на существование нереального условия в момент их произнесения политиком, например: «*Imagine if we had a Democrat President and a Democrat Congress in 2020*» (Trump, 2019); «*Imagine, if you dare imagine, imagine him in the Oval Office facing a real crisis. A man you can bait with a tweet is not a man we can trust with nuclear weapons*» (Clinton, 2016c). Из представленных менасивов становится понятным, что декларируемые в них негативные последствия еще не совершаются, но их совершение может начаться в

ближайшее время, если избиратели не предпочтут на выборах автора таких высказываний, ср. также: «*They have more safe havens, more money, more weapons and more capability to strike our homeland than anytime since 9/11*» (Graham, 2015); «*It won't happen overnight, but it won't ever happen if we don't start*» (Webb, 2015).

Более того, эмпирический материал позволяет утверждать, что ряд угроз-предупреждений содержит указание политика на благополучный исход складывающейся негативной для избирателей ситуации, демонстрируя им возможность – причем единственную возможность – избежать наступления санкционных последствий, например: «*That is the only way we can turn our progressive platform into real change for America*» (Clinton, 2016c); «*The good news is that there is still time left to turn things around*» (Walker, 2015). Показательно, что угрозы-предупреждения регулярно маркируются условными предложениями, которые содержат указание на условно-следственную связь между возможными негативными последствиями для избирателей и выполнением ими казулируемых действий, ср.: «*I believe the future holds far more opportunities than threats if we exercise creative and confident leadership that enables us to shape global events rather than be shaped by them*» (Clinton, 2015).

Приведенные примеры предвыборных угроз-предупреждений позволяют говорить об их семантических особенностях. Согласно аргументной субкатегоризации субъект воздействия угроз-предупреждений характеризуется семантическими признаками: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - потенциальный исполнитель санкционного действия; + лицо, стремящееся уберечь избирателей от наступления негативных последствий. В свою очередь, объект каузации определяется такими семантическими признаками как: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель казулируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного

менасивного конструкта; + избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Выявленные семантические признаки угроз-предупреждений выступают критериями для их отграничения от других функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов с негативными последствиями *для избирателей*. В этой связи обращает на себя внимание такой семантический нюанс предвыборных угроз-предупреждений как совмещение в позиции субъекта воздействия признака «+ каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта» и признака «+ лицо, стремящееся уберечь избирателей от наступления негативных последствий». Иными словами, политик как автор угроз-предупреждений *оказывает определенное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей*, перемещая диспозицию Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта, чтобы побудить их проголосовать за свою кандидатуру, и одновременно *стремиться уберечь их от возможного наступления негативных последствий*, которые могут совершить представители государственной власти, оппозиции или нефокусной аудитории в отношении избирателей.

При обозначенной интерпретации угроз-предупреждений становится понятным, что такие угрозы оказывают менее интенсивное воздействие на избирателей, чем реализация того, о чем предупреждает политик избирателей в своей угрозе-предупреждении. Ср. также: «*I have been warning for many years that the United States is the essential guarantor of stability in East and Southeast Asia, and that China's increasingly aggressive military posture in that region threatens our own national security*» (Webb, 2015).

Таким образом, угрозы-предупреждения являются более категоричными по сравнению с высказываниями-угрозами с негативными последствиями *для не-избирателей*, так как угрозы-предупреждения информируют избирателей о возможности наступления для них негативных последствий. Тем не менее, угрозы-предупреждения соотносятся с формированием крат-

современных переживаний массового адресата, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку –1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и оказывая на электорат незначительное прагма-эмоциональное воздействие. Обозначенные функционально-семантические особенности угроз-предупреждений объясняются наличием временной отсрочки в наступлении негативных последствий для избирателей. В русле сказанного следует констатировать, что угрозы-предупреждения являются самой многочисленной разновидностью менасивов в американском предвыборном дискурсе, насчитывая около 26,36% от общего количества примеров.

4.4.2. Диспозиция Я-избирателя в точке «страх»

Угрозы-обвинения оказывают аффицированное отрицательное воздействие на электорат, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Угрозы-обвинения соотносятся с диспозицией «страх» (постоянное состояние) рассматриваемого конструкта и представляют собой разновидность менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политиком-кандидатом обвинений в функции угрозы.

В плане поверхностной манифестации угрозы-обвинения информируют избирателей о возможных негативных последствиях, причиной наступления которых являются непродуманные действия и политические решения представителей власти, государственных структур, оппозиции или нефокусной аудитории политика. Автор угроз-обвинений, как правило, в эксплицитной форме указывает на тех, кто, по его мнению, становится причиной наступления негативных последствий для электората. Например, в следующих угрозах-обвинениях полужирным курсивом выделены лица, которые, по мнению авторов менасивных высказываний, являются виновными в совершении некоторых действий, способствующих ухудшению качества жизни граждан США: «*Hillary Clinton is already trying to divide us by ethnicity, by gender, and by economic status*» (Jindal, 2015); «*The Obama-Clinton team, they*

*don't understand that peace comes through strength» (Santorum, 2015); «My opponent, on the other hand, has supported virtually every trade agreement that has been destroying our middle class» (Trump, 2016b); «**Putin** seized Ukrainian territory, and threatens our NATO allies» (Graham, 2015).*

Зафиксированные угрозы-обвинения позволяют заключить, что политик не только знает, кто виноват в сложившемся неудовлетворительном положении дел в стране, но и дает электорату понять, что он готов принять определенные меры для того, чтобы улучшить качество жизни граждан США. Становится очевидным, что политики используют угрозы-обвинения в качестве агитационно-воздействующего ресурса агональной дискурсии, пытаясь дискредитировать своих оппонентов на выборах и сделать их виноватыми во внушительном количестве проблем социально-политического и экономического характера. Так, в публичных выступлениях Хилари Клинтон регулярно звучат угрозы-обвинения в адрес ее оппонента от республиканской партии – Дональда Трампа: *«That's why – even if I weren't in this race – I'd be doing everything I could to make sure **Donald Trump** never becomes President – because I believe he will take our country down a truly dangerous path» (Clinton, 2016); «The secret, of course, is **he** has no idea what he'd do to stop ISIS» (Clinton, 2016); «**He** wants us to fear the future and fear each other» (Clinton, 2016c).*

Аналогично, предвыборная речь Джо Байдена включает угрозы-обвинения в адрес его оппонента на выборах – Дональда Трампа, например: *«As long as **Donald Trump** is in the White House, none of these critical things will get done» (Biden, 2019) и «We need a 21st Century strategy for America. But every tool that **Donald Trump** uses is out of the past» (Biden, 2019). В русле сказанного примечательно, что Дональд Трамп также не обошел стороной предвыборные угрозы-обвинения в своих публичных выступлениях, ср.: *«They want us divided» (Trump, 2019); «Instead of bringing us together as one America, **Democrats** want to splinter us into factions and tribes» (Trump, 2019).**

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что автор угроз-обвинений целенаправленно называет в них такое лицо (кандидатуру, политиче-

ского деятеля, представителя какой-либо партии), которое вызывает отрицательные эмоции у его фокусной аудитории в связи с негативной оценкой общественно-политической деятельности указанного лица. В контексте американской агональной дискурсии также регулярно звучат угрозы-обвинения, в которых кандидат использует образ внутри- или внешнеполитического врага, оказывающего негативное влияние на различные сферы деятельности граждан США, например: «*And I want you to know that **our enemies** come into our social media and **they** intentionally try to divide us*» (Ryan, 2019); «*In my Vision for America, Freedom and prosperity at home can only be achieved if we defend against **enemies** who are dead-set on attacking America*» (Paul, 2015).

С указанных позиций интересно обратить внимание на угрозу-обвинение Дональда Трампа «*They went after my family, my business, my finances, my employees, almost everyone that I've ever known or worked with, but they are really going after you*» (Trump, 2019), в которой он не только обвиняет представителей оппозиции в том, что они оказали негативное воздействие на его семью и его сторонников, но и сообщает избирателям о возможности наступления для них таких же санкционных последствий. Одним словом, Дональд Трамп, обвиняя оппозицию, формирует у избирателей представление о том, что они являются единым целым и только вместе смогут противостоять “общему врагу” в лице членов оппозиционной партии.

Не приходится сомневаться, что установленное лингвокогнитивное соотношение между угрозами-обвинениями и диспозицией Я-избирателя, находящейся достаточно близко к пиковой точке дискомфорта, а именно в точке –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, является оправданным в контексте американской агональной дискурсии. На “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия угроз-обвинений указывает то обстоятельство, что отличительной особенностью поверхностной презентации таких менасивов являются глаголы в форме настоящего простого времени, номинирующие наступление негативных последствий для избирателей, например: «*Politicians **are** not the solution to our problems – they **are***

the problem» (Trump, 2015a); «*Our economic slowdown is not inevitable, it is the direct result of bad economic policy*» (Perry, 2015); «*Our close ally, Israel, is at risk as a result of Obama's failed leadership*» (Graham, 2015). Кроме того, в угрозах-обвинениях не содержится временной отсрочки в наступлении санкционных последствий в отношении избирателей, а политик уверен в неминувости и неотвратимости декларируемого им негативного воздействия. Ср., однако угрозу-декларатив «*On taxes, I will end the corporate immunity to those companies sending jobs overseas*» (Swalwell, 2019), в которой глагол, номинирующий наступление негативных последствий, маркирован формой будущего времени.

В выбранном ракурсе рассуждений примечателен тот факт, что в ряде угроз-обвинений политики используют формы настоящего длительного времени, усиливая интенсивность воздействующего потенциала таких высказываний и указывая на то, что наступление негативных последствий для избирателей уже началось, например: «*And the cruel policies of this administration are doing real and lasting harm*» (Castro, 2019); «*I am a candidate for president because our current Washington leadership is **guiding** America on a path to decline, and I can reverse that decline*» (Gilmore, 2015).

Аргументная субкатегоризация дает возможность приписать субъекту каузации угроз-обвинений семантические признаки: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - потенциальный исполнитель санкционного действия, в то время как объект каузации характеризуется такими семантическими признаками как: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; + избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Становится понятным, что угрозы-обвинения, комплексно сочетая в своем содержательном объеме функционально-семантические свойства угроз и обвинений, обладают двойной прагматической направленностью (ср. с угрозами-обещаниями). Такая прагматическая особенность проявляется в том, что негативные последствия угроз-обвинений направлены в адрес избирателей, в то время как объектом обвинения (виноватыми) являются лица, чьи действия могут привести (приводят) к негативным последствиям для избирателей. При этом показательно, что политик, оказывая интенсивное воздействие на электорат и перемещая диспозицию Я-избирателя в точку –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы при помощи угроз-обвинений, не является потенциальным исполнителем санкционных действий, а перекладывает вину (ответственность) за нестабильную ситуацию в стране и ухудшение качества жизни электората на представителей государственной власти и оппозиции, например: «*Because a divided country is a weak country, and we have politicians and leaders in America today that want to divide us*» (Ryan, 2019); «*President Obama is on course to add more debt than all the previous Presidents in history – combined*» (Paul, 2015).

На основании сказанного представляется логичным утверждать, что политик называет в своих предвыборных угрозах-обвинениях наступление таких негативных последствий для избирателей, которых они больше всего опасаются в контексте агональной дискурсии и, следовательно, которые окажут на них интенсивное прагма-эмоциональное воздействие. В этом плане можно также полагать, что чем интенсивнее окажется прагма-эмоциональное воздействие угроз-обвинений на избирателей, тем ближе окажется политик к реализации запланированного воздействия на массового адресата. Тем не менее, несмотря на широкие возможности воздействующего потенциала угроз-обвинений, такие менасивы отмечены примерно в 10,35% от общего количества примеров. Складывается картина, что каждый из претендентов на самый высокий политический пост в стране избегает регулярного использования угроз-обвинений в публичных выступлениях в силу их “глубины” интенсивно-

сти прагматического воздействия на массового адресата и необходимости подтверждать свои слова убедительными для избирателей фактами.

4.4.3. Диспозиция Я-избирателя в точке «фобия»

Совокупный массив высказываний-угроз с негативными последствиями для избирателей фиксирует наличие *угроз-констативов*, которые оказывают аффицированное отрицательное воздействие на избирателей, способствуя перемещению диспозиции Я-избирателя в точку –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Угрозы-констативы соотносятся с диспозицией «фобия» (безвыходное положение, трепет) и формируют разновидность менасивов, функционально-семантические свойства которых основаны на использовании политиками констативов в функции угрозы, например: «*Our schools are not equal and the poverty gap continues to widen*» (Paul, 2015); «*Christianity is under assault today in America*» (Jindal, 2015); «*And yet for so many Americans, the promise of America seems more and more distant*» (Cruz, 2015).

Не вызывает сомнений, что угрозы-констативы, представляя собой высказывания, в которых «фиксируется, устанавливается некоторое положение дел» (Романов, 1988: 53), приобретают менасивную направленность в условиях предвыборной коммуникации и нацеленности кандидата на завоевание как можно большего количества голосов избирателей на выборах. В высказываниях указанной функционально-семантической разновидности политик фиксирует некоторое положение дел в стране, которое представляет определенную опасность для избирателей, например: «*The challenges before us are the greatest of our lifetimes*» (O'Rourke, 2019); «*Your concern, your concern for them and for their future extends to other issues, the giant challenges facing our nation*» (Swalwell, 2019).

Анализ языковых средств поверхностной манифестации предвыборных угроз-констативов указывает на широкие возможности их вербальной репрезентации в англоязычном политическом дискурсе. Угрозы-констативы регу-

лярно маркируются сложными предложениями, содержащими в своей структуре различные типы придаточных или сочетающимися части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, например: «*The government just keeps growing, the spending just keeps increasing, and the debt keeps piling up*» (Johnson, 2016); «*You know as well as I do that we are living in a pivotal and dangerous moment in American history*» (Sanders, 2019).

Кроме того, угрозы-констативы могут быть репрезентированы простыми предложениями, например: «*Our challenges are many and formidable*» (Chafee, 2015), а также простыми предложениями, в которых политик подробно описывает складывающуюся негативную ситуацию в стране при помощи разветвленной системы однородных членов предложения, например: «*This is catastrophic. It will mean more drought, more famine, more rising sea level, more floods, more ocean acidification, more extreme weather disturbances, more disease and more human suffering*» (Sanders, 2015); «*There's too much inequality, too little social mobility, too much paralysis in Washington, too many threats at home and abroad*» (Clinton, 2016c).

Материал исследования также фиксирует, что политики регулярно используют в угрозах-констативах такие лексемы как «*challenge*», «*danger*» / «*dangerous*», «*fear*», «*frightening*», «*peril*», «*problems*», «*trouble*» и «*threat*». Например: «*The **challenge** is larger than just the fight to create American jobs*» (Messam, 2019); «*And in a world that is as **dangerous**, as **dangerous** and **frightening** as any time I've seen it in my lifetime*» (Christie, 2015); «*Climate change is a matter of great **peril**, but it is also one of great promise*» (Inslee, 2019); «*First, there is nothing we can do just by ourselves – absolutely nothing – to protect America from the most destructive **threat** to mankind: climate change*» (Sestak, 2019); «*We're still facing deep-seated **problems** that developed long before the recession and have stayed with us through the recovery*» (Clinton, 2016c); «*It's a real **fear***» (Kasich, 2015); «*Our country is in serious **trouble***» (Trump, 2015a).

В русле сказанного важно уточнить, что угрозы-констативы содержат не только описание сложной обстановки в стране, но и указывают на нега-

тивное влияние такой обстановки на благополучие избирателей и перспективы развития США. Кроме того, такие менасивы акцентирует внимание электората на катастрофическом положении дел, ставя под сомнение моральные устои общества и образ государства в ментальном пространстве избирателей. Ср.: «*Our current failure to play a meaningful role in ending conflicts there is dangerously threatening our moral authority and standing in the world*» (Messam, 2019).

Показательно, что в плане поверхностной манифестации угрозы-констативы информируют массового адресата не только о возможных негативных последствиях, которые могут наступить в отношении избирателей в ближайшее время, но и о тех последствиях, негативный эффект которых избиратели уже могут оценить. Ср.: «*Our enemies are getting stronger and we are getting weaker*» (Trump, 2015a); «*But, we all know we're not yet running the way America should*» (Clinton, 2015). При этом в угрозах-констативах, как правило, оказываются незамещенными позиция субъекта и субъекта воздействия, так как автор таких менасивов делает акцент на описании негативных последствий, а не на потенциальных исполнителях санкционных действий.

Тем не менее, из угроз-констативов понятно, что именно политик как автор таких менасивов выступает каузатором перемещения диспозиции Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Например, Джеб Буш в менасиве «*Our country is on a very bad course*» (Bush, 2015) констатирует избирателям, что наступление негативных для них последствий – неперспективное развитие страны («*very bad course*») – уже началось, и если они не отдадут свой голос за автора такой угрозы, то запущенный процесс ухудшения обстановки в стране («*bad course*») уже не получится остановить.

В ряде угроз-констативов кандидаты упоминают негативные события и явления, наступление которых они не могут контролировать. Например, политики угрожают избирателям неминуемыми последствиями, связанными с изменением климата: «*Climate change is real and it is happening now*» (Harris,

2019); «*My fellow Americans: This country faces more serious problems today than at any time since the Great Depression and, if you include the planetary crisis of climate change, it may well be that the challenges we face now are direr than any time in our modern history*» (Sanders, 2015). Следует заметить, что кандидат, выступая автором угроз-констативов, ориентированных на оказание интенсивного воздействия на избирателей, как правило, не называет причину наступления негативных последствий и не указывает на тех, кто виноват в неблагоприятной обстановке в стране. В угрозах-констативах также часто фиксируются ситуации, на которые политик не может повлиять, чтобы оградить избирателей от их негативного воздействия, ср.: «*And today, so many of us are hurting, so many of us are understandably angry and afraid*» (Booker, 2019).

Таким образом, автор угроз-констативов сообщает избирателям о возможности – а в некоторых случаях о неминуемости – определенных негативных последствий, но не берет на себя ответственность за их наступление и не указывает на того, кто их совершит. Поэтому массовая аудитория предвыборных угроз-констативов вынуждена оперировать той информацией, которую предлагает политик, проводя логические трансформации сложного характера для того, чтобы верно определить функциональную направленность адресованного ей высказывания. Например, автор угрозы-констатива «*We need to acknowledge that all of that anxiety and those failures are not the end, they are the beginning*» (Christie, 2015) сообщает избирателям о том, что сложный период в развитии страны («*anxiety and those failures*») не закончился, а только начинается («*they are the beginning*»). Однако, политик использует данный менасив не для того, чтобы проинформировать избирателей о предстоящем трудном этапе в их жизни, а для того чтобы побудить их проголосовать за него как за кандидата, который сможет предложить перспективный путь исторического развития общества с учетом интересов граждан.

Приведенные примеры угроз-констативов позволяют говорить об их семантических особенностях. Согласно аргументной субкатегоризации субъект воздействия характеризуется семантическими признаками: + одушевлен-

ное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; - потенциальный исполнитель санкционного действия (политик). В свою очередь, объект каузации определяется семантическими признаками: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; + избиратель как лицо, в адрес которого направлено декларируемое санкционное воздействие.

Анализ эмпирического материала также указывает на семантический нюанс предвыборных угроз-констативов, который заключается в том, что негативные последствия таких менасивов содержатся в описываемом политическом положении дел в стране. Обозначенная особенность угроз-констативов позволяет кандидатам манипулировать сознанием избирателей, предлагая их вниманию различные события и явления окружающей действительности, которые приобретают менасивную направленность в контексте агональной дискурсии политика. Например: «*The great lesson of history is strength and resolve bring peace and order, and weakness and vacillation invite chaos and conflict*» (Perry, 2015); «*Change cannot wait to protect our people*» (Messam, 2019).

Получается, что функционально-семантическая разновидность предвыборных угроз-констативов отличается от иных разновидностей менасивов своей категоричностью, так как авторы угроз-констативов описывают сложную политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. Из зафиксированных в рамках настоящего исследования разновидностей менасивов с негативными последствиями *для избирателей* – угроз-предупреждений и угроз-обвинений – понятно, кто виноват в сложившейся кризисной ситуации в стране и кого нужно выбрать на пост Президента США, чтобы изменить ситуацию к лучшему. В свою очередь, угрозы-констативы содержат только описание сложной обстановки в стране и не указывают на тех, чьи действия привели к такой ситуации.

Таким образом, угрозы-констативы вводят избирателей в состояние близкое к дискомфорту, так как описывают неблагоприятное положение дел, однако не указывают в эксплицитной форме на возможность исправить сложную ситуацию и направить неконтролируемые процессы в “нужное” русло. Такие менасивы характеризуются внушительной “глубиной” прагматического воздействия и оказывают самое интенсивное воздействие на диспозицию Я-избирателя в коммуникативном пространстве конструкта предвыборной угрозы, а именно в пороговых пределах точки –3А. Такие высказывания-угрозы насчитывают около 23,91 % от общего количества примеров, свидетельствуя о широкой применимости данной функционально-семантической разновидности для маркировки менасивного намерения политика. Во многом, внушительная частотность предвыборных угроз-констативов объясняется сложной ситуацией в стране и необходимостью политика привлечь внимание избирателей к различным проблемам и противоречиям.

4.5. Взаиморасположение диспозиций Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы

В предыдущих разделах показано, что адресатные разновидности высказываний-угроз являются неоднородными и включают в свой состав менасивы с различными содержательными свойствами. Установлено, что массив высказываний-угроз с негативными последствиями *для не-избирателей* включает функционально-семантические разновидности *угроз-обещаний*, *угроз-призывов* (лозунговых угроз) и *угроз-декларативов*, которые соотносятся с аффицированными положительными диспозициями Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы. Группа менасивов с негативными последствиями *для избирателей* сформирована разновидностями *угроз-предупреждений*, *угроз-обвинений* и *угроз-констативов*, каждая из которых оказывает прагма-эмоциональное воздействие на электорат в лимнологическом пространстве аффицированных отрицательных переживаний и со-

относится с определенными диспозициями *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

Проведенное исследование демонстрирует, что зафиксированные разновидности менасивов обладают некоторым набором семантических признаков (нюансов), которые не только выступают дифференциальными критериями для разграничения таких разновидностей, но и соотносятся с определенным прагма-эмоциональным воздействием на электорат в контексте агональной дискурсии, формируя ту или иную диспозицию *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы. Следовательно, с учетом установленного лингвокогнитивного соотношения между функционально-семантическими разновидностями менасивов и формируемыми при их помощи эмоциональными переживаниями избирателей перспективно распределить зафиксированные разновидности менасивов на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В русле выбранного подхода следует расположить функционально-семантические разновидности предвыборных менасивов на градуированной оси $K \leftrightarrow Д$ коммуникативного конструкта по принципу увеличения “глубины” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на избирателей.

Напомним, что среди менасивов с негативными последствиями для *не*-избирателей наименее интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на электорат – в пороговых пределах диспозиции +3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы – оказывает функционально-семантическая разновидность *угроз-обещаний*. Такая разновидность менасивов, обладая двойной прагматической направленностью, содержит указание политика на его намерение совершить некоторые действия, которые нанесут ущерб ряду лиц (как правило, представителям оппозиции или нефокусной аудитории), но окажутся в интересах избирателей (ср. сему «источник возможной опасности»). Поэтому разновидность *угроз-обещаний* логично разместить в лимологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы

слева от точки отсчета градуированности и наиболее близко к контрарной точке К (см. схему ниже).

Интенсивность прагма-эмоционального воздействия на диспозиции Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы возрастает в *угрозах-призывах* и *угрозах-декларативах*, отличительной особенностью которых является включение в позицию субъекта воздействия семантического признака «коллективный исполнитель санкционного действия». В частности, в содержание признака «коллективный исполнитель» для угроз-призывов входит политик и избиратели. При этом у избирателей есть возможность отказаться от участия в «коллективной» реализации санкционных действий и “уберечь” себя от эмоциональных переживаний, связанных с ответственностью за совершение неприятных действий в отношении каких-либо лиц (ср. сему «совершение чего-либо неприятного»). В этой связи не приходится сомневаться, что угрозы-призывы оказывают незначительное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата – в пороговых пределах диспозиции +2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы (см. схему ниже).

В свою очередь, угрозы-декларативы оказывают более интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на электорат по сравнению с угрозами-призывами, а именно в пороговых пределах диспозиции +1А рассматриваемого конструкта. В угрозах-декларативах признак «коллективный исполнитель» включает политика и его команду, и, следовательно, такие менасивы не апеллируют к участию избирателей в совместной реализации санкционных действий в отношении нефокусной аудитории кандидата, а информируют электорат о достаточно категоричном намерении политика и его команды совершить санкционные действия в отношении каких-либо лиц (ср. сему «совершение чего-либо плохого»).

В массиве высказываний-угроз с негативными последствиями *для избирателей* наименее интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на массовую аудиторию – в пороговых пределах диспозиции -1А коммуника-

тивного конструкта предвыборной угрозы – оказывают *угрозы-предупреждения*, в содержательном объеме которых фиксируется *временная отсрочка* в наступлении санкционных последствий для избирателей. Такой содержательный нюанс позволяет массовому адресату оценить и сопоставить необходимость выполнить каузируемые действия – проголосовать за автора менасива, чтобы избежать негативных последствий – или отказаться от выполнения каузируемых действий и стать объектом санкционного воздействия (ср. сему «причинение боли, вреда или беспокойства»). Разновидность *угроз-предупреждений* логично разместить в лимнологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы справа от точки отсчета градуированности и наиболее близко к точке 0 (см. схему ниже).

Более интенсивное прагма-эмоциональное воздействие – в пороговых пределах диспозиции -2А рассматриваемого конструкта – оказывают *угрозы-обвинения*, в которых политик сообщает избирателям о возможных негативных последствиях, обусловленных неэффективной деятельностью каких-либо лиц. В русле сказанного показательно, что для усиления воздействующего потенциала автор угроз-обвинений называет такие кандидатуры политических деятелей или членов оппозиционной партии, которые вызывают отрицательные эмоции у его фокусной аудитории (ср. сему «осуществление наказания»).

Примечательно, что самое интенсивное воздействие на диспозицию Я-избирателя в коммуникативном пространстве рассматриваемого конструкта – в пороговых пределах точки -3А – оказывают предвыборные *угрозы-констативы*. Указанная функционально-семантическая разновидность менасивов вводит избирателей в состояние близкое к дискомфорту, так как *угрозы-констативы* фиксируют наличие кризисной обстановки в стране, негативные последствия которой избиратели уже могут ощущать на своем благополучии (ср. сему «разрушение чего-либо»). Более того, авторы угроз-констативов регулярно упоминают те негативные события и явления, наступление которых они не могут контролировать и на которые они не могут повлиять, чтобы ог-

радить избирателей от негативного воздействия. Иными словами, *угрозы-констативы* не содержат указание политика на возможность изменить сложную обстановку в стране и направить неконтролируемые процессы в “нужное” русло, формируя у избирателей образ политика, который также может оказаться под действием негативных последствий, исходящих от текущего положения дел в стране.

В целях проводимого исследования зафиксированные разновидности менасивов были расположены на градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Результатом предложенного описания является установление следующего лингвокогнитивного соотношения между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей возможной диспозицией Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы:

Схема 11

К	+3А	+2А	+1А	0	-1А	-2А	-3А	Д
угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-	угрозы-
обещания	призывы	декларативы	предупре-	предупре-	обвинения	обвинения	констативы	констативы
			ждения	ждения				

Представленный коммуникативный конструкт систематизирует дискурсивные проявления феномена вербальной угрозы в виде предвыборных менасивов с учетом их функционально-семантических свойств. Такой конструкт является *инвариантным* и в иерархическом порядке включает в свой содержательный объем функционально-семантические разновидности менасивов, выявленные на материале исследования. Разработанная функциональная модель коммуникативного конструкта предвыборной угрозы также позволяет оценить интенсивность прагма-эмоционального воздействия конкретного случая реализации менасивного высказывания на градуированной шкале +3А, +2А, +1А, -1А, -2А, -3А. В частности, предложенная в рамках настоящего исследования система шкал и оценок менасивного конструкта или «когнитивная мерность дискурсивного смысла» (Романов, 2016: 14) является

основанием для использования такого показателя как “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия функционально-семантической разновидности предвыборного менасива на массового адресата.

Следует отметить, что функционально-семантическая типология предвыборных менасивов обусловлена не их манифестационными особенностями, а содержательными свойствами, соотносимыми с эмоциональными переживаниями участников типовой ситуации предвыборной угрозы. Таблица демонстрирует коммуникативный “архив” манифестационной репрезентации функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов, зафиксированных в публичных выступлениях кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы:

Таблица 11

Манифестационная репрезентация функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов

	угрозы- обещания	угрозы- призывы	угрозы- декларативы	угрозы-пре- дупрежде-	угрозы- обвинения	угрозы- констативы
<i>I. Эксплицитные менасивы:</i>	+	+	+	+	+	-
<i>а) основные формы:</i>	+	+	+	+	+	-
- экспозитивные	+	+	+	+	+	-
- эксплицитно-экспонентные	+	+	+	+	-	-
- проспективно-консеквентные	+	+	+	+	+	-
<i>б) транспонированные формы</i>	+	+	-	+	+	+
<i>II. Имплицитные менасивы</i>	-	+	+	+	+	+

Данные таблицы свидетельствуют о том, что функционально-семантические разновидности предвыборных менасивов маркируются различными средствами английского языка, при этом каждая из таких разновидностей не имеет “закрепленных” за ней специфических средств поверхностной репрезентации.

В выбранном ракурсе рассуждений важно отметить, что на материале агональной дискурсии кандидатов на пост Президента США зафиксированы менасивы, которые в силу своих содержательных признаков могут быть отнесены одновременно к двум предлагаемым в рамках настоящего исследования функционально-семантическими разновидностям. Например, менасив «*Today sadly, under the Obama / Clinton doctrine, America is leading from behind and we're headed toward a disaster*» (Walker, 2015) может быть отнесен к разновидности угроз-обвинений, так как он содержит указание автора на тех, кто виноват в наступлении негативных последствий для избирателей – сторонников доктрины Барака Обамы и Хилари Клинтон («*Obama / Clinton doctrine*»). Этот менасив также может быть оценен как угроза-констатив, так как он включает в свой содержательный объем описание неминуемых негативных последствий для избирателей («*we're headed toward a disaster*»). В этой связи представляется затруднительным оценить прагма-эмоциональное воздействие рассматриваемого менасива при помощи лингвокогнитивного соотношения, положенного в основу разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Более того, складывается мнение, что такой менасив оказывает аффицированное отрицательное воздействие на электорат, формируя промежуточную диспозицию Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы между точками –2А и –3А.

Тем не менее, логично считать, что приведенный пример менасивного высказывания оказывает прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя в пороговых пределах точки –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, так как такой менасив не может оказывать менее интенсивное воздействие на избирателей в силу инклюзивной природы

вербальной угрозы (см. главу 2), в частности, в силу наличия в его содержательном объеме констатации негативной ситуации, которая соотносится с диспозицией «фобия» (безвыходное положение, трепет) рассматриваемого конструкта. Аналогичная ситуация наблюдается в менасиве «*Washington's failure to do the hard but right thing has put Social Security and Medicare in serious jeopardy*» (Graham, 2015), который может быть одновременно отнесен к разновидности угроз-констативов и угроз-обвинений, однако оказывает прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя в пороговых пределах точки –3А рассматриваемого коммуникативного конструкта.

Когнитивно сложную ситуацию представляют менасивы, которые сочетают в своем содержательном объеме негативные последствия, направленные различным адресатам – *избирателям* и *не-избирателям*. Например, менасив «*We have to stop the endless flow of secret, unaccountable money that is distorting our elections, corrupting our political process, and drowning out the voices of our people*» (Clinton, 2015) сформирован угрозой-декларативом «*We have to stop the endless flow of secret, unaccountable money*», которая отражает намерение политика совершить санкционные действия в отношении представителей нефокусной аудитории, и угрозой-констативом «*that is distorting our elections, corrupting our political process, and drowning out the voices of our people*», указывающей на то, что наступление негативных последствий является неминуемым для избирателей. Но, несмотря на отмеченную функционально-семантическую особенность, рассматриваемый менасив оказывает прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя в пороговых пределах точки –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Ср. также менасив «*The only way we are going to rebuild the American Dream is if we re-take control of our own American government!*» (O'Malley, 2015), который сочетает в своем содержательном объеме угрозу-декларатив и угрозу-предупреждение, однако оказывает прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя в пороговых пределах точки –1А.

Интересен также пример предвыборного менасива «*We cannot afford four more years of President Trump's reckless and unethical actions*» (Bloomberg, 2019), автор которого демонстративно декларирует избирателям свое намерение не допустить победы Дональда Трампа на выборах Президента США в 2020 году. То есть можно считать, что Майкл Блумберг ориентирует негативные последствия такого менасива – угрозы-декларатива – Дональду Трампу. При этом Майкл Блумберг также обвиняет Дональда Трампа в совершении действий, негативные последствия которых уже причиняют вред избирателям, и указывает электорату на то, что ситуация в стране не изменится в случае победы Дональда Трампа на выборах Президента США. Получается, что рассматриваемый менасив сочетает в своем содержательном объеме угрозу-декларатив и угрозу-обвинение, оказывая прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя в пороговых пределах точки –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Приведенные примеры менасивов указывают на то, что количество диспозиций коммуникативного конструкта предвыборной угрозы может быть дополнено путем более точной градации “оттенков” значений формирующих его высказываний менасивной направленности и “мерности” (“прецизионной” точечности) диспозиций эмоциональных состояний участников типовой ситуации предвыборной угрозы. При этом менасивы, которые включают в свой содержательный объем указание политика на негативные последствия, направленные различным адресатам – избирателям и не-избирателям, можно назвать *менасивными комплексами*. Материал исследования насчитывает примерно 3,12% случаев их реализации, однако в силу инклюзивной природы вербальной угрозы при рассмотрении прагма-эмоционального воздействия таких высказываний-угроз как менасивных конструктов предвыборной дискурсии следует оценивать их воздействующий потенциал по той функционально-семантической разновидности менасива, которая входит в их состав и оказывает наиболее интенсивное воздействие на избирателей в лимнологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной

угрозы. Действительно, в русле выбранного подхода представляется оправданным относить менасивные комплексы к той функционально-семантической разновидности, которая проявляется в формировании диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя.

Проанализированный материал позволяет обнаружить, что для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей политики используют функционально-семантические разновидности предвыборных менасивов с различной регулярностью. Частотность реализации зафиксированных разновидностей высказываний-угроз в американской политической коммуникации отражена в таблице:

Таблица 12

Частотность реализации функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов

Адресатные разновидности менасивов	Функционально-семантические разновидности менасивов	Доля от общего количества менасивов	Доля от общего количества менасивов
Менасивы с негативными последствиями для <i>не-избирателей</i>	угрозы-обещания	9,26 %	39,38 %
	угрозы-призывы	7,98 %	
	угрозы-декларативы	22,14 %	
Менасивы с негативными последствиями для <i>избирателей</i>	угрозы-предупреждения	26,36 %	60,62 %
	угрозы-обвинения	10,35 %	
	угрозы-констативы	23,91 %	

Приведенные в таблице данные показывают, что на материале американской агональной дискурсии наиболее употребительными являются высказывания-угрозы с негативными последствиями для *избирателей*, т.е. менасивы, которые формируют аффицированные отрицательные переживания массового адресата на отрезке коммуникативного пространства конструкта предвыборной угрозы от точки 0 до точки Д. При этом самой распространенной разновидностью менасивов являются угрозы-предупреждения, которые

ориентированы на перемещение диспозиции Я-избирателя в точку $-1A$ рассматриваемого конструкта. На основании полученных данных можно утверждать, что диспозиция эмоционального состояния Я-избирателя, находящаяся в точке $-1A$ и соотносимая семой «причинение боли, вреда или беспокойства», является *таргетированной* для кандидатов на пост Президента США. Иначе говоря, в своих публичных выступлениях политики осознанно используют внушительное количество угроз-предупреждений для того, чтобы сформировать аффицированные отрицательные переживания избирателей с целью побудить их проголосовать за свою кандидатуру.

Достаточно регулярными для американской агональной дискурсии являются угрозы-констативы, которые способствуют перемещению диспозиции Я-избирателя в точку $-3A$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а также угрозы-декларативы, формирующие аффицированные положительные переживания массового адресата в лимнологических границах точки $+1A$. По этой причине указанные диспозиции коммуникативного конструкта предвыборной угрозы можно назвать *приоритетными*.

Итак, описание модели коммуникативного конструкта предвыборной угрозы позволяет отнести каждый конкретный случай употребления высказывания-угрозы к определенной функционально-семантической разновидности менасива. В ходе исследования удалось выяснить, что зафиксированные функционально-семантические разновидности менасивов оказывают различное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата, которое находится в диапазоне применимости коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от аффицированного состояния, «затронутости» положительных или отрицательных переживаний до ощущения дискомфорта.

Предложенная оценка «глубины» интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов открывает широкие возможности для описания их воздействующего потенциала. Поэтому с позиций выбранного когнитивно-дискурсивного подхода перспективно обратить внимание не только на совокупный набор (перечень) отдельных функционально-семанти-

ческих разновидностей предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении политических деятелей, но и на их последовательную и целенаправленную реализацию в момент вербальной самопрезентации претендентов на пост Президента США в условиях агональной дискурсии. Такой ракурс позволит установить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия отдельных менасивов на диспозиции Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, а также “глубину” интенсивности совокупности менасивов, реализованных в публичном выступлении политика. Более того, последовательная фиксация функционально-семантических разновидностей менасивов на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы позволит вскрыть механизм тактико-стратегического функционирования вербальных угроз как манипулятивно-воздействующего ресурса в условиях агональной дискурсии претендентов на самый высокий политический пост в стране.

Выводы по четвертой главе

В четвертой главе описана инвариантная формула предвыборных менасивов, выделены функционально-семантические разновидности высказываний-угроз, а также установлено лингвокогнитивное соотношение между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей диспозиции Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что претенденты на пост Президента США задействуют широкие возможности вербальной репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в виде отдельных менасивных высказываний. Несмотря на невозможность перформативного употребления глагола «*threaten*», эмпирический материал демонстрирует, что реализация иллокутивного потенциала англоязычных предвыборных менасивов может осуществляться *основными* эксплицитными формами. Такие высказывания соответствуют инвариантной фор-

муле предвыборных менасивов «*I (1) threaten (V) you (2) with negative effect (3)*» и в эксплицитной форме содержат указание политика на намерение каких-либо лиц совершить санкционные действия в отношении избирателей. Кроме того, к основным эксплицитным формам относятся менасивы, декларирующие намерение самого политика совершить негативные действия в отношении представителей нефокусной аудитории. Анализ языкового материала показывает, что основные формы предвыборных высказываний-угроз насчитывают около 40,44 % от общего массива примеров и представлены тремя манифестационными разновидностями: *эксплицитно-экспонентными, проспективно-консеквентными и экспозитивными менасивами.*

Помимо основных форм поверхностной манифестации высказываний-угроз материал исследования фиксирует реализацию иллокутивного потенциала угрозы в форме *транспонированных* менасивов, которые насчитывают около 51,91% от общего числа примеров. Транспонированные менасивы по своим формальным признакам не соответствуют инвариантной формуле предвыборных высказываний-угроз, однако в эксплицитной форме содержат указание политика на возможность наступления санкционных последствий для его фокусной или нефокусной аудитории. Исследование демонстрирует, что функционирование транспонированных менасивов обусловлено наличием пресуппозиционного фактора агональной дискурсии, обеспечивающего их однозначную интерпретацию как высказываний-угроз в предвыборных выступлениях политиков.

Наряду с эксплицитными формами выражения менасивного значения эмпирический материал фиксирует высказывания, в которых значение угрозы выражено косвенным образом. Функционирование таких высказываний в качестве *имплицитных* менасивов основано на оценке избирателями особых условий политической коммуникации, информативной значимости высказываний и пресуппозициональной основы конкретной ситуации предвыборной угрозы. Установлено, что основным дифференциальным свойством имплицитных менасивов является отсутствие указания со стороны автора на

характер и вид ожидаемого действия в эксплицитной форме, однако функциональный контекст агональной дискурсии позволяет адресату (избирателю) понять, что политик выступает каузатором совершения определенных действий – предпочтению его кандидатуры на выборах, а объектом каузации – избиратель. На материале исследования зафиксирован массив имплицитных высказываний-угроз в объеме около 7,65% от общего количества примеров. Полученный результат свидетельствует о предпочтении политиков избегать использования имплицитных высказываний-угроз в силу когнитивной сложности, связанной с интерпретацией их избирателями как менасивных.

Выяснилось, что предвыборные менасивы адресованы фокусной группе избирателей: избиратель выступает в качестве адресата таких высказываний и объекта прагма-эмоционального воздействия политика. Однако с целью каузации избирателей политик может декларировать им свое намерение совершить санкционные действия в отношении нефокусной аудитории (сторонников и потенциальных избиратели других кандидатов), а также кандидат может указывать на возможность совершения третьими лицами некоторых негативных действий в отношении избирателей. При этом в американском предвыборном дискурсе не удалось обнаружить менасивы, в которых политик декларировал бы свое намерение совершить негативные действия в отношении избирателей. На основании такого прагматического компонента (параметра) как *адресатная направленность* негативных последствий массив эмпирического материала был разделен на две адресатные разновидности: менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей* и менасивы с негативными последствиями *для избирателей*.

Проведенный анализ демонстрирует, что обозначенные адресатные разновидности менасивов оказывают различное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата. Менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей* оказывают прагма-эмоциональное воздействие на электорат в лимнологическом пространстве аффицированных положительных

диспозиций Я-избирателя, находящихся в пороговых пределах от точки К до точки 0 на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, так как как характер и вид негативных последствий таких высказываний затрагивает избирателей косвенно. В свою очередь, менасивы с негативными последствиями для избирателей формируют аффицированные отрицательные переживания массового адресата в лимнологических параметрах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки 0 до точки Д, отражая намерение политика воздействовать на идентичность избирателей таким образом, чтобы сплотить их вокруг себя для решения проблем благополучного развития страны.

Показано, что адресатные разновидности предвыборных менасивов являются неоднородными в функционально-семантическом плане и включают в свой состав высказывания-угрозы, обладающие некоторыми “оттенками” значений, которые определяют “глубину” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. Эмпирический материал обнаруживает наличие шести функционально-семантических разновидностей менасивов – *угроз-обещаний*, *угроз-призывов*, *угроз-декларативов*, *угроз-предупреждений*, *угроз-обвинений* и *угроз-констативов*, каждая из которых в силу своей содержательной специфики соотносится с формированием определенных эмоциональных переживаний избирателей в лимнологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Результатом проведенного исследования является установление лингвокогнитивного соотношения между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей возможной диспозицией Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы. Становится понятным, что менасивное пространство американской предвыборной дискурсии формируется высказываниями-угрозами, которые характеризуются различным потенциалом прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. При этом для оказания запланированного воздействия на избирателей политики используют предвыборные менасивы,

которые, как правило, не имеют двусмысленного содержания, не порождают противоречивых интерпретаций и впечатлений, а также вводят избирателей в некомфортное эмоциональное состояние – аффицированное положительное или отрицательное.

Итак, разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть использован как когнитивный инструмент, который пригоден для систематизации и оценки “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия политиков на диспозиции модальностей Я-избирателя при помощи отдельных высказываний с менасивным потенциалом. При этом не приходится сомневаться, что политические деятели как участники агональной дискурсии – целенаправленно и в определенной последовательности – реализуют в своих публичных выступлениях некоторую совокупность функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов, маркируя их различными средствами английского языка. В этой связи вполне закономерно возникает необходимость пристально взглянуть на целенаправленную реализацию предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении политика, а также описать вербальную специфику функционирования англоязычных менасивов как агитационно-воздействующего ресурса в условиях агональной дискурсии.

Предложенный лингвистический инструментарий может служить основой для описания специфики тактико-стратегического функционирования вербальных угроз в политической коммуникации. Более того, когнитивное конструирование (построение вариантов коммуникативного конструкта предвыборной угрозы) позволит систематизировать и схематично представить менасивное воздействие политиков-кандидатов на диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя, а также откроет широкие возможности для описания стратегий и тактик использования англоязычных предвыборных высказываний-угроз в условиях американского публично-информационного пространства политической коммуникации.

Глава пятая
ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
МЕНАСИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНО-
КОНСТРУКТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПРЕДВЫБОРНОЙ ДИСКУРСИИ

5.1. Глобальная стратегия менасивного воздействия

Итогом размышлений предыдущих глав явилась разработка такого когнитивного инструмента как инвариантный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы, а также описание манифестационных и функционально-семантических характеристик его вербальных разновидностей в английском языке. Проведенный анализ позволил не только систематизировать средства поверхностной репрезентации предвыборных менасивов, но и дифференцировать воздействующий потенциал таких высказываний. В этой связи закономерно возникает необходимость описать лингвокогнитивный механизм реализации функциональной модели коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в пространстве англоязычной политической коммуникации. Также важно решить вопрос о возможности эффективного использования менасивов в качестве *стратегического ресурса* агональной дискурсии политиков.

Разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть применен для описания вербальной специфики целенаправленного использования политиками англоязычных высказываний-угроз в условиях американского публично-информационного пространства агональной дискурсии. Кроме того, предложенный когнитивный инструмент позволяет проанализировать заранее спланированную кандидатом стратегическую реализацию функционально-семантических разновидностей менасивов в публичном выступлении, определить прагма-эмоциональное воздействие таких менасивов на массового адресата и зафиксировать закономерности в распределении политиками высказываний со значением угрозы в композиционной

структуре агитационной речи. Таким образом, в русле выбранного когнитивно-дискурсивного подхода в фокусе внимания оказываются особенности вербальной реализации вариантов коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в публичных выступлениях конкретных кандидатов на пост Президента США, использующих менасивные высказывания как агитационно-воздействующий ресурс политической борьбы.

Уместно вновь подчеркнуть, что функционально-семантические разновидности предвыборных менасивов обладают различным воздействующим потенциалом и формируют у избирателей некомфортные эмоциональные переживания определенной интенсивности – аффицированные положительные или аффицированные отрицательные. При этом отличительной особенностью предвыборных высказываний-угроз является тот факт, что их прагма-эмоциональное воздействие направлено на перемещение исходной (первоначальной) диспозиции *Я*-избирателя в сторону дискомфорта по градуированной оси К (комфорт) ↔ Д (дискомфорт) коммуникативного менасивного конструкта. Однако, несмотря на употребление политиками высказываний-угроз с целью формирования у массового адресата некомфортных переживаний, материал исследования не фиксирует широкого использования менасивов, способствующих формированию пиковых дискомфортных переживаний у избирателей. В частности, разновидность угроз-констативов, которая ориентирована на перемещение диспозиции *Я*-избирателя в точку –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и, следовательно, обладает наибольшей “глубиной” интенсивности воздействия, насчитывает только около 23,91% от общего числа примеров. Такой результат свидетельствует о предпочтении кандидатов задействовать аффицированные диспозиции эмоционального состояния избирателей, которые не расположены близко к точке Д рассматриваемого конструкта.

Получается, что, несмотря на функциональную направленность предвыборных высказываний-угроз на перемещение диспозиции *Я*-избирателя в сторону дискомфорта по градуированной оси менасивного конструкта, поли-

тик избегает введения избирателей в пиковую диспозицию дискомфорта эмоционального состояния, оказывая *таргетированное воздействие умеренной интенсивности*. Следовательно, появление в публичных выступлениях высказываний со значением угрозы, обладающих определенной интенсивностью воздействия на массового адресата, *не является спонтанным* дискурсивным проявлением политика, а отражает результат его тщательной работы, которая связана с целенаправленной реализацией некоторого количества функционально-семантических разновидностей менасивов и с их осознанным распределением в композиционной структуре выступления. На основании сказанного становится очевидным, что перед политиком как автором последовательности предвыборных менасивов стоит задача выбора интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей: достаточного, для того чтобы *побудить* их проголосовать за свою кандидатуру, но *не запугать* при этом возможными негативными последствиями.

В данной связи можно говорить о *глобальной стратегии* менасивного воздействия, связанной с употреблением кандидатами предвыборных высказываний-угроз, которые способствуют оказанию запланированного прагма-эмоционального воздействия на диспозиции Я-избирателя с целью привлечения их внимания к кандидатуре политика. Не приходится сомневаться, что проблема изучения глобальной природы функционирования предвыборных менасивов в публичных выступлениях политиков приобретает особую значимость, так как выяснение механизма прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз позволит решить вопрос о целесообразности и эффективности использования указанного типа коммуникативных практик в качестве неотъемлемого компонента предвыборного дискурса политиков.

С указанных позиций есть все основания полагать, что описание глобальной стратегии менасивного воздействия позволит установить тактико-стратегический репертуар различных приемов использования высказываний-угроз в вербальном поведении американских политических деятелей, принимавших участие в президентской гонке 2016 и 2020 годов (подробнее о ком-

муникативных стратегиях и тактиках см.: Романов, 1988: 103-114; 1999; 2006в). При этом важно отметить, что в рамках заявленного исследования будем придерживаться иерархической организации приемов тактико-стратегического использования предвыборных менасивов, понимая под речевой (или коммуникативной) стратегией некий тип поведения участников агональной политической дискуссии, «который обусловлен и соотносим с планом достижения коммуникативных (или) глобальных целей в рамках типового фреймового сценария ФСП» (Романов, 2006в: 203-204) и сформирован отдельными речевыми тактиками.

В таком ракурсе рассуждений следует обратить особое внимание на то, что глобальная стратегия менасивного воздействия формируется совокупностью стратегических приемов. В числе таких стратегических приемов можно выделить *базовую* (основную) стратегию и *дополнительные* стратегии менасивного воздействия. Обозначенные стратегии отображают механизм функционирования высказываний-угроз в вербальном поведении претендентов на пост Президента США и раскрывают *тактико-стратегическую обусловленность* использования политиками высказываний-угроз в условиях агональной дискуссии.

Основу глобальной стратегии прагма-эмоционального воздействия на массового адресата при помощи высказываний со значением угрозы составляет *базовая (гиперонимическая) стратегия* менасивного воздействия (также: базовая менасивная стратегия), которая сводится к тому, что политик, как правило, использует высказывания-угрозы не для введения избирателей в пиковую точку дискомфорта эмоционального состояния (Д) коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а для оказания определенного прагма-эмоционального воздействия, которое способствовало бы перемещению диспозиции эмоционального состояния *Я*-избирателя слева вправо (в сторону дискомфорта) по градуированной шкале коммуникативного конструкта, а именно в аффицированное отрицательное эмоциональное состояние.

В контексте вышесказанного следует понимать, что основной целью реализации политиком предвыборной угрозы является не введение массового адресата в состояние крайнего дискомфорта, связанного с безвыходностью ситуации, в котором он не сможет принять уверенное решение о предпочтении того или иного кандидата на выборах, а оказание умеренного – аффицированного – воздействия на избирателя, в котором избиратель будет уверен в том, что с легкостью сможет вернуться к зоне комфорта, приняв решение отдать свой голос за “нужного” кандидата. По этой причине оказание политиком *таргетированного менасивного воздействия умеренной интенсивности* оказывается наиболее удобным и целесообразным ресурсом агональной дискуссии.

Характерно, что базовая стратегия менасивного воздействия не накладывает ограничения на возможность функционирования в публичных выступлениях политиков высказываний-угроз, приближающих массового адресата к дискомфортному эмоциональному состоянию (к точке $-3A$ или точке D менасивного конструкта), т.е. таких высказываний, которые используются политиками для оказания самого интенсивного прагма-эмоционального воздействия на электорат. Однако, важно учитывать, что планируемое политиком перемещение диспозиции *Я*-избирателя в сторону дискомфортного состояния при помощи предвыборных менасивов будет способствовать стремлению избирателя восстановить диспозицию своего исходного эмоционального состояния или вернуться к состоянию комфорта. Поэтому в том случае, если предвыборные менасивы политика будут направлены на введение избирателя в пиковую точку дискомфорта, то политику придется приложить больше усилий – реализовать большее число дискурсивных практик со значением обещания или гарантии, чтобы вернуть избирателя к эмоциональному состоянию комфорта и побудить его принять решение отдать свой голос за автора таких менасивов.

Таким образом, базовая стратегия менасивного воздействия предоставляет политикам возможность вариативно интенсифицировать прагма-эмо-

циональное воздействие предвыборных высказываний-угроз, ослабляя интенсивность воздействия на Я-избирателя или приближая избирателей к дискомфортному эмоциональному состоянию. В частности, кандидаты могут регулировать последовательную реализацию высказываний-угроз различной интенсивности воздействия на эмоциональное состояние избирателей, а также частотность их “включения” в свое вербальное поведение во время публичных выступлений. Такая возможность вариативного использования высказываний-угроз с различной интенсивностью прагма-эмоционального воздействия на избирателей указывает на то, что базовая (гиперонимическая) стратегия менасивного воздействия, соотносимая с планом достижения глобальной коммуникативной цели политика в рамках фрейма типового конструкта предвыборной угрозы (см. главу 3), сформирована различными тактиками.

Проведенный анализ показывает, что базовая стратегия представлена в американском предвыборном дискурсе тремя менасивными тактиками (далее МТ):

– МТ *нагнетания* политиком дискомфорта эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия (также: МТ *нагнетания* дискомфорта эмоционального состояния избирателей);

– МТ *дисперсного* (последовательного) прагма-эмоционального воздействия политика на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей (также: МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия);

– МТ *точечных “ударов”* политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей (МТ *точечных “ударов”*).

Предложенные тактики показывают вариативность и технологичность использования политиками предвыборных менасивов. В этом случае, принимая во внимание «применимость» (Келли, 2000) инвариантного коммуникативного конструкта угрозы к предвыборным выступлениям политических деятелей, представляется возможным проследить реализацию базовой стра-

тегии менасивного воздействия в том или ином выступлении политика в условиях агональной дискурсии. Такая процедура анализа позволит описать эмоциональные переживания избирателей, которые формируются при помощи высказываний-угроз и имеют вполне конкретную диспозицию на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы. Важно подчеркнуть, что базовая стратегия менасивного воздействия выбирается в качестве основы для описания (варианта) коммуникативного конструкта предвыборной угрозы конкретного политика и схематичного отображения тактико-стратегической обусловленности использованных им менасивов различной интенсивности воздействия на массового адресата.

Следует констатировать, что глобальную стратегию менасивного воздействия формирует также ряд *дополнительных (вторичных) стратегий*. Корпус примеров дает основание утверждать, что претенденты на пост Президента США 2016 и 2020 годов используют **стратегию количественного воздействия** высказываний-угроз, которая выделяется в зависимости от количества использованных менасивов в предвыборном выступлении политика и представлена тремя МТ:

– МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей (также: МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз);

– МТ *среднего количества* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей (также: МТ *среднего количества* высказываний-угроз);

– МТ *минимального количества* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей (также: МТ *минимального количества* высказываний-угроз).

В формировании глобальной стратегии менасивного воздействия принимает участие **стратегия композиционного распределения** высказываний-угроз в публичных выступлениях политических деятелей, предполагающая целенаправленную реализацию практик-угроз в определенной структурной

части выступления. На материале исследования стратегия композиционного распределения высказываний-угроз представлена двумя МТ, которые выделяются на основе равномерного распределения высказываний-угроз или их стратегического употребления в определенной части композиционной структуры предвыборного выступления политика, например, в начале выступления или в его завершении. В число тактик указанной стратегии входят:

– МТ *неравномерного* распределения высказываний-угроз в композиционной структуре предвыборного выступления;

– МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз в композиционной структуре предвыборного выступления.

Итак, участники американской президентской гонки 2016 и 2020 годов задействуют в своих публичных выступлениях базовую стратегию менасивного воздействия, отражающую глобальную природу функционирования высказываний-угроз в коммуникативном пространстве агональной дискурсии, а также ряд дополнительных стратегий – стратегию композиционного распределения высказываний-угроз и стратегию количественного воздействия высказываний-угроз. При этом каждый из кандидатов реализует в публичном выступлении только одну МТ как способ оказания прагма-эмоционального воздействия, входящий в функциональный объем конкретной стратегии. На схеме представлена глобальная стратегия менасивного воздействия, сформированная базовой и дополнительными стратегиями прагма-эмоционального воздействия на избирателей при помощи предвыборных высказываний-угроз.

5.1.1. Базовая менасивная стратегия: направления прагма-эмоционального воздействия на избирателей

В рамках заявленного когнитивно-дискурсивного подхода изучение тактико-стратегического функционирования предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении политических деятелей уместно начать с описания особенностей реализации базовой (гиперонимической) стратегии менасивного воздействия. Не вызывает сомнений, что в ходе предвыборной гонки претенденты на пост Президента США регулярно выступают с агитационными речами. Вполне очевидно и то, что кандидатам на самый высокий политический пост в стране удастся выступить с различным количеством публичных речей в силу того, что многие из них отказываются от участия в президентской гонке до праймериз или во время праймериз (Election results, 2020). В этой связи логично выбрать для описания специфики реализации базовой менасивной стратегии такие выступления кандидатов, в которых они впервые в ходе той или иной предвыборной кампании заявляют о своем намерении бороться за пост Президента США и которые уместно назвать анонсирующими выступлениями.

Важно подчеркнуть, что базовую менасивную стратегию составляют три менасивных тактики (далее МТ), каждая из которых характеризуется определенной организацией прагма-эмоционального воздействия политика на диспозиции *Я*-избирателя при помощи высказываний-угроз. Поэтому описание вербальной специфики варианта менасивного конструкта, реализованного в публичном выступлении кандидата, предполагает последовательную фиксацию на градуированной оси такого конструкта определенных функционально-семантических разновидностей предвыборных высказываний-угроз, использованных политиком в соответствии с тем или иным вариантом базовой стратегии менасивного воздействия. Предлагаемый подход позволит определить направления прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивных высказываний, последовательно реализованных в предвыборном выступлении претендента на пост Президента США, интегративно поставив

вопрос об эффективности использования какой-либо МТ для побуждения избирателей к предпочтению политика-кандидата.

Описание тактико-стратегического функционирования предвыборных высказываний-угроз уместно начать с МТ *нагнетания* политиком дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, так как эта МТ является самой частотной на материале исследования и была использована в анонсирующих выступлениях примерно 38,78% претендентов на пост Президента США. Безусловно, специфика реализации указанной МТ представляет особый интерес для исследования, так как эмпирический материал фиксирует ее использование в публичных выступлениях тех кандидатов на пост Президента США, которым не удалось набрать внушительного количества голосов избирателей на выборах.

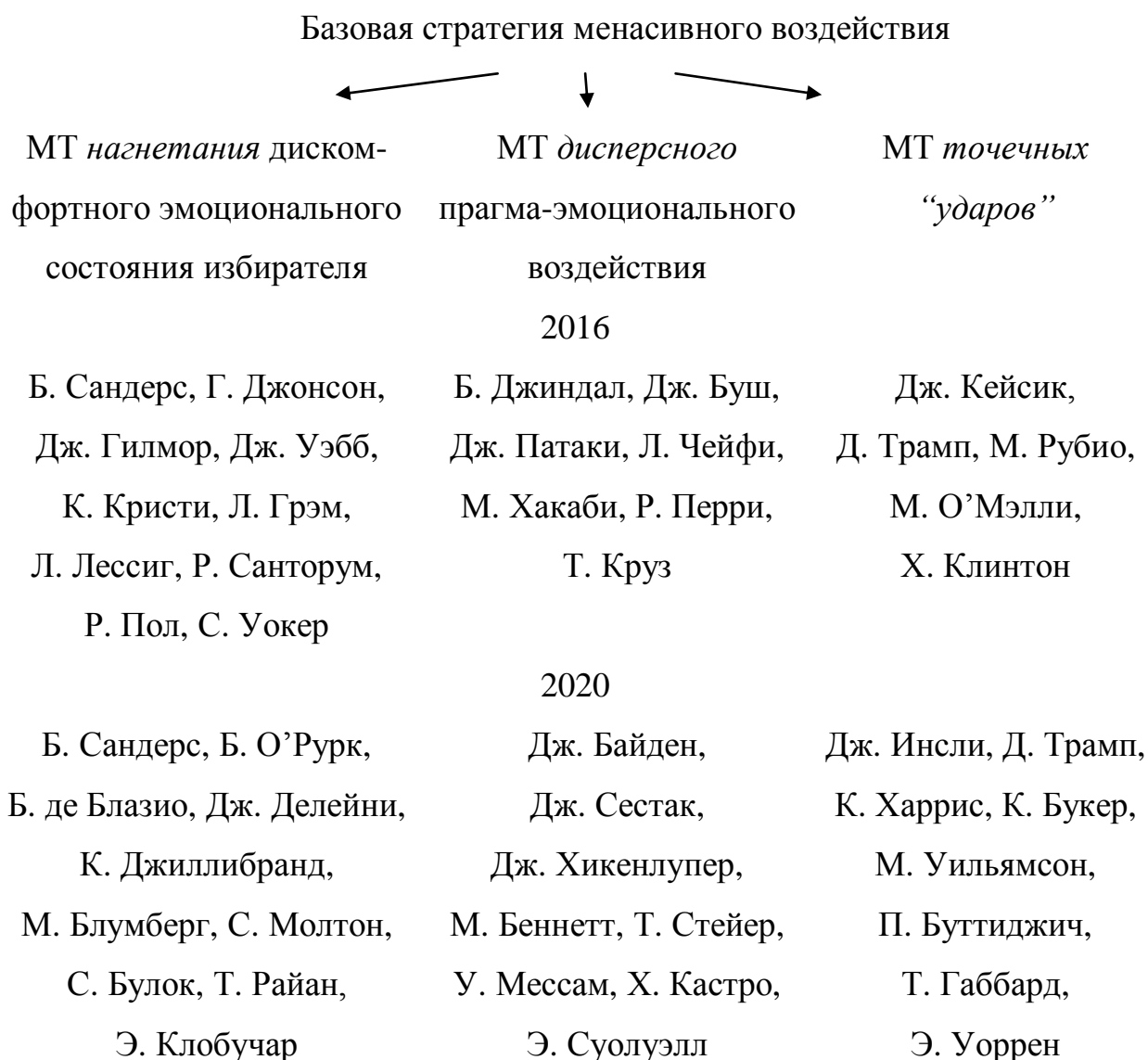
Далее следует обратить внимание на МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, которая является достаточно распространенной в анализируемом предвыборном дискурсе и была использована в публичных выступлениях примерно 34,69 % политиков. Примечательно, что указанная МТ зафиксирована в анонсирующем выступлении Джо Байдена (Biden, 2019), кандидата, победившего на выборах Президента США в 2020 году (см. Election results, URL).

Завершит исследование вариантов развертывания базовой менасивной стратегии МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей, реализованная в публичных выступлениях примерно 26,53% кандидатов. Эмпирический материал фиксирует, что указанная МТ не является достаточно распространенной в американской политической коммуникации, однако она представляет интерес для анализа, так как регулярно используется в агитационных выступлениях Дональда Трампа – кандидата, который победил на выборах Президента США в 2016 году и которому удалось набрать внушительное количество голосов избирателей по итогам выборов 2020 года. Кроме того, указанная МТ представлена в анонси-

рующем выступлении Хилари Клинтон (Clinton, 2015) – кандидата на пост Президента США в 2016 году, получившего значительную поддержку среди представителей электорального сообщества (см. Election results, URL).

Специфику использования политиками вариантов базовой менасивной стратегии можно отобразить на схеме:

Схема 13

Примечание. Политики расположены на схеме в соответствии с реализуемыми МТ и с учетом года предвыборной кампании. Таблица включает только тех кандидатов, в анонсирующих выступлениях которых зафиксировано 5 и более высказываний менасивной направленности.

В русле сказанного важно уточнить, что описание специфики реализации базовой менасивной стратегии не осуществляется для тех публичных

выступлений, в которых содержится менее 5 предвыборных высказываний со значением угрозы. Обозначенный подход обусловлен тем, что использование кандидатом менее 5 менасивов не позволяет проследить реализацию какой-либо МТ, связанной с целенаправленной и последовательной реализацией функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз как агитационно-воздействующего ресурса агональной дискурсии. В частности, на материале исследования не удалось зафиксировать применение какой-либо МТ в анонсирующих речах ряда кандидатов на пост Президента США в 2016 году – Бена Карсона и Карли Фиорины, каждый из которых использовал только по два предвыборных менасива, а также в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США в 2020 году – Девалы Патрика, Эндрю Яна, Уильяма Велда и Ричарда Охеды, каждый из которых употребил не более 4 менасивов.

5.1.1.1. Менасивная тактика *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия

Менасивная тактика *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия занимает особое положение среди обозначенных вариантов развертывания базовой менасивной стратегии, так как предоставляет политикам возможность задействовать широкий диапазон эмоциональных – аффицированных отрицательных и аффицированных положительных – переживаний избирателей и предложить им возможность “возврата” к менее интенсивным переживаниям. Обозначенная МТ основана на процессе “якорения” в массовом сознании электората возможности перемещения диспозиции *Я*-избирателя от комфортного эмоционального состояния к дискомфортному по градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а также возможности обратного перемещения, т.е. от дискомфорта к комфорту.

В этой связи становится очевидным, что политики, использующие указанную МТ, полагают, что избиратели, которые осознали (ощутили) в ходе

публичного выступления кандидата возможное перемещение своего *Я* от комфорта к дискомфорту и от дискомфорта к комфорту, будут ожидать аналогичное направление воздействия политика в условиях реальной общественно-политической жизни, так как захотят вновь пройти по знакомому им “маршруту”. Таким образом, высказывания-угрозы, реализованные в соответствии с МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, не только воздействуют на эмоциональные переживания избирателей, каузируя их предпочесть автора такой МТ, но и активизируют их когнитивную деятельность, заставляя проводить некоторые умозаключения по предлагаемой (конструируемой) политиком логической схеме «если ..., то...».

Интересным примером использования МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия является предвыборное выступление Берни Сандерса от 2 марта 2019 года (Sanders, 2019), в котором кандидат анонсировал свое участие в президентской гонке 2020 года.

Выступление политика включает 12 предвыборных менасивов, обладающих определенными функционально-семантическими особенностями и оказывающих различное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей. В связи с незначительным количеством менасивов в анонсирующей речи Берни Сандерса, конечно, может сложиться впечатление, что политик употребляет такие высказывания спонтанно и не использует их в качестве агитационно-воздействующего ресурса предвыборной коммуникации. Однако уже при первом знакомстве с его выступлением бросается в глаза последовательное распределение функционально-семантических разновидностей менасивов в композиционной структуре речи, которое является тщательно выверенным и ориентированным на оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на аудиторию.

С указанных позиций важно обратить внимание на то, что открывают выступление Берни Сандерса две угрозы-декларатива (1) «*Our campaign is*

not only about defeating Donald Trump, the most dangerous president in modern American history» (Sanders, 2019) и (2) *«Our campaign is about taking on the powerful special interests that dominate our economic and political life. I'm talking about Wall Street, the health insurance companies, the drug companies, the fossil fuel industry, the military industrial complex, the private prison industry and the large multinational corporations that exert such an enormous influence over our lives»* (Sanders, 2019), а также угроза-обещание (3) *«Our campaign is about creating a government and economy that work for the many, not just the few»* (Sanders, 2019). Характерно, что представленные угрозы-декларативы и угроза-обещание информируют избирателей о возможных негативных последствиях, адресованных представителям нефокусной аудитории политика, и, следовательно, такие угрозы способны вводить избирателей в аффицированное положительное эмоциональное состояние, находящееся соответственно в пороговых пределах диспозиций +1А и +3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Однако после менасивов с негативными последствиями для *не-избирателей* (1) – (3) политик переходит к осуществлению более интенсивного прагма-эмоционального воздействия на диспозиции *Я-избирателя* и последовательно реализует угрозу-обвинение (4) *«The powerful special interests in this country have unbelievable power and they want to maintain the status quo»* (Sanders, 2019) и угрозу-предупреждение (5) *«The only way we will win this election and create a government and economy that work for all is with a grassroots movement – the likes of which has never been seen in American history»* (Sanders, 2019). Угроза-обвинение (4) фиксирует наличие виновных (*«the powerful special interests»*) в складывающейся негативной ситуации в стране, связанной с необходимостью, по мнению Берни Сандерса, оптимизировать государственную аппаратно-управленческую деятельность, и вводит массового адресата в диспозицию –2А коммуникативного менасивного конструкта. В свою очередь, угроза-предупреждение (5) вводит избирателей в диспозицию –1А рассматриваемого конструкта, указывая им на наличие единственной

возможности («*the only way*») направить развитие страны в нужное русло. Не вызывает сомнений, что, по мнению политика, такая возможность заключается в предпочтении Берни Сандерса на выборах Президента США в 2020 году.

Существенное увеличение прагма-эмоционального воздействия на избирателей политик реализует в угрозе-констативе (б) «*You know as well as I do that we are living in a pivotal and dangerous moment in American history*» (Sanders, 2019), декларируя массовому адресату, что их благополучие находится в опасности и подразумевая при этом необходимость кардинальных перемен в управлении страной. В этой связи вполне логично, что угроза-констатив (б) вводит избирателей в диспозицию –3А коммуникативного менасивного конструкта, приближая их к пиковым дискомфортным переживаниям. Следовательно, высказывание (б) обладает наибольшим воздействующим потенциалом на фоне случаев реализации предыдущих менасивов в рассматриваемом выступлении, способствуя не только перемещению диспозиции Я-избирателя вправо по шкале менасивного конструкта политика, но и являясь кульминацией прагма-эмоционального воздействия Берни Сандерса на избирателей или его **стратегическим менасивным “ударом”** (подробнее о стратегическом “ударе” см.: Романов, 1988: 106; 2006в: 207).

Следует уточнить, что в рамках заявленного исследования под стратегическим менасивным “ударом” будем понимать целенаправленное использование политиком определенной функционально-семантической разновидности (разновидностей) высказывания-угрозы, формирующей наиболее интенсивные (пиковые) эмоциональные переживания массового адресата в том или ином публичном выступлении. При этом стратегический менасивный “удар” прослеживается на конструкте предвыборной угрозы в виде единичного и отчетливо выраженного усиления воздействующего потенциала менасивов. Такой “удар” может быть сформирован одним высказыванием-угрозой или несколькими угрозами, последовательно реализованными в вербальном поведении политика.

Таким образом, при помощи менасивов (4) – (6), содержащих указание на возможные негативные последствия для избирателей, политик постепенно нагнетает дискомфортные эмоциональные переживания электората. Тем не менее, после оказания достаточно интенсивного прагма-эмоционального воздействия на избирателей Берни Сандерс не оставляет их в состоянии близком к дискомфорту, а ослабляет интенсивность воздействия, чередуя использование угроз-декларативов: (7) «*We are running against a president who is a pathological liar, a fraud, a racist, a sexist, a xenophobe and someone who is undermining American democracy as he leads us in an authoritarian direction*» (Sanders, 2019) и (9) «*We need to take on the NRA, expand background checks, end the gun show loophole and ban the sale and distribution of assault weapons*» (Sanders, 2019), оказывающих прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата в пороговых пределах диспозиции +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а также угроз-предупреждений: (8) «*We need a president who understands that climate change is real, is an existential threat to our country and the entire planet, and that we can generate massive job creation by transforming our energy system away from fossil fuels to energy efficiency and sustainable energy*» (Sanders, 2019) и (10) «*Needless to say, there is a lot of frightening and bad news in this world*» (Sanders, 2019), ориентированных на формирование переживаний избирателей в пороговых пределах диспозиции –1А менасивного конструкта.

Завершая свое предвыборное выступление Берни Сандерс стратегически реализует угрозы-призывы (11) «*Will you stand with me as part of a million person grassroots movement which can not only win the Democratic primary, not only win the general election, but most importantly help transform this country so that, finally, we have a government that works for all of us and not just the few?*» (Sanders, 2019) и (12) «*And together we can defeat Donald Trump and repair the damage he has done to our country*» (Sanders, 2019), оказывая незначительное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата в пороговых пре-

делах диспозиции +2А менасивного конструкта и призывая избирателей к совместной борьбе за будущее страны.

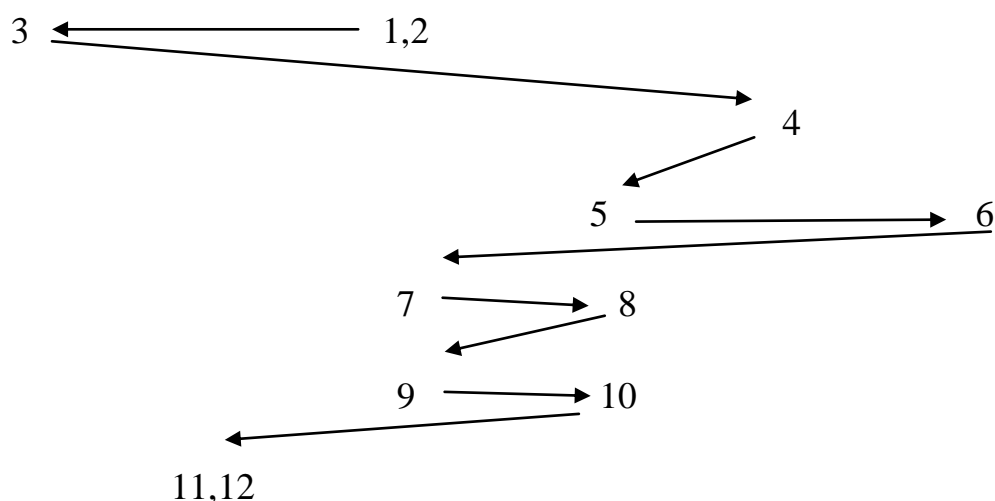
Если последовательно обозначить цифрами каждую функционально-семантическую разновидность менасива из анонсирующей речи Берни Сандерса (см. примеры выше) и соотнести ее с прагма-эмоциональным воздействием, которое такая разновидность оказывает на массового адресата (см. главу 4), то можно построить прагматограмму (подробнее о прагматограмме см.: Романов, 1991; 2006а: 135-137) менасивного воздействия Берни Сандерса:

- (1) угроза-декларатив (+1А)
- (2) угроза-декларатив (+1А)
- (3) угроза-обещание (+3А)
- (4) угроза-обвинение (-2А)
- (5) угроза-предупреждение (-1А)
- (6) угроза-констатив (-3А)
- (7) угроза-декларатив (+1А)
- (8) угроза-предупреждение (-1А)
- (9) угроза-декларатив (+1А)
- (10) угроза-предупреждение (-1А)
- (11) угроза-призыв (+2А)
- (12) угроза-призыв (+2А)

Представленные элементы прагматограммы создают каркас или коннекторные скрепы публичного выступления Берни Сандерса (подробнее о термине «коннектор» / «коннективный регулятив» см: Романов, 1988: 98) и могут быть отображены на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы:

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Берни Сандерса

К ____ +3А ____ +2А ____ + 1А ____ 0 ____ – 1А ____ – 2А ____ – 3А ____ Д
 угрозы- угрозы- угрозы- угрозы- угрозы- угрозы-
 обещания призывы деклара- предупре- обвинения констативы
 тивы ждения

Условные обозначения: те же (см. выше).

Примечание. Здесь и далее на разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы того или иного политика используется нумерация менасивных высказываний, начинающаяся с номера (1). Стрелки слева направо и справа налево обозначают последовательное использование политиком функционально-семантических разновидностей менасивов, которые оказывают различное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей: стрелки вправо указывают на приближение диспозиции Я-избирателя к состоянию дискомфорта, а стрелки влево – их возврат в исходную точку (диспозицию) эмоционального состояния или приближение диспозиции Я-избирателя к состоянию комфорта. Последовательная реализация менасивов, относящихся к одной функционально-семантической разновидности, не маркируется при помощи стрелок, а номера таких высказываний указываются через запятую.

Прагматограмма менасивного воздействия Берни Сандерса демонстрирует тот факт, что в качестве суггестивной основы для построения своего публичного выступления политик использует МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия (подробнее о суггестии см.: Романов, Черепанова, 1999). Указанная МТ прослеживается в композиционном распределении в выступлении политика функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз, обладающих различной интенсивностью прагма-эмоционального воздействия на избирателей.

Представленная прагматограмма схематично отображает реализацию политиком МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия и читается следующим образом. Политик оказывает легкое аффицированное воздействие на избирателей, используя угрозы-декларативы (1) – (2) и угрозу-обещание (3). Далее он усиливает прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата и последовательно употребляет угрозу-обвинение (4) и угрозу-предупреждение (5), которые формируют аффицированные отрицательные переживания избирателей. В угрозе-констативе (6) Берни Сандерс оказывает наиболее интенсивное воздействие на эмоциональное состояние избирателей, реализуя *стратегический менасивный “удар”* и формируя пиковые (для рассматриваемого выступления и для содержательного пространства коммуникативного конструкта предвыборной угрозы) некомфортные переживания у массовой аудитории. Однако политик долго не удерживает избирателей в состоянии близком к дискомфорту и в высказываниях-угрозах (7) – (12), употребленных после стратегического менасивного “удара”, отмечается ослабление его прагма-эмоционального воздействия на электорат.

Как видно из схемы, при реализации МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия Берни Сандерс задействует в своем выступлении широкий диапазон эмоциональных состояний избирателей, находящийся в лимнологических гра-

ницах от точки +3А до точки –3А менасивного конструкта. При этом коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Берни Сандерса сформирован 12 менасивами и включает 9 этапов смены направления оказываемого прагма-эмоционального воздействия на аудиторию. В частности, для схематичного отображения прагма-эмоционального воздействия, реализованного при помощи 12 менасивов, использованы 9 стрелок (см. схему выше): 5 стрелок справа налево (от точки Д к точке К) и 4 стрелки слева направо (от точки К к точке Д). Не приходится сомневаться, что численное преобладание стрелок справа налево (от точки Д к точке К) подтверждает использование Берни Сандерсом МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия. Кроме того, на схеме прослеживается кульминация (усиление) прагма-эмоционального воздействия политика на этапе реализации высказывания-угрозы (б), свидетельствуя о наличии в выступлении Берни Сандерса одного *стратегического менасивного “удара”*, направленного на введение избирателей в диспозицию –3А на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

Эмпирический материал американской предвыборной дискурсии фиксирует, что в ходе реализации МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия политик может целенаправленно задействовать не только стратегический менасивный “удар” для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на аудиторию, но и ряд *дополнительных менасивных “ударов”*. Дополнительные “удары” отчетливо прослеживаются на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в виде усиления воздействующего потенциала менасивов политика. Однако такие “удары” формируются высказываниями-угрозами, которые обладают меньшей “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на массового адресата по сравнению с угрозами из стратегического менасивного “удара” политика. Следует отметить, что дополнительные менасивные “удары” воз-

можны только при наличии в выступлении политика стратегического менасивного “удара”.

Примером реализации стратегического менасивного “удара” и ряда дополнительных менасивных “ударов” в рамках МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия является анонсирующая речь Майкла Блумберга от 24 ноября 2019 года (Bloomberg, 2019), в которой политик сообщает о своем намерении участвовать в президентской гонке 2020 года.

Показательно, что Майкл Блумберг начинает свою агитационно-воздействующую речь с оказания незначительного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата, реализуя угрозу-декларатив (1) «*I'm running for president to defeat Donald Trump and rebuild America*» (Bloomberg, 2019). Такой менасив (1) оказывает аффицированное воздействие на избирателей в пороговых границах диспозиции +1А, которое можно охарактеризовать как неинтенсивное и не связанное с формированием у массового адресата глубоких переживаний. В частности, угроза-декларатив (1) содержит указание на возможность наступления негативных последствий для *не-избирателей*, а именно для представителя оппозиции – Дональда Трампа.

После оказания аффицированного положительного воздействия на массового адресата политик переходит к интенсификации воздействующего менасивного потенциала, реализуя две угрозы-обвинения (2) «*We cannot afford four more years of President Trump's reckless and unethical actions*» (Bloomberg, 2019) и (3) «*He represents an existential threat to our country and our values*» (Bloomberg, 2019), которые формируют аффицированные отрицательные переживания избирателей в точке –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В русле выбранного подхода представляется оправданным назвать этап реализации высказываний-угроз (2) и (3) *первым дополнительным менасивным “ударом” (“пред-ударом”)* политика в рамках рассматриваемого публичного выступления.

Следует констатировать, что в угрозах-предупреждениях (4) «*If he wins another term in office, we may never recover from the damage*» (Bloomberg, 2019) и (5) «*The stakes could not be higher*» (Bloomberg, 2019) Майкл Блумберг ослабляет “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на электорат. Однако в угрозе-констативе (6) «*We have a climate crisis that is growing worse by the day*» (Bloomberg, 2019) политик вновь демонстрирует избирателям неизбежность негативных последствий, связанных с процессом изменения климата, формируя их некомфортные переживания в пороговых пределах диспозиции –3А. Получается, что угроза-констатив (6) обладает наибольшим воздействующим потенциалом на фоне случаев реализации предыдущих менасивов в рассматриваемом выступлении Майкла Блумберга, являясь кульминацией прагма-эмоционального воздействия политика, его стратегическим менасивным “ударом” или “ударом” стратегического характера.

Не приходится сомневаться, что при помощи угрозы-обвинения (7) «*We have special interests that corrupt Washington and block progress on all of these issues*» (Bloomberg, 2019) и угрозы-предупреждения (8) «*As a child and a Boy Scout, I was taught to believe in the promise and potential of America, and I have never been more worried about its future than I am today*» (Bloomberg, 2019) политик удерживает электорат в аффицированном отрицательном состоянии, декларируя избирателям вину некоторых людей («*special interests*») в складывающейся негативной ситуации и свою обеспокоенность за будущее страны («*I have never been more worried about its future than I am today*»).

После оказания достаточно интенсивного прагма-эмоционального воздействия на избирателей Майкл Блумберг не оставляет их в состоянии близком к дискомфорту, а продолжает ослаблять интенсивность своего воздействия, используя последовательность из угроз-декларативов (9) «*I offer myself as a doer and a problem solver – not a talker. And as someone who is ready to take on the tough fights – and win*» (Bloomberg, 2019), (10) «*I know what it takes to beat Trump, because I already have*» (Bloomberg, 2019) и (11) «*And I will do it*

again» (Bloomberg, 2019). Такими угрозами Майкл Блумберг привлекает избирателей к участию в принятии определенных мер, которые смогут помочь политику победить своего оппонента на выборах – Дональда Трампа. Более того, Майкл Блумберг впервые в рамках рассматриваемого выступления прибегает к использованию угрозы-обещания. Политик реализует угрозу-обещание (12) «*Defeating Trump – and rebuilding America – is the most urgent and important fight of our lives. And I’m going all in*» (Bloomberg, 2019), которая в тематическом плане связана с оценкой политической деятельности оппонента и его неготовностью, по мнению Майкла Блумберга, быть Президентом США.

После употребления угрозы-обещания (12) политик удерживает электорат в аффицированном положительном состоянии, последовательно используя следующие функционально-семантические разновидности менасивов: угрозу-декларатив (13) «*My resolve to stand up to his bigotry and hatred and wrong-headed policies is anchored in who I am and my belief in government as a force for good*» (Bloomberg, 2019), угрозу-обещание (14) «*As mayor, I banned smoking in restaurants and bars and cut teen smoking by 50 percent – and today, we continue to win battles against the tobacco industry and their sleazy attempts to hook young kids on e-cigarettes*» (Bloomberg, 2019) и угрозу-декларатив (15) «*I know how to take on the powerful special interests that corrupt Washington*» (Bloomberg, 2019).

Третий этап усиления прагма-эмоционального воздействия политика отмечен при реализации *дополнительного менасивного “удара”* при помощи угрозы-предупреждения (16) «*I will be the only candidate in this race who isn’t going to take a penny from anyone and will work for a dollar a year*» (Bloomberg, 2019). В высказывании (16) политик утверждает, что он является единственным кандидатом на пост Президента США в 2020 году, который готов полностью посвятить себя работе на благо избирателей. Однако Майкл Блумберг достаточно быстро снижет категоричность менасивных высказываний и уже в угрозе-декларативе (17) «*Raising taxes on wealthy individuals like me*»

(Bloomberg, 2019) возвращает массового адресата к эмоциональным переживаниям, находящимся в пороговых пределах диспозиции –1А.

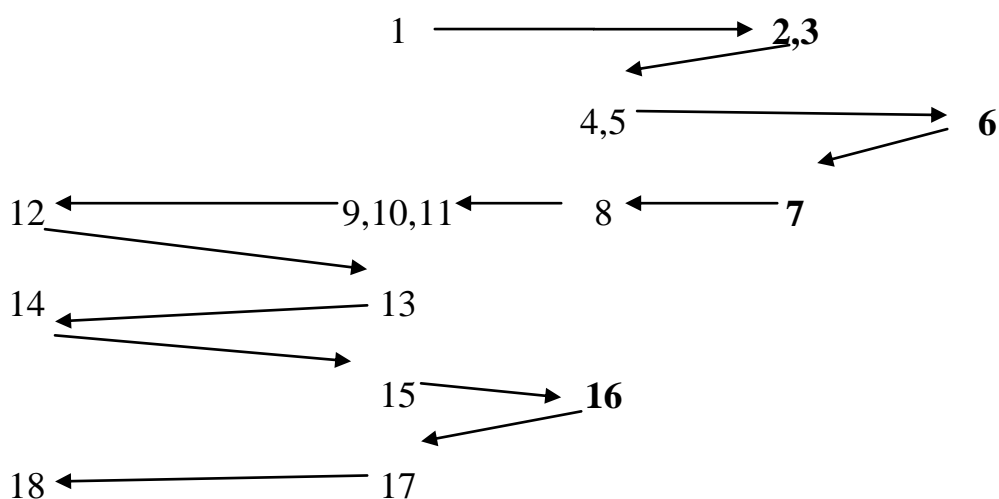
Символично, что выступление Майкла Блумберга заканчивается угрозой-обещанием (18) «*Reestablishing America's place in the world as a force for peace and stability*» (Bloomberg, 2019), которая оставляет избирателей в легком аффицированном состоянии и предоставляет им возможность самостоятельно выбрать свой дальнейший путь, оценив, конечно, весь предвыборный менасивный дискурс политика-кандидата.

Реализованная Майклом Блумбергом МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия может быть схематично отображена на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы политика:

Схема 15

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Майкла Блумберга

К ___ +3А ___ +2А ___ + 1А ___ 0 ___ – 1А ___ – 2А ___ – 3А ___ **Д**
 угрозы- угрозы- угрозы-дек- угрозы- угрозы-об- угрозы-
 обещания призывы ларативы предупре- винения констативы
 ждения

Примечание. Полужирным шрифтом выделен стратегический менасивный “удар” политика и два дополнительных менасивных “удара”.

Прагматограмма демонстрирует, что тактико-стратегическое использование Майклом Блумбергом последовательности из 18 менасивов, обладаю-

щих различными функционально-семантическими особенностями, представлено при помощи 13 стрелок: 5 стрелок слева направо и 8 стрелок справа налево. Получается, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Майкла Блумберга сформирован 18 менасивами и включает 13 этапов смены направления оказываемого прагма-эмоционального воздействия на аудиторию. При этом численное преобладание стрелок справа налево отражает использование политиком МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия.

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Майкла Блумберга отчетливо демонстрирует наличие трех этапов усиления прагма-эмоционального воздействия на массового адресата: первый менасивный “удар” реализован политиком в угрозах-обвинениях (2) и (3), второй менасивный “удар” стратегического характера – в угрозе-констативе (6), а третий менасивный “удар” – в угрозе-предупреждении (16). При этом каждое усиление прагма-эмоционального воздействия политика сопровождается последующим ослаблением такого воздействия.

Более того, складывается мнение, что Майкл Блумберг не только располагает угрозы в своем выступлении по принципу нагнетания дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, но и реализует менасивные “удары” согласно указанной тактике. Так, первый менасивный “удар” Майкла Блумберга, маркированный угрозами-обвинениями, формирует эмоциональные переживания избирателей в пороговых пределах диспозиции –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Второй менасивный “удар”, реализованный при помощи угрозы-констатива, направлен на формирование у электората интенсивных эмоциональных переживаний в пороговых пределах диспозиции –3А рассматриваемого конструкта, в то время как на третьем менасивном “ударе” политик ослабляет *стратегическую “глубину” интенсивности менасивных “ударов”* и использует угрозу-предупреждение, соотносящуюся с прагма-

эмоциональным воздействием на избирателей в пороговых пределах диспозиции –1А.

Рассмотренную ступенчатость прагматограммы менасивного воздействия Майкла Блумберга можно считать целенаправленным манипулятивно-воздействующим инструментом политика. Его предвыборные высказывания-угрозы в тематическом плане затрагивают наиболее острые проблемы развития страны, а средства поверхностной манифестации содержательного объема таких высказываний позволяют политику оказывать прагма-эмоциональное воздействие на избирателей различной “глубины” интенсивности: от аффицированного до дискомфортного. Тем не менее, варьируя в своем выступлении “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия, Майкл Блумберг не оставляет избирателей в состоянии дискомфорта, а предлагает им пути преодоления трудностей, способствующие восстановлению их комфортного эмоционального состояния и ощущению чувства безопасности.

Как видно из предложенных конструкторов – коммуникативного конструктора предвыборной угрозы Берни Сандерса и коммуникативного конструктора предвыборной угрозы Майкла Блумберга – при реализации МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия политики задействуют в своих выступлениях широкий диапазон эмоциональных состояний избирателей: от *легкого аффицированного*, сформированного угрозами-обещаниями, и *аффицированного положительного состояния*, вызванного угрозами-призывами и угрозами-декларативами, до *аффицированного отрицательного состояния*, каузированного угрозами-предупреждениями, угрозами-обвинениями и угрозами-констативами. При этом рассмотренные публичные выступления Берни Сандерса и Майкла Блумберга позволяют отчетливо проследить гарантированный политиком “реальный” (т.е. существующий в коммуникативной реальности политика и его фокусной аудитории) способ выхода избирателей из аффицированного отрицательного состояния.

Следовательно, важно еще раз подчеркнуть, что стратегическое распределение незначительного количества высказываний-угроз в выступлениях Берни Сандерса и Майкла Блумберга является тщательно выверенным и ориентированным на оказание запланированного прагма-эмоционального воздействия на аудиторию. Такое употребление практик-угроз позволяет политикам не только сформировать некомфортные переживания избирателей, переместив диспозиции их эмоционального состояния слева направо по градуированной оси менасивного конструкта, но “скрыть” интенсивность своего прагма-эмоционального воздействия, “заякорив” в сознании избирателей возможность обратного движения, а именно движения справа налево по оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в случае предпочтения политика на выборах (см. схемы 14 и 15).

Рассматриваемую МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия можно отобразить на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы в сокращенном виде:

Схема 16

Представленная схема демонстрирует механизм тактико-стратегического функционирования предвыборных менасивов в условиях политической коммуникации, предполагающий усиление (стрелка слева направо) и последующее ослабление (стрелка справа налево) прагматического воздействия на диспозиции эмоционального состояния Я-адресата высказывания-угрозы.

Итак, специфика реализации МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия проявляется в том, что политики используют менасивы не для формирования пиковых дискомфортных переживаний у электората, соответствующих точке Д или $-3A$ коммуникативного конструкта

предвыборной угрозы, а для оказания прагма-эмоционального воздействия на определенные диспозиции Я-избирателя с возможностью последующего ослабления воздействующего потенциала менасивов. Следовательно, механизм воздействия указанной МТ заключается в том, что политик акцентирует внимание электората не только на формировании их негативных переживаний, но и на предлагаемой им возможности выхода из состояния дискомфорта.

5.1.1.2. Менасивная тактика *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия политика на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей

Менасивная тактика *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей предоставляет политику возможность задействовать широкий диапазон эмоциональных – аффицированных отрицательных и аффицированных положительных – переживаний избирателей. Отличительной особенностью указанной МТ является то обстоятельство, что она не ориентирована на процесс “якорения” в сознании избирателей возможности “возврата” к легким или аффицированным положительным переживаниям после оказания на них достаточного интенсивного прагма-эмоционального воздействия в предвыборном выступлении политика. Указанная МТ *не предполагает* отчетливо обозначенный возврат избирателей к комфортным переживаниям (к точке К), проявляющийся в снижении “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на них в завершении выступления кандидата. Поэтому политики, использующие рассматриваемую МТ, полагают, что в ходе тактико-стратегической реализации высказываний-угроз целесообразно оставить электорат в некомфортном эмоциональном состоянии, предложив им свою кандидатуру как единственный возможный способ возврата к комфорту.

Тем не менее, МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия не исключает возможность использования политиком таких высказываний-угроз, которые способствуют незначительному ослаблению “глубины” интен-

сивности воздействия на избирателей. Получается, что в процессе реализации указанной МТ кандидат может использовать высказывания-угрозы, которые формируют диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя, находящихся в различных точках коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Более того, МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия допускает “резкие перемещения” диспозиции Я-избирателя по градуированной оси рассматриваемого коммуникативного конструкта из плоскости аффицированных положительных переживаний к аффицированным отрицательным и обратно.

Эмпирический материал предвыборных выступлений кандидатов на пост Президента США показывает, что политики, использующие МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций Я-избирателя, задействуют различный диапазон эмоциональных переживаний массового адресата. Ярким примером использования указанной МТ, охватывающей широкий спектр эмоциональных переживаний массового адресата, является предвыборное выступление Джеб Буша от 15 июня 2015 года (Bush, 2015), в котором политик анонсирует свое участие в президентской гонке 2016 года.

В своей предвыборной речи Джеб Буш стратегически употребил 14 менасивных высказываний, относящихся к различным функционально-семантическим разновидностям: угрозам-обещаниям, угрозам-призывам, угрозам-декларативам, угрозам-предупреждениям, угрозам-обвинениям и угрозам-констативам. Вполне очевидно, что активное использование политиком функционально-семантических разновидностей менасивов обусловлено его стремлением задействовать в своем выступлении высказывания-угрозы, которые отличаются интенсивностью прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. Кроме того, Джеб Буш использует функционально-семантические разновидности менасивов таким образом, что ему удается избежать последовательного употребления в своей предвыборной речи высказываний-угроз, относящихся к одной и той же разновидности. Иными словами,

в качестве суггестивной основы своего выступления политик использует *дисперсное* прагма-эмоциональное воздействие на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей.

В анализируемом выступлении менасивное воздействие политика начинается с реализации угрозы-констатива (1) «*Our prosperity and our security are in the balance*» (Bush, 2015), формирующей у массового адресата эмоциональные переживания в пороговых пределах диспозиции –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Затем Джеб Буш в угрозе-обвинении (2) «*They have offered a progressive agenda that includes everything but progress*» (Bush, 2015) указывает избирателям на вину представителей оппозиции в отсутствии прогрессивного развития страны («*includes everything but progress*») и сообщает о своем намерении исправить сложившуюся ситуацию в угрозе-декларативе (3) «*I, for one, am not eager to see what another four years would look like under that kind of leadership*» (Bush, 2015). Таким образом, политик постепенно ослабляет “глубину” интенсивности своего воздействия на массового адресата с диспозиции –3А до диспозиции –1А (см. схему 17).

Складывается картина, что, последовательно актуализируя диспозиции –3А, –2А и –1А в угрозах (1), (2) и (3) соответственно, политик ищет стратегическую диспозицию эмоционального состояния Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, чтобы оказать на нее прагма-эмоциональное воздействие и побудить электорат предпочесть на выборах кандидатуру автора таких угроз. С указанных позиций примечательно, что в публичном выступлении политика вновь появляется разновидность угрозы-констатива, а именно высказывание (4) «*Our country is on a very bad course*» (Bush, 2015), вводящее массового адресата в диспозицию –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, за которым следует угроза-декларатив (5) «*We will take Washington – the static capital of this dynamic country – out of the business of causing problems*» (Bush, 2015), возвращающая избирателей к аффицированным положительным переживаниям в диспозиции +1А.

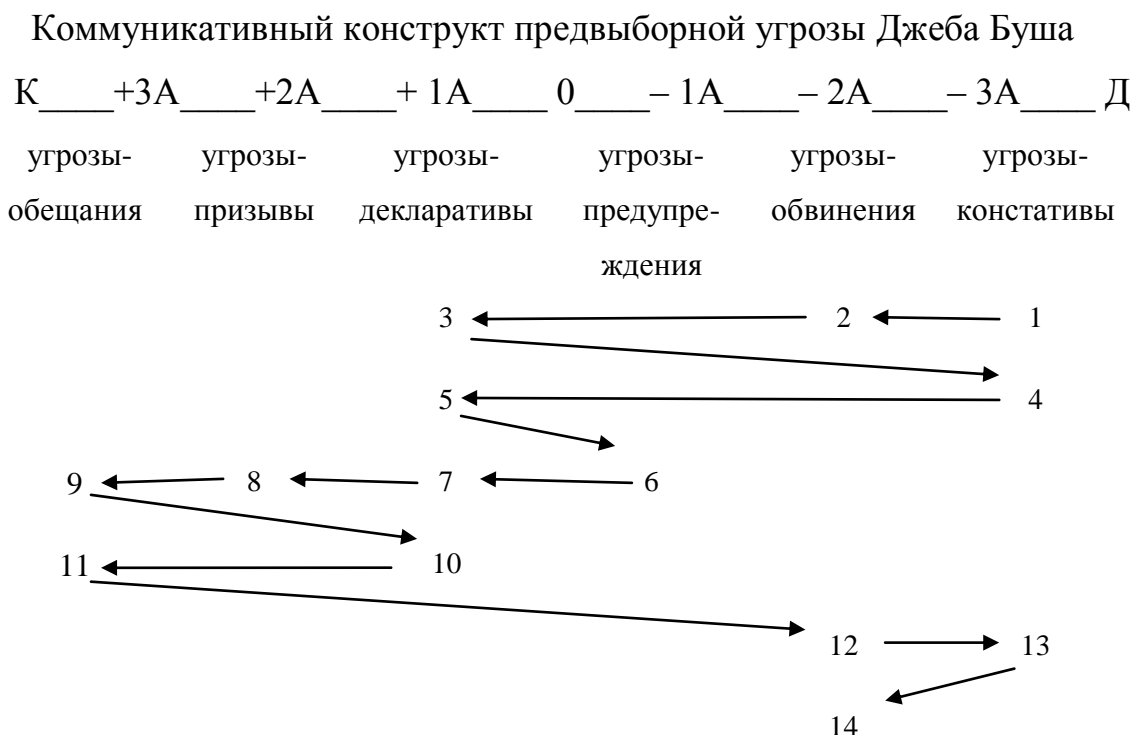
Показательно, что в своем предвыборном выступлении Джеб Буш действует еще две угрозы-декларатива: (7) «*And if I am elected president, I'll show Congress how that's done*» (Bush, 2015) и (10) «*We are not going to clean up the mess in Washington by electing the people who either helped create it or have proven incapable of fixing it*» (Bush, 2015), однако использует их непоследовательно, а дисперсно, так как употребляет их наряду с иными функционально-семантическими разновидностями менасивов: угрозой-предупреждением (6) «*So many challenges could be overcome if we just get this economy growing at full strength*» (Bush, 2015), угрозой-призывом (8) «*It is time to start making rules for the rule-makers*» (Bush, 2015) и угрозой-обещанием (9) «*When we get serious about limited government, we can pursue the great and worthy goals that America has gone too long without*» (Bush, 2015).

Бросается в глаза, что на этапе реализации угрозы-обещания (11) «*Nationwide, if I am president, we will take the power of choice away from the unions and bureaucrats and give it back to parents*» (Bush, 2015) Джеб Буш ослабляет «глубину» интенсивности прагма-эмоционального воздействия на массового адресата, поэтому может сложиться впечатление, что политик использует МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия. Однако в завершении своей агитационной речи политик переходит к формированию аффицированных отрицательных переживаний у избирателей, последовательно реализуя угрозу-обвинение (12) «*And the leading Democratic candidate recently hinted of more trouble to come*» (Bush, 2015), угрозу-констатив (13) «*Americans don't need lectures on the Middle Ages when we are dealing abroad with modern horrors committed by fanatics*» (Bush, 2015) и угрозу-обвинение (14) «*This supposedly risk-averse administration is also running us straight in the direction of the greatest risk of all – military inferiority*» (Bush, 2015).

Таким образом, реализованная Джебом Бушем МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоциональ-

ного состояния избирателей может быть схематично отображена на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы политика:

Схема 17

Предлагаемая схема фиксирует, что Джеб Буш в ходе своего выступления задействует широкий набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, находящийся в пороговых пределах от точки +3А до точки -3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Схематичное представление направлений воздействия политика на диспозиции Я-избирателя показывает, что он избегает последовательной актуализации одних и тех же диспозиций эмоционального состояния избирателей, *дисперсно* распределяя функционально-семантические разновидности менасивов в общем массиве вербальных угроз рассматриваемого выступления. В этой связи коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джеба Буша можно назвать адекватным случаем реализации МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, “без вкрапления” тактических приемов из каких-либо других МТ.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джеба Буша демонстрирует 13 этапов сме-

ны направления оказываемого прагма-эмоционального воздействия на аудиторию (см. 13 стрелок на схеме), т.е. максимально возможное число смены направлений воздействия при реализации 14 менасивов в выступлении. Также показательно, что рассматриваемый конструкт фиксирует наличие 8 стрелок справа налево и 5 стрелок слева направо, свидетельствуя о нежелании кандидата возвращать избирателей к аффицированным положительным переживаниям. Следовательно, анонсирующая речь политика оставляет массового адресата в аффицированном отрицательном состоянии (см. этап реализации менасивов с 12 по 14).

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джеба Буша позволяет проследить усиление прагма-эмоционального воздействия политика на этапе реализации высказываний-угроз (1), (4) и (13) и его ослабление в высказываниях-угрозах (9) и (11). Тем не менее, с позиций заявленного подхода к описанию тактико-стратегической реализации предвыборных менасивов как коммуникативного конструкта угрозы не представляется возможным говорить о кульминации прагма-эмоционального воздействия Джеба Буша в угрозах-констативах (1), (4) и (13), так как они дисперсно распределены в общей совокупности вербальных угроз анализируемого выступления. Кроме того, высказывания (1), (4) и (13) не образуют стратегический менасивный “удар”, отчетливо прослеживающийся на фоне снижения категоричности намерений политика после такого “удара”, а также в завершении его предвыборного выступления.

Однако отсутствие стратегического менасивного “удара” в предвыборном выступлении Джеба Буша не помешало политику регулярно оказывать аффицированное положительное воздействие на избирателей, осуществляя *менасивную тактическую атаку* на диспозицию +1А рассматриваемого конструкта. Здесь и далее под *менасивной тактической атакой* будем понимать регулярно повторяющееся (более 4 раз) использование политиком определенной функционально-семантической разновидности высказывания-уг-

розы, формирующей ключевые (непиковые) эмоциональные переживания массового адресата в конкретном предвыборном выступлении.

Примечательно, что менасивная тактическая атака Джебба Буша отчетливо прослеживается на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы политика и формируется при помощи четырех угроз-декларативов (3), (5), (7) и (10), которые используются политиком непоследовательно, а дисперсно, так как чередуются с иными функционально-семантическими разновидностями высказываний-угроз. На основании сказанного можно также заключить, что диспозиция +1А является *доминантной* или *таргетированной диспозицией* для предвыборного выступления политика, т.е. такой диспозицией, которую политик наиболее часто активизирует в сознании массового адресата и на которую направлена его тактическая атака.

Интересным примером реализации МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей является анонсирующая речь Джо Байдена от 18 мая 2019 года (Biden, 2019), которая интегративно включает в свой содержательный объем чередующиеся этапы формирования некомфортных эмоциональных переживаний избирателей и этапы возврата массового адресата к менее интенсивным переживаниям.

Отличительной особенностью рассматриваемого публичного выступления Джо Байдена является то обстоятельство, что политик начинает менасивное воздействие с реализации *тактической атаки* на диспозицию эмоционального состояния избирателей в точке -2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Его атака маркируется последовательностью из 5 угроз-обвинений: (1) «*Because our politics is pulling this country apart at the seams*» (Biden, 2019), (2) «*Our politics traffics in division, and our President is the divider-in-chief*» (Biden, 2019), (3) «*It weakens us, distracts us, divides us*» (Biden, 2019), (4) «*It causes us to lose credibility around the world*» (Biden, 2019) и (5) «*It picks at the wound, and it solves nothing*» (Biden, 2019). После представленных менасивов политик употребляет угрозу-констатив (6) «*Some say*

Democrats don't want to hear about unity» (Biden, 2019), в которой усиливает “глубину” интенсивности менасивного воздействия на избирателей, способствуя формированию у них эмоциональных переживаний в пороговых пределах диспозиции –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Тем не менее, не представляется уместным считать угрозу-констатив (6) стратегическим менасивным “ударом” Джо Байдена в рамках рассматриваемого выступления, так как на фоне *тактической атаки*, которая маркирована последовательностью из 5 угроз-обвинений, целесообразно ожидать стратегический менасивный “удар”, репрезентированный некоторой последовательностью угроз-констативов, а не единичной угрозой-констативом (6). В этой связи логично полагать, что, несмотря на применение *тактической атаки* на диспозицию –2А в угрозах-обвинениях (1) – (5), Джо Байден осознанно избегает реализации стратегического менасивного “удара”. С указанных позиций показательным является и тот факт, что после высказывания (6) политик переходит к ослаблению воздействующего потенциала своих менасивов, реализуя угрозу-предупреждение (7) *«If the American people want a president to add to our division, to lead with a clenched fist, closed hand and a hard heart, to demonize the opponents and spew hatred, they don't need me»* (Biden, 2019) и угрозу-декларатив (8) *«And I know there are times when only a bare-knuckled fight will do. When we have to take on the Republicans to do what is right without any help from them»* (Biden, 2019).

Предвыборное выступление Джо Байдена позволяет зафиксировать, что в последующих менасивах кандидат неоднократно использует прием усиления и ослабления прагма-эмоционального воздействия на электорат. При этом политик оперирует такими функционально-семантическими разновидностями высказываний-угроз, которые способствуют незначительному усилению и ослаблению воздействия на эмоциональные переживания избирателей. Проведенный анализ языкового материала позволяет утверждать, что Джо Байден регулярно актуализирует в сознании электората две *таргетированные диспозиции* эмоционального состояния, находящиеся в точ-

ках –1А и –2А менасивного конструкта. Становится понятным, что политик отказывается от оказания интенсивного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата.

В частности, для формирования диспозиции –1А политик реализует внушительное количество угроз-предупреждений, например: (10) «*We know there's serious work to be done*» (Biden, 2019); (13) «*China isn't waiting to build 5G or to master AI or to write new rules for the internet*» (Biden, 2019); (14) «*There's not a single thing that building a wall or imposing another tariff can do to address these issues*» (Biden, 2019); (16) «*It's the only way we're going to invest in the educational system our people need to succeed in the 21st Century*» (Biden, 2019); (17) «*And it's the only way we're going to deal with the existential crisis posed by climate change*» (Biden, 2019); (18) «*There's not much time left*» (Biden, 2019); (25) «*Everything that has made America – America – is at risk*» (Biden, 2019) и (28) «*The only thing that can tear America apart is America itself*» (Biden, 2019). Показательно, что угрозы-предупреждения Джо Байдена дисперсно распределены в структуре его анонсирующей речи, за исключением тактической атаки, которая прослеживается на этапе последовательной реализации угроз-предупреждений (16)-(18).

В свою очередь, диспозиция –2А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Джо Байдена формируется при помощи угроз-обвинений: (1)-(5), а также (9) «*And just like everything else he's been given in life, he's in the process of squandering it as well*» (Biden, 2019); (11) «*But it's not being done by a president who wakes up at all hours of the night to wage war on Twitter*» (Biden, 2019); (15) «*We need a 21st Century strategy for America. But every tool that Donald Trump uses is out of the past*» (Biden, 2019); (20) «*As long as Donald Trump is in the White House, none of these critical things will get done*» (Biden, 2019) и (22) «*And that gap – that failure to act – is giving rise to the worst elements in our society*» (Biden, 2019). Перечисленные угрозы-обвинения (9), (11), (15), (20) и (22) дисперсно распределены в структуре выступления поли-

тика, кроме этапа реализации угроз-обвинений (1) – (5), формирующих тактическую атаку на диспозицию –2А.

Наличие в предвыборном выступлении Джо Байдена, включающем в свой содержательный объем 28 менасивов, 9 угроз-предупреждений и 10 угроз-обвинений позволяет считать стратегическую реализацию указанных функционально-семантических разновидностей высказываний со значением угрозы *предупредительно-обвинительным менасивным* дискурсом политика. Сказанное подтверждается и тем, что Джо Байден не задействует в своей агитационной речи широкий набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, только в ряде случаев прибегая к дисперсному употреблению угроз-констативов (12) «*While he’s lashing out at his political enemies and obsessing over his personal grievances, the rest of the world isn’t waiting*» (Biden, 2019); (23) «*The threat to this nation – to our democracy – is real*» (Biden, 2019); (24) «*Without a whimper from Republicans in Congress who know better, these things are corrosive, threaten the core values of this nation, and undermine our standing in the world*» (Biden, 2019) и (27) «*On the one hand we are facing the biggest threat to who we are and what we believe that we’ve seen in our lifetimes*» (Biden, 2019), а также угроз-декларативов (19) «*The single most important thing we have to do to accomplish these things is defeat Donald Trump*» (Biden, 2019) и (21) «*So if you want to know what the first and most important plank in my climate proposal for America is: beat Trump*» (Biden, 2019).

Примечательно, что Джо Байден употребляет в своем предвыборном выступлении только одну угрозу-призыв (26) «*And everyday we are being reminded there is nothing guaranteed about our democracy. We have to fight for it. Defend it. Earn it*» (Biden, 2019), которая обладает наименьшей “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на массового адресата в рамках рассматриваемого выступления политика.

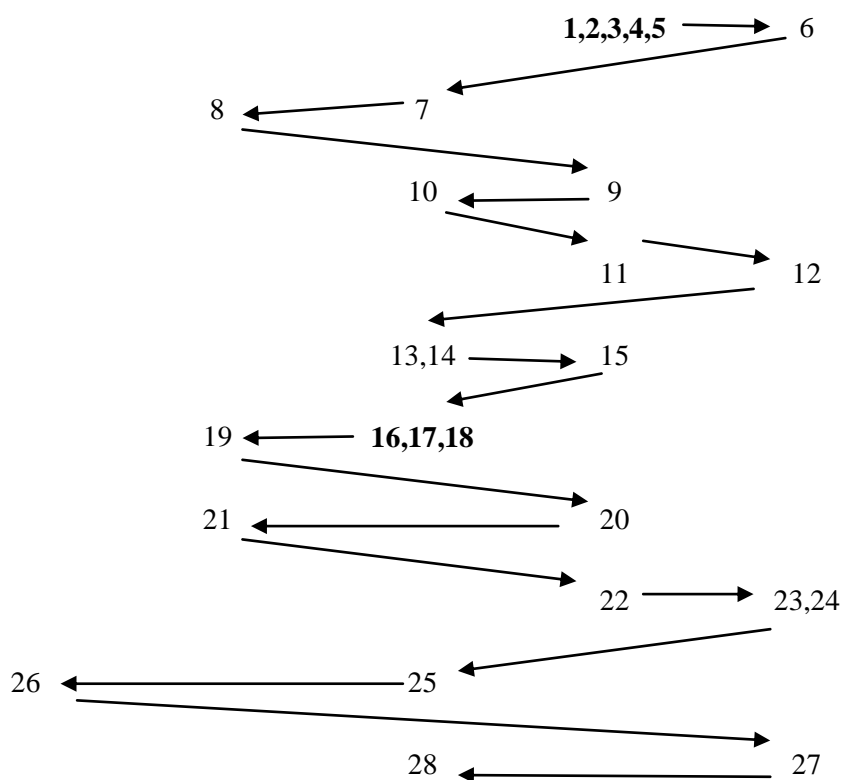
Реализованная Джо Байденом МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния из-

бирателей схематично отображена на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы политика:

Схема 18

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джо Байдена

К ____ +3А ____ +2А ____ + 1А ____ 0 ____ - 1А ____ - 2А ____ - 3А ____ Д
 угрозы- угрозы- угрозы-дек- угрозы- угрозы-об- угрозы-
 обещания призывы ларативы предупре- винения констативы
 ждения

Интересной особенностью предложенного коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Джо Байдена является наличие 19 этапов смены направлений прагма-эмоционального воздействия на аудиторию (см. 19 стрелок на схеме выше). Также бросается в глаза тот факт, что рассматриваемый конструкт фиксирует наличие 9 стрелок слева направо и 10 стрелок справа налево, демонстрируя дисперсное распределение политиком менасивного воздействующего потенциала, несмотря на две тактические атаки, реализованные на этапе последовательного употребления угроз-обвинений (1) – (5) и угроз-предупреждений (17) – (18). При этом показательно, что комму-

никативный конструкт предвыборной угрозы Джо Байдена не позволяет проследить стратегические менасивные “удары” по пиковой диспозиции –3А. В этой связи становится понятным, что пиковая диспозиция Я-избирателя не является таргетированной для анализируемого публичного выступления.

Таким образом, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джо Байдена отражает специфику употребления политиком менасивных высказываний. Складывается картина, что политик не стремится ввести избирателей в пиковую диспозицию –3А рассматриваемого конструкта, а дисперсно направляет свои высказывания-угрозы на формирование у массового адресата промежуточных диспозиций аффицированного отрицательного эмоционального состояния, которые сосредоточены в пороговых пределах от точки –1А до точки –2А.

В силу сказанного может сложиться впечатление, что высказывания-угрозы Джо Байдена оказывают *недостаточное* прагма-эмоциональное воздействие на избирателей, так как в его публичном выступлении остаются практически незадействованными диспозиции эмоционального состояния избирателей, связанные с их более интенсивными переживаниями и осознанием возможности наступления дискомфортного состояния. Тем не менее, есть достаточно оснований полагать, что менасивная тактика Джо Байдена проявляется в использовании незначительного количества угроз-констативов и стремлении не испортить высказываниями-угрозами формируемый им образ “светлого будущего”, в котором не будет его основного оппонента по выборам – Дональда Трампа.

Вполне очевидно, что отказ Джо Байдена задействовать широкий набор диспозиций эмоционального состояния избирателей во многом лимитирует возможности прагма-эмоционального воздействия публичного выступления политика, сокращая континуум коммуникативного пространства его менасивного дискурса. Используемую Джо Байденем МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния Я-избирателя можно отобразить на менасивном кон-

структе в сокращенном виде, где знаками | обозначено функционально-семантическое пространство регулярно задействуемых политиком диспозиций Я-избирателя:

Схема 19

$$\text{К} ____ + 3\text{А} ____ + 2\text{А} ____ + 1\text{А} ____ \text{0} ____ - 1\text{А} ____ - 2\text{А} ____ - 3\text{А} ____ \text{Д}$$
 | Я-избирателя |

В этой связи целесообразно напомнить, что Джебю Бушу, который также использовал в публичном выступлении МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния Я-избирателя (Bush, 2015), удалось задействовать более широкий диапазон эмоциональных переживаний массового адресата, что демонстрирует сокращенный вид его коммуникативного конструкта предвыборной угрозы (см. также схему 17):

Схема 20

$$\text{К} ____ + 3\text{А} ____ + 2\text{А} ____ + 1\text{А} ____ \text{0} ____ - 1\text{А} ____ - 2\text{А} ____ - 3\text{А} ____ \text{Д}$$
 | Я-избирателя |

Как видно из предложенных конструктов – коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Джебю Буша (см. схемы 17 и 20) и коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Джо Байдена (см. схемы 18 и 19) – при реализации МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия политики могут задействовать в своих выступлениях широкий диапазон некомфортных переживаний избирателей и произвести различное количество тактических атак на таргетированные диспозиции Я-избирателя. Однако, использование политиками указанной МТ не позволяет проследить гарантированный ими способ возврата избирателей к комфортным переживаниям.

Итак, кандидаты, использующие МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, не ставят своей задачей сформировать такие некомфортные переживания массового адресата, которые способствовали бы максимальному перемещению диспозиции Я-избирателей слева направо по градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Иными

словами, они нарочито демонстрируют образ политика, тщательно обдумывающего каждое сказанное слово, который не способен к спонтанному проявлению агрессивного вербального поведения и формированию пиковых дискомфортных переживаний у представителей электорального сообщества. Поэтому в русле сказанного важно подчеркнуть, что дисперсное распределение менасивов в выступлениях Джеба Буша и Джо Байдена является тщательно выверенным и ориентированным на оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на аудиторию. Такое употребление предвыборных менасивов позволяет политикам не вводить избирателей в дискомфортное состояние, “скрывая” интенсивность своего прагма-эмоционального воздействия на них.

5.1.1.3. Менасивная тактика *точечных “ударов”* политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей

Менасивная тактика *точечных* (также *концентрированных*) *“ударов”* по ключевым (таргетированным для политика) диспозициям эмоционального состояния избирателей ориентирована на оказание достаточного интенсивного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата, связанного с процессом “якорения” в сознании электората опасности остаться в состоянии дискомфорта в случае предпочтения иного кандидата на выборах Президента США. Отличительной особенностью МТ *точечных “ударов”* является целенаправленная реализация политиком внушительного количества высказываний-угроз определенной функционально-семантической разновидности (от 3 и более), которые употребляются последовательно и такая последовательность повторяется в предвыборном выступлении политика два и более раз.

Анализ языкового материала показывает, что, как правило, ключевыми или таргетированными диспозициями эмоционального состояния, по которым политики осуществляют точечные “удары”, являются диспозиции аффицированного отрицательного состояния избирателей, находящиеся в поро-

говых пределах точек $-2A$ и $-3A$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы (Clinton, 2015; Harris, 2019; Kasich, 2015; Trump, 2015a; Williamson, 2019). Также в рамках указанной МТ политик может выбрать в качестве ключевой диспозицию аффицированного положительного состояния *Я*-избирателя, например, диспозицию $+1A$ (Booker, 2019; Warren, 2019) или диспозицию $+2A$ (Gabbard, 2019).

В русле сказанного важно пояснить, что точечные “удары” по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей отличаются от стратегических менасивных “ударов” политика. Следует напомнить, что стратегический менасивный “удар” отчетливо прослеживается в предвыборном выступлении кандидата на фоне последующего ослабления прагма-эмоционального воздействия. В свою очередь, реализация точечных “ударов” по ключевым диспозициям *Я*-избирателя представляется возможной только в случае повторяемости таких “ударов” в публичном выступлении политика. Иными словами, МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей предполагает концентрированную реализацию в вербальном поведении политика последовательности функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз, обладающих определенной “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. Политики, использующие указанную МТ, оставляют избирателей в некомфортных – аффицированных отрицательных – эмоциональных переживаниях, предлагая им свою кандидатуру как единственный возможный способ возврата к комфорту.

Материал исследования демонстрирует, что МТ *точечных “ударов”* может служить эффективным средством для формирования предпочтения тематического контента того или иного кандидата на пост Президента США. Например, анонсирующая речь Дональда Трампа от 16 июня 2015 года (Trump, 2015a) – претендента на пост Президента США, победившего на выборах в 2016 году – состоит из четко упорядоченной последовательности санкционных действий или *точечных “ударов”* политика, которые форми-

руют устойчивое впечатление о неотвратимости исполнения заявленных мессиджесов.

Открывает предвыборное выступление Дональда Трампа последовательность из 7 угроз-констативов, которые являются достаточно убедительными и категоричными для избирателей в силу «эффекта первичности» (Романов, Черепанова, 1998: 96). Более того, последовательная реализация угроз-констативов (1) «*Our country is in serious trouble*» (Trump, 2015a); (2) «*We are not respected by anyone*» (Trump, 2015a); (3) «*We are a laughing stock all over the world*» (Trump, 2015a); (4) «*ISIS, China, Mexico are all beating us*» (Trump, 2015a); (5) «*Everybody is beating us*» (Trump, 2015a); (6) «*Our enemies are getting stronger and we are getting weaker*» (Trump, 2015a) и (7) «*Politicians are all talk and no action*» (Trump, 2015a) формирует первый точечный “удар” политика по ключевой диспозиции – пиковой диспозиции эмоционального состояния избирателей, находящейся в точке –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. На основании сказанного становится понятным, что первый точечный “удар” Дональда Трампа ориентирован на введение массовой аудитории в состояние близкое к дискомфорту и задает внушительную интенсивность последующего прагма-эмоционального воздействия политика.

Второй точечный “удар” Дональда Трампа по пиковой диспозиции эмоционального состояния избирателей прослеживается на этапе концентрированной реализации угроз-констативов: (14) «*We are right now in a massive bubble that could be ready to explode – real unemployment in the range of 20%, artificially induced low interest rates, and a stock market that bears no relation to reality – are symptoms of something that could be catastrophic*» (Trump, 2015a); (15) «*We have unsecured borders*» (Trump, 2015a); (16) «*At the same time, the world is becoming far more dangerous every day*» (Trump, 2015a); (17) «*Iran is racing towards developing nuclear weapons*» (Trump, 2015a); (18) «*China is exponentially expanding its military power*» (Trump, 2015a); (19) «*ISIS is beheading Christians simply for being Christian*» (Trump, 2015a); (20) «*In Benghazi, Islamic*

terrorists killed our diplomats without any consequences» (Trump, 2015a); (21) *«Iran and ISIS, separately, are taking over vast areas in the Middle East and with it the largest oil reserves in the world»* (Trump, 2015a) и (22) *«The America we love will continue its decline because Washington is broken»* (Trump, 2015a). Конечно, бросается в глаза, что второй точечный “удар” политика сформирован 9 менасивами, которые обладают “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия в пороговых пределах диспозиции –3А.

Также важно обратить внимание на тематическую составляющую менасивов Дональда Трампа, формирующих его второй точечный “удар”. В частности, политик использует угрозу-констатив (14), связанную с перспективой экономического развития страны и реформированием финансовой системы; угрозы-констативы (15), (16) и (18), посвященные перспективам международного сотрудничества и международной безопасности; угрозу-констатив (17), информирующую избирателей о разработке и возможности применения ядерного оружия; угрозы-констативы (19), (20) и (21), указывающие на опасность, исходящую от других стран или международных (террористических, религиозных и экстремистских) организаций, и угрозу-констатив (22), затрагивающую перспективы исторического развития общества, интересы и благополучие граждан, а также их моральные ценности. Показательно, что выбранная Дональдом Трампом тематика угроз-констативов (14) – (22) охватывает проблемы внутри- или внешнеполитического характера, подтверждая таргетированную направленность точечного “удара” политика по пиковой диспозиции эмоционального состояния избирателей.

Предвыборное выступление Дональда Трампа позволяет проследить реализацию политиком третьего точечного “удара” по пиковой диспозиции эмоционального состояния избирателей при помощи угроз-констативов (27) *«A country without borders is, quite simply, not a country»* (Trump, 2015a); (28) *«Mexico is not our friend. They are beating us at the border and hurting us badly at economic development»* (Trump, 2015a) и (29) *«They are sending people that they don't want – the United States is becoming a dumping ground for the world»*

(Trump, 2015a). Не вызывает сомнений, что третьим точечным “ударом” по диспозиции –3А политик пытается удержать избирателей в указанной диспозиции, а также закрепить в сознании массового адресата неминуемое наступление негативных последствий в случае предпочтения иного кандидата на выборах Президента США в 2016 году.

Помимо точечных “ударов” по пиковой диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя Дональд Трамп осуществляет два точечных “удара” по диспозиции +1А. Политик последовательно реализует угрозы-декларативы (30) «*It is essential to rebuild our military so we have a strong presence that will send a clear message to our enemies that America is the leader of the free world*» (Trump, 2015a); (31) «*As President Reagan proved, there is only peace through strength*» (Trump, 2015a); (32) «*It is time to close loopholes for Wall Street and create far more opportunities for small businesses*» (Trump, 2015a) и (33) «*It is necessary that we invest in our infrastructure, stop sending foreign aid to countries that hate us ...*» (Trump, 2015a).

Далее, не позволяя избирателям восстановить диспозицию исходного эмоционального состояния при помощи угрозы-обещания (34) «*...and nobody can do that better than me*» (Trump, 2015a), политик вновь наносит точечный “удар” по диспозиции +1А концентрированным употреблением 7 угроз-декларативов: (35) «*We will no longer bow down to our enemies*» (Trump, 2015a); (36) «*We will remind the world that a threat against Israel is a threat against the United States*» (Trump, 2015a); (37) «*We need to stop Iran from developing nuclear weapons*» (Trump, 2015a); (38) «*We cannot allow a nuclear arms race in the Middle East*» (Trump, 2015a); (39) «*It is time to defeat ISIS. With a proper plan, it can be done quickly and effectively*» (Trump, 2015a); (40) «*It is time to get tough with the Chinese on currency manipulation and espionage*» (Trump, 2015a) и (41) «*We will tax China for each bad act, and if they continue then we will tax them at an even higher level*» (Trump, 2015a).

Таким образом, в качестве суггестивной основы своего предвыборного выступления Дональд Трамп использует три точечных “удара” по диспози-

ции эмоционального состояния избирателей в точке $-3A$, соотносимой с употреблением угроз-констативов, и два точечных “удара” по диспозиции $+1A$, реализуемых при помощи угроз-декларативов. На основании зафиксированных данных есть все основания полагать, что последовательное употребление политиком предвыборных угроз-констативов и угроз-декларативов формирует его менасивный дискурс *декларативно-констативного характера*. В таком дискурсе прослеживается адресатная направленность высказываний-угроз на причинение негативных последствий фокусной и нефокусной аудитории политика, так как Дональд Трамп целенаправленно упоминает различных адресатов негативных последствий для усиления воздействующего потенциала своих менасивов, ср. «*enemies*», «*Wall Street*», «*Iran*», «*ISIS*», «*the Chinese*», «*China*». Более того, можно утверждать, что политик стремится использовать различные адресатные разновидности предвыборных менасивов с тем, чтобы продемонстрировать электорату негативное положение дел во многих сферах деятельности, сложившееся при руководстве страной представителя оппозиционной партии, и показать на этом фоне свою готовность исправить ситуацию, нанеся “удар” по нефокусной аудитории.

Помимо точечных “ударов” по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей Дональд Трамп задействует широкий диапазон эмоциональных – аффицированных отрицательных и аффицированных положительных – переживаний избирателей. В этой связи представляется уместным обозначить *промежуточные* диспозиции коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Дональда Трампа (см. схему 21), т.е. диспозиции, находящиеся между точечными “ударами” политика, “неударные” или не подверженные “ударам”. Так, промежуточной диспозицией рассматриваемого конструкта является диспозиция $-1A$, которую политик формирует угрозами-предупреждениями (8) «*They will never be able to fix our country*» (Trump, 2015a); (9) «*They will never bring us to the Promised Land, and I cannot sit back and watch this incompetence any longer*» (Trump, 2015a); (12) «*We will never achieve our full potential if we send yet another politician to the White*

House» (Trump, 2015a) и (23) «*We will never fix Washington from the inside ...*» (Trump, 2015a). Также промежуточной является диспозиция –2А, которая актуализируется в угрозах-обвинениях Дональда Трампа (10) «*Our country needs and deserves a comeback ... but, we are not going to get that comeback with politicians*» (Trump, 2015a); (11) «*Politicians are not the solution to our problems – they are the problem*» (Trump, 2015a) и (13) «*They will grow government, not cut it – they will grow debt, not stop it*» (Trump, 2015a).

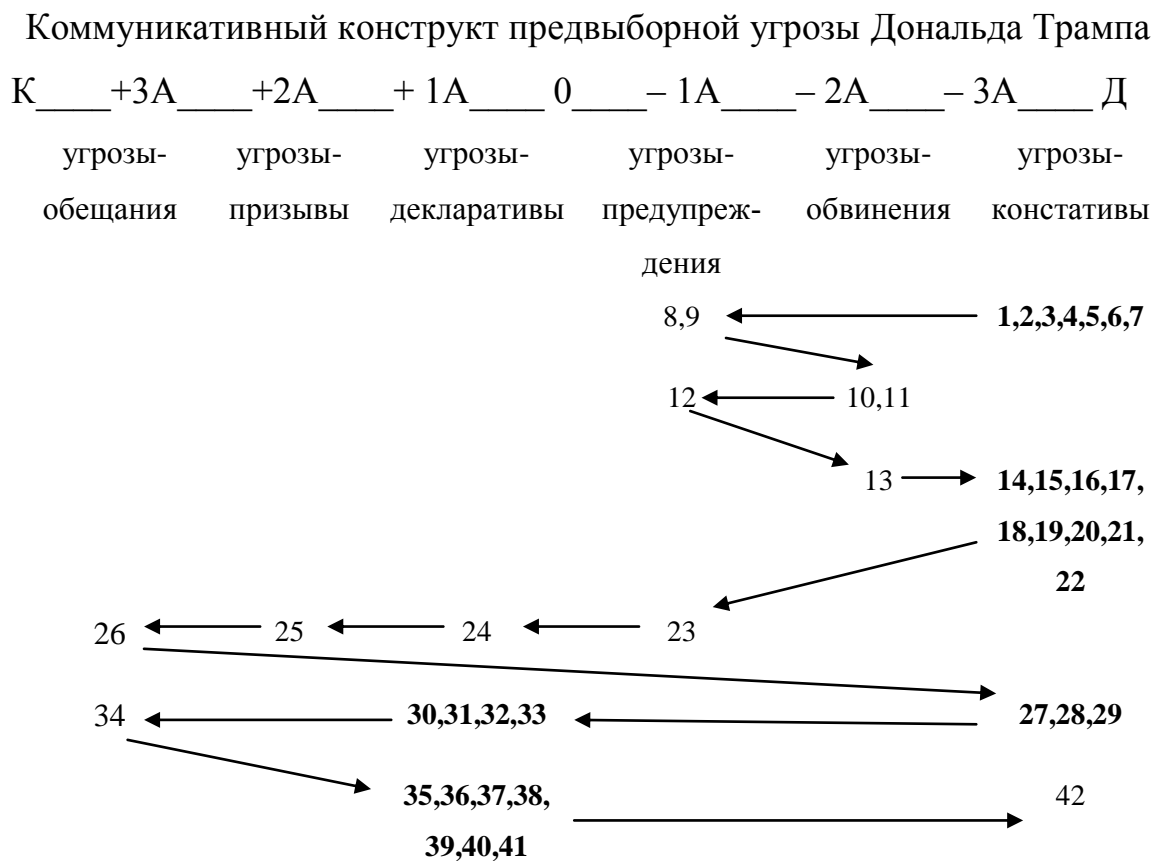
Кроме перечисленных функционально-семантических разновидностей менасивов, формирующих точечные “удары” политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния массового адресата или оказывающих воздействие на промежуточные диспозиции Я-избирателя, Дональд Трамп дисперсно использует угрозу-декларатив (24) «*...unless we send someone to Washington from the outside*» (Trump, 2015a); угрозу-призыв (25) «*We will change Washington together and defeat the special interests*» (Trump, 2015a), а также угрозы-обещания (26) «*It is way past time to build a massive wall to secure our southern border – and nobody can build a bigger and better wall than Donald Trump*» (Trump, 2015a) и (34) «*...and use that money to rebuild our tunnels, roads, bridges and schools and nobody can do that better than me*» (Trump, 2015a). Не приходится сомневаться, что менасивы (24) – (26) и (34) не участвуют в формировании точечных “ударов” политика по ключевым диспозициям Я-избирателя в рамках рассматриваемого выступления, однако следует заметить, что их употребление демонстрирует стремление Дональда Трампа задействовать широкий диапазон эмоциональных переживаний электората с целью побудить их проголосовать за свою кандидатуру на выборах Президента США в 2016 году.

Характерно, что, завершая прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата при помощи МТ *точечных “ударов”*, Дональд Трамп использует угрозу-констатив (42) «*The fact is, the American Dream is dead*» (Trump, 2015a). Такой менасив, безусловно, оставляет избирателей в состоянии близком к дискомфорту, так как связан с формированием интенсивных эмоцио-

нальных переживаний, обусловленных возможностью разрушения закрепленной в их сознании идеи американской исключительности (подробнее об этой идее см.: Hughes, 2015; Nordmark, 2013) и несомненного лидерства США на мировой арене. Складывается впечатление, что угроза-констатив (42) является последним “ударом” политика по выбранной им ключевой диспозиции Я-избирателя, который не способствует возврату электората к исходной диспозиции эмоционального состояния, а усиливает их переживания в пороговых пределах диспозиции –3А.

Представляется целесообразным расположить “удары” публичного выступления Дональда Трампа, составляющие основу его МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям Я-избирателя, на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы по принципу оказываемого ими прагма-эмоционального воздействия на электорат:

Схема 21

Примечание. Точечные “удары” политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей выделены полужирным шрифтом.

Описанный вариант коммуникативного конструкта демонстрирует, что политик, осуществляя поиск целевой аудитории и способа эффективного воздействия на нее, осознанно использует внушительное количество предвыборных менасивов, вводящих избирателей в состояние близкое к дискомфорту. Схема показывает, что публичное выступление Дональда Трампа начинается с достаточно интенсивного прагма-эмоционального воздействия на избирателей – точечного “удара” по диспозиции –3А, реализованного в менасивах (1) – (7). Выступление кандидата сопровождается рядом последующих точечных “ударов” по диспозиции –3А, осуществленных в высказываниях-угрозах (14) – (22) и (27) – (29), а также точечными “ударами” по диспозиции +1А при помощи менасивов (30) – (33) и (35) – (41). Политик завершает выступление интенсивным прагма-эмоциональным воздействием на электорат при помощи высказывания-угрозы (42), закрепившей первоначальный эффект точечных “ударов”.

Зафиксированные точечные “удары” Дональда Трампа маркированы внушительным количеством предвыборных менасивов, например, второй точный “удар” включает 9 высказываний-угроз. Как было показано выше, политик осуществляет несколько точных “ударов” по одной и той же диспозиции Я-избирателя. На основании сказанного можно со всей уверенностью полагать, что несколько точечных “ударов” в одну и ту же диспозицию Я-избирателя оказывает более интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на электорат, чем один “удар” в эту диспозицию. Другими словами, интенсивность последующих “ударов” Дональда Трампа по одним и тем же диспозициям эмоционального состояния Я-избирателя постепенно нарастает.

Таким образом, Дональд Трамп целенаправленно употребляет менасивы, способствующие формированию некомфортных переживаний у массового адресата и не допускающие снижения “глубины” интенсивности воздействия. При этом в выступлении политика зафиксированы только незначительные “ослабления” в интенсивности воздействующего потенциала высказываний-угроз. Поэтому реализованные им менасивы можно охарактеризо-

вать как *ориентированные* на введение избирателей в различные диспозиции эмоционального состояния угрозы с преобладанием прагматического воздействия «жесткого кодирования» (о типах кодирования см.: Романов, Черепанова, 1998; 1999).

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Дональда Трампа включает 14 этапов смены направлений прагма-эмоционального воздействия на избирателей (см. 14 стрелок на схеме). Такое незначительное количество этапов репрезентировано 42 менасивами, что свидетельствует о концентрированном использовании Дональдом Трампом высказываний-угроз, ср., однако 28 менасивов, которые образуют 19 этапов смены направлений оказываемого прагма-эмоционального воздействия на аудиторию в анонсирующей речи Джо Байдена (см. схему 18). Более того, в выбранном ракурсе рассуждений важно отметить, что из 42 менасивов, которые Дональд Трамп употребил в своей агитационной речи, 30 менасивов (или примерно 71,42% от общего количества его высказываний-угроз) политик использует для маркировки *точечных “ударов”* по ключевым (таргетированным) диспозициям эмоционального состояния избирателей.

Итак, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Дональда Трампа демонстрирует специфику функционирования высказываний-угроз в рамках МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей. Такая специфика проявляется в том, что политик стратегически совершает регулярные точечные “удары” по ключевым (таргетированными для кандидата) диспозициям избирателей в точках $-3A$ и $+1A$ рассматриваемого коммуникативного конструкта, а также дисперсно воздействует на ряд других диспозиций, например, $-1A$ или $-2A$. В силу сказанного можно утверждать, что Дональд Трамп ориентирует свое прагма-эмоциональное воздействие на совершение точечных “ударов” по ключевым диспозициям Я-избирателя, активно задействуя при этом промежуточные эмоциональные переживания массового адресата, находящиеся на отрезке между двумя ключевыми (подверженными “ударам”) диспозициями, т.е. между точ-

ками +1А и –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В результате получается, что Дональд Трамп реализует точечные “удары” на фоне широкого набора диспозиций эмоционального состояния избирателей.

Показательно, что МТ *точечных “ударов”* по ключевым (таргетированным) диспозициям эмоционального состояния избирателей также использует Хилари Клинтон в анонсирующей речи от 13 июня 2015 года (Clinton, 2015). При этом важно констатировать наличие некоторых тактических нюансов в использовании Хилари Клинтон указанной МТ, обусловленных спецификой реализации точечных “ударов” и выбором политика ключевых диспозиций эмоционального состояния избирателей.

В рассматриваемом выступлении Хилари Клинтон обращает на себя внимание осознанное употребление политиком 46 менасивов для реализации агитационно-воздействующей цели. Также важно отметить то обстоятельство, что Хилари Клинтон стратегически использует различные функционально-семантические разновидности высказываний-угроз, задействуя широкий диапазон эмоциональных переживаний массового адресата – от аффицированных положительных до аффицированных отрицательных диспозиций Я-избирателя, находящихся на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы между точками +3А и –3А.

Реализацию МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей Хилари Клинтон начинает с употребления последовательности высказываний-угроз, перемещающих диспозицию Я-избирателя от точки +1А к точке –3А. В частности, Хилари Клинтон использует угрозу-декларатив (1) «*He said there's no mystery about what it takes to build a strong and prosperous America: The ending of special privilege for the few...*» (Clinton, 2015), содержащую указание на намерение политика причинить вред представителям нефокусной аудитории и формирующую эмоциональные переживания избирателей в пороговых пределах диспозиции +1А. В угрозе-предупреждении (2) «*It's America's basic bargain*» (Clinton, 2015) кандидат усиливает “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздейст-

вия на избирателей, указывая на возможность наступления негативных последствий для них, а в двух последовательно использованных угрозах-констативах (3) «*We face new challenges in our economy and our democracy*» (Clinton, 2015) и (4) «*But, we all know we're not yet running the way America should*» (Clinton, 2015) она оказывает наиболее интенсивное воздействие на массового адресата в содержательном пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

В рамках предлагаемого подхода к описанию тактико-стратегической природы менасивных высказываний, функционирующих в условиях агональной дискурсии, не представляется возможным назвать последовательную реализацию угроз-констативов (3) и (4) точечным “ударом” политика по ключевой диспозиции Я-избирателя. В этой связи следует напомнить, что точечный “удар” являет собой целенаправленное употребление внушительного количества менасивов определенной функционально-семантической разновидности (от 3 и более), которые используются последовательно и такая последовательность повторяется в выступлении политика два и более раз. Тем не менее, есть все основания считать реализацию угроз-констативов (3) и (4) подготовительным или “предударным” этапом для осуществления двух последующих точечных “ударов” политика по ключевой диспозиции –3А.

Вполне очевидно, что реализация Хилари Клинтон менасивов (1) – (4), постепенно перемещающих диспозицию Я-избирателя от точки +1А к точке –3А, задает диапазон ключевых эмоциональных переживаний массового адресата, который она будет стратегически задействовать в ходе своего предвыборного выступления. В этой связи складывается впечатление, что уже в начале своего выступления политик готовит аудиторию к точечным “ударам” по ключевым диспозициям, находящимся на отрезке континуума содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы между реперными точками (диспозициями) +1А и –3А. Более того, после использования двух угроз-констативов (3) и (4), готовящих аудиторию к точечным “ударам” по диспозиции –3А, Хилари Клинтон употребляет две угрозы-декларатива (5)

«*Prosperity can't be just for CEOs and hedge fund managers*» (Clinton, 2015) и (6) «*Democracy can't be just of billionaires and corporations*» (Clinton, 2015), якоря в сознании массового адресата реперные диспозиции эмоционального состояния, которые выступают лимнологическими границами ее точечных “ударов”.

Первый точечный “удар” по ключевой диспозиции эмоционального состояния избирателей, находящейся в точке –3А, Хилари Клинтон маркирует последовательностью из трех угроз-констативов (8) «*Our country's challenges didn't begin with the Great Recession and they won't end with the recovery*» (Clinton, 2015); (9) «*Our political system is to paralyzed by gridlock and dysfunction...*» (Clinton, 2015) и (10) «*... that most Americans have lost confidence that anything can actually get done*» (Clinton, 2015).

Второй точечный “удар” политик производит по ключевой диспозиции –2А. На втором “ударе” она реализует незначительное ослабление прагма-эмоционального воздействия на избирателей, связанное с употреблением угроз-обвинений (16) «*They pledge to wipe out tough rules on Wall Street, rather than rein in the banks that are still too risky, courting future failures*» (Clinton, 2015), (17) «*They want to take away health insurance from more than 16 million Americans without offering any credible alternative*» (Clinton, 2015), (18) «*They want to put immigrants, who work hard and pay taxes, at risk of deportation*» (Clinton, 2015) и (19) «*Fundamentally, they reject what it takes to build an inclusive economy*» (Clinton, 2015).

На третьем точечном “ударе” наблюдается усиление воздействующего потенциала предвыборных менасивов Хилари Клинтон. Во-первых, такое усиление связано с употреблением угроз-констативов (24) «*There are allies for change everywhere who know we can't stand by while inequality increases...*», (25) «*...wages stagnate...*», (Clinton, 2015) и (26) «*...and the promise of America dims*» (Clinton, 2015), вводящих избирателей в диспозицию –3А рассматриваемого коммуникативного конструкта. Во-вторых, усиление менасивного прагма-эмоционального воздействия обусловлено достаточно “резким” пере-

мещением диспозиции Я-избирателя из точки +3А, сформированной угрозами-обещаниями (20) «*If you'll give me the chance, I'll wage and win Four Fights for you*» (Clinton, 2015) и (21) «*The first is to make the economy work for everyday Americans, not just those at the top*» (Clinton, 2015), через точку –1А, которая соотносится с угрозами-предупреждениями (22) «*The middle class needs more growth and more fairness. Growth and fairness go together. For lasting prosperity, you can't have one without the other*» (Clinton, 2015) и (23) «*Do I think it will be easy? Of course not*» (Clinton, 2015), в точку –3А.

Материал предвыборного выступления Хилари Клинтон обнаруживает еще две попытки политика ввести избирателей в диспозицию, находящуюся в точке –3А. Такие попытки маркируются при помощи угроз-констативов (29) «*And today's families face new and unique pressures*» (Clinton, 2015) и (38) «*We have to stop the endless flow of secret, unaccountable money that is distorting our elections, corrupting our political process, and drowning out the voices of our people*» (Clinton, 2015). Однако менасивы (29) и (38) используются кандидатом дисперсно и не представляют собой концентрированный “удар” по указанной диспозиции.

На четвертом точечном “ударе” Хилари Клинтон заметно ослабляет “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на электорат, применяя для формирования воздействующего потенциала МТ три угрозы-декларатива (30) «*No other country is better equipped to meet traditional threats from countries like Russia, North Korea, and Iran – and to deal with the rise of new powers like China*» (Clinton, 2015), (31) «*No other country is better prepared to meet emerging threats from cyber attacks...*» (Clinton, 2015) и (32) «*...transnational terror networks like ISIS...*» (Clinton, 2015). Перечисленные менасивы (30) – (32) маркируют самый “легкий” точечный “удар” политика по ключевой диспозиции эмоционального состояния Я-избирателя, находящейся в точке +1А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Характерно, что после четвертого точечного “удара” Хилари Клинтон предпринимает еще две попытки воздействовать на диспозицию +1А. Для

этого она реализует последовательность угроз-декларативов (39) «*I'll fight back against Republican efforts to disempower and disenfranchise young people, poor people, people with disabilities, and people of color*» (Clinton, 2015) и (40) «*Like any family, our American family is strongest when we cherish what we have in common, and fight back against those who would drive us apart*» (Clinton, 2015), а также (44) «*It's no secret that we're going up against some pretty powerful forces that will do and spend whatever it takes to advance a very different vision for America*» (Clinton, 2015) и (45) «*But I've spent my life fighting for children, families, and our country. And I'm not stopping now*» (Clinton, 2015). Тем не менее, последовательную реализацию предвыборных высказываний-угроз (39) и (40), а также (44) и (45) не представляется уместным назвать точечным “ударом”, так как обозначенные последовательности сформированы только двумя менасивами.

Таким образом, публичное выступление Хилари Клинтон фиксирует наличие 4 точечных “ударов”, направленных на последовательное введение массового адресата в диспозиции $-3A$, $-2A$, $-3A$ и $+1A$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Безусловно, обращает на себя внимание специфичность точечных “ударов” политика, которая проявляется в незначительном количестве менасивов, маркирующих такие “удары”. В этой связи примечательно, что первый, третий и четвертый “удары” включают в свой состав только по 3 менасива, в то время как второй “удар” сформирован 4 менасивами. Получается, что политик задействует 13 высказываний-угроз для реализации 4 точечных “ударов” в публичном выступлении, содержащем 46 менасивов. Иными словами, для маркировки точечных “ударов” по ключевым диспозициям Я-избирателя Хилари Клинтон использует примерно 28,26 % высказываний-угроз от общего количества менасивов ее выступления (ср. с представленными выше данными о том, что Дональд Трамп задействовал для маркировки *точечных* “ударов” примерно 71,42% высказываний-угроз от общего количества менасивов в его анонсирующей речи). Следовательно, представляется возможным утверждать, что точечные “удары” Хи-

лари Клинтон не оказывают интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей.

Вместе с тем Хилари Клинтон регулярно осуществляет *дисперсные* менасивные “удары” по таргетированной диспозиции эмоционального состояния избирателей. Необходимо уточнить, что под дисперсными менасивными “ударами” будем понимать использование политиком какой-либо функционально-семантической разновидности высказываний-угроз, которая употребляется дисперсно (непоследовательно, т.е. не образуя точечный “удар”), но регулярно повторяется на протяжении публичного выступления кандидата.

В этом плане анонсирующая речь Хилари Клинтон обнаруживает дисперсные менасивные “удары” по диспозиции –1А, которые репрезентированы угрозами-предупреждениями. При этом характерно, что политик начинает использовать дисперсные “удары” уже в начале своего выступления в угрозах-предупреждениях: (2) «*It's America's basic bargain*» (Clinton, 2015) и (7) «*America can't succeed unless you succeed*» (Clinton, 2015).

Дисперсные менасивные “удары” по диспозиции –1А прослеживаются и в середине выступления Хилари Клинтон. В частности, после реализации первого точечного “удара” (см. высказывания-угрозы 8 – 10) политик возвращает диспозицию Я-избирателя в точку –1А при помощи угрозы-предупреждения (11) «*But we can't do that if we go back to the top-down economic policies that failed us before*» (Clinton, 2015). Однако она не удерживает массового адресата в диспозиции –1А при помощи последовательности угроз-предупреждений, а переходит к очередному усилению воздействия на электорат, формируя диспозицию –3А при помощи угроз-констативов (12) «*Americans have come too far to see our progress ripped away*» (Clinton, 2015), (13) «*Now, there may be some new voices in the presidential Republican choir, but they're all singing the same old song...*» (Clinton, 2015) и (15) «*Ask many of these candidates about climate change, one of the defining threats of our time, and they'll say: "I'm not a scientist"*» (Clinton, 2015), а также диспозицию –2А при помощи угрозы-

обвинения (14) «*These Republicans trip over themselves promising lower taxes for the wealthy and fewer rules for the biggest corporations without regard for how that will make income inequality even worse*» (Clinton, 2015).

Показательно, что после второго точечного “удара” (см. менасивы 16 – 19) политик демонстративно ослабляет прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата в угрозах-обещаниях (20) «*If you'll give me the chance, I'll wage and win Four Fights for you*» (Clinton, 2015) и (21) «*The first is to make the economy work for everyday Americans, not just those at the top*» (Clinton, 2015). Тем не менее, сразу после ослабления воздействующего потенциала менасивов политик последовательно использует угрозы-предупреждения (22) «*The middle class needs more growth and more fairness. Growth and fairness go together. For lasting prosperity, you can't have one without the other*» (Clinton, 2015) и (23) «*Do I think it will be easy? Of course not*» (Clinton, 2015), вновь возвращая эмоциональные переживания избирателей в таргетированную диспозицию –1А.

После третьего точечного “удара” (см. высказывания-угрозы 24 –26) Хилари Клинтон продолжает “якорить” в сознании массового адресата диспозицию –1А при помощи угроз-предупреждений (27) «*Our country won't be competitive or fair if we don't help more families give their kids the best possible start in life*» (Clinton, 2015) и (28) «*Now, the second fight is to strengthen America's families, because when our families are strong, America is strong*» (Clinton, 2015). Аналогичным образом, после четвертого точечного “удара” (см. высказывания-угрозы 30-32) политик возвращается к формированию диспозиции –1А при помощи угрозы-предупреждения (33) «*... and diseases that spread across oceans and continents*» (Clinton, 2015).

В продолжение своего выступления политик неоднократно возвращается к угрозам-предупреждениям: (35) «*I believe the future holds far more opportunities than threats if we exercise creative and confident leadership that enables us to shape global events rather than be shaped by them*» (Clinton, 2015), (36) «*And we all know that in order to be strong in the world, though, we first have*

to be strong at home» (Clinton, 2015), (41) «Now, that is an understandable question considering that in many places, if you lose an election you could get imprisoned or exiled – even killed – not hired as Secretary of State» (Clinton, 2015), (43) «We can build an economy where hard work is rewarded. We can strengthen our families. We can defend our country and increase our opportunities all over the world. And we can renew the promise of our democracy. If we all do our part» (Clinton, 2015) и (46) «An America, where if you do your part, you reap the rewards» (Clinton, 2015).

Материал анализируемого выступления Хилари Клинтон позволил зафиксировать 13 случаев употребления угроз-предупреждений. Полученные данные свидетельствуют о том, что менасивы указанной функционально-семантической разновидности, встречаясь в начале, в середине и в завершении публичного выступления, формируют *стержневую основу* всего выступления, вокруг которой реализуются точечные “удары” политика по ключевым диспозициям Я-избирателя и отдельные высказывания-угрозы. В русле сказанного становится понятным, что в выступлении Хилари Клинтон этапы усиления или ослабления менасивного прагма-эмоционального воздействия на избирателей проходят через диспозицию –1А, к которой политик регулярно возвращает электорат в ходе своей агитационной речи. Следовательно, можно утверждать, что дисперсные “удары” Хилари Клинтон по таргетированной диспозиции Я-избирателя, находящей в точке –1А, являются обдуманными и отражают четкую структуру тактико-стратегической организации прагма-эмоционального воздействия менасивов политика.

Точечные и дисперсные “удары” Хилари Клинтон по таргетированным диспозициям эмоционального состояния избирателей можно зафиксировать на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы политика:

Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Хилари Клинтон

К ___ +3А ___ +2А ___ + 1А ___ 0 ___ - 1А ___ - 2А ___ - 3А ___ Д

угрозы-
обещания

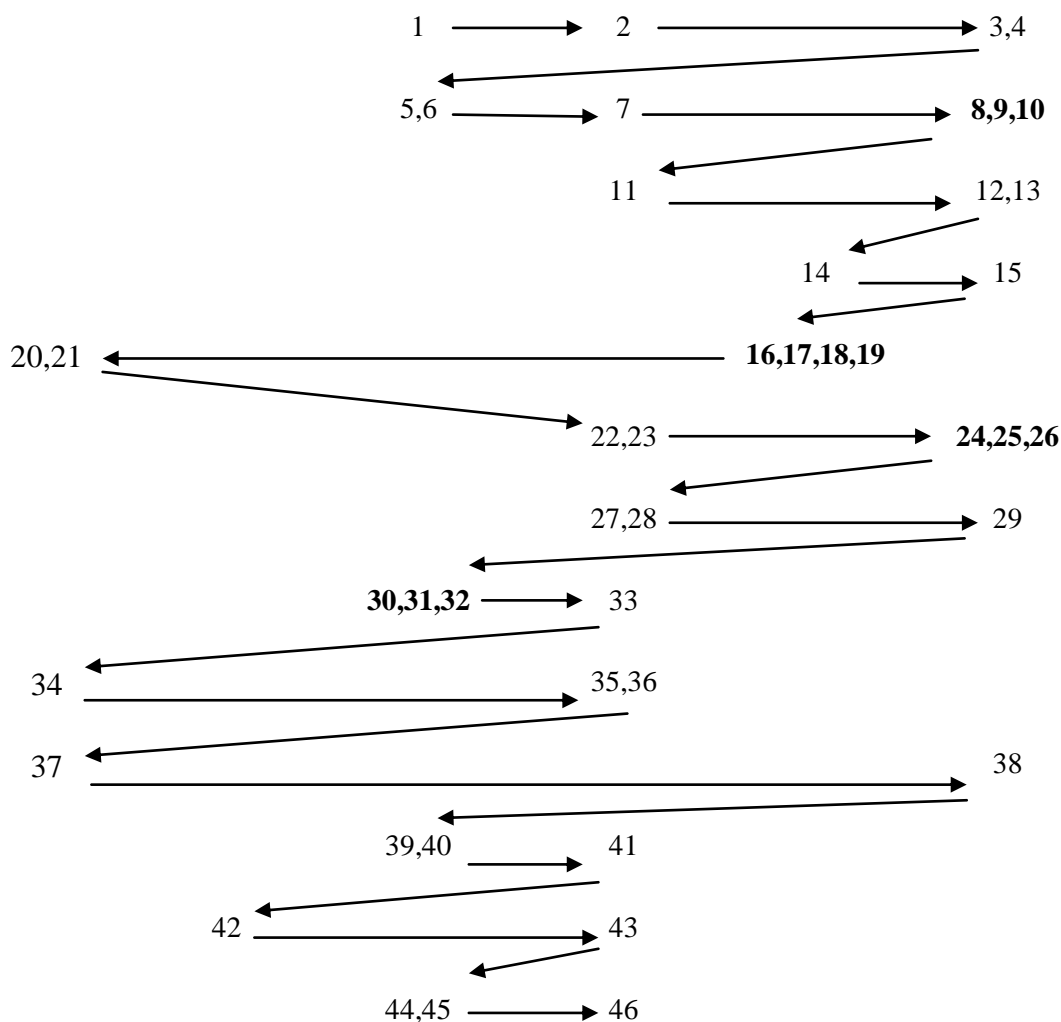
угрозы-
призывы

угрозы-дек-
ларативы

угрозы-
предупре-
ждения

угрозы-об-
винения

угрозы-
констативы

Примечание. Точечные “удары” политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей обозначены полужирным шрифтом.

Представленная схема демонстрирует способ или “маршрут” достижения “глубины” интенсивности менасивного прагма-эмоционального воздействия на электорат, использованный в анализируемом выступлении Хилари Клинтон. Складывается картина, что кандидат целенаправленно употребляет в своей речи внушительное количество предвыборных менасивов, вводящих избирателей в широкий диапазон эмоциональных переживаний, а также реа-

лизует различные функционально-семантические разновидности высказываний-угроз в определенной последовательности, формируя менасивные “удары” по диспозициям эмоционального состояния массового адресата. Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Хилари Клинтон показывает, что политик последовательно задействует 4 точечных “ударов” по ключевым диспозициям Я-избирателя, находящимся в точках $-3A$, $-2A$, $-3A$ и $+1A$, а также применяет дисперсные “удары” по таргетированной диспозиции $-1A$.

Приведенные данные указывают на то, что Хилари Клинтон направляет точечные и дисперсные “удары” на различные диспозиции эмоциональных переживаний избирателей, пытаясь скрыть “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на них и превратить свое воздействие в манипулятивное. Более того, менасивный конструкт Хилари Клинтон включает 27 этапов смены направлений оказываемого прагма-эмоционального воздействия на аудиторию (см. 27 стрелок на схеме 22), что свидетельствует о намерении политика задействовать широкий диапазон эмоциональных переживаний избирателей и реализовать в таком диапазоне точечные и дисперсные “удары” с целью привлечения внимания массового адресата.

На основании сказанного можно утверждать, что в рассматриваемом выступлении Хилари Клинтон успешно реализует МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей, однако избегает интенсивного прагма-эмоционального воздействия на представителей своей фокусной аудитории. Реализованную политиком МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям Я-избирателя можно охарактеризовать как *ориентированную* на введение электората в различные диспозиции коммуникативного конструкта предвыборной угрозы с преобладанием прагматического воздействия «*мягкого кодирования*» (подробнее о типах кодирования см.: Романов, Черепанова, 1999: 47). При этом не приходится сомневаться, что политик широко задействует различные функционально-семантические разновидности менасивов, отдавая предпочтение угрозам-констативам, угрозам-обвинениям, угрозам-предупреждениям и угрозам-декларативам для

маркировки точечных и дисперсных “ударов”. Поэтому уместно полагать, что предвыборный менасивный дискурс Хилари Клинтон обладает *комплексным характером*, является обоснованным и логичным, не вызывающим противоречивых интерпретаций у избирателей.

Итак, описание тактико-стратегического использования предвыборных высказываний-угроз Дональдом Трампом и Хилари Клинтон (см. схемы 21 и 22) демонстрирует ряд общих особенностей в применении кандидатами МТ *точечных “ударов”*. Исследование показывает, что политики задействуют широкий диапазон эмоциональных переживаний избирателей для реализации своей манипулятивно-воздействующей цели. Кандидаты активно используют “резкие” перемещения диспозиции Я-избирателя от аффицированных положительных переживаний к пиковым отрицательным переживаниям, свидетельствующие о категоричности намерений политиков и их аффицированном состоянии во время выступления. Кроме того, в начале своих выступлений, анонсирующих их участие в президентской гонке 2016 года, Хилари Клинтон и Дональд Трамп реализуют “удары” по аффицированным отрицательным диспозициям эмоционального состояния массового адресата, оказывая наиболее интенсивное воздействие на электорат, а в завершении своих выступлений политики переходят к “ударам” по аффицированным положительным диспозициям Я-избирателя.

Бросается в глаза, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Хилари Клинтон имеет зигзагообразную форму, которая свидетельствует о некоторой непоследовательности политика в осуществлении точечных “ударов” и затрудняет идентификацию таких “ударов” избирателями. В свою очередь, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Дональда Трампа позволяет отчетливо проследить точечные “удары” по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей. На основании сказанного правомерно утверждать, что МТ *точечных “ударов”* позволяет политикам варьировать направления прагма-эмоционального воздействия на массового адресата и целенаправленно осуществлять “удары” по таргетированным дис-

позициям эмоционального состояния избирателей, маркируя такие “удары” последовательной реализацией определенных функционально-семантических разновидностей англоязычных менасивов.

5.1.2. Базовая менасивная стратегия: показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов

Описание специфики репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в публичном выступлении Берни Сандерса (см. схему 14), Майкла Блумберга (см. схему 15), Джеба Буша (см. схему 17), Джо Байдена (см. схему 18), Дональда Трампа (см. схему 21) и Хилари Клинтон (см. схему 22) показывает, что в условиях политической коммуникации не представляется возможным обнаружить реализацию какой-либо МТ при помощи одинаковой последовательности функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз. Более того, проанализированные в настоящей главе варианты коммуникативного конструкта предвыборной угрозы отличаются последовательной сменой направлений прагма-эмоционального воздействия на избирателей в рамках той или иной МТ и количеством этапов, маркирующих смену таких направлений в выступлении политика. Специфика вербальной репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы также проявляется в том, что политики используют в своих выступлениях различное количество элементов конструкта в виде функционально-семантических разновидностей менасивов, каждый из которых оказывает определенное прагма-эмоциональное воздействие на диспозицию Я-избирателя согласно установленному в заявленном исследовании лингвокогнитивному соотношению (см. схему 11 в главе 4).

Из сказанного становится понятным, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы демонстрирует не только направления прагма-эмоционального воздействия политика на массового адресата в рамках выбранной им МТ, но и может быть использован для оценки прагматической эффективности стратегической реализации менасивов для агитации массовой аудито-

рии. Предложенные в настоящем исследовании принципы разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы (см. главы 3 и 4) позволяют вычислить *показатель* MT_{int} или показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей совокупности менасивов, реализованных в вербальном поведении кандидата. В частности, установленное лингвокогнитивное соотношение между функционально-семантической разновидностью менасива и диспозицией эмоционального состояния *Я*-избирателя на градуированной шкале коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, выраженной в виде числа в диапазоне значений от +3 до -3, может быть использовано для вычисления показателя “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей совокупности менасивов, реализованных в публичном выступлении кандидата на пост Президента США, а также совокупности менасивов американской предвыборной кампании 2016 и 2020 годов.

Таким образом, прагматический показатель MT_{int} может быть вычислен на основе суммирования числовых показателей (отрицательных и положительных), соотносимых с диспозициями *Я*-избирателя на градуированной шкале коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, соответствующих тем или иным функционально-семантическим разновидностям менасивов. Предлагаемый показатель указывает на определенную интенсивность прагма-эмоционального воздействия вербальной угрозы на массового адресата: положительные значения показателя MT_{int} указывают на то, что реализованные политиком высказывания-угрозы не формируют интенсивные эмоциональные переживания у массового адресата, в то время как отрицательные значения показателя свидетельствуют о стремлении политика запугать электорат возможными санкционными действиями.

Например, показатель MT_{int} совокупности предвыборных высказываний-угроз Берни Сандерса, реализованных в его анонсирующей речи (Sanders, 2019), можно вычислить по следующей формуле, где курсивом обозначены числовые показатели, соответствующие формируемому политиком рас-

положению диспозиций Я-избирателя на градуированной шкале менасивного конструкта: $MT_{int} = 1 + 1 + 3 + (-2) + (-1) + (-3) + 1 + (-1) + 1 + (-1) + 2 + 2 = +3$.

Следует напомнить, что Берни Сандерс задействовал в своем выступлении МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия (см. схему 14). В этой связи становится понятным, что показатель MT_{int} , имеющий положительное значение +3, наиболее адекватно соответствует выбранной политиком МТ. Примечательно, что показатель MT_{int} , вычисленный на основе употребления предвыборных высказываний-угроз Майклом Блумбергом при реализации МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия (см. схему 15), также имеет положительное значение и составляет +5.

Полученные данные демонстрируют тот факт, что показатель MT_{int} позволяет дифференцировать прагма-эмоциональное воздействие на избирателей совокупности предвыборных менасивов, употребленных политиками в соответствии с конкретной МТ. Например, Хилари Клинтон и Дональд Трамп использовали МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям Я-избирателя для анонсирования своего участия в президентской гонке 2016 года. Однако показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия менасивов Хилари Клинтон составляет -38, в то время как в предвыборном выступлении Дональда Трампа этот показатель равен -50. Эмпирический материал также демонстрирует, что показатель MT_{int} , имеющий значение -50, является самым высоким отрицательным показателем в американской агональной дискурсии 2016 года (см. приложение 2).

Результаты вычисления показателя MT_{int} свидетельствуют о том, что Дональд Трамп оказывает более интенсивное воздействие на массового адресата, запугивая его возможными негативными последствиями и осуществляя точечные “удары” по диспозициям Я-избирателя, находящимся достаточно близко к точке Д менасивного конструкта, т.е. к точке пиковых дискомфорт-

ных переживаний. Следовательно, Дональд Трамп, нацеленный на применение “жесткой” силы воздействия на избирателей (подробнее о “мягкой” и “жесткой” силе см.: Романов, Романова, 2018а), оказывается не способным понять, что можно варьировать “глубину” интенсивности высказываний-угроз, а внимание электората можно привлечь не только категоричностью менасивов, но и перспективами “возврата” от дискомфорта к комфорту, т.е. перспективой перемещения диспозиции Я-избирателя справа налево по градуированной оси коммуникативного конструкта. Тем не менее, в условиях американской агональной дискурсии Дональду Трампу – кандидату, который ориентировал свои публичные выступления на интенсивное воздействие на массового адресата при помощи предвыборных менасивов – удалось одержать победу на выборах Президента США в 2016 году.

Анализ языкового материала показывает, что кандидаты, использующие МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, оказывают менасивное воздействие на массового адресата различной “глубины” интенсивности. Например, в предыдущем разделе настоящей главы были описаны функционально-семантические разновидности менасивов, формирующие специфику коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Джеба Буша (см. схему 17). Произведенный подсчет фиксирует, что показатель MT_{int} выступления кандидата составляет -4 . В свою очередь, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джо Байдена (см. схему 18) позволяет вычислить, что показатель MT_{in} публичного выступления политика равен -37 .

Основываясь на предлагаемом принципе подсчета показателя MT_{int} , целесообразно вычислить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы и попытаться установить наличие соотношения между использованной политиком МТ и показателем MT_{int} . Материал исследования демонстрирует, что в американском предвыборном дискурсе наибольший положительный показатель MT_{int} равен $+26$ и зафиксирован в одном из публичных выступлений Скотта Уокера, кандидата на пост Президента

США в 2016 году от республиканской партии. Такой показатель обусловлен тем, что Скотт Уокер широко использует угрозы-обещания, которые формируют диспозицию +3А на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, например: «*I'm for transferring power from Washington to the hard-working taxpayers in states all across the country*» (Walker, 2015), «*Now, more than ever, we need a President who will fight and win for America*» (Walker, 2015); «*This is why we should move power and money out of Washington and send it back to our states and communities in key areas like Medicaid, transportation, workforce development and education*» (Walker, 2015), «*I will push to take the power and money out of Washington and send it to our states and our schools, where it is more effective, more efficient and more accountable to the people of America*» (Walker, 2015).

Наименьший показатель MT_{int} составляет -98 и зафиксирован в выступлении Марианн Уильямсон, кандидата на пост Президента США в 2020 году от демократической партии. Полученный результат объясняется тем, что политик активно реализует точечные “удары” по диспозиции $-3А$ коммуникативного конструкта предвыборной угрозы при помощи, например, таких угроз-констативов «*This is perilous, this is dangerous*» (Williamson, 2019); «*This is a moral problem*» (Williamson, 2019); «*This is a spiritual problem*» (Williamson, 2019); «*These millions of American children who have no chance, we have simply normalized their despair*» (Williamson, 2019); «*These millions of American children are living in situations that should be considered a national emergency, they should be considered a humanitarian crisis*» (Williamson, 2019); «*Really, meanwhile, we have the opioid addiction*» (Williamson, 2019); «*So we have the chronic despair, we have the depression, we have the high suicide rates, we need to look beneath the waterline*» (Williamson, 2019); «*Our democracy is under assault*» (Williamson, 2019); «*We are in a situation which is as perilous as has been, any situation, any circumstance in American history*» (Williamson, 2019).

Результаты исследования указывают на внушительный количественный “разброс” показателя MT_{int} и, следовательно, на различную интенсив-

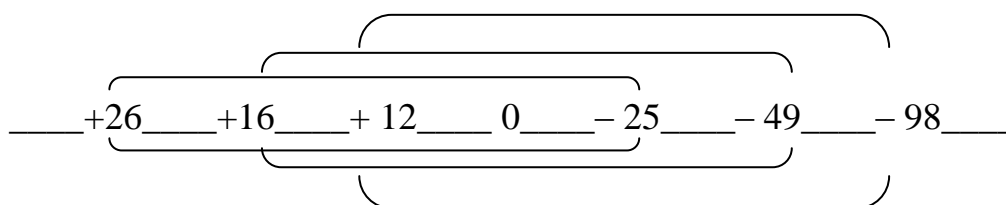
ность прагма-эмоционального воздействия на массового адресата совокупности предвыборных менасивов, стратегически использованных политиком в его выступлении. В ходе анализа удалось установить, что каждая тактика базовой стратегии менасивного воздействия реализуется в определенном диапазоне значений показателя MT_{int} (см. приложения 2 и 3), что можно представить в таблице:

Таблица 13

Вариант развертывания базовой стратегии менасивного воздействия	Показатель MT_{int}
MT <i>нагнетания</i> дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия	От +26 до -25
MT <i>дисперсного</i> прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей	От +16 до -49
MT <i>точечных “ударов”</i> по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей	От +12 до -98

Предлагаемая таблица фиксирует соотношение между вариантом развертывания базовой стратегии менасивного воздействия в публичном выступлении политика и показателем MT_{int} такого выступления. Из таблицы видно, что каждая MT формирует определенный диапазон своей “пригодности” и ориентирована на оказание воздействия на массового адресата различной “глубины” интенсивности. Полученные эмпирическим путем данные также удобно отобразить в виде схемы, представляющей собой ось положительных и отрицательных значений показателя MT_{int} :

Схема 23

Схематичное представление значений показателя MT_{int} демонстрирует, что в условиях агональной дискурсии возможны публичные выступления политиков, которые задействуют предвыборные менасивы, оказывающие интенсивное воздействие на избирателей, а также выступления, менасивные высказывания которых не ориентированы на оказание интенсивного воздействия на массового адресата. Предлагаемая схема фиксирует, что значения показателя MT_{int} , находящиеся в диапазоне применимости от +12 до -25, являются интегративными для агональной политической дискурсии США, свидетельствуя о том, что именно в этом диапазоне сосредоточена квинтэссенция прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов на представителей американского электорального сообщества.

Принцип вычисления показателя MT_{int} также был применен для определения “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов, реализованных в американском предвыборном дискурсе. Например, на материале анонсирующих речей претендентов на пост Президента США в 2016 году установлено, что показатель MT_{int} таких речей составляет **-231**. Аналогичным образом удалось определить, что “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов, реализованных в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США в 2020 году, составляет **-447** (см. приложение 3).

Полученные данные позволяют говорить об увеличении “глубины” интенсивности менасивного воздействия на массового адресата в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США 2020 года. Такой результат свидетельствует об активном использовании политиками тех функционально-семантических разновидностей менасивов, которые оказывают интенсивное воздействие на электорат в пороговых пределах аффицированных отрицательных диспозиций коммуникативного конструкта предвыборной угрозы.

Важно уточнить, что вычисление показателя MT_{int} за 2016 год осуществлено по анонсирующим речам 24 кандидатов, употребивших 517 высказы-

ваний-угроз, в то время как вычисление указанного показателя за 2020 год произведено по анонсирующим речам 30 кандидатов, использовавших в общей совокупности 574 менасива (выбор предвыборных речей указанного количества кандидатов осуществлен на основании данных о претендентах на пост Президента США по версии сайта www.4president.org, на котором публикуются их агитационные материалы). В силу полученных результатов возникает необходимость проанализировать стратегическое употребление политиками определенного количества предвыборных менасивов для формирования манипулятивно-воздействующего потенциала своего выступления, а также обратить внимание на использование определенного “архива” языковых средств английского языка для поверхностной манифестации менасивного намерения кандидата.

5.1.3. Дополнительные стратегии менасивного воздействия

5.1.3.1. Стратегия количественного воздействия высказываний-угроз: показатель частотности и индекс менасивности американского предвыборного дискурса

При изучении воздействующего потенциала предвыборных высказываний-угроз как коммуникативного менасивного конструкта важно обратить внимание на количество вербальных угроз в публичных выступлениях участников американской агональной дискурсии. Материал исследования позволяет установить, что наибольшее число высказываний-угроз встречается в анонсирующей речи Дональда Трампа (Trump, 2019), которая насчитывает 49 высказываний менасивной направленности, в то время как наименьшее число менасивов зафиксировано в анонсирующей речи Ричарда Охеды, кандидата на пост Президента США в 2020 году от демократической партии (Ojeda, 2018), и включает 1 высказывание-угрозу.

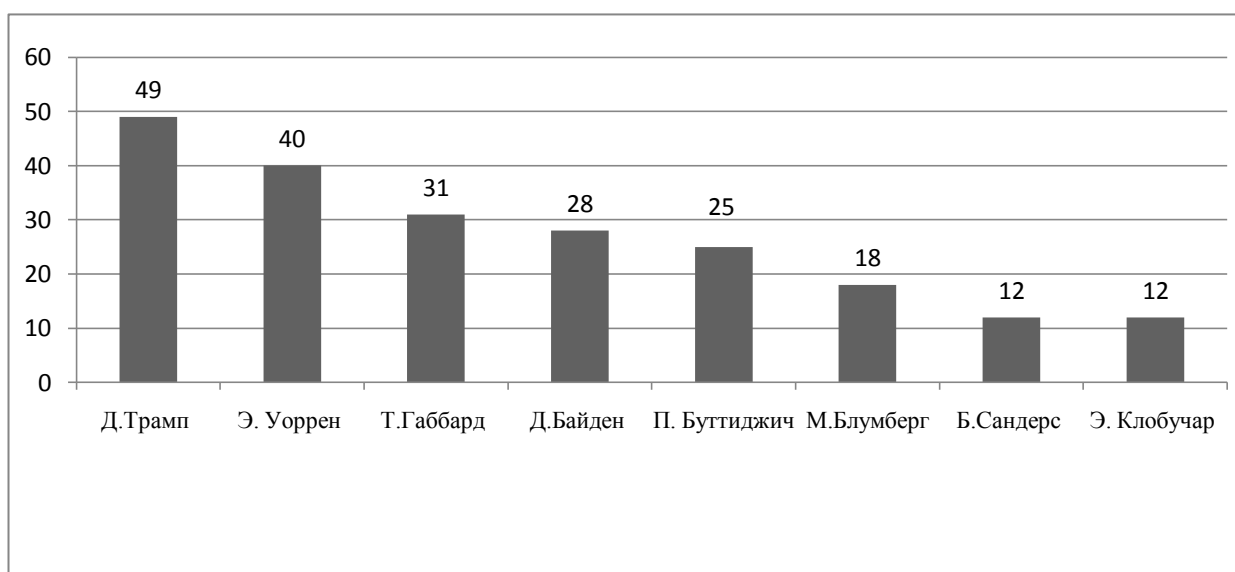
В выбранном ракурсе рассуждений также показательно, что Дональд Трамп является лидером по количеству менасивов, реализованных на предвыборных дебатах 2016 и 2020 годов. Например, в ходе первого раунда деба-

тов кандидатов на пост Президента США в 2016 году политик употребил 88 менасивов (Trump, 2016c), а его оппонент – Хилари Клинтон – использовала только 68 высказываний-угроз (Clinton, 2016d). Аналогичная картина складывается на дебатах кандидатов на пост Президента США в 2020 году. В частности, в ходе первого раунда дебатов 2020 года Дональд Трамп употребил 52 менасивных высказывания, а Джо Байден – 46 менасивов (Biden, 2020a).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что кандидаты стратегически задействуют различное число предвыборных высказываний-угроз для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей в рамках той или иной МТ. В качестве примера представляется целесообразным схематично продемонстрировать диапазон “разброса” количественных показателей в использовании менасивных высказываний в анонсирующих речах тех кандидатов на пост Президента США в 2020 году, которые принимали участие в праймериз (кандидаты расположены в порядке уменьшения числа менасивов в их выступлениях слева направо):

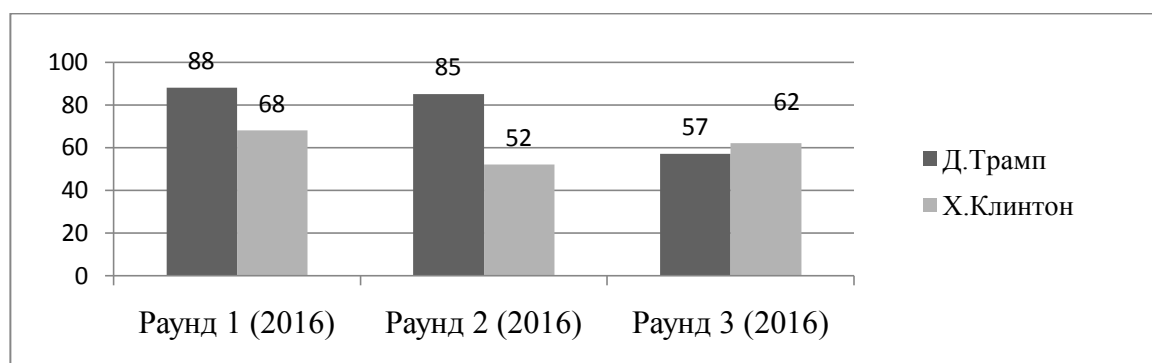
Схема 24

Количество предвыборных менасивов в анонсирующих речах ряда кандидатов на пост Президента США 2020 года

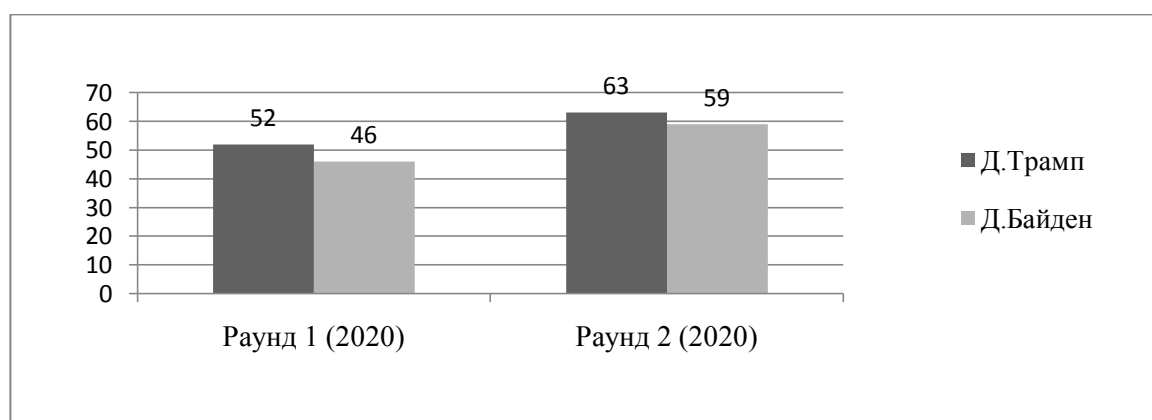

Аналогичным образом можно представить “разброс” количественных показателей в употреблении менасивных высказываний в ходе предвыборных дебатов кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах:

Количество менасивов, реализованных в ходе предвыборных дебатов кандидатов на пост Президента США 2016 года

Количество менасивов, реализованных в ходе предвыборных дебатов кандидатов на пост Президента США 2020 года

Отмеченный широкий диапазон “разброса” количественных показателей поднимает вопрос о прагматической эффективности использования определенного числа предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении политического деятеля для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей при реализации выбранной им МТ. По этой причине важно пристальнее взглянуть на количество менасивов с точки зрения их агитационно-воздействующего стратегического ресурса, направленного на выигрыш предвыборной кампании каждым из кандидатов.

Эмпирические данные о количестве высказываний со значением угрозы, реализованных в американском предвыборном дискурсе, позволяют вычислить *средний показатель частотности* менасивов. Этот показатель

рассчитывается при помощи средней арифметической величины, которая представляет собой суммарное количество менасивных высказываний в предвыборных выступлениях политиков, деленное на количество таких выступлений. Материал исследования фиксирует, что в среднем каждый участник американской агональной дискуссии целенаправленно использует в своем предвыборном выступлении примерно **20,12** менасивов. На основании полученного результата уместно предложить следующую шкалу для оценки соотношения среднего показателя частотности предвыборных менасивов в условиях американской агональной дискуссии и количества менасивных высказываний в конкретном выступлении политика:

Таблица 14

Кол-во менасивов в предвыборном выступлении	Оценка соотношения со средним показателем частотности менасивов
Более 35 менасивов	значительно выше среднего показателя
Более 25 менасивов	выше среднего показателя
От 15 до 25 менасивов	наиболее близко к среднему показателю
Менее 15 менасивов	ниже среднего показателя

Предлагаемое соотношение позволяет оценить количество менасивных высказываний в предвыборном выступлении политика. Например, Дональд Трамп использовал 49 менасивов в речи в Геттисберге 22 октября 2016 года (Trump, 2016f), 49 менасивов в речи 18 июня 2019 года (Trump, 2019), 42 менасива в речи 16 июня 2015 года (Trump, 2015a), а также 34 менасива в выступлении 21 июля 2016 года (Trump, 2016b). В силу полученных данных представляется возможным утверждать, что число предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении Дональда Трампа *значительно превышает* среднее значение показателя частотности менасивов для американской агональной дискуссии.

Примечательно, что в публичных выступлениях Хилари Клинтон также удалось зафиксировать *значительное превышение* среднего значения показателя частотности менасивов. Например, политик задействует 46 менасивов в

анонсирующей речи 13 июня 2015 года (Clinton, 2015) и 35 менасивов в речи 28 июля 2016 года (Clinton, 2016с). Складывается впечатление, что обозначенное превышение среднего показателя частотности высказываний-угроз в предвыборных выступлениях Дональда Трампа и Хилари Клинтон свидетельствует о ярко выраженной менасивной направленности их выступлений.

Вычисление среднего показателя частотности менасивов в американской агональной дискурсии дает основание полагать, что число высказываний-угроз, реализованных Джо Байденом в его анонсирующей речи (Biden, 2019), *превышает* среднее значение показателя, так как насчитывает 28 случаев вербализации менасивного намерения. При этом материал исследования позволяет зафиксировать, что Джо Байден в ряде агитационных выступлений использует такое количество менасивов, которое является наиболее близким к *среднему показателю* частотности. Например, политик задействует 22 высказывания-угрозы в речи от 12 мая 2020 года, в тематическом плане посвященной борьбе с коронавирусной инфекцией (Biden, 2020).

В свою очередь, 12 угроз, реализованных в анонсирующей речи Берни Сандерса от 2 марта 2019 года, можно оценить как *ниже среднего* значения показателя частотности менасивов в американской агональной дискурсии (Sanders, 2019).

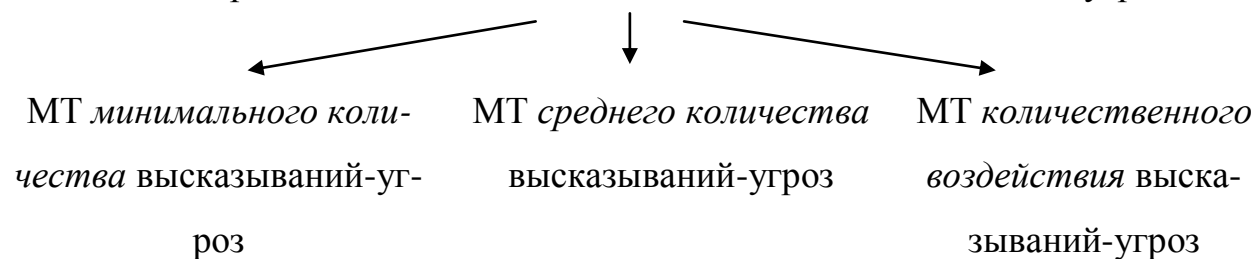
Тем не менее, полученные данные о количестве предвыборных высказываний-угроз в публичном выступлении политика и вычисление *среднего показателя* частотности менасивов в условиях американской агональной дискурсии **не позволяют** выявить закономерность в прагматической эффективности использования политиками определенного числа менасивных высказываний. Не подлежит сомнению, что употребление кандидатом наибольшего или наименьшего количества высказываний со значением угрозы (по сравнению с выступлениями других кандидатов) не способствует выигрышу им предвыборной гонки, ср., например, победу Джо Байдена на выборах Президента США в 2020 году, в публичных выступлениях которого не удалось обнаружить более 28 высказываний-угроз. Также эмпирический ма-

териал не позволил зафиксировать выступления претендентов на самый высокий политический пост в США, в которых бы не использовались менасивы. По этой причине отсутствие высказываний менасивной направленности в выступлении кандидата также не может служить критерием эффективного прагма-эмоционального воздействия на избирателей. Поэтому есть все основания утверждать, что использование политиком определенного количества менасивов реализуется в соответствии со *стратегией количественного воздействия* высказываний-угроз на массового адресата.

Воспользовавшись предложенной выше шкалой для оценки соотношения среднего показателя частотности менасивов в американской агональной дискуссии и количества высказываний-угроз в предвыборном выступлении политика, представляется уместным выделить три менасивные тактики, составляющие основу стратегии количественного воздействия высказываний-угроз. В частности, употребление политиком менее 15 высказываний-угроз свидетельствует о применении МТ *минимального количества* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей. Наличие в предвыборном выступлении кандидата от 15 до 25 менасивов указывает на реализацию МТ *среднего количества* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на электорат, а использование политиком более 25 вербальных угроз демонстрирует применение МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз на избирателей.

На схеме представлена специфика использования политиками стратегии *количественного воздействия* менасивов на примере материалов анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах:

Стратегия количественного воздействия высказываний-угроз

2016

Дж. Буш (14)
Л. Лессиг (14)
Дж. Уэбб (11)
Р. Санторум (10)
М. Рубио (8)
Г. Джонсон (8)
Б. Карсон (2)
К. Фиорина (2)

М. Хакаби (25)
С. Уокер (25)
К. Кристи (24)
Дж. Кейсик (21)
Р. Перри (20)
Т. Круз (19)
Дж. Гилмор (18)
М. О'Мэлли (18)
Л. Чейфи (15)

Х. Клинтон (46)
Л. Грэм (44)
Д. Трамп (42)
Б. Сандерс (35)
Р. Пол (34)
Б. Джиндал (33)
Дж. Патаки (29)

2020

Дж. Хикенлупер (13)
Т. Райан (13)
Б. Сандерс (12)
Дж. Делейни (12)
Э. Клобучар (12)
Б. де Блазио (7)
М. Беннетт (7)
С. Молтон (7)
С. Буллок (7)
Т. Стейер (5)
Д. Патрик (4)
Э. Ян (3)
У. Велд (2)
Р. Охеда (1)

К. Букер (25)
П. Буттиджич (25)
Дж. Инсли (24)
К. Джиллибранд (24)
Э. Суолуэлл (24)
Х. Кастро (21)
Б. О'Рурк (20)
Дж. Сестак (19)
М. Блумберг (18)

Д. Трамп (49)
М. Уильямсон (47)
У. Мессам (45)
Э. Уоррен (40)
Т. Габбард (31)
К. Харрис (29)
Дж. Байден (28)

Примечание. В скобках указано количество менаживов в предвыборном выступлении кандидата. Кандидаты распределены на схеме в зависимости от

количества менасивов, зафиксированных в их выступлениях, а также с учетом года предвыборной кампании.

В контексте сказанного примечательным оказывается то обстоятельство, что, согласно итогам президентских кампаний 2016 и 2020 годов, победу на выборах одерживают те кандидаты, которые используют МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз, ср. количество менасивов в публичных выступлениях Дональда Трампа и Джо Байдена в ходе предвыборных кампаний 2016 и 2020 годов соответственно. По этой причине можно предположительно говорить о закономерной тенденции, сводящейся к тому, что реализация политиком внушительного количества менасивов способствует их эффективному внедрению в массовое сознание избирателей и, следовательно, такой политик привлечет внимание бóльшего числа избирателей. Тем не менее, обозначенное наблюдение предполагает ряд исключений, связанных с тем, что политик использует МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз, но ему не удается победить на выборах, ср., например, внушительное количество менасивов в агитационных речах Хилари Клинтон.

И, наоборот, есть все основания полагать, что МТ *минимального количества* высказываний со значением угрозы не оказывает интенсивного прагма-эмоционального воздействия на избирателей, не вводит их в состояние близкое к дискомфорту и, следовательно, не способствует предпочтению этого кандидата как единственного политика, который сможет предложить электорату эффективный способ возврата к комфорту. Отмеченное наблюдение может означать, что количество менасивов в вербальном поведении кандидата должно оказаться *достаточным* для оказания определенного воздействия на массовую аудиторию в условиях конкретного выступления.

Эмпирический материал фиксирует активное использование политиками МТ *минимального количества* высказываний-угроз для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей, которой отдают предпочтение авторы примерно 40,74% анонсирующих речей. Вполне очевидно, что кандидаты, выбирающие указанную МТ, отказываются от интенсивного

воздействия на электорат, чтобы не “запугать” представителей фокусной аудитории упоминанием возможных негативных последствий. МТ *среднего количества* высказываний-угроз реализуется примерно в 33,33 % анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США 2016 и 2020 годов, в то время как прагматически эффективная для американского предвыборного дискурса МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз находит применение примерно в 25,93% анализируемых публичных выступлений.

Интересно подчеркнуть, что в силу своих функционально-семантических свойств предвыборные менасивы могут не только побудить избирателей отдать предпочтение тому или иному кандидату на выборах, но и «испортить тщательно формируемый образ политика, представив его как кандидата агрессивного и навязывающего свое мнение» (Романов, Новоселова, 2020: 182). Более того, менасивные высказывания обладают различной интенсивностью воздействия на эмоциональное состояние избирателей, что подробно описано в ходе установления соотношения между функционально-семантическими разновидностями менасивов и формируемыми при их помощи диспозициями эмоционального состояния Я-избирателя (см. главу 4). Например, угроза-констатив «*Our allies believe they can't count on us and our adversaries neither fear nor respect us*» (Gilmore, 2015), декларирующая практически безвыходное положение дел для избирателей, оказывает более интенсивное воздействие на избирателей (в пороговых пределах диспозиции –3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы), чем последовательность из 2 угроза-декларативов, которые функционируют в пороговых пределах диспозиции +1А и указывают на возможность наступления негативных последствий для представителей нефокусной аудитории политика, ср.: «*Mayors are on the frontlines of cleaning up Washington's mess*» (Messam, 2019), «*I'll put that record against any Washington politician on the left or right*» (Messam, 2019). В этой связи при изучении менасивного воздействия публичных выступлений политиков представляется оправданным учитывать не только функционально-семантическую специфику предвыборных высказываний-угроз, реализованных

ими в соответствии с определенной МТ, но и общее количество таких высказываний.

Не вызывает сомнений, что помимо широкого “разброса” показателя частотной реализации менасивов в вербальном поведении кандидатов следует обратить внимание на то, что предвыборные выступления каждого участника политической дискуссии характеризуются различным объемом, который можно измерить в количестве слов. В контексте сказанного целесообразно проанализировать соотношение количества слов публичного выступления политика и количества слов, использованных для маркировки менасивных высказываний в нем. Предлагаемый анализ представляется перспективным в рамках проводимого исследования, так как он позволит выяснить, какое место (объем, удельный вес) занимают предвыборные менасивы в американской политической коммуникации и в выступлении каждого из кандидатов на пост Президента США.

Применение компьютерной программы Word, в частности, вкладки «Статистика», позволяет автоматически определить, что общий объем анализируемых выступлений кандидатов на пост Президента США составляет 717937 слов, из которых 119598 слов используется для маркировки 6076 высказываний-угроз. На основе полученных данных можно вычислить **индекс менасивности** американского предвыборного дискурса по формуле:

$$\text{Индекс менасивности предвыборного дискурса} = \frac{\text{количество слов в предвыборных выступлениях участников предвыборной гонки}}{\text{количество слов, с помощью которых маркируется коммуникативное менасивное намерение политиков}}$$

Индекс менасивности предвыборного дискурса указывает на связь между количеством слов в дискурсивном пространстве политической коммуникации и количеством слов, использованных для маркировки менасивного намерения каждым из участников такой коммуникации. Индекс менасивности находится в обратно пропорциональной зависимости от количества слов, ис-

пользованных политиками для маркировки высказываний-угроз. Другими словами, чем выше индекс менасивности предвыборного дискурса, тем меньшее количество слов является средством поверхностной манифестации высказывания-угрозы или коммуникативным маркером менасива (подробнее о коммуникативных маркерах дискурса угрозы см.: Новоселова, 2010).

Согласно произведенному расчету, индекс менасивности американского предвыборного дискурса составляет 6,00. Такой показатель означает, что примерно *каждое 6 слово* американского предвыборного дискурса является коммуникативным маркером высказывания-угрозы того или иного политика. Важно обратить внимание на то, что в рамках настоящего исследования индекс менасивности рассчитан по материалам агитационных речей и дебатов всех участников президентской гонки 2016 и 2020 годов и, следовательно, представляет собой среднее значение.

Предложенная формула может быть адаптирована для вычисления индекса менасивности конкретного предвыборного выступления политика:

$$\text{Индекс менасивности предвыборного выступления} = \frac{\text{количество слов в предвыборном выступлении}}{\text{количество слов, с помощью которых маркируются высказывания-угрозы в предвыборном выступлении}}$$

Если обозначить индекс менасивности предвыборного выступления через iM , количество слов в выступлении через q^w , а количество слов, с помощью которых маркируются высказывания-угрозы, через q^{th} , то формула индекса менасивности будет иметь вид:

$$iM = \frac{q^w}{q^{th}}$$

Следующая таблица содержит сведения, на основе которых был вычислен индекс менасивности предвыборных выступлений кандидатов на пост Президента США в 2016 году (кандидаты расположены в порядке уменьшения количества высказываний-угроз в их выступлениях):

Таблица 15

№ п/п	Кандидат	Кол-во менасивов	Кол-во слов в предвыборном выступлении	Кол-во слов, маркирующих менасивы	iM
1	Х. Клинтон	46	4698	778	6,04
2	Л. Грэм	44	1856	723	2,57
3	Д. Трамп	42	1178	572	2,06
4	Б. Сандерс	35	3413	772	4,42
5	Р. Пол	34	2749	570	4,82
6	Б. Джиндал	33	2372	599	3,96
7	Д. Патаки	29	2735	554	4,94
8	М.Хакаби	25	3155	643	4,91
9	С. Уокер	25	3079	480	6,41
10	К. Кристи	24	3723	605	6,15
11	Д.Кейсик	21	5326	248	21,48
12	Р. Перри	20	2761	455	6,07
13	Т.Круз	19	2367	403	5,87
14	Д. Гилмор	18	1531	384	3,99
15	М.О'Мэлли	18	2175	431	5,05
16	Л.Чейфи	15	1664	248	6,71
17	Д. Буш	14	2219	229	9,69
18	Л. Лессиг	14	2059	278	7,41
19	Д.Уэбб	11	2057	207	9,94
20	Р.Санторум	10	1848	212	8,72
21	М.Рубио	8	1825	240	7,60
22	Г. Джонсон	8	671	199	3,37
23	Б. Карсон	2	516	55	9,38
24	К.Фиорина	2	178	77	2,31
	ИТОГО	517	56155	9962	5,63

Как следует из таблицы, самый высокий показатель индекса менасивности фиксируется в предвыборном выступлении Джона Кейсика и составляет около 21,48 (Kasich, 2015). Такой показатель означает, что примерно каждое 21,48 слово из выступления политика является маркером высказывания-угрозы. Полученный результат дает основание считать, что предвыборный дискурс Джона Кейсика можно рассматривать в большей степени как проблемный, чем дискомфортный, ибо по сравнению с другими кандидатами он не только реже использует менасивы (в его выступлении 21 высказывание-угроза, т.е. такое количество, которое находится наиболее близко к среднему показателю частотности менасивов в американской агональной дискуссии), но и маркирует их незначительным количеством языковых средств.

Индекс менасивности имеет наименьший показатель в предвыборном выступлении Дональда Трампа от 16 июня 2015 года (Trump, 2015a) и составляет 2,06. Следовательно, примерно каждое 2,06 слово из выступления Дональда Трампа является маркером высказывания-угрозы. При этом показатель индекса менасивности рассматриваемого выступления политика оказывается намного ниже показателя индекса менасивности американского предвыборного дискурса равного 6,00. Получается, что высказывания-угрозы Дональда Трампа охватывают больший объем содержательного пространства его предвыборного выступления, чем высказывания-угрозы, реализованные другими кандидатами в их анонсирующих речах 2016 года. Однако сказанное не означает, что Дональд Трамп задействует наибольшее количество языковых средств для репрезентации менасивных высказываний. Наоборот, он использовал только 572 слова для поверхностной манифестации 42 менасивов. Тем не менее, на фоне незначительного объема его выступления – 1178 слов – удельный вес его менасивов оказывается высоким.

Зафиксированный низкий показатель индекса менасивности предвыборного выступления Дональда Трампа указывает на то, что политик практически запугал избирателей своими высказываниями-угрозами, а его выступление от 16 июня 2015 года с индексом менасивности равным 2,06 является

самым агрессивным в контексте анализируемого агонального дискурса. Иначе говоря, выступление Дональда Трампа является целенаправленным запугиванием избирателей, которое не предоставляет им возможности оценить другие интенциональные разновидности высказываний политика, так как он использует *максимальное количество* языковых средств для поверхностной манифестации высказываний-угроз с целью оказания запланированного воздействия на электорат *в рамках объема* своего выступления.

Полученные данные позволяют утверждать, что эффективность прагма-эмоционального воздействия Дональда Трампа заключается в использовании внушительного количества вербальных единиц (слов) английского языка для маркировки менасивного намерения *в рамках объема* своего предвыборного выступления. Поэтому, с учетом того, что Дональд Трамп победил на выборах Президента США в 2016 году, можно предположить наличие тенденции, согласно которой *низкий показатель индекса менасивности предвыборного выступления политика может оказаться эффективным средством прагма-эмоционального воздействия на избирателей.*

Обращает на себя внимание показатель индекса менасивности публичного выступления Хилари Клинтон. Этот показатель является наиболее близким к показателю индекса менасивности американского предвыборного дискурса и составляет 6,04. При этом ее выступление маркировано 4698 словами английского языка, из которых 778 слов используются для репрезентации высказываний-угроз. Не вызывает сомнений, что выступление Хилари Клинтон насчитывает наибольшее количество слов по сравнению с выступлениями других кандидатов (см. таблицу 15), поэтому вполне логично использование политиком бóльшего числа менасивов для оказания прагма-эмоционального воздействия на избирателей. Однако, несмотря на то, что Хилари Клинтон употребила в предвыборном выступлении бóльшее число высказываний-угроз, чем Дональд Трамп, ее выступление оказалось менее “угрожающим”, так как она задействовала меньший объем языковых средств для репрезентации менасивного намерения по сравнению с Дональдом Трампом.

Важно отметить, что индекс менасивности предлагаемой выборки публичных выступлений кандидатов на пост Президента США в 2016 году составляет 5,63 (см. таблицу 15), в то время как индекс менасивности американского предвыборного дискурса составляет 6,00. Этот результат свидетельствует о стремлении участников агональной дискурсии 2016 года задействовать внушительный объем языковых средств для поверхностной репрезентации менасивного намерения. В этой связи примечательно, что индекс менасивности анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США 2020 года составляет 6,32 (см. приложение 3) и демонстрирует тенденцию к репрезентации высказываний-угроз меньшим количеством языковых средств.

Продолжая рассуждения в выбранном ракурсе, целесообразно вычислить индекс менасивности предвыборных дебатов. Таблица содержит сведения об индексе менасивности предвыборных дебатов кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах:

Таблица 16

№ п/п	Кандидат	Количество слов в выступлении на дебатах	Количество слов, маркирующих менасивы	Индекс менасивности
<i>Президентская гонка 2016 года</i>				
1	Д.Трамп	22507	3864	5,82
2	Х.Клинтон	19502	4116	4,73
<i>Президентская гонка 2020 года</i>				
3	Д.Трамп	14965	1568	9,54
4	Д.Байден	13538	1905	7,10
				6,79

Из таблицы становится понятным, что индекс менасивности 6,79 свидетельствует о намерении кандидатов задействовать на дебатах меньший объем языковых средств для поверхностной репрезентации менасивов по сравнению с подготовленными публичными выступлениями (см. таблицу 15). Например, индекс менасивности анонсирующей речи Джо Байдена (Biden, 2019) составляет 6,35 (см. приложение 3), в то время как по итогам двух

раундов дебатов с Дональдом Трампом индекс менасивности предвыборного дискурса Джо Байдена равен 7,10. Эмпирический материал также позволил выяснить, что индекс менасивности анонсирующей речи Дональда Трампа от 18 июня 2019 года (Trump, 2019) составляет 8,58 (см. приложение 3), а индекс менасивности его выступлений на двух раундах дебатов 2020 года равен 9,54.

На основании приведенных данных становится очевидным, что высокий индекс менасивности предвыборных дебатов кандидатов на пост Президента США (и соответственно незначительный объем языковых средств для маркировки высказываний-угроз), указывает на аффицированное эмоциональное состояние участников таких дебатов, а также на спонтанность и неподготовленность ряда их реплик. Тем не менее, индекс менасивности реплик Хилари Клинтон на дебатах 2016 года составляет 4,73, в то время как индекс менасивности ее подготовленного и тщательно выверенного предвыборного выступления насчитывает 6,04 (см. таблицу 15). В этой связи складывается картина, что политик, пытаясь оказать достаточно интенсивное воздействие на массового адресата, маркирует менасивы внушительным количеством языковых средств в ситуации, требующей незамедлительных и содержательных ответов.

Зафиксированные в таблице 16 данные позволяют проследить тенденцию в использовании Дональдом Трампом – кандидатом, который принимал участие в дебатах 2016 и 2020 годов – определенного количества языковых средств для поверхностной репрезентации менасивов. Из таблицы следует, что индекс менасивности реплик Дональда Трампа на дебатах 2016 и 2020 годов составляет соответственно 5,82 и 9,54. Такие данные указывают на изменения в тактико-стратегическом использовании политиком менасивных высказываний, проявляющиеся в употреблении меньшего количества языковых средств для репрезентации высказываний-угроз. Обозначенное положение дел может быть объяснено уверенностью Дональда Трампа перед выбо-

рами 2020 года и полученным политическим опытом на посту Президента США.

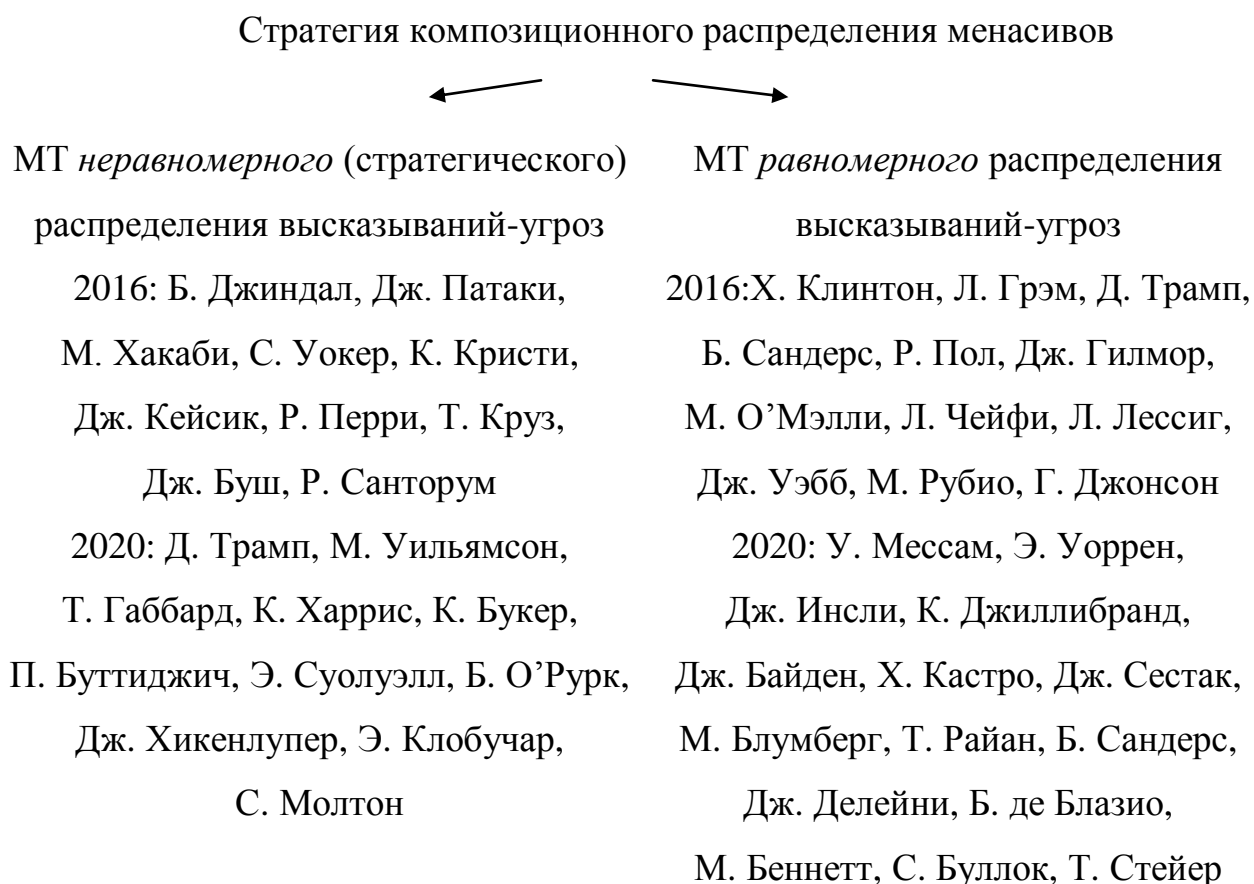
5.1.3.2. Стратегия композиционного распределения менасивов в предвыборных выступлениях политиков

Дополнительная *стратегия композиционного распределения* менасивов предполагает целенаправленную реализацию высказываний-угроз в определенной структурной части предвыборного выступления политика. В русле сказанного может сложиться впечатление, что указанная стратегия дублирует базовую стратегию менасивного воздействия, раскрывающую направления прагма-эмоционального воздействия, которое оказывают политики на избирателей при последовательной реализации высказываний-угроз в агитационных выступлениях. Поэтому важно отметить, что стратегия композиционного распределения менасивов выделяется на основе анализа целенаправленной реализации менасивов в той или иной структурной части публичного выступления – во вступительной части, основной части или в заключении.

Материал американской агональной дискурсии фиксирует наличие двух тактик указанной стратегии: МТ *неравномерного* (стратегического) распределения высказываний-угроз и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз в композиционной структуре предвыборного выступления политика. Каждая из указанных МТ характеризуется различной частотностью реализации в контексте американской агональной дискурсии. Широко распространенной является МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз, которая находит применение примерно в 62,32% анализируемых выступлений. В свою очередь, МТ *неравномерного* распределения высказываний-угроз встречается примерно в 37,68% предвыборных выступлений претендентов на пост Президента США.

Следующая схема демонстрирует реализацию стратегии композиционного распределения менасивов на примере анонсирующих речей претендентов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах:

Схема 28

Примечание. На схеме не представлены политики, которые реализовали менее 5 менасивов в анонсирующем выступлении.

Исследование специфики стратегического функционирования высказываний-угроз в определенной композиционной части предвыборного выступления показывает, что менасивы употребляются политиками не спонтанно, а в соответствии с выбранной тактикой и запланированной интенсивностью воздействия на массового адресата. При этом становится очевидным, что политики, применившие МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз, ставят своей задачей удержать избирателей в некотором эмоциональном состоянии на протяжении всего своего выступления, регулярно оказывая воздействие на таргетированные диспозиции Я-избирателя. В свою очередь, использование кандидатом МТ *неравномерного* распределения высказыва-

ний-угроз позволяет ему обратить внимание массового адресата на определенные композиционные элементы своего предвыборного выступления, но избежать при этом регулярно повторяющегося воздействия на таргетированные диспозиции Я-избирателя, “скрыв” тактико-стратегическую реализацию менасивных высказываний как манипулятивного ресурса.

Важно отметить, что МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз была задействована в анонсирующих речах Дональда Трампа и Джо Байдена – кандидатов, которым удалось одержать победу на выборах Президента США в 2016 и 2020 годах соответственно. В этой связи можно заключить, что указанная МТ предоставляет политику возможность выделить при помощи высказываний-угроз ключевую тематику своих агитационных речей и те актуальные проблемы, на решении которых они хотели бы сконцентрировать внимание избирателей.

Например, в начале своего предвыборного выступления от 18 мая 2019 года Джо Байден (Biden, 2019) активно использует высказывания-угрозы (см. также схему 18, на котом представлен коммуникативный конструкт предвыборной угрозы Джо Байдена), связанные с политической деятельностью оппонента и его неспособностью быть Президентом США, ср.: «*Because our politics is pulling this country apart at the seams*» (Biden, 2019), «*Our politics traffics in division, and our President is the divider-in-chief*» (Biden, 2019), «*Some say Democrats don't want to hear about unity*» (Biden, 2019). В основной части своего выступления Джо Байден вновь возвращается к менасивам, связанным с политической деятельностью оппонента и его неспособностью быть Президентом США, например: «*The single most important thing we have to do to accomplish these things is defeat Donald Trump*» (Biden, 2019), «*As long as Donald Trump is in the White House, none of these critical things will get done*» (Biden, 2019), «*So if you want to know what the first and most important plank in my climate proposal for America is: beat Trump*» (Biden, 2019). Примечательно, что завершается выступление политика последовательностью менасивов, связанных с перспективами исторического развития общества, интересами и благо-

получием граждан, например: «*On the one hand we are facing the biggest threat to who we are and what we believe that we've seen in our lifetimes*» (Biden, 2019).

Отмеченные обстоятельства, свидетельствуют о том, что МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз является эффективной тактикой в условиях американской агональной дискурсии. Тем не менее, применение указанной МТ не позволило, например, Хилари Клинтон сконцентрировать внимание избирателей на стратегической необходимости решения ряда актуальных проблем в стране и сделать акцент на первоочередных задачах своей политической деятельности.

5.2. Стратегический репертуар менасивных тактик в вербальном поведении политических деятелей

На материале исследования нетрудно убедиться, что кандидаты, победившие на выборах Президента США в 2016 и 2020 годах, и кандидаты, которым не удалось набрать достаточного количества голосов (Election results, url), не используют каких-либо специфических МТ, а выбирают один из трех способов развертывания базовой менасивной стратегии. Также эмпирический материал позволяет заключить, что реализация политиком определенной МТ, входящей в функциональный объем дополнительных стратегий менасивного воздействия – стратегии количественного воздействия высказываний-угроз и стратегии композиционного распределения высказываний-угроз, не определяет исход предвыборной кампании для политика.

Однако в выбранном ракурсе рассуждений нельзя не признать тот факт, что каждый из кандидатов использует в предвыборных выступлениях определенную совокупность тактик, относящихся как к базовой менасивной стратегии, так и к дополнительным стратегиям. Кроме того, каждый претендент на пост Президента США маркирует совокупность выбранных им МТ некоторым количеством функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз, обладающих различной интенсивностью воздействия на массового адресата. В этой связи представляется уместным говорить об ин-

дивидуальном наборе МТ, задействованном в выступлении кандидата, или о *стратегическом репертуаре* МТ в вербальном поведении политика. Такой репертуар отражает специфику использования политиком высказываний-угроз для реализации запланированного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата и является основанием для выделения *глобальной стратегии менасивного воздействия политического деятеля* (также: *глобальной менасивной стратегии политика*), комплексно сочетающей в себе все использованные им МТ.

В рамках проводимого исследования перспективно обратить внимание на реализацию стратегического репертуара МТ в предвыборных выступлениях кандидатов, победивших на выборах Президента США в 2016 и 2020 годах – Дональда Трампа и Джо Байдена соответственно, а также на стратегическую реализацию МТ в выступлениях претендентов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах, которым не удалось одержать победу на выборах – Хилари Клинтон и Дональда Трампа соответственно. Выявление и описание тактико-стратегического использования высказываний-угроз в выступлениях перечисленных лидеров политической гонки позволяет представить глобальную стратегию их менасивного воздействия на массового адресата в виде таблицы:

Таблица 17

Стратегический репертуар МТ в вербальном поведении лидеров политической гонки в 2016 и 2020 годах

	1. Базовая стратегия менасивного воздействия на диспозицию Я-избирателя			МТ _{int}	2. Стратегия количественного воздействия менасивов (количество менасивов)			3. Стратегия композиционного распределения менасивов		iM
	МТ <i>нагнетания</i> дисконфортного эмоционального состояния	МТ <i>дисперсного</i> прагматического эмоционального воздействия	МТ <i>точечных</i> “ударов”		МТ <i>минимального</i> количества высказываний-угроз	МТ <i>среднего</i> количества высказываний-угроз	МТ <i>количественного</i> воздействия высказываний-угроз	МТ <i>неравномерного</i> распределения высказываний-угроз	МТ <i>равномерного</i> распределения высказываний-угроз	
Кандидаты	1.1.	1.2.	1.3		2.1	2.2	2.3	3.1	3.2	
Д.Трамп (2016)	–	–	+	– 50	–	–	42	–	+	2,06
Х.Клинтон (2016)	–	–	+	– 38	–	–	46	–	+	6,04
Д. Байден (2020)	–	+	–	– 37	–	–	28	–	+	6,35
Д.Трамп (2020)	–	–	+	– 39	–	–	49	+	–	8,58

Условные обозначения: знаком «+» отмечено использование политиком определенной МТ в предвыборном выступлении; знаком «–» отмечено отсутствие МТ в предвыборном выступлении политика; МТ_{int} обозначает показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз; iM обозначает индекс менасивности предвыборного выступления политика.

Приведенные сведения отображают тактико-стратегическое использование Дональдом Трампом, Хилари Клинтон и Джо Байденом предвыборных высказываний-угроз в рамках реализации глобальной менасивной стратегии. Таблица отчетливо демонстрирует, что в условиях агональной американской дискуссии каждый из политиков задействует в своем публичном выступлении определенный репертуар (набор) МТ.

Нетрудно убедиться, что Дональд Трамп, победивший на выборах Президента США в 2016 году, и Хилари Клинтон, которой не удалось победить на выборах, применяют в анализируемых предвыборных выступлениях одинаковый набор менасивных стратегий и формирующих их тактик (Clinton, 2015; Trump, 2015a). Используемые политиками МТ можно представить следующим набором в виде записи (нумерация МТ из таблицы 17): 1.3 + 2.3 + 3.2. Однако следует обратить внимание на то, что при одинаковом наборе МТ у Дональда Трампа и Хилари Клинтон, показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия менасивов Дональда Трампа составляет -50 , в то время как этот показатель имеет значение -38 в предвыборном выступлении Хилари Клинтон. При этом Дональд Трамп употребил в своем выступлении 42 высказывания-угрозы для реализации МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей. В свою очередь, Хилари Клинтон использовала 46 высказываний-угроз для маркировки выбранной ей МТ *точечных “ударов”*.

Складывается картина, что Дональд Трамп стратегически задействует меньшее количество менасивов для оказания более интенсивного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. Действительно, в этом плане несомненным является то обстоятельство, что менасивные высказывания Дональда Трампа в количестве 42 оказывают более интенсивное воздействие на избирателей ($MT_{int} = -50$), чем 46 менасивов Хилари Клинтон ($MT_{int} = -38$). Кроме того, Дональд Трамп не только равномерно распределяет высказывания-угрозы в композиционной структуре выступления, но и маркирует их внушительным количеством языковых средств, практически не

позволяя избирателям “избежать” менасивного прагма-эмоционального воздействия. В частности, индекс менасивности предвыборного выступления Дональда Трампа имеет показатель 2,06, означая, что примерно каждое 2,06 слово из его выступления является маркером высказывания-угрозы. Показательно, что индекс менасивности предвыборного выступления Хилари Клинтон, которая также использует МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз, составляет 6,04, указывая на то, что в ее выступлении примерно только каждое 6,04 слово является маркером вербальной угрозы.

В силу сказанного стратегический репертуар МТ, использованный в анализируемом выступлении Дональда Трампа, уместно дополнить показателем “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз MT_{int} и индексом менасивности iM . Такой репертуар можно представить в виде записи: $1.3 (MT_{int} = -50) + 2.3 (42) + 3.2 + iM (2,06)$. В свою очередь, стратегический репертуар МТ, использованный в агитационном выступлении Хилари Клинтон, имеет вид: $1.3 (MT_{int} = -38) + 2.3 (46) + 3.2 + iM (6,04)$. Таким образом, проведенное исследование подтверждает предположение о том, что число предвыборных менасивов в выступлении политика не определяет интенсивность их прагма-эмоционального воздействия на избирателей.

Интересно подчеркнуть, что глобальная стратегия менасивного воздействия основных претендентов на пост Президента США в 2020 году – Дональда Трампа и Джо Байдена – формируется различным набором МТ, входящих в базовую и дополнительные стратегии менасивного воздействия. Набор МТ, задействованный в предвыборном выступлении Дональда Трампа (Trump, 2019), может быть представлен в виде записи: $1.3 (MT_{int} = -39) + 2.3 (49) + 3.1 + iM (8,58)$, а для выступления Джо Байдена (Biden, 2019) этот набор имеет вид: $1.2 (MT_{int} = -37) + 2.3 (28) + 3.2 + iM (6,35)$.

Полученные данные указывают на то, что Дональд Трамп в анонсирующей речи, произнесенной в ходе предвыборной кампании 2020 года (Trump, 2019), ослабляет прагма-эмоциональное воздействие на массового

адресата (по сравнению с анонсирующей речью политика, реализованной в ходе президентской кампании 2016 года – Trump, 2015a) и отказывается от МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз в композиционной структуре выступления. Еще одной особенностью анонсирующей речи Дональда Трампа 2020 года является тот факт, что политик реализует в ней 49 менасивов, т.е. такое количество, которое превышает количество его высказываний-угроз, зафиксированных в аналогичном выступлении в ходе предвыборной кампании 2016 года, а также превышает число высказываний-угроз в анонсирующей речи Джо Байдена. При этом парадоксальность обозначенной ситуации заключается в том, что, увеличивая количество менасивов в своем выступлении, Дональд Трамп не увеличивает “глубину” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на электорат, ср. данные о показателе MT_{int} предвыборного выступления политика, имеющем значение -50 в 2016 году и -39 в 2020 году. Более того, в анонсирующей речи, произнесенной в ходе предвыборной кампании 2020 года, Дональд Трамп задействует меньший объем языковых средств для репрезентации менасивного намерения. В частности, в анонсирующей речи Дональда Трампа 2020 года примерно каждое 8,58 слово является маркером высказывания-угрозы, в то время как в речи 2016 года – примерно каждое 2,06 слово.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в американской агональной дискурсии 2020 года прагматически эффективным оказывается стратегический репертуар МТ, зафиксированный в вербальном поведении Джо Байдена и репрезентированный записью: $1.2 (MT_{int} = -37) + 2.3 (28) + 3.2 + iM (6,35)$. Запись показывает, что Джо Байден стратегически употребляет меньшее количество высказываний-угроз (28 случаев реализации), чем его основной соперник на выборах Президента США – Дональд Трамп, использовавший 49 менасивов в анонсирующей речи. Однако Джо Байден маркирует 28 менасивов бóльшим объемом языковых средств английского языка, чем использует Дональд Трамп в 49 менасивах. В частности, в предвыборном выступлении Джо Байдена примерно каждое 6,35 слово является маркером вер-

бальной угрозы, в то время как индекс менасивности выступления Дональда Трампа составляет 8,58. На этом основании можно заключить, что *в среднем* предвыборные высказывания-угрозы Джо Байдена в количестве 28 оказывают более интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на фокусную аудиторию политика, чем 49 менасивов Дональда Трампа.

В русле сказанного важно обратить особое внимание на показатель MT_{int} анонсирующих речей Джо Байдена и Дональда Трампа. Таблица 17 демонстрирует, что совокупность высказываний-угроз Джо Байдена оказывает менее интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей ($MT_{int} = -37$), чем совокупность менасивов Дональда Трампа, использованная им в аналогичном публичном выступлении ($MT_{int} = -39$). При этом бросается в глаза незначительный “разрыв” между представленными значениями показателей MT_{int} и существенные отличия в количестве использованных высказываний-угроз для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей.

Следовательно, принимая во внимание обозначенные особенности реализации глобальной стратегии менасивного воздействия в вербальном поведении Джо Байдена и Дональда Трампа, можно утверждать, что высказывания-угрозы Джо Байдена, задействованные в количестве 28 в соответствии с MT *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, занимают внушительный объем выступления политика ($iM = 6,35$) и являются эффективным агитационно-воздействующим средством в условиях предвыборной кампании 2020 года. Складывается мнение, что стратегический репертуар MT Джо Байдена формирует уникальный набор тактик, который не встречается в предвыборных выступлениях других кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 годах. В частности, Джо Байден делает ставку на умеренное количество менасивов, оказывающих интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на аудиторию, и использует такой объем языковых средств для презентации высказываний-угроз, который находится близко к среднему по-

казателю индекса менасивности американской агональной дискурсии.

Таким образом, полученные результаты дают основание утверждать, что политики активно используют предвыборные менасивы в качестве манипулятивно-воздействующего ресурса политической коммуникации, осуществляя стратегический подбор функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз и языковых средств их поверхностной манифестации, а также выбирая определенную МТ, входящую в функциональный объем глобальной стратегии менасивного воздействия. Исследование показывает, что реализация кандидатом каких-либо МТ или функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз играет важную роль в формировании воздействующего потенциала его предвыборного выступления. Однако об эффективности использования высказываний-угроз в предвыборной коммуникации возможно говорить, только принимая во внимание глобальную менасивную стратегию претендента на пост Президента США, комплексно сочетающую в себе отдельные МТ и их “глубину” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на массового адресата, а также стратегическое использование политиком определенного объема языковых средств для поверхностной манифестации функционально-семантических разновидностей менасивов в английском языке.

Проведенное описание тактико-стратегического функционирования предвыборных высказываний-угроз в вербальном поведении претендентов на пост Президента США фиксирует определенные тенденции, позволяя сделать некоторые *прогнозы* относительно интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей высказываний-угроз того или иного кандидата, использующего конкретную МТ. На материале исследования нетрудно убедиться, что МТ *нагнетания* дискомфорта эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия не является эффективным тактико-стратегическим средством политической борьбы. При этом результаты анализа языкового материала показывают, что в контексте американской агональной дискурсии прагматически эффективными являются МТ

точечных “ударов” и МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, зафиксированные в предвыборных выступлениях Дональда Трампа и Джо Байдена – кандидатов, которым удалось одержать победу на выборах Президента США в 2016 и 2020 годах соответственно.

В ходе исследования удалось выяснить, что лидеры политической гонки избегают использования тех МТ, которые предполагают процесс “якорения” в сознании массового адресата возможности “возврата” к легким или аффицированным положительным переживаниям после оказания на них достаточного интенсивного прагма-эмоционального воздействия при помощи предвыборных высказываний-угроз. Тем не менее, политики не оставляют избирателей в пиковой диспозиции некомфортных эмоциональных переживаний, предлагая им свою кандидатуру как единственный возможный способ возврата к комфорту в ближайшем будущем.

Примечательной тенденцией американской агональной дискурсии является то обстоятельство, что кандидаты на пост Президента США 2016 и 2020 годов, заручившиеся значительной поддержкой избирателей в ходе предвыборной гонки – Дональд Трамп, Хилари Клинтон и Джо Байден, как правило, используют внушительное количество менасивов в своих агитационных выступлениях, реализуя МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз. Зафиксированные данные демонстрируют, что активная реализация кандидатом высказываний-угроз способствует их эффективному внедрению в массовое сознание избирателей и, следовательно, такой кандидат получает поддержку электората. Таким образом, в ходе исследования не подтвердилось предположение о том, что реализация политиком внушительного количества менасивов способствует их неэффективному внедрению в массовое сознание избирателей и, следовательно, такой политик не привлечет внимания представителей электорального сообщества.

Итак, проведенное исследование не позволяет выделить определенную МТ, реализация которой в предвыборном выступлении кандидата способна оказать эффективное воздействие на эмоциональное состояние избирателей и

побудить их проголосовать за автора выступления. Однако на основании полученных результатов правомерно говорить о механизме эффективного прагма-эмоционального воздействия, основанном на совокупной реализации в вербальном поведении политика определенного стратегического репертуара МТ, составляющего основу его глобальной менасивной стратегии. Суммируя сказанное, зафиксируем, что для американского предвыборного дискурса 2016 года эффективным средством политической борьбы является глобальная менасивная стратегия, в основе которой заложено формирование кандидатом МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей с применением тактик дополнительных стратегий, а именно: МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз. В условиях американской предвыборной коммуникации 2020 года прагматически эффективным является сочетание МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз.

Выводы по пятой главе

Пятая глава посвящена описанию тактико-стратегического функционирования англоязычных предвыборных менасивов в качестве агитационно-воздействующего ресурса публичных выступлений претендентов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы.

Установлено, что политические деятели осуществляют осознанное употребление предвыборных высказываний-угроз в рамках *глобальной менасивной стратегии*, которая направлена на организацию вербального воздействия на избирателей с целью привлечения их внимания к кандидатуре политика. Эмпирический материал фиксирует, что глобальную менасивную стратегию формирует иерархически организованная совокупность стратегий, состоящая из *базовой* (гиперонимической) стратегии менасивного воздействия, а также таких *дополнительных* стратегий как стратегия количественного воз-

действия высказываний-угроз и стратегия композиционного распределения высказываний-угроз в выступлении кандидата.

Удалось выяснить, что кандидаты, использующие базовую менасивную стратегию, имеют возможность вариативно интенсифицировать прагма-эмоциональный потенциал предвыборных высказываний-угроз, ослабляя интенсивность воздействия на Я-избирателя или приближая избирателей к дискомфортному эмоциональному состоянию. Анализ языкового материала показывает, что политики задействуют указанную гиперонимическую стратегию в виде одного из вариантов ее развертывания – менасивной тактики (МТ), позволяющей им регулировать последовательность употребления высказываний-угроз различной интенсивности воздействия на эмоциональное состояние массового адресата, а также частотность “включения” таких высказываний в предвыборное выступление. Для удобного представления вариантов развертывания базовой менасивной стратегии был использован разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как когнитивный инструмент, который позволил схематично отобразить направления и интенсивность прагма-эмоционального воздействия, оказываемого политиком на диспозиции Я-избирателя в пороговых пределах между точкой К (комфортом) и Д (дискомфортом).

Схематичное отображение прагма-эмоционального воздействия, оказываемого на электорат менасивами того или иного кандидата в виде формируемых диспозиций Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, обнаруживает наличие трех вариантов развертывания базовой менасивной стратегии. В контексте американской предвыборной дискуссии указанная стратегия представлена тактиками: 1) МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия, зафиксированная примерно в 38,78% выступлений претендентов на пост Президента США, 2) МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, которая использована примерно в

34,69 % выступлений, и 3) МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей, реализованная примерно в 26,53% выступлений кандидатов.

Материал исследования демонстрирует, что в условиях американской агональной дискурсии прагматически эффективными являются МТ *точечных “ударов”* и МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, зафиксированные в предвыборных выступлениях Дональда Трампа и Джо Байдена – кандидатов, которым удалось одержать победу на выборах Президента США в 2016 и 2020 годах соответственно. Становится понятным, что достаточно интенсивное воздействие на избирателей и формирование у них аффицированных отрицательных переживаний при реализации политиками указанных МТ является эффективным средством политической борьбы в американском публично-информационном пространстве.

Результаты исследования также показывают, что не каждый кандидат, способный распределить менасивы в предвыборном выступлении по принципу организации точечных “ударов” или менасивных тактических атак по диспозициям эмоционального состояния массового адресата, может рассчитывать на победу на выборах. В этом плане обращает на себя внимание проведенный анализ публичного выступления Хилари Клинтон, в котором политик использует МТ *точечных “ударов”*, но уступает победу Дональду Трампу на выборах 2016 года. Отмеченное наблюдение подтвердилось и тем, что Дональд Трамп, реализовавший МТ *точечных “ударов”* в анонсирующей речи 2020 года, не смог одержать победу на выборах. На материале исследования показано, что *недостаточное* менасивное воздействие на избирателей и направленность высказываний-угроз преимущественно на формирование их аффицированных положительных переживаний при использовании политиком МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия может оказаться неэффективным инструментом в борьбе за голоса электората в условиях англоязычного политического противостояния, что подтверждают итоги выбо-

ров Президента США 2020 года, например, по таким кандидатам как Берни Сандерс и Майкл Блумберг.

Использование коммуникативного конструкта предвыборной угрозы для описания механизма тактико-стратегического функционирования менасивов позволило впервые в научной практике лингвистического описания предложить такой показатель как *“глубина” интенсивности* прагма-эмоционального воздействия на массового адресата совокупности вербальных угроз, задействованных в публичном выступлении кандидата (также показатель MT_{int}). Вычисление предложенного показателя на материалах предвыборных выступлений претендентов на пост Президента США позволяет заключить, что количество высказываний-угроз в выступлении политика не определяет их интенсивность прагма-эмоционального воздействия на электорат, так как менасивы обладают различной “глубиной” интенсивности в силу своих функционально-семантических свойств.

Исследование демонстрирует, что в американской агональной дискурсии дополнительная стратегия *композиционного* распределения менасивов в публичном выступлении политика представлена двумя тактическими разновидностями. Одна из тактик указанной стратегии – *MT равномерного* распределения высказываний-угроз – зафиксирована примерно в 62,32% агитационных речей претендентов на пост Президента США. Вторая разновидность – *MT неравномерного* распределения высказываний-угроз – встречается примерно в 37,68% публичных выступлений. Выяснилось, что претенденты на пост Президента США – Дональд Трамп и Джо Байден, которые одержали победу на выборах 2016 и 2020 годах соответственно, использовали в своих анонсирующих речах *MT равномерного* распределения высказываний-угроз. Поэтому указанную *MT* можно считать прагматически эффективной в анализируемом предвыборном дискурсе.

Дополнительная стратегия *количественного воздействия* менасивов репрезентирована в американской политической коммуникации тремя тактиками: *MT минимального количества* высказываний-угроз для оказания праг-

ма-эмоционального воздействия, которая реализуется примерно в 40,74% анонсирующих выступлений кандидатов на пост Президента США, МТ *среднего количества* высказываний-угроз, которая находит применение примерно в 33,33% выступлений, и МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз, встречающаяся примерно в 25,93% выступлений.

Описание стратегического функционирования определенного числа предвыборных менасивов в вербальном поведении кандидата свидетельствует о том, что МТ *количественного воздействия*, связанная с активной реализацией политиком более 25 менасивов в конкретном выступлении, способствует их эффективному внедрению в массовое сознание избирателей, и такая тактика является прагматически оправданной в условиях политического противостояния кандидатов на пост Президента США. Тем не менее, проведенный анализ не позволяет выяснить, какое количество менасивов является достаточным для того, чтобы *побудить* избирателей проголосовать за кандидатуру политика, но *не запугать* возможными негативными последствиями. Исследование также опровергает гипотезу о наличии прямой зависимости между количеством предвыборных менасивов в вербальном поведении политика и их интенсивностью воздействия на избирателей.

Проведенный анализ показывает, что количество менасивов в публичных выступлениях кандидатов не может служить критерием эффективного прагма-эмоционального воздействия на массового адресата, так как выступления и реализованные в них высказывания-угрозы характеризуются различным объемом, измеряемым в количестве слов. В этой связи для решения поставленных задач исследования был предложен *индекс менасивности* предвыборного выступления (iM), демонстрирующий соотношение между количеством слов в дискурсивном пространстве выступления политика и количеством слов, использованных им для маркировки высказываний-угроз в нем. Предложенный показатель позволил понять, какую роль политики отводят вербальным угрозам в своих выступлениях и средствам их поверхностной манифестации в английском языке.

Установлено, что индекс менасивности американского предвыборного дискурса составляет 6,00, означая, что примерно *каждое 6 слово* такого дискурса является коммуникативным маркером высказывания-угрозы. На материале исследования зафиксировано, что индекс менасивности имеет самый низкий показатель в анонсирующей речи Дональда Трампа 2016 года – кандидата, победившего на выборах Президента США в 2016 году – и составляет 2,06. Такое значение индекса менасивности указывает на стремление политика оказать интенсивное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей для привлечения их внимания к своей кандидатуре и задействовать с этой целью внушительный “объем” языковых средств.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что выбор политиком определенной МТ и маркирующих ее функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз *не определяет* исход предвыборной кампании для кандидата. Вместе с тем на материале исследования удалось установить стратегический репертуар МТ в вербальном поведении политических деятелей, которым удалось заручиться внушительной поддержкой представителей электорального сообщества. Выяснилось, что в условиях американской предвыборного дискурса 2016 года эффективным средством для формирования предпочтения тематического контента избирателями является глобальная менасивная стратегия, в основе которой лежит использование политиком МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей с применением тактик дополнительных стратегий, а именно: МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз. В американской предвыборной коммуникации 2020 года прагматически эффективным является сочетание в вербальном поведении кандидата МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз.

Итак, в рамках настоящего исследования описана вербальная специфика глобальной стратегии менасивного воздействия политика на массового адресата, а также структурированы формирующие ее менасивные стратегии и

тактики. Зафиксированные закономерности тактико-стратегического функционирования англоязычных предвыборных менасивов в вербальном поведении кандидатов на пост Президента США свидетельствуют о том, что менасивные высказывания являются не только непосредственной составляющей их публичных выступлений, но и воспринимаются избирателями как вполне уместное средство политической борьбы. Поэтому есть все основания говорить о наличии тенденции, согласно которой прагматически эффективными являются менасивы тех кандидатов, которые умеют подбирать необходимую, но достаточную интенсивность вербального прагма-эмоционального воздействия на электорат, а также гарантируют избирателям возможность выхода из состояния дискомфорта, предлагая свою кандидатуру как единственное средство возврата к комфорту.

Полученные результаты показывают, что предвыборные менасивы связаны с формированием у избирателей дискомфортного эмоционального состояния. Однако такие высказывания-угрозы не оцениваются массовой аудиторией как проявление агрессивного речевого поведения их автора и не приводят к коммуникативной конфронтации политика и избирателей, так как политические деятели используют предвыборные менасивы как манипулятивно-воздействующий ресурс и не переходят к непосредственной реализации декларированных ими негативных действий. Следовательно, предвыборные менасивы функционируют в публично-информационном пространстве англоязычного политического дискурса в качестве приемлемого и коммуникативно справедливого средства достижения иллюкутивной цели политика в ситуации, когда другие языковые средства не способны это сделать или когда сама ситуация требует прагматического воздействия менасивной силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре внимания настоящего исследования находится проблема интегративного описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования в вербальном поведении претендентов на пост Президента США коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и его разновидностей в виде дискурсивных практик со значением угрозы как воздействующего ресурса в условиях американского публично-информационного пространства политической коммуникации. Данная проблематика приобретает особую актуальность в свете новых идей коммуникативного конструктивизма и когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, помещающих в фокус внимания представителей германского языкознания специфику форм вербального поведения политического субъекта – кандидата на определенный пост, который осознанно реализует англоязычные менасивные практики для оказания прагма-эмоционального воздействия на массового адресата.

Как показывает анализ научной литературы, ученые регулярно обращаются к изучению актов менасивной дискурсии политических деятелей, уделяя повышенное внимание тематической составляющей и средствам поверхностной репрезентации таких актов в английском языке. И поскольку в анализируемых работах лингвистам не удалось выяснить содержательную специфику феномена вербальной угрозы, заложенную в «ментальном пространстве» говорящей личности, и изучить механизм тактико-стратегического функционирования высказываний-угроз в условиях американской агональной дискурсии, в работе предпринята попытка описать лингвокогнитивную основу вербального поведения политического субъекта, целенаправленно использующего англоязычные менасивы в предвыборных выступлениях.

В ходе исследования удалось очертить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке и описать семантическую специфику этого пространства. Проведенный дефиниционный анализ фиксирует содержательные признаки и свойства, которые закладывают ос-

нову для формирования типовой матрицы, рамки, фрейма или функционально-семантического представления угрозы (ФСП-угроза) в ментальном пространстве языковой личности. Кроме того, анализ языкового материала позволил обозначить содержательную специфику глагола «*threaten*» как фреймообразующего вербального репрезентанта угрозы в английском языке. Изучение семантической специфики глагола «*threaten*» показывает, что в его содержательном объеме интегративно-амальгамно сочетаются элементы *контрарного* плана, формирующие диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы в английском языке. Установлено, что в содержательный объем фреймообразующего репрезентанта угрозы входит *интегративный компонент* «наступление негативных последствий» для объекта воздействия, а также *свойства менасивности*, указывающие на возможность объекта избежать санкционных последствий при условии выполнения каузируемых действий.

В целях заявленного описания были систематизированы разрозненные фрагменты знаний языковой личности о контрарных элементах вербальной угрозы. В частности, показано, что контрарные элементы вербальной угрозы образуют две реляционные структуры – реляционную структуру негативных проявлений и реляционную структуру свойств менасивности. Проведенный анализ обнаруживает, что зафиксированные структуры определенным образом соотносятся в ментальном пространстве когнитивного агента, образуя прототипическую (типовую) ситуацию порождения и восприятия вербальной угрозы носителями языка.

Удалось выяснить, что носители английского языка, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, могут определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия. То есть, языковая личность обладает когнитивной способностью сопоставить негативные последствия менасивов с необходимостью корректи-

ровки своего социального поведения – вербального или невербального, чтобы избежать санкционных последствий. Таким образом, результатом анализа явилось описание семантических признаков и свойств вербальной угрозы, которые задают *туннель менасивности* или *менасивный туннель*, определяющий лингвистическое пространство побудительного значения вербальной угрозы и фиксирующий границы для использования и интерпретации негативных проявлений высказываний-угроз.

Для решения задачи, связанной с описанием лингвокогнитивного механизма, который лежит в основе оперирования носителями английского языка феноменом вербальной угрозы, был предложен такой когнитивный (смысловой, ментальный) инструмент, как инвариантный *коммуникативный конструкт угрозы* (также коммуникативный менасивный конструкт). Результатом разработки коммуникативного конструкта угрозы явилось установление границ функционально-семантического пространства, в котором реализуются менасивные регулятивные действия участников прототипической ситуации угрозы в виде естественно-языковых социальных практик английского языка, выраженных в процессе дискурсивного взаимодействия и связанных с изменением эмоционального состояния адресата таких практик при помощи упоминания возможных негативных последствий для него.

Свойства «приложимости» инвариантного коммуникативного конструкта угрозы позволили использовать его для описания механизма функционирования предвыборных менасивов в условиях политической коммуникации и разработки такой разновидности как *коммуникативный конструкт предвыборной угрозы*. Показано, что актуализация коммуникативного конструкта предвыборной угрозы осуществляется *в особом функциональном контексте* агональной дискурсии, который характеризуется отсутствием мгновенной (непосредственной) обратной связи между его участниками. Кроме того, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы реализуется на фоне совокупности функциональных условий, которые приобретают особую значимость в процессе оперирования феноменом вербальной угрозы участ-

никами агональной коммуникации, так как закладывают основу для интерпретации менасивных практик политических деятелей.

Разработка менасивного конструкта демонстрирует, что предвыборные высказывания-угрозы вводят избирателей в широкий диапазон эмоциональных переживаний, который находится в лимнологическом пространстве между комфортным и дискомфортным эмоциональным состоянием. Предложенный коммуникативный конструкт фиксирует определенную зависимость между предвыборными менасивными практиками политических деятелей и эмоциональными переживаниями избирателей в виде диспозиций *Я*, формируемыми в процессе оценки и интерпретации таких практик. В ходе исследования доказано, что в условиях агональной дискурсии политик как автор менасивов также находится в некомфортном эмоциональном состоянии.

На основании выбранного подхода удалось показать, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы, имеющий «конгруэнцию со структурами сознания в ментальном пространстве» (Романов, 2016) позволяет упорядочить представления носителей английского языка о вербальных проявлениях угрозы, актуализирующих связь между тем или иным вариантом интегративного компонента вербальной угрозы и соответствующей ему диспозиции *Я*-избирателя. Было установлено, что языковая личность при встрече с предвыборными актами менасивной каузации обращается к реляционной структуре негативных проявлений вербальной угрозы, оценивает такие проявления в содержательном пространстве менасивного туннеля и определяет диспозицию своего *Я* на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы – в пороговых пределах между комфортом и дискомфортом.

В рамках заявленного исследования проведен анализ языковых средств, задействованных для репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в американском политическом дискурсе. Собранный эмпирический материал в виде публичных выступлений кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы демонстрирует широкое ис-

пользование предвыборных менасивов в эксплицитной или имплицитной форме. В работе систематизированы различные формальные способы поверхностной манифестации предвыборных высказываний-угроз в архиве регулятивных средств английского языка, построена их инвариантная формула и её возможные варианты развертывания, а также описаны особенности функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов в условиях американского агонального дискурса.

Анализ языкового материала показывает, что вне зависимости от формы поверхностной репрезентации каждый предвыборный менасив содержит указание на возможное наступление негативных последствий для представителей нефокусной или нефокусной аудитории политика. На основании отмеченного наблюдения массив эмпирического материала был разделен на две адресатные разновидности – менасивы с негативными последствиями *для избирателей* и менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей*. Изучение содержательной специфики зафиксированных разновидностей обнаруживает, что они являются неоднородными в функционально-семантическом плане и включают в свой состав высказывания-угрозы, обладающие некоторыми “оттенками” значений. Таким образом, на материале исследования были выделены шесть функционально-семантических разновидностей менасивов – *угрозы-обещания, угрозы-призывы, угрозы-декларативы, угрозы-предупреждения, угрозы-обвинения* и *угрозы-констативы*.

В исследовании удалось доказать, что каждая функционально-семантическая разновидность менасива в силу своей содержательной специфики соотносится с формированием конкретных эмоциональных переживаний избирателей в лингвистическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и обладает определенной интенсивностью прагма-эмоционального воздействия на массового адресата. Результатом такого исследования явилось установление лингвокогнитивного соотношения между реализацией функционально-семантической разновидности менасива и фор-

мируемой при ее помощи диспозиции *Я*-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы.

Таким образом, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы позволил системно и в одной плоскости взглянуть на прагма-эмоциональное воздействие функционально-семантических разновидностей менасивных высказываний, зафиксированных в вербальном поведении претендентов на пост Президента США. Кроме того, был дифференцирован воздействующий потенциал предвыборных менасивов, а также предложен такой показатель как “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия менасивных высказываний на массового адресата.

Проведенный анализ демонстрирует, что коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть использован не только как когнитивный инструмент, который пригоден для систематизации и оценки “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия отдельных менасивов, но и может применяться для описания механизма, лежащего в основе функционирования высказываний-угроз в вербальном поведении кандидатов на пост Президента США. В работе показано, что политические деятели как участники агональной дискурсии – целенаправленно, в определенной последовательности и в соответствии с тактико-стратегической обусловленностью – реализуют в своих публичных выступлениях некоторую совокупность функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов. Описание вариантов коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, реализованных в конкретных публичных выступлениях кандидатов, позволило систематизировать и схематично представить менасивное воздействие политиков на диспозиции эмоционального состояния *Я*-избирателя, а также описать совокупность стратегий и тактик использования англоязычных предвыборных практик-угроз в условиях американского публично-информационного пространства политической коммуникации.

Разработка коммуникативного конструкта предвыборной угрозы демонстрирует, что высказывания-угрозы употребляются политиками в соот-

ветствии с *глобальной* менасивной стратегией – оказать запланированное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей и побудить их предпочесть на выборах кандидатуру автора последовательности высказываний-угроз. Установлено, что *глобальная* менасивная стратегия формируется на основе *базовой* (гиперонимической) стратегии, а также включает ряд дополнительных стратегий, в число которых входят стратегия композиционного распределения высказываний-угроз и стратегия количественного воздействия высказываний-угроз. Наличие дополнительных стратегий и формирующих их тактик отражает сложную природу функционирования предвыборных менасивов в условиях англоязычного агонального дискурса и многообразие лингвокогнитивных факторов, влияющих на прагматическую эффективность публичных выступлений политиков.

Выяснилось, что в предвыборной дискурсии каждый из претендентов на пост Президента США использует только одну тактику как способ развертывания базовой менасивной стратегии или дополнительных стратегий менасивного воздействия. На материале исследования установлен стратегический репертуар менасивных тактик в вербальном поведении политических деятелей, который является эффективным средством для формирования предпочтения тематического контента избирателями.

Однако результаты исследования также свидетельствуют о том, что выбор кандидатом определенной менасивной тактики не определяет его победу на выборах, так как на результаты выборов влияет большое количество факторов, включающих умения политика вести предвыборную кампанию, устанавливать контакт с избирателями, а также видеть перспективы развития страны. Поэтому об эффективности функционирования предвыборных высказываний-угроз в условиях агональной дискурсии можно говорить, только принимая во внимание *глобальную менасивную* стратегию политика, комплексно сочетающую в себе отдельные тактики и их “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на электорат, а также индекс менасивности публичного выступления.

Итак, выбранный когнитивно-дискурсивный подход к анализу предвыборных менасивов, комплексно сочетающий в себе применение функционально-семантического анализа языкового материала и использование методологической базы коммуникативного конструктивизма, позволил описать механизм функционирования англоязычных высказываний-угроз в вербальном поведении политических деятелей и механизм восприятия таких высказываний массовым адресатом. На основании выбранного подхода был разработан коммуникативный конструкт предвыборной угрозы, который оказался адекватным лингвистическим инструментарием для упорядочения представления носителей английского языка о вербальных проявлениях угрозы и прагма-эмоциональном воздействии на массового адресата предвыборных актов менасивной каузации. Рассмотрение дискурсивных проявлений угрозы как коммуникативного менасивного конструкта позволило описать тактико-стратегическую специфику функционирования англоязычных предвыборных менасивов в политической коммуникации, а также предложить такие показатели как “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз и индекс менасивности публичного выступления политика.

Вместе с тем, настоящее исследование не исчерпало всей совокупности проблем, связанных с изучением вербального поведения политика, который целенаправленно использует предвыборные менасивы в сфере профессиональной деятельности. Перспектива развития данного исследования заключается в дальнейшем описании функциональных особенностей менасивов с учетом этнокультурной специфики англоязычной социальной интеракции. На фоне возрастающего интереса представителей германского языкознания к лингвоэкологической сфере коммуникации перспективно обратить внимание на языковую репрезентацию манипулятивной функции менасивов в различных сценариях социального взаимодействия, в том числе в политической коммуникации. Изучение воздействующего потенциала предвыборных высказываний-угроз может быть также дополнено путем привлечения новых экспериментальных данных на материале разносистемных языков.

Разработанный и апробированный лингвистический инструмент открывает широкие возможности для описания вербального поведения языковой личности, использующей менасивные высказывания для решения коммуникативных задач. Поэтому дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом специфики функционирования менасивов в вербальном поведении говорящего субъекта, остается одним из актуальных направлений в области германского языкознания, когнитивной и политической лингвистики, требующим комплексного описания языковых структур и изучения прагма-эмоционального воздействия, которое высказывания-угрозы оказывают на носителей английского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 112 с.
2. Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т.3: О Граде Божиим. Книги I-XIII. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 595 с.
3. Аквинский Ф. Сумма теологии. – Киев: Ника-Центр: Эльга, 2007. – Ч.1. – 559 с.
4. Алёшина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. – М.: Прометей, 2015. – 220 с.
5. Амаатов А.М., Бондаренко Е.В., Пупынина Е.В. Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019, Т.38, № 1. – С. 5-12.
6. Амиантова И.С. Международные санкции как способ решения политических проблем // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017, № 1 (36). – С. 139–149.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Восточная литература, 1995. – 769 с.
8. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог 2003». – М.: Наука, 2003. – С. 32–35.
9. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53–294.
10. Аристотель. Поэтика // Сочинения: В 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983а. – С. 645–680.
11. Арский А.А. Семантические категории угрозы и предостережения и их вербальная реализация в современном немецком языке: тактико-ситуативный подход. Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1998. – 180 с.
12. Багдасаров С.А., Ленец А.В. Лингвопрагматические особенности реализации речевого акта угрозы в политическом дискурсе Германии и Ис-

пании // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020, № 1. – С. 5–16.

13. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике (филологические этюды) // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. Ч.1. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 9–45.

14. Бакшуттов В.К. Философия чувств: информационная концепция. – Екатеринбург: УрО РАН, 1996. – 491 с.

15. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

16. Балова И.М., Будаева Л.А., Щербань Г.Е. Речевой акт угрозы как объект лингвистической экспертизы // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат. междунар. конф., 2015. – С. 339–344.

17. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 318 с.

18. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет филос. семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 166–177.

19. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. – 1997, № 6. – С. 108–118.

20. Баранов А.Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014, №4 (36). – С. 139–147.

21. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. – 1992, № 3. – С. 84–94.

22. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. Пер. с фр. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 2011. – 272 с.

23. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

24. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
25. Бек У. Мир в начале тысячелетия. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Мировая экономика и международные отношения. – 2002, № 5. – С. 10–19.
26. Белоконева А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.): дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 175 с.
27. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 50 с.
28. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
29. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
30. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. – 512 с.
31. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986. – 367 с.
32. Благий Т.Л. Коммуникативно-прагматические классы предложений угрозы, страха и опасения в современном немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1994. – 161 с.
33. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального процесса. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
34. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 205 с.
35. Богданов В.В. Механизм семантической деривации // Семантико-синтаксическая организация предложения и текста. – Грозный: Чечено-ингушск. гос. ун-т, 1980. – С. 8-17.

36. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 25–37.
37. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 87 с.
38. Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. – Тамбов: Принт-Сервис, 2020. – 328 с.
39. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.
40. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 175 с.
41. Боровой Е.М. Проблема страха в экзистенциальном измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012, № 12 (26). – С. 42–44.
42. Бочаров И.Ф. Угрозы национальной безопасности США и Россия / Комментарии к выступлению Л. Эспина // США: экономика, политика, экономика. – 1993, № 9. – С. 18–29.
43. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. – Кемерово, 2010. – 43 с.
44. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7-85.
45. Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1983, №1/2. – С. 49–62.
46. Бурдые П. Практический смысл. Пер. с фр. – СПб.: Алетейя. – 2001. – 562 с.
47. Буряковская В.А. Медийная агрессия массовой культуры // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: Сборник трудов Всероссийской научной конференции. – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. –С. 111-119.

48. Бут Н. А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера // Труды ТГТУ: сб. науч. статей молодых ученых и студентов. Вып. 16. – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. – С. 132–135.
49. Бут Н.А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «менасивов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: ТГТУ, 2004а. – 14 с.
50. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. – М.: Академический Проект, 2007. – 382 с.
51. Быстров В.В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик. Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001. – 117 с.
52. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб: Питер, 2001. – 352 с.
53. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
54. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251–275.
55. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238–250.
56. Верченко Н.И. Угроза как вид психического насилия // Научный альманах. – 2016, №7-2 (21). – С. 93–96.
57. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – Москва: «Гнозис», 1994. – 612 с.
58. Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социологические исследования. – 2011, № 5. – С. 123–129.
59. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
60. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – 2011, № 4 (38). – С. 286–291.
61. Водак Р., Тичер С., Мейер М., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 356 с.

62. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. – Л.: Прибой, 1930. – 157 с.
63. Гаврилов К.А. Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. – 2007, № 3. – С. 40–58.
64. Газизов Р.А. К вопросу о коммуникативных угрозах в речевом общении // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010, № 335. – С. 7–12.
65. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
66. Ганченко О.И. Угроза как способ шантажа // Общество и право. – 2013, № 3 (45). – С. 142–147.
67. Гаус К.О., Рябова М.Ю. Реализация концепта «Threat» в политическом дискурсе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2017, № 38. – С. 89–92.
68. Герген К. Дж. Социальное конструирование и трансформация социальных наук // Симпозиум: ежегодный междисциплинарный журнал. – 2005, № 2. – С. 75–90.
69. Герген К. Дж. Социальная конструкция в контексте. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. – 328 с.
70. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158–215.
71. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 11-58.
72. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск: Вычислительный центр СО АН СССР, 1985. – С. 64–78.

73. Григорьев Е.И., Евтеев С.В. Влияние интонации речи на формирование концепта «угроза» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка). – М.: Издательство РГСУ, 2017. – 136 с.

74. Григорьева В.С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого и русского языков. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 80 с.

75. Гришко Н. А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере. Дис. ... канд. юр. наук. – Курск, 2019. – 213 с.

76. Громова Н. С. Речевая агрессия в политической коммуникации: причины и последствия // Политическая лингвистика. – 2019, № 2 (74). – С. 150–155.

77. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Под ред. В.И. Герасимова – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

78. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: «Либерком», 2013. – 344 с.

79. Делюмо Ж. Идентификация ужаса / Ж. Делюмо, Дж. Дж. Фрезер. – М.: Алгоритм, 2009. – 240 с.

80. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М., 1989. – 171 с.

81. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 230–320.

82. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002, № 3. – С. 32–43.

83. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 207 с.

84. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей. – Мн.: БГУ, 2003. – 232 с.

85. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности. – М.: Юнити: Закон и право, 2004. – 270 с.
86. Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 385–411.
87. Добрина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. – 2019, № 1 (29). – С. 100–108.
88. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (Ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы философии. – 2007, №3. – С. 90–104.
89. Дубровский Д.И. Проблема «другого сознания» // Вопросы философии. – 2008, №1. – С. 19–28.
90. Ерофеева Е.В. Речевые акты со значением предупреждения нежелательного действия в современном французском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1997. – 179 с.
91. Ерофеева Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. – 2014, №50. – С. 240–247.
92. Ефимова Н.С., Субботина Л.Ю. Психология безопасности человека. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2013. – 191 с.
93. Журбей Е.В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX века // Ойкумена. – 2015, №2. – С. 75–108.
94. Журкин В.В. Стратегические угрозы и риски в политической сфере // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2013, № 2(5). – С. 142–154.
95. Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010. – 23 с.

96. Заворуева А.С. Психологические и социально-философские аспекты феноменов тревоги и страха (от Фрейда до Мадди) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2007, №2-3. – С. 101–111.
97. Задорин И. В. Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран G8 // Экономические стратегии. – 2006, №4 (46). – С. 14–21.
98. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые слова русской языковой картины мира. – М.: Языки русской культуры, 2005. – 544 с.
99. Захарцев С.И. Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. № 4-5. – С. 9–23.
100. Золотухин В.Ф., Туливетров С.Н. Сущность начавшегося обновления познавательной парадигмы в дискурсе философии техногенных угроз // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016, № 5. – С. 16–20.
101. Иванова С.В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. – 2017, №1(61). – 31–42.
102. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.
103. Ильин Е.П. Психология страха. – СПб.: Питер, 2017. – 288 с.
104. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация: монография. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 236 с.
105. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. – 2015, № 1. – С. 73–79.
106. Карасик В.И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018, № 1. – С. 32–49.

107. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
108. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
109. Карлсон Дж. Телевизионное развлечение и политическая социализация // Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. – М.: Урсс, 2002. – С. 224–233.
110. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 111 с.
111. Касавин И. Т. Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. – 2007, №6. – С. 97–119.
112. Касевич В.Б., Храковский В.С. Общие вопросы семантики конструкций с предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами: мат. всесоюз. конф. – Л.: Ленингр. отд-ние ИЯ АН СССР, 1981. – С. 7-23.
113. Кастельс М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
114. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева. – Екатеринбург: У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – 327 с.
115. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 182 с.
116. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994, № 5. – С. 126–139.
117. Клецина И.С. Психология гендерных отношений. – СПб.: Алетейя, 2004. – 403 с.
118. Клоченко Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации. Дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2019. – 206 с.

119. Ключев Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. – СПб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2010. – 261 с.
120. Кобозева И.М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 7–21.
121. Козырев Г.И. Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации // Социологические исследования. – 2009, №4. – С. 63–73.
122. Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. – 2014, №1. – С. 6–30.
123. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 320 с.
124. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
125. Комина Н.А. Организационный дискурс в учебной ситуации. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004. – 188 с.
126. Коновалова А.Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Москва, 2008. – 26 с.
127. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 2008, № 3. – С. 3–37.
128. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности // Теории и проблемы политических исследований. – 2016, № 3. – С. 94-112.
129. Коростылёв О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ставрополь, 2004. – 25 с.
130. Коротаева Д.С., Месропян Л.М. Угроза в политическом дискурсе социальной сети как средство речевого воздействия // Юрислингвистика. – 2020, №16. – С. 19–22.

131. Коротникова Н. В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования. – 2010, № 6. – С. 70–79.
132. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностранная литература, 1962. – С. 105–167.
133. Красиков С.А. Исследование рисков в западной социологии // Социологический журнал. – 2008, № 9. – С. 12–19.
134. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России. – Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2002. – 179 с.
135. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7–25.
136. Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура: мат. междунар. конф. Ч. 1. – Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т, 2001. – С. 8–11.
137. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 2008 с.
138. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1998. – 384 с.
139. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 100 с.
140. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.
141. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 126–172.
142. Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики. Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 183 с.

143. Лассан Э. Дискурс власти в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 1995. – 232 с.
144. Левитов Н.Д. О психологических состояниях человека. – М.: Просвещение, 1964. – 344 с.
145. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 Т. / Пер. с англ. и лат. Т3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
146. Ломтев Т.П. Конституенты предложений с глаголами речи // Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – С. 218-239.
147. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек, общество, государство. – М.: 2000. – 428 с.
148. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: МГПИ, 1968. – 297 с.
149. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
150. Лукьянова И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности. – Калуга: Издательство «АКФ «Политоп», 2004. – 190 с.
151. Магсумова Л. И. Концепт «угроза» в англоязычном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Ч. 1. – 2016, № 11(65). – С. 125–128.
152. Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Ростов н/Д, 1997. – 29 с.
153. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
154. Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. – Москва: АСТ: Астрель, 2010. – 442 с.
155. Малинович Ю.М. Класс предложений-запрещений с доминантой угрозы (на материале немецкого языка) // Функционально-типологическое направление в грамматике: повелительность: тез. докл. конф. – Л.: АН СССР, 1988. – С. 75–76.

156. Манерко Л.А. Сопоставительное изучение языков и концептуальные универсалии в когнитивных исследованиях // Вопросы романо-германской и русской филологии. – 2020, Т. 1. – С. 6-15.

157. Мартынова И. А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов (на материале современной англоязычной художественной литературы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 18 с.

158. Маслова О.В. Особенности выражение речевой агрессии в коммуникативном поведении американцев и русских // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2013, № 2. – С. 22–28.

159. Мастенбрук В. Переговоры / Пер. с англ. – Калуга: Калуж. ин-т социол., 1993. – 175 с.

160. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. – М.: Гнозис, 2001. – 324 с.

161. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Политический менасив как неэтикетное речевое поведение // Гуманитарный вектор. – 2018, Т.13, № 1. – С. 121–129.

162. Мельчук И.А. Об одном словообразовательном аффиксе и об одной синтаксической фраземе современного русского языка // Русский язык в модели «Смысл↔Текст». – М.: Вена, «Языки русской культуры», 1995. – С. 325-346.

163. Микляева А.В. Психология межвозрастных отношений. – М.: Свивт, 2014. – 159 с.

164. Микляева А.В. Социальный конструкционизм: взгляд с позиции психолога. Вступительная статья // К. Дж. Герген Социальная конструкция в контексте / Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2016. – С. 9–14.

165. Молодыхенко Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 25 с.

166. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 220 с.
167. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.
168. Новоселова О.В. Коммуникативные маркеры дискурса угрозы // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010, № 3. – С. 20-26. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
169. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
170. Осеев А.А. Переговоры как регулятор социально-трудовых отношений. Дис. ... докт. социол. наук. – Москва, 2002. – 354 с.
171. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
172. Очеретина М. А. Угроза с точки зрения культуры речи // Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи: Тез. и докл. конф. молодых ученых. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – С. 50–51.
173. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
174. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
175. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А.В. Абрамов, В.Э. Багдасарян, С.О. Бышок и др. // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. – 2020, № 2. – С. 3–83.
176. Патюкова Р.В. Публичная коммуникация в дискурсе американской политической элиты: справочное пособие. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2009. – 487 с.
177. Петров В.В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл: сб. научн. тр. – Новосибирск: СО «Наука», 1990. – С. 227–232.
178. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. – СПб.: Питер, 2004. – 160с.

179. Пильгун Е.В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка. – Минск: РИВШ, 2016. – 75 с.
180. Пинчук А.Ю. Терророгенная угроза современному миропорядку в контексте управляемости и противодействия. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2011. – 27 с.
181. Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
182. Познышев С.В. Особенная часть Русского уголовного права. – М.: Книга по Требованию, 2017. – 526 с.
183. Поспелова А.Г. Речевые приоритеты в английском диалоге. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 73 с.
184. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: Вища школа, 1971. – 191 с.
185. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения // Иностранные языки в школе. – 1975, № 6. – С. 15–25.
186. Почепцов Г.Г. Предложение // Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. школа, 1981. – С. 164–281.
187. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Изд. 2-е стереотип. – Дубна: Феникс, 2005. – 280 с.
188. Рабенко Т.Г., Нестерова Н.Н. Языковые средства реализации речевого жанра угрозы // Юрислингвистика. – 2007, №8. – С. 235–244.
189. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Юридические науки. – 2015, № 9. – С. 108–111.
190. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. – 2020, № 7. – С. 138–143.

191. Рима́н Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э.Л. Гушанского. – М.: Алете́йа, 1999. – 336 с.
192. Рогожникова И.Н. Коммуникативное пространство речевого акта «угроза» // Пространство в языке и речи: лингвистические проблемы изучения и описания: сб. науч. статей. – Волгоград: «Волгоградское научное издательство», 2011. – С. 70–76.
193. Романов А.А. Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб. Дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1982. – 168 с.
194. Романов А.А. О формальном представлении смысловой организации текста // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. – М., 1984. – С. 102-111.
195. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин, 1984а. – С. 86-92.
196. Романов А.А. Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск: ПГПИ-ИЯ, 1986. – С. 195-200.
197. Романов А.А. Регулятивность прагматических транспозиций в тексте // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – М., 1986а. – С. 113-126.
198. Романов А.А. Уровни функционально-семантического анализа текста // Текст. Контекст. Подтекст. – М., 1986б. – С. 10-17.
199. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
200. Романов А.А. Прагматограмма как форма реализации иллокутивных знаний в диалогическом тексте // Когнитивная и коммуникативная структура текста. Функциональный анализ. – Днепропетровск, 1991. – С. 39-40.

201. Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура: сб. научн. трудов / Отв. ред. А.М. Шахнарович, А.А. Романов. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1992. – С. 55–76.
202. Романов А.А. Грамматика деловых бесед. – Тверь: «Фамилия», «Печатное дело», 1995. – 240 с.
203. Романов А.А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. Ч.1. Отв. ред. Ю.А. Сорокин и В.Н. Базылев. – М.: ИЯ РАН, 1999. – С. 123–126.
204. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, 2002. – 191 с.
205. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва: ИЯ РАН, 2005. – 153с.
206. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006. – С. 23–37.
207. Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006а. – С.133-155.
208. Романов А.А. Способ реализации иллокутивного потенциала директивных высказываний // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006б. – С. 116-122.
209. Романов А.А. Стратегический принцип распределения регулятивных действий в типовом диалоге // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006в. – С. 203-216.
210. Романов А.А. Основы логического знания и теории аргументации. – Тверь: ТИПЛиМК, 2011. – 136 с.
211. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм пространства и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С.1–35. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

212. Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.

213. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 144 с.

214. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт угрозы как маркер предвыборного воздействия // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: мат. Всерос. науч. конф. – М.: Издательство «Канцлер», 2018. – С. 198-199.

215. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. – 2020, Т. 24, № 2. – С. 419-448. – DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448.

216. Романов А.А. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020а, № 1. – С. 44–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44.

217. Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

218. Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю. Имя собственное в политике: Язык власти и власть языка. – М.: Лилия ЛТД, 2000. – 112 с.

219. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативные речевые акты в парадигме социального конструкционизма // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Серия: Акмеология образования. – 2005, №2. – С. 26–36.

220. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативный дискурс в парадигме социального конструкционизма // Культура как текст: сб. науч. статей. Вып. 7. – Москва: ИЯ РАН, Смоленск: СГУ, 2007. – С. 81–96.

221. Романов А.А., Романова Л.А. Теория речевых актов в парадигме психо-семио-социального конструкционизма // Вестник Новгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2007а, № 44. – С. 82–84.

222. Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж. Л. Остина до наших дней. – М.: ИЯ РАН, «Агросфера» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.

223. Романов А.А., Романова Л.А. Мимесис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011, № 2. – С. 66–71. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

224. Романов А.А., Романова Л.А. Векторная направленность перформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 2. – С. 1–32. Режим доступа: www.tverlingua.ru

225. Романов А.А., Романова Л.А. Презентационный акт selfie в коммуникативном пространстве социальных сетей // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, №1. – С. 1–38. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

226. Романов А.А., Романова Л.А. Вербальный компонент «мягкой силы» как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018а, № 2. – С. 1–40. – Режим доступа: www.tverlingua.ru

227. Романов А.А., Романова Л.А. Политический рэп-баттл как новая форма дискурсивной эристики // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 46–101. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>.

228. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Политическое интервью как инструмент вербального агрессивного воздействия «мягкой силы» в информационном противостоянии // Мир лингвистики и коммуникации:

электронный научный журнал. – 2018, № 3. – С. 1–50. Режим доступа: www.tverlingua.ru

229. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Коммуникативные практики «острой силы» как стратегические маркеры вербальной агрессии в информационных «войнах без войн» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, №1. – С. 97–155. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

230. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.: ИЯ РАН, 2013. – 214 с.

231. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Герс, 1998. – 205 с.

232. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М.: Лилия ЛТД, 1999. – 128 с.

233. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. – М.: ИЯ РАН, 2007. – 120 с.

234. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.

235. Романова Л.А. Теория социального конструирования и композитные перформативы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия: Языкознание. – 2009а, № 2 (10). – С. 103–109.

236. Романова Л.А. Композитный перформатив как конструкт социально-коммуникативной реальности // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2014, №4. – С. 32–44 – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

237. Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. – 2019, № 1(29). – С. 1–9.

238. Рузевич О.Р. Особенности законодательной регламентации угрозы в уголовном праве России и зарубежных стран // Юридическая техника. – 2015, № 9. – С. 644–651.
239. Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. – 2006, № 3. – С. 191–205.
240. Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. – 2003, №1. – С. 203–219.
241. Самойлов И. Д. Феномены власти и воли в обществе. Дис. ... канд. филос. наук. – Курган, 2016. – 202 с.
242. Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.
243. Седляр Ю.А. Политические и социально-экономические последствия применения международных санкций к Ираку // Вестник Пермского университета. Политология. – 2014, №1 (25). – С. 166–182.
244. Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. – С. 196–212.
245. Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. – 2005, № 6. – С. 87–104.
246. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С.170–194.
247. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986а. – С.151–169.
248. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 166 с.
249. Скворцов Л.В. Проблема страха: искусство жизни в «век смерти» // Человек: образ и сущность: Гуманитарные аспекты. – М.: ИНИОН, 1991. – С. 45–78.

250. Слышкин Г.Г. Проблема концептуализации человека в языке и дискурсе (на материале концептов политических деятелей) // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2004, № 11. – С. 86-88.

251. Смирнова А.Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010, № 1. – С. 111–126.

252. Смирнова А. Г. Механизмы конструирования политическими лидерами внешней угрозы в межгосударственных отношениях. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 420 с.

253. Смолян Г.Л. Сетевые информационные технологии и проблемы безопасности личности // Информационное общество. – 1999, № 1.– С. 21–25.

254. Солсо Р. Когнитивная психология. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.

255. Спиноза Б. Политический трактат // Сочинения. В 2-х томах. Т. II. – СПб.: Наука, 1999. – С. 247–330.

256. Спиноза Б. Этика // Сочинения. В 2-х томах. Т.I. – СПб.: Наука, 1999а. – С. 251–478.

257. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в Интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. – 2013, №3 (45). – С. 77–81.

258. Сусов И.П. Семантическая структура предложения: на материале простого предложения в современном немецком языке. – Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. – 141 с.

259. Сусов И.П. Семантика и прагматика предложения. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. – 51 с.

260. Сусов И.П. Предикат и предикация // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1981. – С. 93–100.

261. Тертуллиан К.С.Ф. Избранные сочинения / Пер. с латин. А. А. Столярова. – М.: Прогресс: Культура, 1994. – 443 с.

262. Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. – 2009, № 4. – С. 82–88.
263. Третьякова В.С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сб. науч. трудов. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 138–146.
264. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе: семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.
265. Уайтхед А. Избранные работы по философии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
266. Улановский А.М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004, № 1. – С. 88–98.
267. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – С.35–45.
268. Улановский А.М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. – М.: «Канон+», 2010. – С. 279–298.
269. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания. – 1995, №3. – С. 3–16.
270. Фаизова Г. И. Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирского университета. – 2008, №3. – С. 628–630.
271. Фокин М.С., Дворцов В. Е. Уголовно-правовая характеристика угрозы как вида психического насилия // Вестник ТОГУ. Политология, социология и юриспруденция. – 2013. №4(31). – С. 273–278.
272. Фрейд З. Введение в психоанализ. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
273. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.

274. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. Пер. с франц. – СПб: А-сad, 1994. – 406 с.

275. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

276. Хабарова М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Краснодар, 2006. – 24 с.

277. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

278. Хамраева Ш.А. Стратегии перевода менасивных речевых актов в политическом дискурсе с английского на русский язык. Дис. ... докт. филол. – Алматы, 2019. – 240 с.

279. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. – М.; СПб.: АСТ. – 2003. – 603с.

280. Харре Р. Союз дискурсивной психологии с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. – 2005, №4. – С. 38–63.

281. Хедайти Ш. М. Компаративный анализ внешнеполитической стратегии США в отношении Российской Федерации и Исламской Республики Иран в постбиполярный период. Дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2015. – 186 с.

282. Хлопотунов Я.Ю. Речевая тактика угрозы и ее реализация в американском политическом дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. – 2018, № 2 (30). – С. 93–104.

283. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 303 с.

284. Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 22 с.

285. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.

286. Цицерон М.Т. Речи в двух томах. Т. I // Речь против Гая Верреса. – М.: Издательство академии наук СССР, 1962. – С. 59–110.
287. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – München: Verlag München, 2000. – 333 с.
288. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 319 с.
289. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. – М.: Наука, 2006. – 134 с.
290. Чеснокова Л.В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. II. – 2012, № 4 (18). – С. 206–210.
291. Чечель Г.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями против личности. Автореф. дис. ... докт. юр. наук. – Екатеринбург, 1995. – 38 с.
292. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (Общие проблемы метафоры). – Екатеринбург: Уральск. гуман. ин-т, 2003. – 194 с.
293. Шаронов В.И. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. – 1997, № 2. – С. 89–111.
294. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н.Козловской. – М.: Новое издательство, 2005. – 84 с.
295. Шегаев И.С. Игил и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2015, № 1. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru.
296. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 440 с.

297. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1986. – 16 с.
298. Шестопал Е. Б., Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. – 2018, № 10. – С. 90–99.
299. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: Изд-во ИП РАН, 1999. – 447 с.
300. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собрание сочинений в шести томах. Том 1. / Пер. с нем. – М.: ТЕРРА-Книжный-клуб»; Республика, 1999. – 496 с.
301. Шюц А. Смысловая структура повседневной жизни. – М.: Ин-т фонда «Общественное сознание», 2003. – 336 с.
302. Щербланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст. Автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Саратов, 2010. – 39 с.
303. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 237 с.
304. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.
305. Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М.: Флинта-Наука, 2004. – 224 с.
306. Щур Г.С. Понятие поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
307. Эпштейн О.В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Самарского научного центра РАН. Серия: Педагогика и психология, Филология и искусствоведение. – 2009, №5 (7). – С. 1337–1343.
308. Эпштейн О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2010. – 20 с.

309. Эспин Л. Угрозы национальной безопасности США и новые задачи вооруженных сил // США: экономика, политика, экономика. – 1993, № 9. – С. 13–17.
310. Якимова Е.В. Социальное объяснение психологического поведения: дискуссионные проблемы // THESIS. – 1993, Вып. 2. – С.214–227.
311. Якоба И.А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия. – Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2016. – 242 с.
312. Яковлева Г.Г. Директивный дискурс в диалогическом пространстве разных языков (строевые и функциональные аспекты описания). – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2005. – 187 с.
313. Якубинский Л.П. О диалогической речи. – Русская речь, 1923, № 1. – С. 96-194.
314. Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. – 2011, Т.10, № 1-2. – С. 87–113.
315. Янчук В.А. Конструктивистский подход в социальной психологии и его специфика // Введение в современную социальную психологию. – Минск: АСАР, 2005. – С.148–161.
316. Adams J.S. Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2. / Ed. by L. Berkowitz. – New York: Academic Press, 1965. – P. 267–299.
317. Albertson B., Gadarian S.K. *Anxious Politics: Democratic Citizenship in a Threatening World*. – New York: Cambridge University Press, 2015. – 268 p.
318. Alldridge P. Threat offences: A case for reform // *Criminal Law Review*. – 1994, № 8. – P. 176–186.
319. Amgoud L., Prade H. Formal Handling of Threats and Rewards in a Negotiation Dialogue // *AAMAS '05: Proceedings of the fourth international joint conference on Autonomous agents and multiagent systems*, 2005. – P. 529–536.
320. Árdal P.S. And that's a promise // *The Philosophical Quarterly*. – 1968, №18 (72). – P. 225–237.

321. Austin J.L. *Performative Utterances // Philosophical Papers*. – Oxford: Clarendon, 1961. – P. 220–239.
322. Austin J.L. *How to do things with words*. – Oxford: University Press, 1962. – 174 p.
323. Austin J.L. *Performative – Constative // Philosophy and ordinary Language*. – Urbana: University of Illinois Press, 1963. – P. 22-54.
324. Austin J.L. *Zur Theorie der Sprechakte*. 2. Aufl. – Stuttgart: Reclam, 1979. – 217 S.
325. Bach K. *Linguistic Communication and Speech Acts*. – Cambridge: MIT Press, 1979. – 217 p.
326. Bach K. *Speech Acts and Pragmatics // Blackwell Guide to the Philosophy of Language*. – Malden, Mass.: Blackwell Pub., 2003. – P.147–167.
327. Bacharach S.B., Lawler E.J. *Bargaining: Power, Tactics and Outcomes*. – San Francisco: Jossey-Bass, 1981. – 215 p.
328. Bayley P., Bevitori C., Zoni E. *Threat and fear in parliamentary debates in Britain, Germany and Italy // Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2004. – P.185–236.
329. Beck G. *Sprechakte und Sprachfunktionen*. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – 266 S.
330. Beller S. *Conditional promises and threats // Cognition and emotion. Proceedings of the Twenty-Fourth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2002. – P. 113–118.
331. Beller S., Bender A. *Cultural differences in the cognition and emotion of conditional promises and threats – Comparing Germany and Tonga // Proceedings of the Twenty-Sixth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2004. – P. 85–90.
332. Blackledge A. *Discourse and Power in a Multilingual World*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2005. – 252 p.

333. Blanchard R.J., Blanchard D.C. An ethoexperimental analysis of defense, fear and anxiety // *Anxiety* / Ed. by N. McNaughton, G. Andrews. – Dunedin: Otago University Press, 1990. – P. 124–133.

334. Boulding K.E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // *The American Economic Review*. – 1963, Vol. 53, № 2. – P. 424–434.

335. Bowlby J. Attachment and loss. Vol. 2: Separation. – New York: Basic Books, 1973. – 444 p.

336. Carter N.R. We Shall Be Watching You, You're Going to Die, and Other Threats: A Corpus-Based Speech Act Approach // *UTA Working Papers in Linguistics*. – 2010, № 3. – P. 48–61.

337. Castelfranchi C., Guerini M. Is it a promise or a threat? // *Pragmatics & Cognition*. – 2007, Vol. 15, № 2. – P. 277–311.

338. Chilwa I. The discourse of terror threats: Assessing online written threats by Nigerian Terrorist Groups // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 2016, № 40(4). – P. 318–339.

339. Chung C.K., Pennebaker J. W. Using Computerized Text Analysis to Assess Threatening Communications and Behavior // *Threatening Communications and Behavior: Perspectives on the Pursuit of Public Figures*. – Washington, DC: The National Academies Press, 2011. – P. 3–32.

340. Cohen R. Threat Perception in International Crisis. – Madison: The University of Wisconsin Press, 1979. – 231 p.

341. Conison J. The pragmatics of promise // *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*. – 1997, № 10 (2). – P. 273–322.

342. Conrad R. Fragesätze als indirekte Sprechakte // *Studia Grammatica*». XXII: Untersuchungen zur Semantik. – Berlin: Akademie-Verlag, 1983. – S. 343–367.

343. Coulthard M., Grant T., Kredens K. Forensic linguistics // *The SAGE Handbook of Sociolinguistics* / Ed. by R. Wodak, B. Johnstone, and P. L. Kerswill. – Thousand Oaks: Sage, 2011. – P. 529–545.

344. Coulthard M., Johnson A. *The Routledge handbook of forensic linguistics*. – London: Routledge, 2010. – 673 p.
345. *Criminal Code Act (Australia, 1995)*. Vol. 1: sections 1-5. Schedule (sections 1.1-261.3). – Canberra, 2015. – 364 p.
346. Culpeper J. *Politeness and impoliteness // Sociopragmatics*. Vol. 5: *Handbooks of Pragmatics / Ed. by K. Aijmer, G. Andersen*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. – P. 391–436.
347. Davis D.A. *Threats pending, fuses burning: Managing workplace violence*. – Palo Alto, CA: Davies-Black Publishing, 1997. – 198 p.
348. Davis J.W. *Threats and Promises. The pursuit of international Influence*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2000. – 222 p.
349. Diener E., Iran-Nejad A. *The relationship in experience between various types of affect // Journal of Personality and Social Psychology*. – 1986, №50. – P.1031–1038.
350. Dijk T.A. van. *What is Political Discourse Analysis // Political Linguistics*. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 11–52.
351. Dijk T. A. van. *Ideology and discourse. A multidisciplinary Introduction*. – Barcelona: Pompeu Fabra University, 1998. – 188 p.
352. Dijk T.A. van. *Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse*. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – P. 203–237.
353. Dijk T.A. van. *Society in Discourse: How Context Controls Text and Talk*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
354. Dijk T.A. van *Society and discourse: how social contexts influence text and talk*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 299 p.
355. Donaghy K. *Recognizing promises, advice, threats and warnings in natural language discourse*. – Henrietta: Rochester Institute of Technology, 1986. – 105 p.

356. Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and Montague's PTQ. – Dordrecht (Holland): Reidel, 1979. – 415 p.
357. Dressler J. Understanding Criminal Law. – N.Y: Lexis Nexis, 2015. – 566 p.
358. Fairclough N.L. Language and power. – London: Longman. 1989. – 259 p.
359. Feinstein J.A. Are threats always 'violent' crimes? // Michigan Law Review. – 1996, № 94. – P. 1067–1097.
360. Felson R.B., Messer S.F. The control motive in partner violence // Social Psychology Quarterly. – 2000, № 63. – P. 86–94.
361. Fiske S.T., Taylor S.E. Social cognition. – New York: McGraw-Hill, 1991. – 717 p.
362. Fitzgerald J. Forensic linguistic services at the Behavioral Analysis. Unit 1. – Quantico, VA: FBI Academy and the National Center for the Analysis of Violent Crime, 2005. – 325 p.
363. Foucault M. Power. – New York: New Press, 2000. – 486 p.
364. Fraser B. An Analysis of Vernacular Performative Verbs // Towards Tomorrow's Linguistic / Ed. by Schuy etc. – Washington: Georgetown University Press, 1974. – P. 139–158.
365. Fraser B. Hedged performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech acts / Ed. by P. Cole, J.L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P.187–210.
366. Fraser B. Warning and threatening // Centrum. – 1976, № 3 (2). – P. 80–169.
367. Fraser B. Threatening revisited // International Journal of Speech, Language and the Law. – 1998, № 5(2). – P. 159–173.
368. Gales T. Linguistic analysis of disputed meanings: Threats // The Encyclopedia of Applied Linguistics / Ed. by A.C. Carol. – Oxford: Blackwell, 2012. – DOI: 10.1002/9781405198431.wbeal0711.

369. Gales T. Threatening Stances: a corpus analysis of realized vs. non-realized threats // *Language and Law*. – 2015, Vol. 2(2). – P. 1–25.
370. Gergen K. J. *Social construction in context*. – London: Sage, 2001. – 240 p.
371. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. – Cambridge: Polity, 1990. – 186 p.
372. Giguère B., Lalonde R. N. The effects of social identification on individual effort under conditions of identity threat and regulatory depletion // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2009, Vol. 12. – P. 195–208.
373. Gingiss P. Indirect threats // *Word*. – 1986, № 37 (3). – P. 153–158.
374. Glasgow K., Schouten R. Assessing Violence Risk in Threatening Communications // *Linguistic Signal to Clinical Reality*. – 2014, June 27. – P. 38–45.
375. Goddard C. *Semantic Analysis: A practical introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 411 p.
376. Goddard C., Wierzbicka A. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages and Cultures*. – London: Oxford University Press, 2014. – 323 p.
377. Gordon C., Arian A. Threat and Decision-Making // *The Journal of Conflict Resolution*. – 2001, Vol. 45, № 2. – P. 196–215.
378. Graham D. Cyber Threats and the Law of War // *Journal of National Security Law*. – 2010, Vol. 4 (1). – P. 87–102.
379. Grant C.K. Promises // *Mind*. – 1949, № 58 (231). – P. 359–366.
380. Gray J.A. *The psychology of fear and stress*. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – 256 p.
381. Gray J.A., McNaughton N. *The Neuropsychology of Anxiety: An Enquiry into the Functions of the Septo-Hippocampal System*. 2-nd Edition. – New York: Oxford University Press, 2000. – 443 p.
382. Greenawalt K. *Speech, crime, and the uses of language*. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 376 p.

383. Habermas J. Vorbereitende Bemerkungen zu einer Theorie der kommunikativen Kompetenz // Habermas J., Lukmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. – S. 101–141.

384. Hatfield E., Cacioppo J.T., Rapson R.L. Primitive emotional contagion // Emotion in Social Behaviour: Review of Personality and Social Psychology. Vol. 14 / Ed. by M.S. Clark. – Newbury Park, CA: Sage Publications, 1992. – P. 151–177.

385. Hobbes T. Leviathan: or, the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil // The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury, now first collected and edited by Sir William Mollesworth. Vol. 3. – London: John Bohn, Henrietta Street, Covent Garden, 1839. – 714 p.

386. Hughes D. Unmaking an exception: A critical genealogy of US exceptionalism // Review of International Studies. – 2015, Vol. 41, №3. – P. 527–551.

387. Hume D. A. Treatise of Human Nature. – Oxford: Clarendon Press, 1978. – 766 p.

388. Hyde A.P. Coping with threatening, intimidating, violent behaviours of people with psychiatric disabilities living at home: Guidelines for family caregivers // Psychiatric Rehabilitation Journal. – 1997, Vol. 21. – P. 144–149.

389. Jack H. On the analysis of promises // The Journal of Philosophy. – 1958, № 55 (14). – P. 597–604.

390. Jankowitz A. D. Whatever became of George Kelly? Applications and implications // American Psychologist. – 1987, № 42. – P. 481–487.

391. Jenkins E.L. Workplace homicide: Industries and occupations at high risk // Occupational medicine state of the art reviews. – 1996, № 11(2). – P. 219–225.

392. Kedar L. Power through Discourse. – Norwood, NJ: Ablex, 1987. – 176 p.

393. Kennedy G., Benson J., McMillan J. Managing Negotiations. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. – 131 p.

394. Kent G. *The Effects of Threats*. – Columbus: Ohio State University Press, 1967. – 113 p.
395. LaFave W. R. *Criminal Law*. 4th.Ed. – St. Paul, MN.: Thomson business, 2003. – 1223 p.
396. Langacker R.A. *Foundations of Cognitive Grammar*. Vol. 1. – Stanford, 1987. – 540 p.
397. Leech G. *Principles of Pragmatic*. – London: Longman, 1983. – 250 p.
398. Lentner H.H. *Power in Contemporary Politics: Theories, Practices, Globalizations*. – London: Sage, 2000. – 243 p.
399. Limberg H. Impoliteness and threat responses // *Journal of Pragmatics*. – 2009, № 41 (7). – P. 1376–1394.
400. Lockhart C. *The Efficacy of Threats in International Interaction Strategies*. – London: Sage Publications, 1973. – 50 p.
401. Loseman A., Miedema J., Van Den Bos K., Vermunt R. Exploring how people respond to conflicts between self-interest and fairness: Influence of threats to the self on affective reactions to advantageous inequity // *Australian Journal of Psychology*. – 2009, Vol. 61. – P. 13–21.
402. Lupton D. *Risk*. – London: Routledge Press, 1999. – 192 p.
403. Lytle A. L., Kopelman S. Friendly threats? The Linking of Threats and Promises in Negotiation // *IACM 18th Annual Conference*. – Amsterdam: University of Amsterdam, 2005. – DOI: 10.2139/ssrn.735048.
404. McCann S. Threatening Times, “Strong” Presidential Popular Vote Winners, and the Victory Margin, 1824–1964 // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997, № 73 (1). – P. 160–170.
405. McFadden S.M., Malik A.A., Aguolu O.G., Willebrand K.S., Omer S.B. Perceptions of the Adult US Population Regarding the Novel Coronavirus Outbreak // *PLoS ONE*. – 2020, № 4. – DOI: 10.1371/journal.pone.0231808.
406. Melden A.I. On promising // *Mind*. – 1956, № 65 (257). – P. 49–66.
407. Milburn T. W. Watman K. H. *On the nature of threat: A social psychological analysis*. – New York: Praeger, 1981. – 148 p.

408. Muschalik J. Threatening in English. A mixed method approach. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2018. – 246 p.

409. Mutz D.C. Status threat, not economic hardship, explains the 2016 presidential vote // *Political Science, Medicine: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2018, Vol. 115, № 19. – P. 4330–4339.

410. Neale M.A., Northcraft G.B. Behavioral negotiation theory: A framework for conceptualising dyadic bargaining // *Research in Organisational Behaviour*. Vol. 13 / Ed. by L. Cummings, B. Staw. – Greenwich, CT: JAI Press, 1991. – P. 147–190.

411. Nick I. M. In the wake of hate: A mixed-method analysis of anonymous threatening communications sent during the 2016 US presidential election // *Nordic Journal of Linguistics*. – 2018, № 41(2). – P. 183–203.

412. Nicoloff F. Threats and illocutions // *Journal of Pragmatics*. – 1989, № 13. – P. 501–522.

413. Nordmark D. America: Understanding American Exceptionalism. – North Charleston: Create Space Independent Publishing Platform, 2013. – 128 p.

414. Nowak R. *Greizen der Sprachanalyse*. – Tübingen: Narr, 1981. – 280 S.

415. Olsson J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language, Crime, and the Law*. – London: Continuum, 2004. – 269 p.

416. Outten H.R., Schmitt M.T., Miller D.A., Garcia A.L. Feeling threatened about the future: Whites' emotional reactions to anticipated ethnic demographic changes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2012, № 38. – P.14–25.

417. Palmer F.R. *Mood and Modality*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 243 p.

418. Peetz V. Promises and Threats // *Mind*. – 1977, Vol. LXXXVI, № 344. – P. 578–581.

419. Rasmussen M. *The risk society at war: Terror, technology and strategy in the twenty-first century*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 224 p.

420. Rehbein J. Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. – Stuttgart: Metzler, 1977. – 377 S.
421. Robins M.H. The primacy of promising // *Mind*. – 1976, № 85 (339). – P. 321–340.
422. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // *Journal of Language and Literature*. – 2014, Vol. 5, № 4. – P. 100-103.
423. Romanov A., Novoselova O. Threatening strategy in pre-election discourse // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. – 2021, Vol.102 NININS. – P. 703–710. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.88.
424. Russell B. History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day. – London: Allen and Unwin, 1946. – 916 p.
425. Sadock J. M. Toward a Linguistic Theory of Speech Acts. – New York: Academic Press, 1974. – 168 p.
426. Safwat S. Speech acts in political speeches // *Journal of Modern Education Review*. – 2015, Vol. 5, № 7. – P. 699–706.
427. Salgueiro B.A. Promises, threats, and the foundations of speech act theory // *Pragmatics*. – 2010, Vol. 20, № 2. – P. 213–228.
428. Schelling T.C. The Strategy of Conflict. – Cambridge: Harvard University Press, 1980. – 309 p.
429. Schwartau W. Cyber Shock: Surviving Hackers, Phreakers, Identity Thieves, Internet Terrorists, and Weapons of Mass Disruption. – New York: Thunder's Mouth Press, 2000. – 470 p.
430. Searle J. R. Sprechakte. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1971. – 306 s.
431. Searle J.R. Was ist ein Sprechakt? // Schmidt S.J. Pragmatik 1. – München: W. Fink, 1974. – S. 84–102.
432. Searle J.R. Indirect speech acts // *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. – New York, San Francisco, London: Academic Press, 1975. – P. 59–82.

433. Searle J.R. A classification of illocutionary acts // *Language in Society*. – 1976, № 5. – P. 1–23.
434. Seligson S.B., Seligson M.A. Reported threats: the routinization of violence in Central America // *Pragmatics*. – 2016, № 26 (4). – P. 583–607.
435. Shuy R. W. *Language Crimes: The Use and Abuse of Language Evidence in the Courtroom*. – Malden, Mass. / Oxford, UK: Blackwell Publishers, Inc., 1996. – 240 p.
436. Sjöber L. The Perceived Risk of Terrorism // *Risk Management*. – 2005, №7. – P. 43–61.
437. Skoll G.R. *Social theory of fear: terror, torture, and death in a post-capitalist world*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. – 234 p.
438. Solan L.M., Tiersma P.M. *Speaking of Crime: The Language of Criminal Justice*. – Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2005. – 264 p.
439. Solan L.M., Tiersma P. M. Threats // *Speaking of Language and Law: Conversations on the Work of Peter Tiersma*. – New York: Oxford University Press, 2015. – P. 223–229.
440. Spears R., Doosje B., Ellemers N. Self-stereotyping in the face of threats to group status and distinctiveness: the role of group identification // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1997, Vol. 23. – P. 538–553.
441. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and cognition*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. – 294 p.
442. Stein J. G. Threat Perception in International Relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2-nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 364–394.
443. Storey K. The language of threats // *Forensic Linguistics*. – 1995, № 2 (1). – P. 74–80.
444. Sunstein C. R. Terrorism and probability neglect // *Journal of Risk and Uncertainty*. – 2003, № 26. – P. 121–136.

445. Tedeschi J.T., Schlenker B.R., Bonoma T.V. Conflict, Power, & Games: The Experimental Study of Interpersonal Relations. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1973. – 270 p.

446. Tompkinson J. Assessing the influence of phonetic variation on the perception of spoken threats. PhD thesis, University of York, 2018. – 319 p.

447. Townsend S.S.M., Major B., Sawyer P. J., Mendes W. B. Can the absence of prejudice be more threatening than its presence? It depends on one's worldview // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2010, № 99. – P. 933–947.

448. Traugott E. C. The conflict promises / threatens to escalate into war // *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – Berkeley: Berkeley linguistics soc., 1993. – P. 348–358.

449. Trier J. Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung // *Neue Jahressbuch für Wissenschaft und Jugendbildung*. – 1934, № 10. – S. 428–429.

450. Turner J.T., Gelles M.G. Threat assessment: A risk management approach. New York: Haworth Press, 2003. – 206 p.

451. Verbrugge S., Dieussaert K., Schaeken W., Belle W. van Promise is debt, threat another matter: The effect of credibility on the interpretation of conditional promises and threats // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. – 2004, № 58 (2). – P. 106–112.

452. Verhagen A. Sentimental conceptualization and linear order // *Cognitive Linguistics in the Redwoods*. – The Hague: Mouton de Gruyter, 1996. – P. 793–818.

453. Warren L.J., Ogloff J.R.P., Mullen P.E. The Psychological Basis of Threatening Behaviour // *Psychiatry, Psychology and Law*. – 2013, Vol. 20, No. 3. – P. 329–343.

454. Wat D., Kelly S., Llamas C. Inference of threat from neutrally-worded utterances in familiar and unfamiliar languages // *York Papers in Linguistics*. – 2013, №13. – P. 99–120.

455. Watzlawick P. Die erfundene Wirklichkeit. – München: Piper Verlag, 1981. – 326 p.
456. Weiman G. Terror on the Internet: the New Arena, the New Challenges. – Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2006. – 309 p.
457. Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. – Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.
458. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary*. – Sydney: Academic Press, 1987. – 487 p.
459. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. – Oxford; N.Y: Oxford UP, 1996. – 500 p.
460. Wunderlich D. *Sprechakte* // Maas U., Wunderlich D. *Pragmatik und sprachliches Handeln*. 3. korrig. Aufl. – Frankfurt/M.: Athenaion, 1974. – S. 69–188.
461. Wunderlich D. *Zur Konventionalität von Sprechhandlungen* // *Linguistische Pragmatik*. – Wiesbaden: Athenaion, 1975. – S. 11–58.
462. Wunderlich D. *Studien zur Sprechakttheorie*. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976. – 416 S.
463. Wundt M. *Griechische Weltanschauung*. – Leipzig: B. G. Teubner, 1910. – 130 S.
464. Wyer R.S., Srull T. K. *Handbook of social cognition*. Vol. 1. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984. – 320 p.
465. Yamanaka N. *On indirect threats* // *International Journal for the Semiotics of Law*. – 1995, № 8(2). – P. 37–52.
466. Young L. *The power of Language: How Discourse influences Society*. – London Oakville, CT: Equinox, 2006. – 325 p.
467. Zomeran M. van, Lodewijkx H.F.M. “‘Could this happen to me?’”: threat-related state orientation increases position identification with victims of random, “senseless” violence // *European Journal of Social Psychology*. – 2009, № 39. – P. 223–236.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Ю.Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 487 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд.. – М.: А Темп, 1994. – 907 с.
3. Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. *Lingua latina*. Латинско-русский словарь. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 376 с.
4. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
5. Cambridge Academic Content Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://dictionary.cambridge.org>
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>
7. Cambridge Essential English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org>
8. Collins American Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thesaurus.com>
9. Collins COBUILD Advanced English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com>
10. Collins English Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>
11. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/>
12. Duhaime's Criminal Law Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duhaime.org>
13. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com>
14. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com>

15. Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

16. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

17. Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thesaurus.com>

18. Webster's New World College Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com>

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bennet, 2019 – Michael Bennet «7,591 Words» Video Announcement. May 2, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/michaelbennet2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)
2. Biden, 2019 – Former Vice President Joe Biden Kickoff Rally in Philadelphia, PA. May 18, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.democracy-inaction.us/2020/biden/biden051819.html> (дата обращения 30.06.2020)
3. Biden, 2020 – Joe Biden Speech Transcript on Coronavirus: March 12, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-speech-transcript-on-coronavirus-march-12-2020> (дата обращения 06.07.2020)
4. Biden, 2020a – First 2020 Presidential Debate between Donald Trump and Joe Biden. September 30, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8788571/Full-transcript-Donald-Trump-Joe-Biden-debate.html> (дата обращения 30.03.2021)
5. Bloomberg, 2019 – Mike Bloomberg Announces 2020 Democratic Presidential Campaign. November 24, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/mikebloomberg2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)
6. Booker, 2019 – Cory 2020 Hometown Kickoff. April 13, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/corybooker2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)
7. Bullock, 2019 – Governor Steve Bullock Launches Presidential Campaign: “We Can Make A Better America, Together”. May 14, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/steve-bullock2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)
8. Bush, 2015 – Jeb Bush 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 15, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/jebbush2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

9. Buttigieg, 2019 – Mayor Pete Buttigieg Announces His Run for the Presidency. April 14, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/petebuttigieg2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

10. Carson, 2015 – Ben Carson 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 4, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/bencarson2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

11. Castro, 2019 – Remarks as Prepared for Delivery by the Honorable Julián Castro for 2020 Presidential Announcement. January 12, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/julian-castro2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

12. Chafee, 2015 – Transcript: Read Full Text of Gov. Lincoln Chafee's Campaign Launch. June 3, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/3908373/transcript-read-full-text-of-gov-lincoln-chafees-campaign-launch/> (дата обращения 26.04.2020)

13. Christie, 2015 – Chris Christie 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 30, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/chrischristie2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

14. Clinton, 2015 – Hillary Clinton 2016 Presidential Campaign Kickoff Speech. June 13, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/hillaryclinton2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

15. Clinton, 2016 – Read Hillary Clinton's Speech on Donald Trump and National Security. June 2, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/4355797/hillary-clinton-donald-trump-foreign-policy-speech-transcript/> (дата обращения 25.06.2020)

16. Clinton, 2016a – Hillary Clinton Speaks on Historic Victory. June 7, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.us/websites/2016/hillaryclinton060716website.htm> (дата обращения 24.06.2020)

17. Clinton, 2016b – Read Hillary Clinton's Speech Attacking Donald Trump's Economic Policies. June 22, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/4378959/hillary-clinton-raleigh-speech-economy/>

18. Clinton, 2016c – Hillary Clinton 2016 Convention Acceptance Speech. July 28, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/hillaryclinton2016conventionacceptance.htm> (дата обращения 26.04.2020)

19. Clinton, 2016d – Transcript of the First Presidential Debate between Hillary Clinton and Donald Trump. September 27, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/4508768/presidential-debate-trump-clinton-transcript/> (дата обращения 20.04.2020)

20. Clinton, 2016e – Transcript of the Second Debate between Hillary Clinton and Donald J. Trump. October 10, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/10/10/us/politics/transcript-second-debate.html> (дата обращения 20.04.2020)

21. Clinton, 2016f – Transcript of the Final Presidential Debate. October 19, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/4535247/presidential-debate-final-transcript/> (дата обращения 20.04.2020)

22. Cruz, 2015 – Ted Cruz 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. March 23, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/tedcruz2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

23. de Blasio, 2019 – Bill de Blasio "Working People First" Video Announcement. May 16, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/billdeblasio2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

24. Delaney, 2017 – John Delaney Speaks on Facebook Live From Hometown in New Jersey. July 29, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/johndelaney2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

25. Dickens, 2020 – Dickens C. Oliver Twist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 20.10.20).

26. Dreiser, 2020 – Dreiser T. Jennie Gerhardt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/> (дата обращения 20.10.20).

27. Dreiser, 2020b – Dreiser T. The Genius [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 20.09.20).

28. Dreiser, 2020c – Dreiser T. The Titan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 20.09.20).

29. Dreiser, 2020a – Dreiser T. The financier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.study.ru> (дата обращения 20.09.20).

30. Election results, 2020 – Election and voting information [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fec.gov/introduction-campaign-finance/election-and-voting-information> (дата обращения 15.12.2020)

31. Fiorina, 2015 – Carly Fiorina. I'm Running For President. May 4, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/03/09/im-running-for-president-may-4-2015/> (дата обращения 23.06.2020)

32. Gabbard, 2019 – Tulsi Gabbard 2020 Announcement Speech. February 2, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/tulsigabbard2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

33. Gillibrand, 2019 – Gillibrand delivers "brave wins" speech at Trump international. March 24, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/kirstengillibrand2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

34. Gilmore, 2015 – Jim Gilmore 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. July 29, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.4president.org/speeches/2016/jimgilmore2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

35. Graham, 2015 – Lindsey Graham 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 1, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/lindseygraham2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

36. Harris, 2019 – Kamala Harris in Oakland: “I’m running to be President of the people, by the people, and for all people.” January 27, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/kamala-harris2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

37. Hickenlooper, 2019 – John Hickenlooper Announcement Speech. March 7, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/johnhickenlooper2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

38. Huckabee, 2015 – Mike Huckabee 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 5, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/mikehuckabee2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

39. Inslee, 2019 – Jay Inslee 2020 Presidential Campaign Announcement Speech. March 1, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/jayinslee2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

40. Jindal, 2015 – Bobby Jindal 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 24, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/bobbyjindal2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

41. Johnson, 2016 – Gov Gary Johnson: “I am announcing my candidacy right now for the Libertarian nomination.” January 6, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com/FoxBusiness/status/684803818362515457> (дата обращения 24.06.2020)

42. Kasich, 2015 – John Kasich 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. July 24, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/johnkasich2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

43. Klobuchar, 2019 – Amy Klobuchar 2020 Announcement Speech. February 10, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/amyklobuchar2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

44. Lessig, 2015 – Larry Lessig Announces His Candidacy for President. September 9, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_dyXstfmbSk&feature=youtu.be (дата обращения 23.06.2020)

45. London, 2020 – London J. Martin Eden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org> (дата обращения 20.09.20).

46. London, 2020a – London J. White Fang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>. (дата обращения 20.09.20).

47. Messam, 2019 – Wayne Messam Launches Presidential Campaign, Proposal to Eliminate \$1.5 Trillion in Student Debt. March 12, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/waynemessam2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

48. Moulton, 2019 – Seth Moulton Announces Candidacy for President. April 22, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/sethmoulton2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

49. Ojeda, 2018 – Richard Ojeda Announces Presidential Run After Losing House Race. November 12, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/richard-ojeda-running-for-president_n_5be9df38e4b0caeec2bc8483 (дата обращения 05.07.2020)

50. O'Malley, 2015 – Martin O'Malley 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 30, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.4president.org/speeches/2016/martinomalley2016announcement.htm>
(дата обращения 26.04.2020)

51. O'Rourke, 2019 – Beto O'Rourke Officially Launches Presidential Campaign with over 6,000 Grassroots Supporters in El Paso. March 30, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/betoorourke2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

52. Pataki, 2015 – George Pataki 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 28, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/georgepataki2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

53. Patrick, 2019 – Former Massachusetts Gov. Deval Patrick is running for president. November 14, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2019/11/14/20963627/former-massachusetts-governor-deval-patrick-is-running-for-president> (дата обращения 30.06.2020)

54. Patrick, 2020 – Read Deval Patrick's letter to supporters announcing the end of his presidential campaign. February 12, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.boston.com/news/politics/2020/02/12/deval-patrick-dropping-out-letter> (дата обращения 30.06.2020)

55. Paul, 2015 – Rand Paul 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. April 7, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/randpaul2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

56. Perry, 2015 – Rick Perry 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 4, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/rickperry2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

57. Presidential debate, 2020 – Presidential debate: Trump and Biden trade insults in chaotic debate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54350538>(дата обращения 09.07.2021)

58. Rubio, 2015 – Marco Rubio 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. April 13, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/marcorubio2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

59. Ryan, 2019 – Democratic Presidential Candidate Rep. Tim Ryan's First Presidential Rally in Youngstown. April 6, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/timryan2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

60. Sanders, 2015 – Bernie Sanders 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 26, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/berniesanders2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

61. Sanders, 2016 – Read Bernie Sanders' Speech to Supporters. June 16, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time.com/4372673/bernie-sanders-speech-text-read-transcript/> (дата обращения 26.04.2020)

62. Sanders, 2019 – Bernie Sanders to Run for President on Promise to Transform the Country. March 2, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/berniesanders2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

63. Santorum, 2015 – Rick Santorum 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. May 27, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/ricksantorum2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

64. Sestak, 2019 – Joe's In: Former Congressman, 3-Star Admiral Sestak announces campaign for President. June 22, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/joesestak2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

65. Silitoe, 2020 – Silitoe A. Key to the door [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.royallib.com> (дата обращения 20.09.20).

66. Steyer, 2019 – Tom Steyer "Fundamental Change" 2020 Presidential Campaign Announcement Video. July 9, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/tomsteyer2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

67. Swalwell, 2019 – Eric Swalwell Hometown Rally in Dublin, CA on Sunday, April 14, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/ericswalwell2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

68. Trump, 2015 – FOX News "The Record". Transcript: On ISIS, Trade, and Possible Presidential Bid. February 27, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foxnews.com/transcript/2015/03/02/trump-obama-obviously-doesnt-netanyahu-and-netanyahu-obviously-doesnt-obama-and-israel-is/> (дата обращения 26.04.2020)

69. Trump, 2015a – Donald Trump 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. June 16, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/donaldtrump2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

70. Trump, 2016 – Donald Trump's Speech After Winning New Jersey. June 7, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://time.com/4360872/donald-trump-new-jersey-victory-speech-transcript> (дата обращения 26.06.2020)

71. Trump, 2016a – Donald J. Trump Statement Regarding Tragic Terrorist Attack in Orlando, Florida. June 12, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/donald-j-trump-statement-regarding-tragic-terrorist-attacks> (дата обращения 26.06.2020)

72. Trump, 2016b – Trump D.J. Republican Nomination Acceptance Speech. July 21, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/donaldtrump2016acceptance.htm> (дата обращения 26.04.2020)

73. Trump, 2016c – Transcript of the First Presidential Debate between Hillary Clinton and Donald Trump. September 27, 2016 [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://time.com/4508768/presidential-debate-trump-clinton-transcript/> (дата обращения 20.04.2020)

74. Trump, 2016d – Trump: Clinton Yesterday, We're Tomorrow. October 4, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/trump-clinton-yesterday-were-tomorrow> (дата обращения 26.06.2020)

75. Trump, 2016e – Transcript of the Second Debate between Hillary Clinton and Donald J. Trump. October 10, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/10/10/us/politics/transcript-second-debate.html> (дата обращения 20.04.2020)

76. Trump, 2016f – Trump's Game Changing Gettysburg Speech, Full Text. October 22, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://beforeitsnews.com/u-s-politics/2016/10/trumps-game-changing-gettysburg-speech-oct-22-2016-full-text-2511471.html> (дата обращения 26.04.2020)

77. Trump, 2019 – President Donald J. Trump Campaign Launch Rally. June 18, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.democracynaction.us/2020/trump/trump061819sp.html> (дата обращения 03.07.2020)

78. Trump, 2019a – NBC "Meet the Press". Transcript: Interview with President Trump. June 23, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/meet-the-press/meet-press-6-23-n1020766> (дата обращения 28.06.2020)

79. Trump, 2020 – Donald Trump New Hampshire Rally Transcript. February 10, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-new-hampshire-rally-february-10-2020> (дата обращения 26.04.2021)

80. Twain, 2020 – Twain M. The Adventures of Tom Sawyer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.online-literature.com> (дата обращения 20.09.20).

81. Walker, 2015 – Scott Walker 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. July 13, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.4president.org/speeches/2016/scottwalker2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

82. Warren, 2019 – Elizabeth Warren Announces Presidential Run in Lawrence, Massachusetts. February 9, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/elizabethwarren2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

83. Webb, 2015 – Jim Webb 2016 Presidential Campaign Announcement Speech. July 2, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2016/jimwebb2016announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

84. Weld, 2019 – Bill Weld Announces Candidacy For President Of The United States of America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/billweld2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

85. Williamson, 2019 – Marianne Williamson 2020 Anouncement Speech. January 28, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://awrc.cattcenter.iastate.edu/2019/11/27/presidential-campaign-announcement-jan-29-2019/> (дата обращения 09.07.2020)

86. Yang, 2018 – Yang Keynote at Phillips Exeter Academy in New Hampshire (Full Text). February 2, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4president.org/speeches/2020/andrewyang2020announcement.htm> (дата обращения 26.04.2020)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

CACD – Cambridge Academic Content Dictionary

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus

CAT – Collins American Thesaurus

CEED – Cambridge Essential English Dictionary

CET – Collins English Thesaurus

COBUILD – Collins Cobuild Advanced Dictionary

COCA – Corpus of Contemporary American English

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English

OAAD – Oxford Advanced American Dictionary

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary

WNWCD – Webster's New World College Dictionary

Law Dictionary – Duhaime's Criminal Law Dictionary

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И СВОЙСТВА ВЕРБАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ УГРОЗЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

№ п/п	Глагол	Интегративный компонент «наступление негативных последствий»						Семантические признаки											
		Сема «совершение чего-либо неприятного»	Сема «совершение чего-либо плохого»	Сема «причинение боли, вреда или беспокойства»	Сема «осуществле- ние наказания»;	Сема «источник воз- можной опасности»	Сема «разрушение чего-либо»	Релятивность	Акциональность	Целенаправленность	Побудительность	Локутивность	Менасивность						
													Свойство -1	Свойство -2	Свойство -3	Свойство -4	Свойство -5	Свойство -6	
1	THREATEN	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Abuse	+(cruel)	+	+	-	-	+	+	+	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0
3	Admonish	+(wrong, warn)	+(wrong, seriously, severely, warn)	+(wrong, warn)	+(warn)	+(warn)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	
4	Augur	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0	

5	Awe	+ (to be afraid)	+(frightened)	+ (to be afraid, frightene)	-	+ (to be afraid)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
6	Badger	-	+ (annoy)	+ (torment, annoy)	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
7	Blackmail	+ (force)	-	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
8	Bluster	+ (force)	+ (angry)	+ (angry)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
9	Browbeat	+ (force, fear)	+ (fear)	+ (fear)	-	+ (fear)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
10	Bulldoze	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
11	Bully	+ (fear)	+ (fear)	+	-	+ (fear)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
12	Bullyrag	-	-	+ (bully)	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
13	Caution	+ (warn)	+ (warn)	+	+ (warn)	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
14	Coerce	+ (force)	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
15	Comminate	-	+ (curse)	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
16	Compromise	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
17	Cow	+ (fear)	+	+(fear)	-	+ (fear)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
18	Daunt	+ (worried, fear)	+ (fear)	+ (worried, fear)	-	+ (fear)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
19	Dishearten	-	+ (discourage)	-	-	-	+ (lose)	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0

20	Dismay	+ (worried, shocked)	+ (disappointed)	+ (worried)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
21	Domineer	+ (harsh, arrogant)	-	+ (harsh)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
22	Dragoon	+ (force, harass)	-	+ (harass)	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
23	Endanger	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
24	Enforce	+ (force)	-	-	+	-	-	+	+	+	+	-	0	0	0	0	0	0
25	Force	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
26	Forebode	+ (presen- timent)	+	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-
27	Foreshadow	+ (warn)	+ (warn)	+ (warn)	+ (warn)	+ (warn)	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0
28	Forewarn	+	+	+ (warn)	+ (warn)	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
29	Frighten	+ (fear)	+ (fear)	+ (fear, nervous)	-	+ (fear)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
30	Fulminate	-	+ (criticize, angry)	+ (angry)	-	-	-	+	+	+	-	+	0	0	0	0	0	0
31	Growl	-	+ (angry)	+ (angry)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
32	Hector	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	0	0	0	0	0	0
33	Impend	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0

34	Imperil	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
35	Intimidate	+ (fear)	+ (fear)	+ (fear)	-	+ (fear)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
36	Jeopardize	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	-	0					
37	Loom	+	-	+ (worried)	-	-	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0
38	Lurk	+	+	-	-	+	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
39	Menace	-	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	0	0	0	0	0	0
40	Oppress	+ (worried, uncomfort- able)	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
41	Overawe	+ (fear)	+ (fear)	+ (fear)		+ (fear)		+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
42	Overbear	+(dominate)	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
43	Portend	+	+	+ (warn)	+(warn)	+ (warn)	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0
44	Presage	+	+	+ (warn)	+ (warn)	+ (warn)	-	+	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0
45	Press-gang	+ (force)	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
46	Pressure	-	-	+ (strong)	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
47	Pressurize	+ (force)	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
48	Railroad	+ (force)	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
49	Scare	+ (fear)	+ (fear)	+ (fear)	-	+ (fear)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
50	Scowl	-	+ (angry, an- noy)	+(angry, annoy)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0

51	Snarl	-	+(angry)	+(angry)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
52	Spook	+(fear)	+(fear)	+(fear)	-	+(fear)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
53	Subdue	+(force)	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
54	Terrorize	+(fear)	+(fear)	+	-	+(fear)	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
55	Torment	+(worried)	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
56	Tyrannize	+(cruel)	-	+(cruel)	-	-	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
57	Unnerve	+(fear)	+(fear)	+	-	+(fear)	-	+	+	+	-	-	0	0	0	0	0	0
58	Warn	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+

Условные обозначения:

- знак «+» обозначает наличие семантического признака в структуре значения глагола;
- знак «-» обозначает отсутствие семантического признака в структуре значения глагола;
- знак «0» обозначает нерелевантность семантического признака для структуры значения глагола;
- знак «+ (лексема английского языка)» обозначает наличие периферийной семы в структуре значения глагола.
- свойство-1 – затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации;
- свойство-2 – несимметричность отношений между носителем и объектом каузации;
- свойство -3 – причинно-следственная (условно-следственная) связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной (условием) его совершения;
- свойство-4 – обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации;

- свойство-5 – обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия;
- свойство-6 – отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации.

Примечание. Глаголы лексико-тематического пространства угрозы перечислены в таблице в алфавитном порядке, однако первую позицию занимает фреймообразующий глагол «*threaten*». В таблице представлены только те семы глаголов, которые являются вариантами интегративного компонента «натупление негативных последствий».

Приложение 2.

Тактико-стратегическая реализация предвыборных высказываний-угроз в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США 2016 года

Кандидаты на пост Президента США	Количество высказываний-угроз	MT _{int}	Стратегия композиционного распределения высказываний-угроз	Количество слов, маркирующих высказывания-угрозы	Количество слов в выступлении политика	iM	MT
Хилари Клинтон	46	-38	равномерно	778	4698	6,04	MT-3
Линдси Грэм	44	-9	равномерно	723	1856	2,57	MT-1
Дональд Трамп	42	-50	равномерно	572	1178	2,06	MT-3
Берни Сандерс	35	-16	равномерно	772	3413	4,42	MT-1
Рэнд Пол	34	+1	равномерно	570	2749	4,82	MT-1
Бобби Джиндал	33	-22	неравномерно	599	2372	3,96	MT-2
Джордж Патаки	29	-5	неравномерно	554	2735	4,94	MT-2
Майк Хакаби	25	-7	неравномерно	643	3155	4,91	MT-2
Скотт Уокер	25	+26	неравномерно	480	3079	6,41	MT-1
Крис Кристи	24	-3	неравномерно	605	3723	6,15	MT-1
Джон Кейсик	21	-33	неравномерно	248	5326	21,48	MT-3

Рик Перри	20	-21	неравномерно	455	2761	6,07	MT-2
Тед Круз	19	+16	неравномерно	403	2367	5,87	MT-2
Джеймс Гилмор	18	-25	равномерно	384	1531	3,99	MT-1
Мартин О'Мэлли	18	-17	равномерно	431	2175	5,05	MT-3
Линкольн Чейфи	15	-18	равномерно	248	1664	6,71	MT-2
Джеб Буш	14	-4	неравномерно	229	2219	9,69	MT-2
Лоуренс Лессиг	14	-3	равномерно	278	2059	7,41	MT-1
Джим Уэбб	11	+1	равномерно	207	2057	9,94	MT-1
Рик Санторум	10	12	неравномерно	212	1848	8,72	MT-1
Марко Рубио	8	-7	равномерно	240	1825	7,60	MT-3
Гэри Джонсон	8	-13	равномерно	199	671	3,37	MT-1
Бен Карсон	2	+1	равномерно	55	516	9,38	–
Карли Фиорина	2	+3	равномерно	77	178	2,31	–
	517	-231		9962	56155	5,63	

Условные обозначения: см. приложение 3.

Приложение 3.

Тактико-стратегическая реализация предвыборных высказываний-угроз в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США 2020 года

Кандидаты на пост Президента США	Количество высказываний-угроз	MT _{int}	Стратегия композиционного распределения высказываний-угроз	Количество слов, маркирующих высказывания-угрозы	Количество слов в выступлении политика	iM	MT
Дональд Трамп	49	-39	неравномерно	875	7507	8,58	MT-3
Марианн Уильямсон	47	-98	неравномерно	928	6793	7,32	MT-3
Уэйн Мессам	45	-49	равномерно	1065	4672	4,39	MT-2
Элизабет Уоррен	40	+12	равномерно	673	3695	5,49	MT-3
Тулси Габбард	31	+4	неравномерно	670	2705	4,04	MT-3
Камала Харрис	29	-55	неравномерно	453	2803	6,19	MT-3
Джо Байден	28	-37	равномерно	471	2991	6,35	MT-2
Кори Букер	25	+2	неравномерно	482	2905	6,03	MT-3
Пит Буттиджич	25	-25	неравномерно	535	3563	6,66	MT-3
Джей Инсли	24	-36	равномерно	509	2472	4,86	MT-3

Кирстен Джиллибранд	24	-21	равномерно	458	2890	6,31	MT-1
Эрик Суолуэлл	24	-1	неравномерно	406	5286	13,02	MT-2
Хулиан Кастро	21	-16	равномерно	331	2489	7,52	MT-2
Бето О'Рурк	20	-14	неравномерно	791	4001	5,06	MT-1
Джо Сестак	19	-23	равномерно	524	2794	5,33	MT-2
Майкл Блумберг	18	5	равномерно	306	1041	3,40	MT-1
Джон Хикенлупер	13	-12	неравномерно	161	1980	12,30	MT-2
Тим Райан	13	-22	равномерно	258	1815	7,03	MT-1
Берни Сандерс	12	+3	равномерно	349	1519	4,35	MT-1
Джон Делейни	12	-8	равномерно	269	1802	6,70	MT-1
Эми Клобучар	12	-14	неравномерно	283	2547	9,00	MT-1
Билл де Блазио	7	+4	равномерно	111	431	3,88	MT-1
Майкл Беннетт	7	-6	равномерно	102	618	6,06	MT-2
Сет Молтон	7	-1	неравномерно	99	582	5,88	MT-1
Стив Буллок	7	0	равномерно	125	459	3,67	MT-1
Том Стейер	5	+1	равномерно	86	582	6,77	MT-2
Деваль Патрик	4	-2	равномерно	108	154	1,43	–

Эндрю Ян	3	-3	неравномерно	47	994	21,15	–
Уильям Велд	2	+3	равномерно	25	100	4,00	–
Ричард Охеда	1	+1	-	13	599	46,08	–
	574	-447		11513	72789	6,32	

Условные обозначения:

МТ-1 – МТ *нагнетания* политиком дискомфорта эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия;

МТ-2 – МТ *дисперсного* (последовательного) прагма-эмоционального воздействия политика на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей;

МТ-3 – МТ *точечного «удара»* политика по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей;

Знак «–» используется для обозначения выступлений политиков, в которых МТ не определяется, так как выступление содержит менее 5 высказываний-угроз;

MT_{int} – показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия практик-угроз на избирателей;

iM – индекс менасивности предвыборного выступления политика.